

DAR

W.P.

Magistratu m. Łodzi
po składowiach i redn. rozpisak.

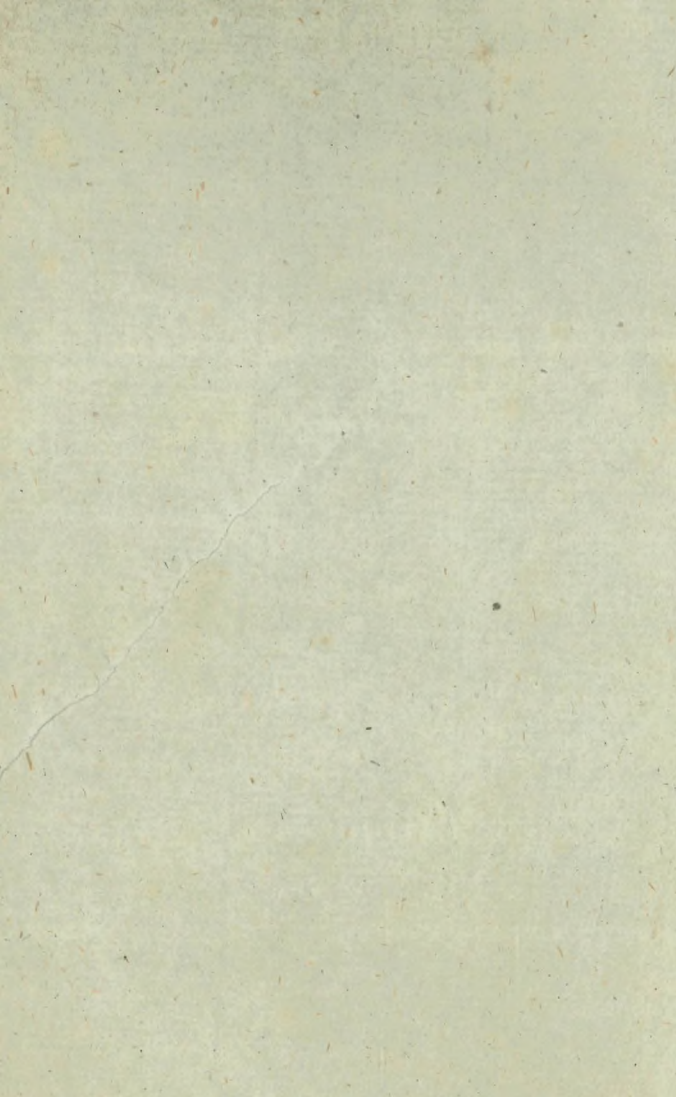
Dla Biblioteki Publicznej

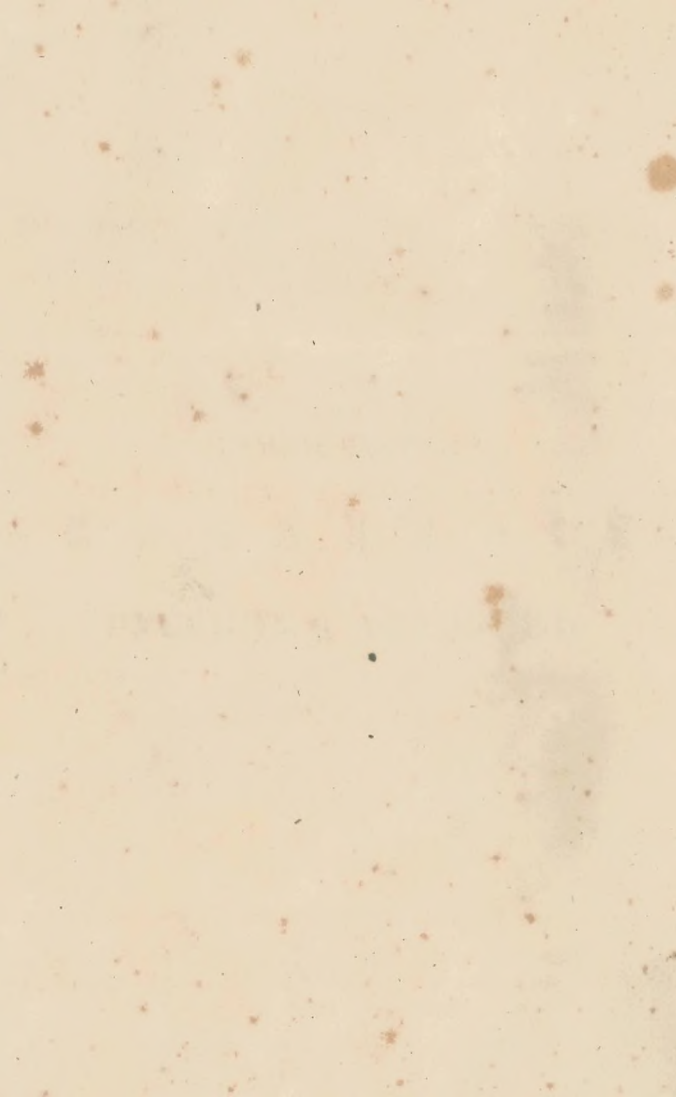
w Łodzi

18/VIII-19

ПЕЧАТЪ КОМПАНИИ

О. А. Н. Е. Н. О.

ВЪ СТОЛИЦѢ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ВЪ ПЕЧАТѢ ИЗДАНЫ СЪ ПОЗВОЛЕНІЕМЪ
СВЯТЫХЪ СЛАВЯНО-ГРАММАТИЧЕСКИХЪ
УЧИЛИЩЪ МОСКОВСКОГО ЦАРИЦЫНО
УЧИЛИЩНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УЧИЛИЩА И МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-п.-бургъ, 19 сентября 1850.

Исправляющій должность Ценсора *В. Лангеръ.*

Руб. 19

brant
62

СОЧИНЕНИЯ

Д Е Р Ж А В И Н А .

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Издание Александра Смирдина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1851.

201557

162063

Цѣна за два тома два рубля серебромъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

къ

СОЧИНЕНИЯМЪ ДЕРЖАВИНА.

Томъ II.

№	СТР.
СХІХ. Альбаумъ.	171
IV. Амуръ и Псишея	13
LXXIV. Анакреоново удовольствіе	108
XX. Анакреонъ въ собраніи	46
XXIX. Анакреонъ у печки	56
LIX. Арфа	85
CXXX. Аспазіи	189
XC. Бабочка	125
CXLIV. Басня, написанная въ Калугъ	215
XVII. Бесѣда съ Геніемъ.	43
CXIII. Блаженство супруги	154
XLVIII. Богатство.	75
XXXIII. Бой.	60
LVIII. Варюшка	84
XXXVIII. Венеринъ Судъ.	65
LI. Виша	77
LXXXVII. Вниманіе	122
CXXIII. Водометъ	176
X. Возвращеніе Весны	21
CXXVII. Волховъ Кубрь.	182
LXXXIII. Всемиль	115

№	СТР.
СII. Вѣрь	136
СХХIV. Вѣнецъ безсмертія	177
ХVI. Вѣнчаніе Лея	40
XXX. Геркулесь	57
LXXXV. Гимнъ Сафы Венерѣ	118
LXXXVIII. Гитара	123
LXXI. Голубка	103
I. Горки	77
XLIX. Горы	76
XXXV. Горючій ключъ	62
XLIII. Гостю	70
LXXVII. Графинѣ Орловой	110
XLI. Даръ	68
СLIX. Дежурство	782
LXXVIII. Деревенская жизнь	110
СLI. Добрыня. Театральное представленіе	303
XLIV. Другу	71
СХ. Дѣтямъ на комедію ихъ и маскарадъ	150
XLII. Желаніе	69
СХХII. Задумчивость	175
LXX. Заздравный орелъ	101
СХХIX. Зима	187
СLIV. Иродъ и Маріамна. Трагедія	511
XXVII. Крезовъ Эроть	53
LXXXIV. Кружка	116
XCI. Кузнечикъ	125
XXXIV. Купидонъ	61
СLIII. Кутерьма отъ Кондратьевъ. Комедія	489
XIX. Къ Анжеликѣ Кауфманъ	45
СХХХII. Къ Бахусу	192
V. Къ Граціямъ	14
СIV. Къ добродѣтельной красавицѣ	137
XXXVI. Къ женщинамъ	63
СХХV. Къ красавцу	179
СХХХIII. Къ Лидіи	194
XXII. Къ Лирѣ	48
СIII. Къ матери, которая сама воспитываетъ дѣтей своихъ	137

№	СТР.
СХХХІ. Къ Меченату	191
VIII. Къ Музѣ	19
XXIII. Къ самому себѣ.	49
XXIV. Къ Софіи	50
XXVIII. Къ Эвтерпѣ	54
LXXII. Лизѣ. Похвама розѣ	105
СХІV. Лучъ	134
ХСII. Любушкѣ	126
XXXII. Люси	59
LXXVI. Махiавель	109
LII. Мельникъ.	78
XVIII. Мечта	44
СХII. Мои Граціи	153
LXXV. Мореходецъ	108
ХСVIII. Мщеніе	132
СХI. На балетъ Зефиръ и Флора	151
XXVI. На бракъ графини Литты	51
XIV. На брачныя торжества	36
СХХХVIII. На красавицу	198
ХСVIII. На пастушій балетъ	131
СХХХVI. На птичку.	197
LX. На разлуку	87
III. На рожденіе въ Сѣверѣ Порфиророднаго Отрока.	9
CVIII. Невѣстѣ	147
СХLI. Незабудочка.	213
LXXXII. Нинѣ	114
СХХVI. Новоселье молодыхъ	180
СХVIII. Обитель Добрады	159
LXXX. Объявленіе любви.	112
CLVII. Ода на день рожденія Ея Величества 1774 года	773
CLVIII. Ода на смерть Фельдмаршала Князя Смоленскаго	779
CLVI. Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагарѣ :	
1) На ласкательство	750
2) На порицаніе.	754

№	СТР.
3) На постоянство	739
4) Къ Мовтерпию	762
5) На великость	763
6) На знатность	770
CLX. О, какъ великъ Наполеонъ	784
CXLIИ. Оковы	213
CXLVII. Описаніе торжества по случаю взятія Измаила	239
CXLIИ. Отвѣтъ Державина Евгению	793
LXXIX. Охотникъ	111
ХCV. Парашѣ	72
CVII. Пени	144
CXXXIX. Первая пѣснь Пиндара пиѳическая	198
LXVII. Пикники	96
CXL. Пиндарова олимпическая первая пѣснь	206
XLVI. Пиррѣ	73
CLXII. Письмо Державина къ Евгению	792
CLXIV. Письмо Державина къ Нестерову	797
LXXXI. Пламидѣ	113
CXVI. Плачъ Царицы	137
XCIV. Плъвникъ	128
VII. Побѣда красоты	17
CLII. Пожарскій, въ четырехъ дѣйствіяхъ	403
CXXXIV. Полигимнии	193
CXVIII. Поминки	170
XLVII. Портретъ Варюши	74
CXX. Посылка плодовъ	173
XXV. Потопленіе	31
XI. Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго мо- настыря	23
CIX. Препятствіе къ свиданію съ супругою	148
CXV. Признаніе	136
LXIII. Призываніе и явленіе Плъвниры	90
II. Приношеніе красавицамъ	8
IX. Пришествіе Феба	20
CXXI. Прогулка	174
CXLIX. Прологъ аллегорическій на рожденіе въ Сѣверѣ Любви	279

№	СТР.
CXLVI. Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ театра и училища	223
CL. Прологъ на рожденіе въ Сѣверѣ Порфи- ророднаго Отрока	287
LIII. Птицеловъ	79
XXXI. Пчела	38
LV. Пѣвочка	81
LVII. Пѣснь Баярда	83
XII. Развалины	31
LXVIII. Разныя вина	97
CLV. Разсужденіе о лирической поэзіи, или объ одѣ	611
С. Распускающаяся роза	134
CXLVIII. Родственное празднество Вяземскихъ	273
XXXIX. Рожденіе Красоты	65
XIII. Рожденіе Любви	35
LVI. Русскія дѣвушки	82
LXIV. Сафо	92
CVI. Сафы. Второй переводъ	143
LXV. Сафъ	92
XCVI. Свобода	130
CXLII. Синичка	214
XL. Скромность	68
CLXI. Слепой случай	784
XXXVII. Соловей во снѣ	64
CV. Соломонъ и Суламита	138
XXI. Спящій Эротъ	47
XCIII. Старикъ	127
LIV. Стрѣлокъ	80
LXXXVI. Тишина	121
LXVI. Тонцію	93
CXLV. Торжество восшествія на престолъ Им- ператрицы Екатерины II.	217
XCIV. Фалконетовъ купидонъ	129
LXIX. Философы, пьяный и трезвый	98
VI. Хариты	16
LXXXIII. Хмель	107
CXXXVII. Хоръ сельскихъ дѣвушекъ	197

№	СТР.
I. Царь-дѣвица	1
SXXVIII. Цирцея	184
LXI. Цыганская пляска	88
LXII. Цѣпи	89
CI. Цѣпочка	135
SXXXV. Черта къ біографіи Державина	196
XCIX. Чечотка	133
LXXXIX. Шуточное желаніе	124
XV. Явленіе Аполлона и Дафны на невскомъ берегу	38

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

I.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Царь жила-была Дѣвица
— Шепчетъ русска старина —
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна;

Очи свѣтлы, голубыя;
Брови черныя дугой,
Огнь — уста, власы — золотыя,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной;

Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ,
Какъ эфиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася любовь.

Родилась она въ сорочкѣ,
Самой счастливой порой,
Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей.

Кочетъ хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ:
«Сѣверной звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.»

Маковка злата церковна
Какъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно —
Съ страхомъ чтить ее, дивясь;
Къ ней прійти необычайно
Было, не перекрестясь.

На нее смотрѣть не смѣли
И великіе цари:
За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри;

И Полканы всюду чудны
Домъ стрegli ея и тронъ;
Съ колоколень самогудный
Слышался и ночью звонъ;

Теремъ былъ ея украшенъ
Въ солнцахъ, въ мѣсяцахъ, въ звѣздахъ;
Отливались блески съ башень
Во осьми ея моряхъ;

Въ рощахъ злчныхъ въ лукоморьѣ
Въявь гуляла и въ саду,
Лѣтомъ въ лодочкѣ, на взморьѣ,
На санкахъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь, крутился,
Чувъ Дѣвицу-ѣздока;
Полкъ за нею Нимфъ тащился
По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быстроногихъ
Страсть была ея гонять,
Гладить ланей златорогихъ
И деревъ подъ тѣнью спать.

Ей ни мошки не мѣшали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо вѣтерки порхали,
Чтобъ ее лишь обвѣвать.

И по вѣткамъ птички райски,
Скакиваль заморскій котъ,
Пѣли соловьи китайски
И жужжукаль водо метъ.

Статно стоя, няньки, мамки
Одалъ смѣли чуть дышать,
И бояръ къ ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допускать.

Съ ними такъ она вѣщала,
Какъ изъ облакъ Божество;
Лежа, царствомъ управляла,
Ихъ журия за шаловство.

Иногда же и тазала
Не однимъ ужъ язычкомъ:
Если больно разсерчала,
То по кудрямъ башмачкомъ.

Всѣ они Царя-Дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня;
Крыли, прятали ихъ лица
Отъ малѣйшаго пятна,

И безъ памяти любили,
Что безхитростна была;
Ей неправдъ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золотыя,
Сплошь низала жемчугомъ;
Маслила брады сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жить давала всѣмъ въ раздольѣ:
Плавали, какъ въ маслѣ сырѣ,
Ѣдила на богомолье, —
Божествомъ ее всякъ чтилъ.

Всѣ поля ея златились
И шумѣли подъ серпомъ,
Тучныя стада водились,
Горы капали серебромъ.

Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣе нѣтъ.

Стиходѣи ту жъ бряцали
И на гусяхъ милу ложь;
Въ царствахъ иныхъ повторяли
О Царѣ-Дѣвицѣ тожь.

И отъ этого-то грому
Поднялись къ ней женихи
Вереницей къ ея дому,
Какъ фазаньи пѣтухи.

Царствъ за тридевять мудруя,
Вымышляли, какъ хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
Къ ней боялись подступить.

На слонахъ и на верблюдахъ
Ханъ иной дары ей шлетъ,
Подъ ковромъ на хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самоцвѣтъ;

Тотъ эдемскаго индѣя,
Гребень — звѣздъ на немъ нарость,
Пурпуръ — крылья, яхонтъ — шея,
Изумрудный — зобъ и хвостъ;

Колпикъ алы черевички
Несъ — съ бандорой тотъ плясать;
Горлицъ нѣжныя яички, —
Нѣжно пѣть и воздыхать.

Но она имъ не склонялась;
Набожна была чрезчуръ:
Только въ шуткахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь,

Иль велѣла имъ трудиться:
Яблокъ райскихъ ей искать,
Хохликъ солнцевъ, чтобъ свѣтиться,
Въ тмѣ вѣкъ младостью блистать.

Но они понадорвали
Свой животъ и стали въ пень;
Что искали, — не сыскали
И исчезли будто тѣнь.

Тутъ откуда ни явился
Царь, царевичъ, или круль;
Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ;

По бедру коня хлестъ задню,
И въ тотъ мигъ невидимъ сталъ, —
Шастъ къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню,
И ее поцѣловалъ.

Хоронилася платочкомъ
И ворчала хотъ въ сердцахъ;
Но какъ въ слѣдъ его окошкомъ
Хлопнула, — вскричала: ахъ!

Конь къ тому жъ въ пути обратномъ
Тронулъ сѣтъ садовыхъ струнъ:
Градъ позналъ въ семъ звукѣ страшномъ,
Что былъ дерзокъ Маркобрунъ.

Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ
Отъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухѣ, нависломъ,
Ревъ завылъ и по церквямъ.

Кличъ прокликали въ столицѣ
И гонцы всѣмъ дали вѣсть,
Чтобъ скакать къ Царю-Дѣвицѣ
И, служа ей, мстить за честь.

Заскрипѣли двери ржавы
Оружейницъ древнихъ лѣтъ;
Воспрянули мужи славы
И среди пустынныхъ мѣстъ.

Правятъ снасти боевыя,
И булатъ, и сталь острятъ;
Старые орлы, сѣдые
Съ соколами въ бой летятъ;

И свирѣпы кони въ стойлахъ
Топаютъ, храпятъ и ржутъ,
На холмахъ и на раздольяхъ
Пыль вздымаютъ, пѣну льютъ;

Въ слухъ пищали стѣнобойны,
Растворя чугунны рты,
Воютъ въ часъ полночный, сонный,
Чтобъ скорѣй въ походъ идти.

Идетъ въ шкурахъ рать звѣриныхъ,
Съ дубомъ, съ пращей, съ кистенемъ;
Въ перьяхъ птичьихъ, въ кожахъ рыб-
ныхъ,

И какъ холмъ течетъ чрезъ холмъ;

Занимаетъ степи, луги
И насадами моря,
И кричитъ: «Помремте, други,
За Дѣвицу и Царя!

«Не плѣнила золотомъ, сбойствомъ
Насъ она, ни серебромъ,
Но лишь дѣвичьимъ геройствомъ,
Здравымъ и простымъ умомъ.»

И такъ сими вождь рѣчами
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Что поднявъ бугры плечами,
Растрепали круля въ пухъ;

И еще въ его бы царствѣ
Только разъ одинъ шагнуть,
Свѣта бѣ не было въ пространствѣ,
Чѣмъ его и вспомануть.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась рѣкѣ;
Онъ дрожалъ ея перуна
И въ своемъ ужѣ чердакѣ.

Но какъ онъ Царя-Дѣвицы
Нѣжный правъ довольно зналъ;
Сталъ пастухъ — и гласъ цѣвницы
Часто ей своей ввухалъ.

«Виновать», пѣлъ: «предъ тобою,
Что прекрасна ты, мила.
Сердце тронь мое рукою.»
— «Сядь со мной!» она рекла....

Такъ и всѣ красотки славны
Дерзостей не могутъ несть;
Всѣ бываютъ своеправны,
Любятъ жены, дѣвы честь.

II.

ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ. (1)

Вамъ, красавицы младыя,
И супругѣ въ даръ моей,
Пѣсни Лея золотыя
Подношу я въ книжкѣ сей.

Нравиться ужъ я безсиленъ
И копьемъ, и сайдакомъ,
Дуренъ, старъ и не умиленъ:
Бью стихами вамъ челомъ;
Бью челомъ, — и по морозамъ
Коль вы ѣздите въ саняхъ,
Лѣтомъ ходите по розамъ,
По лугамъ и муравамъ:
То и праха не лобзаю
Я прелестныхъ вашихъ ногъ;
Чувства тѣ лишь посвящаю,
Что любви всесильный богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень
Въ душу силу влилъ огня:
Сыплють искры — снѣгъ и камень
Подъ стопами у меня.

(¹) Вторая супруга автора озабочена была недостаткомъ денегъ на отдѣлку сада въ петербургскомъ его домѣ. Державинъ, шутя, отвѣчалъ ей, чтобъ она не скучала, потому что *денегъ дадутъ ему музы*: вскорѣ за симъ началъ онъ писать анакреонтическія пѣсни, и поднесъ ихъ женѣ своей и другимъ красавицамъ. Анакреонтическія пѣсни доставили денегъ съ избыткомъ на украшеніе сада.

III.

НА РОЖДЕНІЕ НА СѢВЕРѢ
ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА. (¹)

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,

Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихова старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ,
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рождень.
Родился, — и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъдохнулъ — и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъвоззрѣлъ — и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъвскричалъ — и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъпростеръ лишь дѣтски руки, —

Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки, —
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньѣ
Растворенъ судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьѣ:
Знать, родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ, —
Каждый геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ Ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляючи Царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
«Будь страстей твоихъ владѣтель;
Будь на тронѣ чловѣкъ!»

Всѣ крылами восплескали;
Каждый геній восклицалъ:
«Се божественный,» вѣщали,
«Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ всему полезный міру!
Даръ добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто приѣмлетъ съ Нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!» —
«Будетъ» — и Судьбы гласили:
«Онъ Монархамъ образецъ!»
Лѣсъ и горы повторили:
«Утѣшеніемъ сердець!» —
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣна преклоненна,
Въ руки Отрока взяла;
Воспріавъ Его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста;
Въ Немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ Его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ Онъ возжегъ:
Возрастай, Дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты Родителямъ во всемъ;
Съ Ихъ Ты Матерью равняясь,
Соравняйся съ Божествомъ!...

(¹) Стихи сіи изображаютъ рожденіе Императора Александра, послѣдовавшее 1777 года декабря 12 дня. Въ сей день совершается поворотъ солнца къ лѣту. Держа-

винъ сочинилъ на сей случай оду въ самый годъ рожденія Александра; но какъ она написана въ подражаніе Ломоносову, то и не была напечатана. Стихи же «На рожденіе Порфиророднаго Отрока» написаны Державинымъ не прежде 1780 года и напечатаны въ первый разъ въ Вѣстникѣ, а во второй въ 1798 году.

IV.

АМУРЪ И ПСИШЕЯ. (1)

Амуру вздумалось Псишею,
Рѣзвися, поимать;
Опутаться цвѣтами съ нею
И узелъ завязать.

Прекрасна плѣнница красиѣтъ
И рвется отъ него;
А онъ какъ будто бы робѣтъ
Отъ случая сего.

Она зоветъ своихъ подружекъ,
Чтобъ узелъ развязать;
И онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чтобъ помочь имъ подать.

Пріятность, младость къ нимъ стремятся
И имъ служить хотятъ;
Но узники не суетятся, —
Какъ вкопаны стоятъ.

Ни крымышкомъ Амуръ не тронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;

Пишея не бѣжитъ, не стонетъ:
Свились какъ листь съ травой.

Такъ будь, чета! вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

(¹) Сочинено въ 1792 году въ Царскомъ Селѣ, по случаю сговора Великаго Князя Александра Павловича съ Великой Княжной Елисаветой Алексѣевной. Нареченная чета запуталась ненарочно въ лентахъ такъ, что принуждены были ихъ разрѣзать. На стихи сіи сочинена была музыка придворнымъ музыкантомъ Пашкевичемъ и въ присутствіи Императрицы Екатерины пѣты въ Царскомъ Селѣ на Камероновой Колоннадѣ. Напечатаны были неоднократно.

V.

КЪ ГРАЦІЯМЪ. (¹)

Что вы, Граціи, такое?
Красота ль вы, или младость?
Вы души, иль тѣла нѣжность?
Вы любви ли милы дщери,
Иль магнитъ, сердца влекущій?

На лугахъ ли вы зеленыхъ, —
И луга при васъ смѣются;
Во лѣсахъ ли вы тѣнистыхъ, —
И лѣса даютъ прохладу,
Освѣжаетъ воздухъ чувства.

Ахъ! не вы ли на помостѣ,
Средь столповъ и переходовъ,
Въ храмѣ Росскія Богини,
Какъ зефиры легкокрылы,
Плавно пляшете по арфамъ?

Не на вашихъ ли ланитахъ
Усмѣхаются лилеи
И на челахъ, льномъ блестящихъ,
Васильковые вѣночки, —
Вкругъ ихъ звѣзды, солнцы въ персяхъ?

Ахъ, не вы ль, небесны Нимфы,
Воплощенными намъ зритесь
И сафирными очами
Льете въ наши души радость,
Сладкіе въ сердца восторги?

Это ты, Петрово племя!
Вы, Екатерины Внуки,
Павла и Маріи Дщери,
Нашихъ Фебовъ, Марсовъ сестры:
Это Вы, Княжны младыя!

Это Вы, на коихъ нѣжно
Въ шлемѣ бранномъ зреть Россія,
Подъ трофеями, какъ пальма,
На цвѣты склонясь, улыбкой
Мещетъ тѣнь Екатерины.

(¹) Сочинено въ 1793 году, по случаю бывшихъ баловъ въ Царскомъ Селѣ на Камероновой Колоннадѣ, въ присутствіи Императрицы Екатерины.

VI.

Х А Р И Т Ы. (1)

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ, —
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ:
«Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаетъ воспѣвать?
Столько прелестей безсмертныхъ
Хочетъ смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у боговъ?
Обнималъ ли браннымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,
Плясками онѣ своими
Восхищаютъ горній міръ;
Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ;
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ;
Какъ вокругъ онѣ спокойно
Величавый мещутъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣхъ движенія стройно
Взору, сердцу говорятъ?
Какъ хитоны ихъ эфирны,
Льну подобные власы,
Очи свѣтлыя, сапфирны,

Помрачаютъ всѣхъ красы?
Какъ богини всѣмъ соборомъ
Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ,
И Минерва важнымъ взоромъ
Улыбается имъ въ слѣдъ?
Словомъ: видѣлъ ли картины,
Непостижныя уму?» —
«Видѣлъ Внуку Екатерины,»
Я отвѣтствовалъ ему.
Богъ Парнасса усмѣхнулся,
Давъ мнѣ лиру, отлетѣлъ.
Я струнамъ ея коснулся
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ на русскую пляску Великихъ Княженъ Александры и Елены Павловнѣ въ Тронной Залѣ, въ первый день Святокъ 1795 года декабря 23 дня.

VII.

ПОВѢДА КРАСОТЫ. (¹)

Какъ храмъ Ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ,
Притекъ къ Аѳинской левъ оградѣ
И ревомъ городу грозилъ.

Она копыя непобѣдима
Ко ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.

Пошла, — и подъ оливой стала,
Блистая легкою броней;
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.

Левъ шелъ, — и подъ его стопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ;
Но, встрѣтясь вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ
И чувства кроткія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Стыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго царя.

Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть;
Цвѣтчной цѣпью привязала
И отдала любви во власть.

Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ;
Красою мужество сражалось
И побѣждала все — любовь,

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ, по случаю предполагавшагося сговора Великой Княжны Александры Павловны съ Шведскимъ Принцомъ Густавомъ въ 1796 году, что однакожъ не совершилось.

VIII.

КЪ МУЗЪ. (')

Строй, Муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Какъ нѣжною она рукой
На небо, море, голубую,
На доли и вершины горъ
Зелену ризу надѣваетъ;
Вкругъ ароматы разливаетъ,
Всѣмъ ослабляетъ взоръ,

Смотри, какъ цѣпью птицъ станицы
Летятъ подъ небомъ и трубятъ;
Какъ жаворонки вверхъ парятъ:
Какъ гусли тихи, иль цѣвницы,
Звенятъ ихъ гласы съ облаковъ;
Какъ ключъ шумитъ, свирѣль зываетъ
И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
Свистъ громкій соловьевъ.

Смотри: въ проталинахъ желтѣютъ,
Какъ звѣзды, межъ снѣговъ цвѣты;
Какъ распустившись розъ кусты
Смѣются въ люлькахъ и алѣютъ;
Сквозь мглу восходитъ знакъ челомъ,
Лѣса вѣтвями помагаютъ,
По рдяну водъ стеклу мелькаютъ
Вверхъ рыбы серебромъ.

Смотри, какъ солнце золотое
Днесъ лучезарнѣе горитъ;

Небесное лицо глядитъ
На всѣхъ, веселое, младое;
И будто вся играетъ тварь,
Природа блещетъ, восклицаетъ:
Или какой себя вѣнчаетъ
Короной міра Царь?

(¹) Сочинено на коронаваніе Императора Павла въ 1797 году апрѣля 5, въ день Свѣтлаго Воскресенія.

IX.

ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА. (¹)

Тише, тише, вѣтры, вѣйте,
Благовоніемъ дыша;
Пурпуровымъ златомъ рдѣйте,
Воды, доли — и душа,
Спящая въ лѣсахъ зеленыхъ,
Гласовъ, эховъ сокровенныхъ,
Пробудися свѣтлымъ днемъ:
Встань ты выше, выше холмъ!

Въ лучезарной колесницѣ
Отъ Востока Фебъ идетъ;
Внизъ съ рамень по багрянницѣ
Въ кудряхъ золото течетъ;
А отъ лиры сладкострунной
Божій тихій гласъ перуной
Такъ рѣками въ долъ падетъ,
Какъ съ небесъ лазурный свѣтъ.

Утренней зари прекрасной,
Дней веселыхъ свѣтлый Царь!
Ты, который дланью властной
Сыплешь свѣтъ и жизнь на тварь,
Правя легкими вожжами,
Искрометными конями
Обтекаешь мѣръ кругомъ,
Стань предъ насъ своимъ лицомъ!

Возсіяй въ твоей коронѣ,
Давъ лунѣ и лику звѣздъ,
На твоёмъ отдѣльномъ тронѣ,
Твой лучистый, милый свѣтъ!
Стань скорѣй предъ жадны взоры,
Да поють и наши хоры
Радостныхъ отца сыновъ
Славу, счастье и любовь!

(¹) Сочинено на возвращеніе Государя Павла I изъ
Москвы въ 1797 году.

X.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЕСНЫ. (¹)

Возвращается Весна
И Хариты вокругъ блистають,
Взоры смертныхъ привлекають.
Гдѣ стоитъ, грядетъ она,
Воздухъ дышитъ ароматомъ,
Усмѣхается заря,
Чешутся рѣки златомъ;

Рощи, въ зеркала смотря,
На вѣтвяхъ своихъ качають
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвятся, порхають,
Зелень всюду и цвѣтки
Стелюгъ по землѣ коврами;
Рыбы мечутся изъ водъ;
Журавли, вѣясь кругами
Сквозь небесный синій сводъ,
Какъ волторны возглашаютъ;
Соловей гремитъ въ кустахъ;
Звѣри прыгають, брыкають:
Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ;
Горстью пахарь дождь на нивы
Сѣетъ вокругъ себя златой;
Бѣлы парусы игривы
Вздулись на морѣ горой;
Вся Природа торжествуетъ,
Празднуетъ Весны приходъ:
Все играетъ, все ликуетъ.
Нимфы! станьте въ хороводъ,
И въ бѣлѣйши снѣга ткани
Облеченны, изо льну,
Простирайте нѣжны длани,
Принимайте вы Весну;
А въ цвѣтахъ ея щедроты,
А въ зефирахъ огонь сердцамъ.
Съ нею къ вамъ летятъ Эроты:
Безъ любви нельзя жить вамъ.

(¹) Сочинено по случаю прѣзда Императрицы Маріи

Евродоровны изъ Москвы въ Смольный Монастырь
въ 1797 году.

ХІ.

ПРАЗДНИКЪ ВОСПИТАНИЦЪ ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ. (1)

Если бъ умъ какой чудесный
Столь возвыситься возмогъ,
Чтобъ, проникнувъ сводъ небесный,
Въ горній возлетѣлъ чертогъ,
И средь тучъ тамъ бирюзовыхъ,
Будто множество зарницъ,
Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
Мириады свѣтлыхъ лицъ,
Въ ризахъ блестящихъ, эфирныхъ,
Видѣлъ Ангеловъ небесъ;
Съ ихъ агатныхъ, иль сапфирныхъ
Черпаль бы восторгъ очесъ;
Красоты ихъ лучъ небесной
Изумлялъ бы слабый взоръ;
Ихъ гармоніи прелестной
Тихій, умиленный хоръ,
Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье
Нѣжно трогали бы слухъ;
Райскихъ дровъ благоуханье
Сладко упоило духъ;
Видѣлъ бы, что очи тлѣнны
Не возмогутъ созерцать
И внималъ, что уши брѣнны

Неудобны въ слухъ внимать;
Слышалъ, Серафимовъ хоры
Какъ Царя Царей поютъ,
Какъ вперенные ихъ взоры
Свѣтъ съ Него и радость пьютъ:
Тотъ возмогъ бы, по сравненью
Сихъ божественныхъ чудесъ,
Живо описать, къ видѣнью
Росскихъ мысленныхъ очесъ,
Какъ полсвѣта Повелитель
И Его любезный Домъ,
Павелъ посѣщалъ обитель
Юныхъ дѣвъ священный сонмъ;
Какъ онѣ Его встрѣчали,
Будто Бога, или отца;
Пѣвьемъ души восхищали,
А красою всѣхъ сердца; —

Или, если бы роженье
На водахъ кто зрѣлъ весны
И ея въ лучахъ явленье
Изъ кристальныхъ волны;
Съ холма кинувъ быстро око
На прекрасный Волги брегъ,
Гдѣ, разлившись широко
И склоняя свѣтлый бѣгъ
На Каспійско Море сткляно,
Злачныхъ горъ она въ тѣни,
Море гладко, златордяно,
Представляетъ въ ясны дни;
Тамъ бы на песчаныхъ стогнахъ

Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада,
Что, собравшись въ миллионахъ,
Какъ снѣговъ лежитъ гряда;
Кроткія межъ нихъ колпицы
Въ стаѣ гордыхъ лебедей,
Сребророзовыя птицы
Лоснятся поверхъ зыбей,
И шурмуютъ, и играютъ,
И трепещутся средь волнъ,
Съ перьевъ бисеръ отряхаютъ,
Разноцвѣтный влажный огонь;
Зрѣлъ бы, какъ, сплетясь крылами,
Ходятъ по мелямъ стѣной,
Вдаль расплывшися кругами,
Кличутся промежъ собой;
Громкій голосъ ихъ несется
По водамъ и по полямъ;
Гуль отъ холмовъ раздается,
Изъ-за рощей тихій гамъ:
Тотъ возмогъ бы драгоцѣнну
Ту картину начертать,
Какъ Марію несравненну,
Нѣжную Россіи мать,
Юны дѣвы принимали
Во святилищѣ своемъ,
Благовѣнно предстояли
Предъ Величества лицомъ;
Въ темной зеленыю аллеѣ,
Древъ подровненныхъ въ тѣни,
Снѣга самаго бѣлѣе,
Легче воздуха въ ткани,

Передъ Ней онѣ играли
На помостѣ золотомъ,
Пѣли, прыгали, плясали
И рядами, и кругомъ;
Въ даръ священный приносили
Рукъ издѣлія своихъ;
Не сокровища дарили,
Но сердцецъ преданность ихъ;
Лишь того некали взоромъ
И желали всей душой,
Чтобъ почтила разговоромъ,
Иль улыбкой ихъ Своей;
А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
Будто среди птицъ весна,
Къ дѣтямъ взоръ бросаю нѣжной,
Зрѣлась божествомъ она; —

Иль, когда бы къ баснословнымъ
Кто восхитясь временамъ,
Къ славнымъ, свѣтлымъ, благовоннымъ
На Олимпъ восшелъ пирамъ
И увидѣлъ бы на ономъ
Подъ паденьемъ шумныхъ водъ,
Подъ янтарнымъ небосклономъ
Въ хладную пещеру входъ
И младыхъ въ ней нимфъ прекрасныхъ,
Славнымъ пиромъ, на столахъ,
На узорчатыхъ, атласныхъ,
Бѣлыхъ, тонкихъ скатертяхъ,
Угощающихъ пріятно
Посѣтителей боговъ,

Какъ хитоны ихъ опрятно,
Въ узлы легкихъ облаковъ
Подобравъ онѣ пристойно
Лентами зарей цвѣтныхъ,
Сановито и спокойно
Ходятъ вокругъ гостей своихъ;
Какъ съ улыбкой благородной,
Съ наклоненіемъ чела,
Милой поступью, свободной
Къ гостю каждая пришла;
Принесли имъ: тѣ въ корзинахъ,
Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
Въ разноцвѣтныхъ тѣ кувшинахъ,
Въ блюдахъ серебряныхъ, златыхъ,
Сочножелтые, багряны,
Вкусноспѣлые плоды,
Въ хрусталяхъ напитки хладны,
Сладки, искрометны льды;
Какъ тамъ боги и богини,
Ослабляясь, глядятъ,
Со герон, съ героини
Яствы сахарны ѣдятъ;
Какъ амброзія небесна
Въ алыхъ таетъ ихъ устахъ;
Разсыпается чудесна
Пища райская въ рукахъ;
Льется въ медъ благовонномъ
Вспламеняющій нектаръ,
Въ сокъ розовомъ, перловомъ
Мразь, гасящій зноя жарь:
Тотъ бы внятно могъ и живо

Описать сей праздникъ намъ,
Торжество то справедливо
И пріятное очамъ,
Какъ подъ свѣсомъ наклоненнымъ
На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ,
Плющемъ обвитыхъ зеленымъ
Рукъ художествомъ, журчатъ,
Къ большей прелести природы,
На прекрасный Невскій брегъ
Лющіесь съ ээира воды,
Для прохладъ и для утѣхъ;
Гдѣ усердіе являли
И въ привѣтствіе гостямъ
Дѣвы славный полдникъ дали
И Царицамъ, и Царямъ;
Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
Какъ небесный нѣкій садъ,
Зрителей водили взоры
Межъ утѣхъ и межъ прохладъ; —

Иль, — когда уже зephyры
Начинають влажно дуть,
Боги въ мягкіе сапфиры
Идутъ съ пиршествъ отдохнуть,
Какъ златыя Феба стрѣлы,
Прядавъ по волнамъ, скользятъ,
Вечеръ потемняетъ селы,
Окна пламенемъ горятъ —
Если бъ смертный дерзновенный
Кто отважится столь смѣль,
Чтобъ таинственны, священны

Игры древнія хотѣлъ
Зрѣть украдкой среди ночи,
И по спутаннымъ тропамъ
Проходя кедровой рощи,
Вдругъ увидѣлъ Весты храмъ;
Зрѣлъ вокругъ его, Весталей
Какъ прохаживаетъ строй;
Огнь виситъ внутри кристалей,
Во треножникѣ струей
Послѣ жертвы дымъ курится;
Предъ священнымъ алтаремъ
Каждая дѣвица зрится
Съ преклонившимся челомъ,
Скромной блещущи красою,
Важности святой полна,
Подъ прозрачною фатою,
Будто сквозь туманъ луна;
Купно всѣ благоговѣньемъ
Жертвенникъ обходятъ вокругъ
И съ тимпановъ удареньемъ
На колѣни падши вдругъ
Передъ образомъ богини,
Славословіе поютъ;
За дары, за благостыни,
Въ жертву ей цвѣты кладутъ
И гласятъ: «О, земнороднымъ
Божествамъ прекрасна Мать!
Если взоромъ благосклоннымъ
Соизволишь призирать
Дѣвъ, Тобою воскормленныхъ,
И прошенью внемлешь ихъ:

То внуши молитвъ усердныхъ
Гласъ воспитаницъ Твоихъ,
И даруй, да подъ покровомъ
Матерней руки Твоей,
Благонравья въ блескъ новомъ,
Непорочности стезей,
Въ слѣдъ мы ходимъ за Тобою
И достойными Тебя
Будемъ жизнію святою,
Добродѣтель ввѣкъ любя;»
Зрѣлъ потомъ бы ихъ въ гуляньѣ,
Средь цвѣтущихъ красныхъ мѣсть,
Въ разноцвѣтномъ гдѣ сіяньѣ
Лѣсъ блисталъ лучами звѣздъ;
Какъ съ невинностью питаю
Хладъ безстрастія въ крови,
Забавлялися, не зная
Сладостныхъ заразъ любви;
Какъ сокрывшись въ листья, въ гроты
И облекшись въ темну почъ,
Метать тщетно въ нихъ Эроты
И летать съ досадою прочь;
Видѣлъ бы, и тайный зритель
Древнихъ праздниковъ святыхъ,
Игръ сихъ вѣрный былъ сравнитель
Русской Весты дѣвъ молодыхъ,
Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
День рожденья ихъ Царицы
Проводили торжествомъ.
Вся Россія возставала

Съ умиленьемъ зрѣть на нихъ;
Слезы радости роняла;
Такъ привѣтствовала ихъ;
«Я покоюсь послѣ боевъ, —
Процвѣтайте въ тишинѣ;
Будьте матери героевъ.
И опорой твердой Мнѣ.»

(¹) Праздникъ сей составленъ былъ въ день рожденія Императрицы, 1797 года іюля 22 дня.

ХII.

РАЗВАЛИНЫ. (¹)

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды,
Великолѣпный храмъ стоялъ:
Столпы, подзоры, пирамиды
И куполь золотомъ сіялъ.
Вотъ здѣсь, дубами осѣненна,
Рѣзная дверь въ него была,
Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
Во внутрь святилища вела.
Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жертвой алтари,
Сбирались на молитву міры
И били ей челомъ Цари.
Вотъ тутъ была уединенной
Поутру каждый день съ зарей,
Писала, какъ владѣть вселенной

И какъ сердца плѣнять людей.
Тутъ поставлялася трапеза,
Кругъ юныхъ дѣвъ и сонмъ жрецовъ;
Богатство разливалось Креза,
Сребро и злато средь столовъ;
Тутъ арфы звучныя гремѣли
И повторялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо тутъ сирены пѣли
И гласовъ сладостью, стиховъ,
Сердца и умъ обворожали;
Тутъ нектаръ изъ сосудовъ билъ,
Курильницы благоухали,
Зной лѣтній провѣвалъ Зефиръ;
А тутъ крылатые служили
Полки прекрасныхъ, меткихъ слугъ
И отъ богининой носили
Руки амброзію вокругъ.
Она, тутъ сидя, обращалась
И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
Возставши, тихо поклонялась,
Блестая щедростью лица.
Здѣсь, въ полдень, уходила въ гроты,
Покоилась прохлада въ тѣни;
А тутъ Амуры и Эроты
Уединялись съ ней одни.
Тутъ былъ Эдемъ ея прелестный
Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ;
Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный
Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ;
Здѣсь былъ театръ, а тутъ качели,
Тутъ азіятскихъ домикъ нѣтъ;

Тутъ на Парнасѣ музы пѣли;
Тутъ звѣри жили для утѣхъ;
Здѣсь въ разны игры забавлялась,
А тутъ, прекрасныхъ нимфъ съ полкомъ,
Подъ вечеръ красный собиралась
Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ;
Ходила по лугамъ, долинамъ,
По мягкой муравѣ, близъ водъ,
По желтымъ среди розъ тропинамъ;
А тутъ, затѣя хороводъ,
Вѣлѣла нимфамъ, купидонамъ
Играть, плясать между собой
По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
Вдали музыки роговой.
Они, кружась, рѣзвясь, летали,
Шумѣли, говорили вздоръ;
Въ зеркалѣ водъ себя казали,
Всѣмъ тѣшили богининъ взоръ;
А тутъ, оставя хороводы,
Верхомъ скакали па конькахъ;
Иль въ лодкахъ разсѣкая воды,
Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.
Киприда тутъ средь миртъ сидѣла,
Смѣялась, глядя на дѣтей;
На восклицających смотрѣла
Поднявшихъ крылья лебедей,
Иль на станицу сребробокихъ
Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ,
Или на пестрыхъ, красноокихъ
Ходящихъ рыбъ среди прудовъ,
Иль на собачекъ, ей любимыхъ,

Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
Другъ другомъ съ лаяньемъ гонимыхъ,
Мелькающихъ между лѣскомъ.
А здѣсь, исполняя важна вида,
На памятникъ своихъ побѣдъ
Она смотрѣла на Алкида,
Какъ гидру палицей онъ бьетъ;
Какъ прочіе ея герои,
По манію ея очесъ,
Въ ужасные вступали бои
И тмы подѣлали чудесъ;
Приступомъ грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царства покоряли
И въ плѣнъ водили къ ней царей.
Здѣсь въ внутренни она чертоги
По лѣстницѣ отлогой шла,
Куда гостить ходили боги
И гдѣ она всегда стерегла
Тотъ поясъ, въ небѣ ей истканный,
На коемъ межъ Харитъ съ ней жилъ
Тотъ хитрый геній, изваянный,
Который счастье ей дарилъ,
Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,
Трофеи мира и войны,
Здоровье, радости и смѣхи,
И легкіе, пріятны сны.
Въ семъ теремѣ, Олимпу равномъ,
Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ,
Художествомъ различнымъ славномъ,
Горѣли ночью тучи звѣздъ,

Красу богини умножали
И такъ средь сихъ, блаженныхъ мѣстъ
Ее, какъ солнце представляли....

Но здѣсь ся ужъ нынѣ нѣтъ:
Померкъ красотъ волшебныхъ свѣтъ;
Все тмой покрылось, запусѣло;
Все въ прахъ упало, помертвѣло;
Отъ ужаса вся стынеть кровь: —
Лишь плачетъ сирая Любовь.

(¹) Аллегорическое изображеніе опустѣвшаго Царскаго Села подъ именемъ Кипра, а Императрицы Екатерины подъ именемъ Киприды. Напечатано на особыхъ листкахъ въ Саксоніи Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, который по волѣ Государя Павла I-го оставилъ Россію.

XIII.

РОЖДЕНІЕ ЛЮБВИ. (¹)

Опоясанна цвѣтами
Сходитъ къ намъ съ небесъ Весна
И молодыми красотою
Улыбается она.
Улыбнулась, — и явились
Розы и лилей въ свѣтъ;
Благовонья оживились;
Возблисталъ на листьяхъ медь
И по рощамъ разгласилось
Хохотаньемъ эхо вновь;

Радость, счастье водворилось:
Намъ родилася Любовь!

(¹) Сочинено въ Павловскомъ на случай рожденія Великой Княжны Маріи Александровны въ 1779 году.

XIV.

НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВА. (¹)

На розовыхъ крылахъ Темпейску
Эротъ долину пролеталъ, —
Незапно во страну Рифейску
Вспорхнулъ, гдѣ Сѣверъ обиталъ:
Увидѣлъ иней, морозы,
Желѣзны шлемы и мечи,
Военныя всеневны грозы,
Съ оружья блещущи лучи;
Услышалъ отъ побѣдъ вкругъ звуки:
Тамъ злобѣ плѣнной вяжутъ руки,
Тамъ на мятежъ яремъ кладутъ;
Узрѣлъ, — и съ ужаса и хладу
Крылами въ трепетѣ взмахнулъ,
Хотѣлъ летѣть назадъ въ Эмаду;
Но какъ-то факель свой стряхнулъ, —
И въ тмѣ вдругъ искры покотились:
Расцвѣлъ весной полвочный край;
Орлы двухъ царствъ соединились;
Средь Гатчины открылся рай!
Плѣняетъ нѣжный громъ музыки,

Пылають тысячи лампадъ,
Харитъ младыхъ прелестныя лики
Въ вѣнцахъ предъ трономъ предстоятъ:
Тѣ пляшутъ, скачутъ; тѣ играютъ;
Тѣ скромныхъ взглядами очей
Сердца героевъ поражаютъ
И въ плѣнъ влекутъ богатырей.
Эротъ, красами удивленный,
«Не царство ль,» рекъ: «я зрю мое?
Но кто на тронѣ (дерзновенный!),
Отнявъ у Марса мечъ, копьё,
Да и мои всесплыны стрѣлы,
Красу здѣсь съ храбростью вѣнчалъ?» —
«Марія, Павла здѣсь предѣлы,»
Ему весь Сѣверъ отвѣчалъ.

Х О Р Ъ .

Кто храбростью и красотою
Умѣетъ купно обладать,
Тотъ можетъ миромъ и войною
И свѣтомъ всѣмъ повелѣвать.

Вздыхнулъ Эротъ: «Такъ пусть ужъ боги
Не ждуть меня въ Темпейскій долъ;
Мнѣ святы Павловы чертоги:
Я въ нихъ поставилъ мой престолъ.

Х О Р Ъ .

Ликуйте, Павелъ и Марія,
Любовь въ чертогахъ зря Своихъ!
Хоть Ваши Дщери, днесъ младыя,
Надѣли цѣпь Царей чужихъ,

Но зримъ мы, чувствуемъ неложно
Вашъ разумъ, сердца доброту:
Гдѣ храбростію плѣнять не должно,
Туда Вы шлете красоту,

Такъ, Александр! не войною,
Но красотой плѣни Ты свѣтъ;
И Ты, Елена! не виною
Будь царскихъ распръ, народныхъ бѣдъ;
Но днесь, любви сопрягшись съ Богомъ,
Иосифъ, Павелъ, Фридерихъ!
Европѣ будьте Вы залогомъ
Покоя, счастья, дней златыхъ!

(¹) Сочинено въ Гатчинѣ по случаю празднества бра-
ковъ Великихъ Князей Александры и Елены Пав-
ловнъ въ 1799 году октября 12 и 19 ч.

XV.

ЯВЛЕНІЕ АПОЛЛОНА И ДАФНЫ (¹)

НА НЕВСКОМЪ БЕРЕГУ.

По гранитному я берегу
Невскому гулять ходилъ,
Сладкую весенню нѣгу,
Благовонный воздухъ пилъ;
Видѣлъ, какъ народъ тѣснился
Вкругъ одной молодой четы:
Лучъ съ нея, блистая, лился,
Какъ отъ солнца красоты.

Кто — я думалъ въ изумленьѣ —
Чудна двоица сія?
Не боговъ ли вновь схожденье
Вижу въ ней на землю я?
Вижу точно Аполлона!
Вижу Дафну предъ собой!
Звать, сошедши съ Геликона,
Тѣшатся они Невой.
Такъ, они пришли конечно,
Смертнымъ скрывъ себя лицомъ;
Трепетаніе сердечно
Увѣряло духъ мой въ томъ.
Такъ, — и въ лицахъ лучезарныхъ,
И въ сапфирныхъ ихъ очахъ
Душъ пріятность свѣтодарныхъ
Вижу я боговъ въ людяхъ!
Зрѣлъ, съ собой они какъ водятъ
Просвѣщенье, кротость, вкусъ;
Какъ Хариты въ слѣдъ имъ ходятъ
И соборы вѣжныхъ Музъ.
Съ Нимфами поющи, пляшутъ;
Всплывъ Наяды сверхъ Невы,
Плещутъ воды; вѣтры машутъ
Ароматъ на ихъ главы.
Видѣлъ, Петрополь дивился
Какъ прекрасной сеи четъ;
Сѣверъ свѣтомъ озарился,
Всталъ и, въ мгlistой темнотѣ,
Обогрѣвъ браду замерзлу,
Тихимъ ихъ сіяньемъ кровь,
Звнча чтилъ въ нихъ и Зимстерлу, (2)

Возвращенныхъ вкупѣ вновь,
И, ликуя, увѣнчался
Перевязкой изъ цвѣтовъ.
Лель за дѣвою погнался,
А за юношей — Любовьъ.
Видѣлъ, видѣлъ Аполлона,
Видѣлъ съ нимъ и Дафну я!
Радостнаго звукомъ тона
Лира отдалась моя.

(¹) Сочинено по случаю прогулки по Невскому берегу Государя Императора Александра Павловича и Императрицы Елисаветы Алексеевны въ 1801 году.

(²) Подъ именемъ Знеча, или священнаго огня, было обоготворяемо Славянами солнце; Зимстерла — ихъ богиня весны.

XVI.

ВѢНЧАНІЕ ДЕЛЯ. (¹)

Колоколъ ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебалъ
И Иванъ Великій громомъ
Въ полночь, освѣщенъ, дрожалъ;
Я, пріятнымъ сномъ объятый
Макова въ тѣни вѣнца,
Видѣлъ: теремы, палаты,
Площадь Краснаго Крыльца
Роемъ мальчиковъ летучимъ
Облелѣяна кругомъ!
Лѣсомъ — шлемы ихъ дремучимъ,

Латы — златомъ и серебромъ,
Копья — сталію блистали
И чуть видѣлись еквозь мглы;
Стаями сверхъ ихъ летали
Молненосныя орлы.
Но лишь солнце появилось
И затеплились кресты,
Море зыблюще открылось
Разныхъ лицъ и пестроты, —
Шумъ, съ высотъ ліясь рѣкою,
Всѣми чувствами овладѣлъ:
Своды храма предо мною
Я отверстыми узрѣлъ.
Тамъ, въ волнахъ толпы стѣсненной,
Въ думѣ весь синклитъ стоялъ;
Я въ душѣ моей смятенной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.
Но на тропѣ тамъ обширномъ,
Во священной темнотѣ,
Вдругъ въ сіяніи порфирномъ
Усмотрѣлъ на высотѣ
Двухъ я геніевъ небесныхъ:
Коль безчисленны красы!
Сколько нѣжностей прелестныхъ!
Златоструйчаты власы,
Блескъ сапфира, розы равни
Ихъ устенъ, ланитъ, очесъ,
Улыбаясь, брали дани
Съ восхищенныхъ тмы сердець;
И одинъ изъ нихъ, вѣнчаясь
Діадимую Царей,

Ей, четб^н своей, касаясь,
Удвоился блескомъ въ ней.
Туть изъ оконъ самыхъ верхнихъ,
По сверкающимъ лучамъ,
Тѣни Самодержцевъ древнихъ,
Ниспустившися во храмъ,
Прежни лица ихъ пріяли
И сквозь ликовъ торжества
Въ изумленьи вопрошали:
«Кто такія божества,
Что облекшись въ младость смертныхъ,
Съ кротостию скиптръ берутъ,
На обширность странъ несмѣтныхъ
Цѣпь цвѣточную кладутъ
И весь Сѣверъ въ мигъ плѣнили
Именемъ однимъ Царя?»
Громы духъ мой пробудили:
Разглашалося ура!

Что такое сонъ сей значить?
Я съ собою размышлялъ:
Духъ ликуеть, сердце скачетъ;
Отчего? я самъ не зналъ.
Кто на царство такъ вѣнчался?
Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
Кѣмъ я столько восхищался,
Сладостныя слезы лилъ?
Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кто такъ свѣтомъ завладѣлъ:
«Царь сердець,» онѣ вѣщали:
«Богъ любви, всеильный Лель.»

(¹) Аллегорическое описаніе коронаціи Императора Александра въ 1801 году.

XVII.

БЕСѢДА СЪ ГЕНИЕМЪ. (¹)

Восхищенный явнымъ своимъ
Въ небо я моею душою,
Видѣлъ, геній подъ вѣнцомъ
Собесѣдовалъ со мною.
Бѣлокуръ, голубокъ,
Молодъ и лицомъ прекрасенъ,
Ростомъ строенъ и высокъ,
Тихъ, привѣтливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму....
И во снѣ его былъ внятенъ
Голосъ сердцу моему:
«Слушай, старый вѣснопѣвецъ!
Послужи еще мнѣ,» рекъ:
«Я не грозный громовержецъ, —
Кроткій Царь и человѣкъ:
Прозвучи мою ты славу.»
Взялъ я лиру, строю вновь, —
И пою его державу
И къ отечеству любовь.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ, на случай призванія автора Государемъ и порученія ему Калужскаго дѣла въ 1801 году.

XVIII.

М Е Ч Т А. (1)

Вошелъ въ шалашъ мой торопливо,
Я вижу, мальчикъ въ немъ сидитъ
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучитъ.

Рѣкою искры упали
Изъ рукъ его, во тмѣ горя,
И розы по лицу блистали,
Какъ утрення заря.

Одна тутъ искра отдѣлилась
И на мою упала грудь;
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась;
Не смѣла я дохнуть; —

Стояла бездыханна, млѣла
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —
Не то ль зовутъ любить?

Люблю! Кого? сама не знаю.
Исчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуетъ сердце! Дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезенъ, милъ мнѣ ты!

(¹) Писано въ 1794 году на стговоръ автора со второю его супругою, урожденною Дьяковой.

XIX.

КЪ АНЖЕЛИКЪ КАУФМАНЪ. (¹)

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга Музъ!
Если въ кисть твою вліянна
Свыше живость, чувство, вкусъ;
И списавъ Данаевъ, древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережить въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ тлѣнь:
Наниши мою Милену, (²)
Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣскольکو челомъ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ о ней;
Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
Въ гробъ съ Плѣвирой схороня,
Я нашель бы въ ней обратно
И, плѣнясь ея красой,

Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ на бракъ автора 1794 года января 30 дня и изображаетъ портретъ второй жены автора, обратившагося къ знаменитой въ живописи Анжеликѣ Кауфманъ, потому особенно, что она писала обыкновенно фигуры стройныя, высокія, съ греческими лицами. Такова была и жена автора.

(²) Названіе, данное авторомъ второй женѣ его.

XX.

АНАКРЕОНЪ ВЪ СОБРАНИИ. (¹)

Нѣжный, нѣжный воздыхатель,
О, пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ,
Безъ вина бы и безъ хмѣлю
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился,
И въ мечтѣ, иль въ восхищевѣ,
Ты бы видѣлъ, будто въявѣ:
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ
И туда, сюда летаетъ,
И садится онъ по Нимфамъ,

То на ту, то на другую,
Какъ саятся желты пчелы
На цвѣты въ поляхъ младае.
Онъ у той блисталъ во взглядахъ,
У иной блисталъ въ улыбкѣ
И пускалъ оттуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще;
Не пролетывали мимо,
Попадали прямо въ душу;
И душа бѣ твоя томилась,
Уязвленная любовью;
Лишь Паллады щитъ небесной
Утолилъ твои бы вздохи.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ, на праздникъ Князя Потемкина-Таврическаго въ Таврическомъ Дворцѣ, апрѣля 1791 года.

XXI.

СПЯЩІЙ ЭРОТЪ. (¹)

Ходя въ рощицѣ гѣнистой,
Видѣлъ тамъ Эрота я:
На полянкѣ розъ душистой
Спалъ прекрасное дитя;
Сквозь пріятный сонъ, умильный,
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его;
Будто яблоки наливны,

Рдѣлись щеки у него.
Почивая безоружнымъ,
Снѣжной грудью онъ блестѣлъ;
По вѣтвямъ, падъ нимъ окружнымъ,
Лукъ спущенный, тулъ висѣлъ.
Пчелы вкругъ его летали,
Какъ на розъ шумящій кустъ;
Капли меду собирали
Съ благовоныхъ сладкихъ усть.
Въ рошу Граціи вбѣжали,
И, нашедъ Эрота въ ней,
Потихоньку привязали
Къ красотѣ его своей;
Разбудя жъ его, плясали
Средь цвѣточныхъ съ нимъ оковъ:
Неразлучны съ тѣхъ поръ стали —
Гдѣ пріятность, тутъ любовь.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ по случаю оперы, игранный дѣтьми Княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, въ 1795 году.

XXII.

КЪ ЛИРѢ. (¹)

Пѣть Румянцева сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ....
Но завистливой судьбою

Задунайскій кончилъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся тмою,
Какъ неславный человѣкъ.
Что жъ? Пріятна ли имъ будетъ,
Лира! днесъ твоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмертныя дѣла.
Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ. Подражаніе Анакреону. Похвала Румянцеву и Суворову; первый тогда скончался, а второй въ 1797 году жилъ въ своей деревнѣ.

XXIII.

КЪ САМОМУ СЕБѢ. (¹)

Что мнѣ, что мнѣ суетиться,
Вьючить время должностей,
Если міръ за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другіе работаютъ, —
Много мудрыхъ есть господъ —
И себя не забываютъ,
И Царямъ сулятъ доходъ. (²)
Но я тѣмъ коль бесполезенъ,
Что горячъ и въ правдѣ чертъ:
Музамъ, женщинамъ любезенъ

Можетъ пылкій быть Эроть.
Стану вынѣ съ нимъ водиться,
Сладко ѣсть и пить, и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.
Полно быть въ дѣлахъ горячимъ:
Буду лишь у правды гость;
Тонкимъ сдѣлаюсь подъячимъ,
Растворю пошире горсть.
Утромъ раза три въ недѣлю
Съ милой Музой порѣзвлюсь;
Тамъ опять пойду въ постелю
И съ женою обоймусь.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ 1798 года.

(²) Въ сіе время государственные чиновники придумывали разные способы къ умноженію доходовъ Имперіи. Многія мѣры послѣдовали по сему предмету: учрежденіе 25-ти-лѣтняго Заемнаго Банка и другія.

XXIV.

КЪ СОФІИ. (¹)

О, сколь, Софія, ты пріятна
Въ невинной красотѣ твоей!
Какъ чистая вода прозрачна,
Блестая розовой зарей.

(¹) Сочинено въ 1795 году въ С.-п.-бургѣ, на помолвку Графини Строгоновой, урожденной Голицыной.

XXV.

ПОТОПЛЕНИЕ. (1)

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;
Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ;
Онъ гребетъ сквозь волнъ и тму;
Мысль веселье воображаетъ;
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился;
Путникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ не льсти:
Всѣ потонемъ въ жизни вѣчной....
Дружба и любовь, прости!

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ, на потопленіе Федора Михайловича Дубенскаго въ 1796 году.

XXVI.

НА БРАКЪ ГРАФИНИ ЛИТТЫ. (1)

Диана съ голубаго трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей, (2)

Въ объятія Эндиміона
Какъ сходитъ скромною стезей,
Въ хитонъ воздушный облеченна, —
Чело вокругъ въ звѣздахъ горитъ, —
Въ безмолвной тишинѣ вселенна,
На лунный блескъ ея глядитъ;
Иль виноградна вѣтвь молодая,
Когда подпоры лишена, ⁽³⁾
Поблекнетъ, долу упадая,
Но вѣтеркомъ оживлена,
Вкругъ стебля новаго средь лѣта,
Обвившись листьями, встаетъ,
Цвѣтетъ и солнцемъ обогрѣта,
Румянцемъ взоры всѣхъ влечетъ:
Такъ ты, въ женахъ, о милый ангелъ!
Магнитъ очей, заря безъ тучъ!
Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ
И кинулъ на тебя свой лучъ,
Подобно розѣ развернувшись,
Любви душою расцвѣла.
Ты красота, что, улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала. ⁽⁴⁾

---

(1) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1798 г. Графиня Литта, урожденная Энгельгардтъ, была родная сестра Княгини Т. В. Юсуповой, племянница Князя Потемкина-Таврическаго.

(2) Въ срединѣ своего вѣка: она была лѣтъ 30-ти.

(3) Она осталась вдовою, бывъ въ первомъ супружествѣ за Графомъ Скавронскимъ.

(4) Графъ Литта, Мальтійскій кавалеръ.

XXVII.

КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ. (1)

Я у Креза зрѣлъ Эрота:
Онъ расплакавшись сидѣлъ
Среди мраморнаго грота,
Окруженный лѣсомъ стрѣлъ;

Пусть колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна тетива,
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чуть струилась синева.

«Что,» сказалъ я, «такъ слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль толикими стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ?»

«Иль его безсиленъ пламень?
Тщетенъ токъ опасныхъ слезъ?
Ахъ! нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.»

---

(1) Эротъ въ такомъ видѣ былъ изображенъ въ домѣ Князя Александра Андреевича Безбородки и огражденъ стрѣлами. Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1796 году.

XXVIII.

КЪ ЭВТЕРПѢ. (')

—
Пой, Эвтерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй!
Ты, поколь весна молодая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхаетъ радость,
Кратко соловей поетъ:
Красота, пріятность, младость
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Бравнымъ шлемомъ покровенный,
Марсъ своей пусть жертвы ждетъ;
Рано ль, поздно ль, побѣжденный
Голиаѳъ предъ нимъ падетъ;
Вскинетъ тусклый и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свой взглядъ
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочетъ, да отдасть.

Пусть придворный суетится
За фортуною своей,
Если быть ему случится
И наперсникомъ у ней:
Рано ль, поздно ль, онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ;
Насъ фортуна часто учитъ
Горемъ быть богатыремъ.

Время все перемѣняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,

Лѣто знойно пробѣгаетъ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ;
Идетъ осень златовласа,
Спѣлыя несетъ плоды:
Красножелта ея ряса
Превратится скоро въ льды.

Марсъ устанетъ, — и любимецъ
Счастья возьметъ свой покой;
У твоихъ воротъ и крылецъ
Царедворецъ и герой
Брякнутъ въ кольца золотыя:
Ты съ согласія отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ.
Сына нѣги онъ поборетъ
И понравится тебѣ;
Качества твои любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близъ тебя.

Пою, Эвтерпа молодая!
Прелестью своею плѣни;
Бога брачей усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми.
Лавромъ голова нагбенна
Къ персямъ склонится твоимъ,
И должна тебѣ вселенна
Будетъ вѣкомъ золотымъ.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ. Мысль къ этому стихотворенію подана Княземъ Потемкинымъ, слушавшимъ съ особеннымъ удовольствіемъ пѣніе и игру на арфѣ Марьи Львовны Нарышкиной, которая потомъ была замужемъ за Княземъ Любомирскимъ.

XXIX.

АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ. (¹)

Случись Анакреону
Марію посѣщать;
Межъ ними Купидону,
Какъ бабочкѣ летать.

Леталъ божекъ крылатый
Красавицы вокругъ
И стрѣлы онъ пернаты
Накладывалъ на лукъ;

Стрѣлялъ съ ея небесныхъ
И голубыхъ очей,
И съ розъ въ устахъ прелестныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія
Звончатую взяла
И въ струны золотыя
Свой голось издала:

Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣ богъ,

Острѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жегъ.

Анакреонъ у печи
Вздыхнулъ тогда сидя;
«Какъ бабочка отъ свѣчки
Сгорю,» сказалъ, «и я.»

(¹) Сочинено въ 1795 году безъ всякаго приготовленія, въ то самое время, какъ Марья Львовна Нарышкина играла на арфѣ.

XXX.

ГЕРКУЛЕСЪ. (¹)

Геркулесъ пришелъ Данаю
Мимоходомъ навѣститъ:
Я, сказалъ, тобой пылаю
(Онъ хотѣлъ съ ней пошутить.)
Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ,
Пламени въ лицѣ полна,
Вздумала съ героемъ сильнымъ
Также пошутить она.
Начала съ нимъ разговоры;
Рѣчь за рѣчь и онъ повелъ;
Какъ-то встрѣтились ихъ взоры;
Нечувствительно онъ сѣлъ;
И межъ тѣмъ какъ занялися
Такъ они шутя собой,
Гдѣ, откуда ни взялися
Мальчиковъ крыматыхъ строй;

Вкругъ летали, шурмовали,
Надъ главами ихъ паря,
И подкравшись тихо, крали
Все вокругъ богатыря:
Тотъ унесъ, кряхтя, дубину;
Тотъ сайдакъ, тотъ страшный мечъ;
Стербели кожу львину
Тѣ съ его могущихъ плечъ.
Не могла не улыбнуться
Красота, какъ шлемъ сняла:
Не успѣлъ онъ оглянуться —
Въ шлемѣ страсть гнѣздо свила.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1798 году.

XXXI.

П Ч Е Л А. (¹)

—

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь!
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,

Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1796 году.

XXXII.

Л Ю С И. (¹)

О ты, Люсенька любезна! (²)
Не бѣги меня, мой свѣтъ,
Что млада ты и прелестна,
А я дурень, старъ и сѣдъ.
Взглянь на розы и лилеи:
Лель изъ нихъ вѣнки плететь.
Вкругъ твоей пріятень шеи
Розовый и бѣлый цвѣтъ.

(¹) Относится къ воспитанницѣ Графини Стейнбокъ; сочинено въ 1797 году.

(²) Люсинька, уменьшительное пріѣтственное названіе Елисаветы.

XXXIII.

В О Й. (1)

Предо мной хотѣлъ горою
Хладный Сѣверъ въ боѣ стать,
Если мнѣ любовь свѣчою
Придетъ душу зажигать.
Въ мигъ съ перомъ сѣдымъ, кудрявымъ,
На меня надѣлъ шеломъ,
Воружилъ лицомъ багрянымъ
И съ морщинами челомъ;
Далъ копье мнѣ ледяное,
Препоясалъ вокругъ мечемъ;
Сердце мнѣ вложилъ такое,
Что смотрѣлъ я сентябремъ.
На dospѣхи положася
И что весь я ледяной,
Я, красавицъ не страшася,
Звалъ Любовь съ собою въ бой.
Тутъ откуда ни возмися,
Предо мною Лель предсталъ,
Красной дѣвой нарядился;
«Перевѣдайся,» сказалъ.
Выступилъ я смѣло къ бою,
Наложа на сердце щитъ;
Мечъ^ю рукой, копье другою
Я, поднавъ, хотѣлъ разить.
Почалъ Лель перить въ щитъ стрѣлы,
А dospѣхи жечь свѣчой;
Стрѣлы, падая, шипѣли,

Шлемъ блисталъ на мнѣ зарей.
Я ужъ думалъ, бой свершился
И что я-то былъ герой;
Лель упорствомъ разсердился,
Самъ вскочилъ мнѣ въ грудь стрѣлой:
Въ части мелкія кольчуга
Разлетѣлась, — я сталъ нагъ.
Ахъ! тщетна защита друга,
Если въ сердце впился врагъ!

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1796 году.

XXXIV.

КУПИДОНЪ. (¹)

Подъ медвѣдицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Какъ на міръ сей сонъ всемѣстной
Сыпалъ маковы цвѣты,
Какъ спокойно все ужъ спали
Отягченные трудомъ,
Слышу, въ двери застучали
Кто-то громко вдругъ кольцемъ.
Кто, спросилъ я, въ дверь стучится
И тревожитъ сладкій сонъ?
«Отвори: чего страшиться?»
Отвѣчалъ мнѣ Купидонъ —
«Я ребенокъ: какъ-то сбился
Въ ночь безлунную съ пути,

Весь дождемъ я замочился,
Не найду, куда идти.»
Жаль его мнѣ очень стало,
Всталъ и высѣкъ я огня:
Отворилъ лишь двери мало, —
Прыгъ дитя передъ меня.
Въ тулѣ лукъ на немъ и стрѣлы:
Я къ огню съ нимъ поспѣшилъ,
Теръ руками руки мерзлы,
Кудри влажныя сушилъ.
Онъ успѣлъ лишь обогрѣться,
«Ну, посмотримъ-ка» сказалъ:
«Хорошо ли лукъ мой гнется?
Не испорченъ ли чѣмъ сталъ!»
Молвилъ и стрѣлу мгновенно
Острую въ меня пустилъ;
Ранилъ сердце мнѣ смертельно
И, смѣясь, говорилъ:
«Не тужи: мой лукъ годится,
Тетива еще цѣла.»
Съ тѣхъ поръ началъ я крушиться,
Какъ любви во мнѣ стрѣла.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1796 году. Подражаніе Анакреону.

XXXV.

ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЪ. (¹)

Подъ свѣсомъ шумныхъ тополовыхъ
Кустовъ, въ тѣни, Кипридинъ сынъ

Покоился у водъ перловыхъ,
Біющихъ съ горъ, и факель съ нимъ
Лежалъ въ травѣ, чуть-чуть куряся.
Пришли тутъ Нимфы и, дивяся,
«Что намъ?» сказали. «Какъ съ нимъ быть?
Дай въ воду, въ воду потопить,
А съ нимъ и огонь, чѣмъ всѣ сгараютъ!»
И вотъ! — кипитъ ключъ пѣной весь,
Съ купающихся нимфъ стекаютъ
Горящія струи поднесь.

(¹) Сочинено въ С.-п.-бургѣ въ 1797 году.

XXXVI.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ. (¹)

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы львамъ,
Свободность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Безстрашный духъ мужчинамъ;
Но что жъ онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнить?
Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь, и мечъ, и щитъ
Красавица сражаетъ.

(¹) Сочинено въ 1797 году. Подражаніе Анакреову.

XXXVII.

СОЛОВЕЙ ВО СНѢ. (¹)

—
Я на холмѣ спалъ высокомѣ,
Слышалъ гласъ твой, соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей;
То звучалъ, то отдавался,
То стоналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья, и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

(¹) Сочинено въ 1797 году.

XXXVIII.

ВЕНЕРИНЪ СУДЪ. (¹)

На розѣ опочила,
Въ листахъ пчела сидя;
Вдругъ въ пальчикъ уязвила
Венерино дитя:
Вскричалъ, вспорхнулъ крылами
И къ матери бѣжить;
Облившиися слезами,
«Пропаль, умру!» кричить:
«Ужаленъ небольшою
Крылатой я змѣей,
Которая пчелою
Зовется у людей.»
Богиня отвѣчала:
«Суди жъ: коль такъ пчелы
Тебя терзаетъ жало,
Что жъ твой ударъ стрѣлы?»

(¹) Сочинено въ 1797 году. Подражаніе Анакреону.

XXXIX.

РОЖДЕНІЕ КРАСОТЫ. (¹)

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.

Медь, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огонь,
Благовоній мгла летала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ;
Раздавались пѣсень хоры
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ,
И увидя царства, грады,
Что погибли отъ боевъ,
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ,
Распалился столько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей.
Вмигъ сокрылся блескъ лазура:
Тма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихоръ съ ризъ его и буря
Восшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,
Мракъ во пламени горѣлъ,
Яры волны, будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворенны безднѣ утробы
Тартаръ искры извергалъ;
Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянулъ громъ,
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги

Повернулись бы вверхъ дномъ.
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Стало, звать, красавицъ жаль;
А какъ съ ними не смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя въ щеки и уста,
Небо въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь, — и Красота
Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облекая табуномъ,
На свои ее взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись;
И, летя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ:
Зевсъ объялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.
Боги, молча, удивлялись,
На красу разинувъ ротъ,
И согласно въ томъ признались:
Миръ и брани — отъ красотъ.

(¹) Сочинено въ 1797 году.

XL.

СКРОМНОСТЬ. (¹)

Тихій, милый вѣтерочекъ,
Коль порхнешь ты на любезну,
Какъ вздыханье ей въ ушко шепчи:
Если спросить, чье? — молчи.

Чистый, быстрый ручеечекъ,
Если встрѣтишь ты любезну,
Какъ слезинка ей въ лицо плещи:
Если спросить, чья? — молчи.

Ясный, ведреный денечекъ,
Какъ освѣтишь ты любезну,
Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи:
Если спросить, чьи? — молчи.

Темный, миртовый лѣсочекъ,
Какъ сокроешь ты любезну,
Тихо вѣткой грудь ей щекочи:
Если спросить, кто? — молчи.

(¹) Сочинено въ 1797 году.

XLI.

ДАРЪ. (¹)

«Вотъ,» сказалъ мнѣ Аполлонъ:
«Я даю тебѣ ту лиру,

Коей вѣжнѣй, звучнѣй тонѣ
Можетъ быть пріятенѣ міру.

«Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть имѣ нравенѣ;
Лирою чрезѣ нихѣ ты сей
Можешь быть богатѣ и славенѣ.»

«Если жѣ пышность, санѣ, богатство
Не по склонностямѣ твоимѣ,
Пой любовь, покой, пріятство:
Будешь красотой любимѣ.»

Взялъ я лиру и запѣлъ,
Струны правду зазвучали:
Кто внимать мнѣ захотѣлъ?
Лишь красавицы внимали.

Я доволенѣ, свѣта богѣ,
Даромѣ симѣ твоимѣ небеснымѣ.
Я богатымѣ быть не могѣ;
Но я милѣ женамѣ прелестнымѣ.

(¹) Сочинено въ 1797 году.

XLII.

ЖЕЛАНІЕ. (¹)

—

Кѣ богамѣ земнымѣ сближаться
Ничуть я не ишу
И больше возвышаться
Никакъ я не хочу.

Душѣ моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

(¹) Сочинено въ 1797 году; относится къ первой женѣ автора.

XLIII.

Г О С Т Ю. (¹)

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ отдохни;
Въ семь тонкомъ пологу, перловомъ { (²)
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть:
Златой кузнечекъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.

Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

(¹) Сочинено на случай посѣщенія автора Петромъ Лукичемъ Вельяминовымъ въ 1795 году.

(²) Въ Петербургскомъ домѣ автора была комната съ диваномъ, въ которой серпанная палатка внутри уставлена была зеркалами.

XLIV.

ДРУГУ. (¹)

Пойдемъ сегодня благовонный
Мы черпать воздухъ, другъ мой, въ садъ,
Гдѣ вязаы свѣтлы, сосны темны,
Густыми купами стоятъ; (²)
Который съ милыми друзьями,
Съ подругами сердець своихъ,
Садилы мы, растили сами;
Ужъ нынѣ тѣнь пріятна въ нихъ.

Пусть Даша статна, черноока
И круглолицая, своимъ
Взмахнувъ челомъ, тамъ у потока,
А бѣлокурая живымъ
Намъ Лиза, какъ зефиръ, порханьемъ,
Пропляшутъ вмѣстѣ казачка
И нектаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Ихъ розова подасть рука.

Мы, сидя тамъ въ тѣни древесной,
За здравье выпьемъ всѣхъ людей:
Сперва за женскій полъ прелестной,
За искреннихъ своихъ друзей;
Потомъ за тѣхъ, кто намъ злодѣи:—
Съ одними намъ пріятно быть;

Другіе же, какъ скрыты змѣи,
Насъ учать осторожно жить.

(¹) Сочинено въ 1795 году на прогулку въ саду Николая Александровича Львова, на дачѣ его близъ Невскаго Монастыря, на берегу Невы, противъ Охты.

(²) Деревья на сей дачѣ сажали друзья Николая Александровича, и именно: самъ Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Вельяминовъ, Марья Алексѣевна Львова и Катерина Яковлевна Державина.

(³) Это двѣ горничныя дѣвушки Николая Александровича, которыя превосходною и скромною русскою пляской восхищали людей, чувствующихъ изящное.

XLV.

ПАРАШЪ. (¹)

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ!

Ты, которой повторяетъ
Звучну арфу нѣжный гласъ,
Какъ Палаша ударяетъ (²)
Въ струны, утѣшая насъ.

Встань, пойдёмъ на лугъ широкой,
Мягкій, скатистый, къ прудамъ;
Тамъ подъ сѣнью дровъ далекой
Сядемъ, взглянемъ по струямъ:

Какъ, скользя по нимъ, сверкаетъ
Лучъ отъ царскихъ теремовъ,
Звѣзды, солнцы разсыпаетъ
По тѣнямъ между кустовъ.

Какъ за серебряной плотицей
Линь золотой по дну бѣжитъ:
За прекрасною дѣвицей,
За тобой, Амуръ летитъ.

(¹) Сочинено въ Гатчинѣ въ 1798 году, по случаю намѣренія Петра Андреевича Нилова жениться на Прасковьѣ Михайловнѣ Бакуиной.

(²) Пелагѣя Михайловна Бакуина, сестра Прасковьи Михайловны.

XLVI.

П И Р Р Ъ. (¹)

Какой тамъ молодецъ проворной,
Прекрасный, статный, вспрысканъ весь
Водой душистой, благовонной,
Въ саду, въ цвѣтахъ, между древесъ,
Тебя въ бесѣлкѣ обнимаетъ,
Толь страстно къ сердцу прижимаетъ
И огонь съ смѣющихся пьетъ розъ?
И для кого ты такъ небрежно
На голубые взоры пѣжно
Спустила прядь золотыхъ волосъ? (²)

Увы! онъ сколько разъ слезами
Омочитъ страстную любовь,

Какъ вдругъ межъ черными волнами,
Отплывъ далеко отъ береговъ,
Себя увидитъ, проклиная...
Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнить наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

О, злополучна и несчастна,
Неопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льешь?
Но если бъ что меня касалось,
Тебѣ ль, другой ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
Но днесъ, въ знакъ моего спасенья,
Виситъ уже спущенъ мой флагъ.

(¹) Сочинено въ 1804 году. Подражаніе Горацию.

(²) Въ это время модная прическа женщинъ состояла въ томъ, чтобы волосы косичками опускались на лицо.

XLVII.

ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ. (¹)

Милая заря весення,
Алымъ блескомъ покровенна,
Какъ встаетъ съ кристальныхъ водъ

И въ небесный идетъ сводъ,
Мещетъ яхонтные взоры;
Тихій свѣтъ и огонь живой
Проницаетъ тверды горы:
Такъ, Варюша, образъ твой.

(¹) Сочинено въ 1797 году, Варварѣ Михайловнѣ Бакуниной.

XLVIII.

БОГАТСТВО. (¹)

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить.
Копилъ бы для того я злато,
Чтобы, какъ придетъ смерть сражать,
Тряхнуть карманомъ торовато
И жизнь у ней на откупъ взять.
Но ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата намъ алчною
Такъ много нашъ смущать покой?
Не лучше ль въ паршествахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводить;
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ,
Младымъ красавицамъ служить?

(¹) Сочинено въ 1798 году. Подражаніе Анакреону.

XLIX.

Г О Р Ы. (1)

Желалъ бы вѣкъ я быть съ Жидовочкой
прекрасной,
Чтобъ въ Горкахъ и Горахъ съ ней время про-
водить;
Но вмѣсто я того, по волѣ Царской, властной,
Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить.
Оставляя арфы звукъ, гитары, фортепьяна,
Волшебный гласъ ея и пляску казачка,
Я долженъ розыскать, какъ червь была вся
пьяна,
Какъ Земскому суду угладила бока;
И словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красоты Жидовочкины
зрѣть;
Талантовъ тысячью и прелестями плѣняясь,
Бекасами ея — лишь сыту быть умѣть.

---

(1) Сочинено въ селѣ Горы, въ Бѣлоруссіи, приналежащемъ Гр. Соллогубу. Когда Державинъ, бывший тамъ въ 1799 году на слѣдствіи по Высочайшему указу въ Березятнѣ, деревнѣ Графа Полье, возвращаясь однажды ночью изъ сей деревни къ Графинѣ Соллогубъ: дочь ея, что нынѣ Княгиня Голицына, перерядясь въ жидовское платье, поднесла Державину нѣсколько застрѣленныхъ бекасовъ.

L.

Г О Р К И. (1)

—

Сегодня мы твое рожденье
Пируемъ въ Горкахъ и Горахъ;
За здравье пьемъ и въ восхищеньѣ
Тебѣ желаемъ всякихъ благъ;
А то жъ и твоему супругу,
Чтобъ долго и пріятно жить,
И недругу давать и другу
Пирѣ, забавѣ, — ѣсть и пить. (2)

---

(1) Сочинено въ селѣ Горкахъ, Графини Соллогубъ, неподалеку отъ села Горь, по случаю празднованія тамъ рожденія матери ея, Марины Осиповны Нарышкиной, супруги Льва Александровича.

(2) Извѣстно, что Левъ Александровичъ Нарышкинъ любилъ угощать всякаго рода людей.

LI.

В И Ш А. (1)

—

Сей день усыпали цвѣтами
Младья дѣвы ложе мнѣ
И тихихъ пѣсень голосами
Восхитили мой духъ во снѣ.
Казалось, за ними слѣдомъ
Я по лугамъ, лѣсамъ ходилъ

И съ липъ златымъ питаюсь медомъ,
Благоуханный воздухъ пилъ;
Близъ водъ жилъ въ Полѣ Елисейскомъ,
Веселостей вкушая тму;
Но вставъ, увидѣлъ: въ миломъ сельскомъ
Твоемъ, Жуковскій, я дому.

(¹) Сочинено въ Вишѣ, небольшой деревнѣ Жуковскаго, въ Бѣлоруссiи, недалеко отъ Горъ, гдѣ въ 1799 году авторъ былъ угощаемъ.

III.

МЕЛЬНИКЪ. (¹)

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
«Вѣдь раскуютъ же даромъ птицы.
Возьми, старинушка, смели.»
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна:
Я ну молоть всѣмъ животомъ.
Мололъ я пристально, трудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но что жъ? — какъ ни потѣлъ, ни бился,
Не расколomъ я ни зерна.
Смѣясь, мнѣ дѣвушки въ назолу,
Пѣняли: «Что жъ не мелешь, дѣдъ?»
— «А вы,» сказалъ я: «для помолу
Пришли, какъ жерновъ не беретъ.»

(¹) Сочинено въ Горахъ 1799 года. Шутка на счетъ Федора Михайловича Колокольцава.

ЛІІІ.

ПТИЦЕЛОВЪ. (¹)

Эротъ, чтобъ слабымъ старикомъ
Казаться, гуню вздѣлъ худую, (²)
Покрылся бѣлымъ парикомъ
И бороду себѣ сѣдую
Привѣся, посохъ въ руки взялъ;
Пошелъ въ лѣсу ловить дичину
И тамъ по сучьямъ раскидалъ
Такъ хитро сѣть, какъ паутину:
А нужно гдѣ, то и златой
Разсыпалъ по мѣстамъ пшеницы,
Чтобы приманкою такой
Скорѣе побуждались птицы
Слетаться въ потаенну сѣть.
Лишь столъ увидѣли богатый,
Не позамедлили летѣть
Къ нему различныя пернаты,
И носиками ну клевать,
Ну зоблить зерна золотыя, —
А тутъ же въ сѣти попадать
И путаться, какъ бы слѣпныя.
Эротъ, смекнувъ, что у одной
Голубки хвостикъ увязился
Во ячею и съ головой,

Вспорхнулъ — и къ добычѣ пустился,
Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,
И въ сердце вмигъ ея вонзился:
Ручьемъ кровь ала потекла.
Ахъ! не клевать было пшеницы
Вамъ, бѣднымъ пташкамъ, золотой!
Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородъ сѣдой.

(¹) Сочинено въ Петербургѣ въ 1800 году.

(²) Гуня, простонародное названіе худаго крестьянскаго платья.

LIV.

СТРѢЛОКЪ. (¹)

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гулять:
Меду сладкаго не нада,
Лишь бы въ полѣ пострѣлять.

На лету я птицъ пернатыхъ,
Гдѣ завидѣлъ, тутъ стрѣлялъ;
Въ нехохлатыхъ и хохлатыхъ,
Лишь прицѣлилъ, попадалъ.

Но вечеръ вдругъ повстрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной,
Вмигъ крылами размахалась
И пошла ко мнѣ на бой.

Хвать въ колчань.... анъ стрѣль ужъ нѣту:
Лукъ опущенъ; сталь я въ пень.
Ахъ, беречь было монету
Бѣлюю на черный день!

(¹) Сочинено въ Петербургѣ въ 1798 году для Сенатора Алексѣя Владиміровича Щербатова, который былъ любитель пѣги и роскоши.

LV.

ПѢНОЧКА. (¹)

Пѣночка! какъ ты проснешься,
Вспрянешь, взглянешь, встрепенешься,
Носикъ, шейку оботрешь:
Про кого ты запоешь?

Запоешь про солнце красно,
Запоешь ты про зорю
И какъ вѣрно, нѣжно, страстно
Мной ты, я тобой горю.

Пой, созданіе любезно!
Какъ взаимно страстью нѣжно
Млѣть сердце, чувства, кровь,
Какъ сладка, сладка любовь!

Какъ отрадно утѣшенье,
Съ тѣмъ, кто милъ, всечасно быть;
Какъ пріятно восхищенье
Быть любиму и любить!

(¹) Стихи «Щёночка» сочинены Державинымъ въ 1799 году во снѣ и написаны въ ту минуту, какъ авторъ проснулся.

LVI.

РУССКІЯ ДѢВУШКИ. (¹)

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ Тіяскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучать,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
Ямки врѣзала любовь?
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взлядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины
И орловъ сердца разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты бь Гречанокъ позабылъ

И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

(¹) Сочинено въ 1799 году.

LVII.

ПѢСНЬ БАЯРДА. (¹)

Сладостное чувство томленье,
Огнь души, цѣпь изъ цвѣтовъ!
Какъ твое намъ вдохновенье
Восхитительно, Любовь!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Умножайся, пламень нѣжный,
Подъ желѣзной латой сей;
Печатлѣйся, видъ любезный,
Въ мысляхъ и душѣ моей!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Въ бой иду, не ужасаюсь;
Честь любезной отомщу.
Сobleщите, (ополчаюсь!)
Молнии, моему мечу!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

(¹) Сочинено въ 1799 году, по случаю оперы, игранный въ присутствіи Императора Павла.

LVIII.

ВАРЮШКА. (¹)

Какъ, Варюша, ты прекрасна!
Если не изъ сердца страдна,
А изъ дружбы лишь одной,
Я, писавши образъ твой,
Написалъ тебя зарею:
То моложе если бъ былъ,
Я бы съ пламенной душою
Въ тебѣ солнце находилъ.

Написалъ бы, какъ въ диванѣ,
Въ голубомъ твоємъ тюрбанѣ,
Ты сидишь и для красы,
На чело спустя власы,
Всѣхъ улыбкою любезной
Вмигъ умѣешь полонить:
Должно быть душѣ желѣзной,
Чтобъ, взглянувъ, не полюбить.

Гдѣ сокровище такое,
Толь прелестное, драгое,

Толь блистающій алмазь
Былъ ты скрытъ отъ жадныхъ глазъ
Бриллианщика младаго,
Что купить тебя не могъ?
Онъ отъ глазъ бы свѣта злаго
Спряталъ, заперъ за замокъ.

Не продажный, но завѣтной
Ты жемчугъ; цѣны несмѣтной
И нельзя тебя купить,
Кучей злата замѣнить;
А чтобъ нравиться прекрасной
И плѣнить тебя кто могъ,
Нуженъ мальчикъ нѣжный, страстной,
Взглядъ любви — крыматый богъ.

(¹) Сочинено въ 1799 году, Варваръ Михайловнѣ Бакуниной.

LIX.

А Р Ф А. (¹)

Не въ лѣтній ль знойный день прохладный
вѣтерокъ
Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуетъ?
Не въ знакъ ли журчитъ хрустальный ручеекъ?
Иль милая въ тѣни деревь меня цѣлуетъ?

Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ,
На розахъ дремлющій, согласьемъ тихострун-
нымъ,

Какъ эхо мнѣ вдали щекочеть нѣжно слухъ,
Иль шумомъ будить вдругъ вблизи меня перун-
нымъ.

Такъ! ты, подруга Музъ, ліешь мнѣ твои вос-
торгъ,

Подъ быстрою рукой играющей Хариты,
Когда чело ея вѣнчаетъ вкуса богъ
И улыбаются любовію лавиты.

Какъ весело внимать, когда съ тобой она
Поетъ про родину, отечество драгое
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое! (2)

О, колыбель моихъ первоначальныхъ дней, (3)
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твой по прежнему всегдашній буду житель?

Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть, (4)
Васъ, дубы камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей священны? (5)

Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ!
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благода-
тенъ!

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

---

(1) Сочинено на Званкѣ 1798 года, Пелагеѣ Михайлов-
нѣ Бакуниной.

(2) Тогда Императоръ Павелъ посѣщалъ Казань.

(³) Державинъ родился въ Казани.

(⁴) На Волгѣ и на Камѣ находятся огромныя заповѣдныя дубовыя рощи для кораблестроенія.

(⁵) Въ Казанскомъ уѣздѣ въ селѣ Егорьевѣ находится фамильное кладбище Державиныхъ.

LX.

НА РАЗЛУКУ. (¹)

Не раздаются больше звуки
Уже въ диванѣ мнѣ тобой;
Бѣгу всякъ часъ, бѣгу отъ скуки,
А скука слѣдуетъ за мной,
Когда жъ назадъ ты возвратишься,
Весельемъ мой наполнишь домъ?
Иль съ арфою навѣкъ простишься,
Съ Мурзой, Милордомъ и котомъ? (²)
Пожалуй, возвратись скорѣе,
Пріятны возврати часы,
И Дашу сдѣлай веселѣе,
И почеси Мурзѣ усы.

(¹) Сочинено въ 1802 году по случаю отъѣзда Пелагьи Михайловны Бакуиной.

(²) Мурзой называетъ авторъ себя; Милордомъ назывался прекрасный его пудель, а котъ Ангола всегдашній въ домашнемъ быту сотоварищъ его.

LXI.

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА. (1)

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполняясь сладострастна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нервъ трепеть, мѣнiе любви,
Волшебное заразъ искусство
Вакханокъ древнихъ оживи.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Какъ ночь — съ ланитъ сверкай зарями,
Какъ вихорь — прахъ плащемъ сметай,
Какъ птица — подлетаи крылами
И въ длани съ визгомъ ударяи.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ ношiю сосновымъ,
При блескѣ блѣдныя луны,
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Да вопль твой, эвоа! ужасный, (2)
Вдали мѣшаясь съ воемъ псовъ,
Ліетъ повсюду гулы страшны,
А сластолюбіе любовь.

Жги души, огонь бросай въ сердца { (3)
Отъ смуглаго лица.

Нѣтъ, стой, прелестница! довольно!
Музь скромныхъ больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Какъ Русска дѣва пропляши.

Жги души, огонь бросай въ сердца
И въ нѣжнаго пѣвца.

---

(1) Сочинено въ 1805 году Ивану Ивановичу Дмитріеву, по случаю его отзыва автору, что Московскія Цыганки криками ихъ въ Марьиной рощѣ мѣшаютъ ему заниматься стихотворствомъ.

(2) Извѣстный припѣвъ, или восклицанье древнихъ Вакханокъ во время игръ ихъ.

(3) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ упражнялся въ пѣсняхъ нѣжнаго рода, въ басняхъ и сказкахъ.

LXII.

Ц Ъ П И. (1)

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя они златыя.

Проникни и повѣрь:
Хоть острый серпъ судьбины
Моиxъ не косить дней,
Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу, ты въ туманѣ
Течешь ко мнѣ рѣкой;
Плѣнира на диванѣ
Простерлась надо мной, —
И легкимъ осязаньемъ
Устъ сладостныхъ твоихъ,
Какъ вѣтерокъ дыханьемъ
Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь
И шепчешь нѣжно въ слухъ:
«Почто такъ сокрушаешь
Себя, мой милый другъ?
Нельзя смягчить судьбины,
Ты сколько слезъ ни лей;
Милой половины
Займи души твоей.»

(¹) Сочинено въ Петербургѣ въ 1794 году. На другой день смерти первой жены своей, проснувшись и лежа на диванѣ, авторъ увидѣлъ, что изъ дверей буфета приближалось къ нему бѣлое тонкое облако или туманъ, который какъ-будто оживилъ его сердце своимъ чудеснымъ появленіемъ.

LXIV.

САФО. (1)

Блаженъ, подобится богамъ
Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ!

Увижу ль я сіе, — и вмигъ
Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ
И молнія по мнѣ стремится.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю;
Дрожу, блѣднѣю, — и какъ злакъ
Упадшій, вяну, умираю.

---

(1) Сочинено въ Петербургѣ въ 1797 году. Подражаніе
извѣстной одѣ Сафо.

LXV.

САФЪ. (1)

Когда брала ты арфу въ руки
Воспѣть твоей подруги страсть,
Протяжные и тихи звуки
Надъ сердцемъ нѣжнымъ сильну власть
Любви твоей изображали;
Но ревность лишь затмила умъ,

Громчайши гласы побѣжали
И приближался бурный шумъ.

Тогда бѣлорумяны нерсты
По звучнымъ вспрыгали струнамъ,
Взоръ червоогненный, отверстый
И молнія во слѣдъ громамъ
Блистала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей;
Смерть блѣдный хладъ распространяла:
Я умиралъ игрой твоей.

О, если бы я былъ Фаономъ
И пламень твой мою бѣ жегъ кровь:
Твоимъ бы страстнымъ, пыкимъ тономъ
Я описалъ свою любовь.
Тогда съ моей всеильной лиры
Зефиръ и громъ бы могъ летѣть:
Какъ ты свою, такъ я Пльниры
Изобразилъ бы жизнь и смерть.

(¹) Сочинено въ 1794 году. Изображается горестъ автора по смерти первой жены его.

XLVI.

Т О Н Ч И Ю. (¹)

Безсмертнѣй Тончи! ты мое
Лице въ томъ, слышу, пишешь видѣ,
Въ какомъ бы мастерство твое

Въ Омирѣ древнемъ, Аристидѣ,
Сократѣ и Катонѣ, вѣкъ
Потомковъ позднихъ удивляло;
Въ сѣдинахъ лысиной сіяло
И въ немъ бы зрѣлся человѣкъ.

Но лысина ль, или парикъ,
Но тога ль, плъ мундиръ кургузый ⁽²⁾
Содѣлали, что ты великъ?
Нѣтъ! Философія и Музы:
Онѣ насъ славными творять.
О, если бѣ освѣнялъ духъ правый
И освѣщалъ меня лучъ славы, —
Присталъ бы всякій мнѣ нарядъ.

Такъ, живописецъ философъ!
Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
Какъ знаешь ты; но лишь любовь
Увѣковѣчь ко мнѣ премудрыхъ.
А если слабости самимъ
И величайшимъ людямъ сродны,
Не забудь во мнѣ подобны,
Чтобъ зависть улыбалась имъ.

Иль нѣтъ: ты лучше напиши
Меня въ натурѣ самой грубой:
Въ жестокой мразь, съ огнемъ души,
Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой;
Чтобъ шелъ, природой лишь водимъ,
Противъ погодъ, волнъ, горъ кремнистыхъ, ⁽³⁾
Въ знакъ, что рожденъ въ странахъ я льди-
стыхъ;
Что былъ прапращуръ мой Багримъ. ⁽⁴⁾

Не испугай жены, друзей;
Придай мнѣ нѣжности немного;
Чтобъ былъ я ласковъ для дѣтей,
Лишь въ должностибъ судилъ всѣхъ строго; } (5)
Чтобъ жаръ кипѣлъ въ моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мнѣ вздыхали,
Хоть въ платонической любви.

(¹) Программа для портрета, данная знаменитому живописцу Тончи въ 1801 году. Одни совѣтовали написать автора въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ, какіе онъ имѣлъ; другіе полагали представить его въ древнемъ вкусѣ, безъ всякихъ украшеній. Живописецъ просилъ разрѣшить сеи два мнѣнія однимъ, какое автору принять будетъ угодно. Авторъ велѣлъ написать себя въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ въ сей одѣ. Портретъ этотъ находился въ столб-ной залѣ Державина. Въ такомъ видѣ былъ приложенъ портретъ Державина къ Образцовымъ Сочиненіямъ, издаваемымъ В. А. Жуковскимъ.

(²) Тога, плащъ или мантія, которую носили сенаторы римскіе.

(³) Сими стихами авторъ изображаетъ, что онъ, почти безъ всякихъ приготовительныхъ наукъ, одною природою произведенъ въ поэты, и что на пути службы испытывая многія препятствія, непріятности и нужду, однимъ характеромъ, безъ всякаго посторонняго покровительства, преодолевалъ ихъ. Въ одномъ письмѣ своемъ къ Графу Хвостову онъ сказалъ:

Кто велъ его на Геликонъ
И утвердилъ его шаги:
Не школъ витійственныхъ Содомъ, —
Природа, нужда и враги....

(⁴) Мурза Багримъ, предокъ автора, какъ выше сказано.

(⁸) Авторъ любилъ дѣтей, но по должности былъ взыскателемъ.

XLVII.

П И К Н И К И. (1)

Оставя безпокойство въ градѣ
И все, смущаетъ что умы,
Въ простой, пріятельской прохладѣ
Свое проводимъ время мы.

Невинны красоты природы
По холмамъ, рощамъ, островамъ,
Кустарники, луга и воды —
Пріятная забава намъ.

Мы положили межъ друзьями
Законы равенства хранить;
Богатствомъ, властью и чинами
Себя стнюдь не возносить.

Но если весель кто, забавень,
Любезнѣе другихъ тотъ намъ;
А если скромень, благодѣнень,
Мы чтимъ того не по чинамъ.

Насъ не касаются раздоры,
Обидамъ мѣста не даемъ;
Но души всѣхъ, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьемъ.

У насъ не стыдно и герою
Повиноваться красотамъ;

Всегда одной дышать войною
Прилично варварамъ, не намъ.

У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье —
Между собой цвѣты срывать.

Кто ищетъ общества, согласья,
Прійди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятель часъ.

(¹) Сочинено въ П.-бургѣ, въ 1776 году, по случаю бывшихъ пикниковъ у извѣстнаго государственнымъ заслугами человѣка, Алексѣя Петровича Мельгунова, къ которому собирались въ назначенныя за городомъ мѣста на островахъ, или въ садахъ, молодые люди и дамы, гдѣ и авторъ участвовалъ.

LXVIII.

РАЗНЫЯ ВИНА. (¹)

Вотъ красно-розово вино:
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!
Ты тожъ румяна, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ черно-тинтово вино:
За здравье выпьемъ чернобровыхъ.

Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ лиловыхъ!
Ты тожъ, смуглянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ злато-кипрское вино:
За здравье выпьемъ свѣтловласыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ прекрасныхъ!
Ты тожъ, бѣлянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ слезы-ангельски вино:
За здравье выпьемъ женъ мы нѣжныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ любезныхъ!
Ты тожъ нѣжна и хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

(¹) Намечтано было много разъ и въ разныхъ издавіяхъ.

LXIX.

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ. (¹)

—
пьяный.

Сосѣды! на свѣтѣ все пустое:
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое
Мечты быть могутъ почтены:
То здраво и покойно жить,

Съ друзьями время проводить,
Красотъ любить, любимымъ быть
И съ ними сладко ѣсть и пить.

Какъ пѣвится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣты!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдь!

ТРЕЗВЫЙ.

Сосѣдь! на свѣтѣ не пустое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщемъ въ нихъ прямое,
Когда мы будемъ лишь умны,
Привыкнемъ прямо честь любить,
Умѣренно, въ довольствѣ жить,
По самой нуждѣ ѣсть и пить:
То можемъ всѣ счастливы быть.

Пусть пѣвится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдь!

ПЬЯНЫЙ.

Гонялся я за звучной славой,
Встрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ;
Сей звѣрской упоенъ отравой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза страшнымъ быть,
Себя губить, другихъ мертвить,
Въ убійствѣ время проводить?
Безумно на убой ходить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣды!

ТРЕЗВЫЙ.

Гоняться на войнѣ за славой
И съ ядрами встрѣчаться лбомъ
Велить тому разсудокъ здравой,
Кто лишь рожденъ не дуракомъ:
Царю, отечеству служить,
Чадъ, женъ, родителей хранить,
Себя отъ плѣна оборонить —
Священна должность храбрымъ быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣды!

ПЬЯНЫЙ.

Хотѣлъ я сдѣлаться судьей,
Законы свято соблюдать;
Увидѣлъ, что кривятъ душою,
Гдѣ должно сильныхъ осуждать.
Какая польза такъ судить?
Однихъ щадить, другихъ казнить
И совѣстью своей шутить?
Смѣшно въ тенета мухъ ловить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!

Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

ТРЕЗВЫЙ.

Когда судьба тебѣ судьбою
Въ судахъ велѣла засѣдать:
Вертѣться нужды нѣтъ душою,
Когда не хочешь взятокъ брать.
Какъ можно такъ и сякъ судить,
Закономъ правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судьѣ злодѣемъ страшно быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не плю, любезный мой сосѣдъ!

(¹) Образъ мыслей Аристиппа и Аристида. Сочинено въ 1789 году; напечатано въ Московскомъ Журналѣ, а въ послѣдствіи въ Пѣсенникѣ, собранномъ и изданномъ И. П. Дмитриевымъ.

LXX.

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛЬ. (¹)

По Сѣверу, по Югу,
Съ Москвы орель парить;
Всему земному кругу
Полетъ его звучить.

О, исполать, ребята,
Вамъ, Русскіе солдаты!

Что вы неустрашимы,
Никѣмъ непобѣдимы:
За здравье ваше пьемъ!

Орелъ бросаетъ взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Всѣ бьютъ челомъ ему.

О, исполать вамъ, вои,
Безсмертные герои,
Румянцевъ и Суворовъ!
За столько славныхъ боевъ:
Мы въ память вашу пьемъ!

Орелъ глядитъ очами
На солнце съ высоты;
Герои подъ шлемами
На женски красоты.

О, исполать, красотки,
Вамъ, Росски Амазонки!
Вы въ мужествѣ почтенны,
Вы въ нѣжности любезны:
Здоровье ваше пьемъ!

(¹) Застольная пѣснь военныхъ людей, писанная въ 1795 году, въ память знаменитыхъ нашихъ фельдмаршаловъ: Румянцева и Суворова.

LXXI.

ГОЛУБКА. (1)

Отколь, голубка мила,
Летишь такъ рѣзво ты?
Откуда, бѣлокрыла,
На воздухъ льешь цвѣты
И сладкій запахъ въ чувства?
Кто, съ чѣмъ послалъ тебя?

ГОЛУБКА.

Богъ свѣта и искусства
Послалъ съ письмомъ меня
Къ красавцу молодому,
Къ владыкѣ всѣхъ сердець,
Къ тому божку земному,
Кто поданнымъ отецъ,
Кому меня Фелица
Въ наслѣдье отдала:
«Будь Хлорова ты птица,»
Съ усмѣшкою рекла:
«Носи ему съ небесной
Ты пѣсни вышины;
Какъ славой миѣ, всемѣстной
Наполнь его страны.»
И я съ тѣхъ поръ, какъ должно,
Ему, какъ ей, служу;
Пріятную, сколь можно,
Гармонію ношу;
А онъ за то златую

Мнѣ хочетъ вольность дать;
Но дастъ, иль нѣтъ, какую,
Мнѣ вечаго желать.
Какая это воля,
Летала чтобъ одна;
Была бъ безвѣстна доля,
Была бы холодна?
Коль днесъ пшеницей Хлоромъ
Изъ усть его кормлюсь,
Его питаюсь взоромъ,
Счастливою зовусь:
На лонѣ, иль на шлемѣ
Кружусь, воркую я
И въ сладкомъ этомъ плѣнѣ
Мила всѣмъ пѣснь моя.

Прости жъ меня, прохожіи!
Не будь къ болтанью строгъ:
Сей день была похожей
Голубка на сорокъ.

(¹) Сочинено въ 1801 году. Подражаніе Анакреону. Писано по случаю благодѣтельнаго расположенія Императора Александра принять правительственныя мѣры къ улучшенію нижняго состоянія въ народѣ.

LXXII.

Л И З Ъ.

ПОХВАЛА РОЗЪ.

Я воспѣлъ весну прекрасну,
Нынѣ розу я пою;
Всѣхъ цвѣтовъ пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! другъ мой милый, юной!
Розѣ гласъ свой посвящай,
На гитарѣ тихострунной
Пѣснь мою сопровождай.
Роза зрѣнію любезна,
Обонянію мила,
Здравью, разуму полезна
И невинностью свѣтла.
Роза пѣнія достойна,
Даръ священный алтарей;
Царствъ владычицамъ подобна,
Въ одѣяніи царей.
Роза, если устрашаетъ,
Тернь свой ставя чести въ щитъ:
Во цвѣтахъ благоухаетъ,
Очи, души веселитъ;
Розовы уста прекрасны:
На ланитахъ милъ ихъ смѣхъ;
На грудяхъ лилейныхъ ясны,
Любы Лелю для утѣхъ.
Розы старцамъ утѣшенье:

Святъ вѣнецъ ихъ мудрецамъ;
Розы дѣвамъ украшенье,
Восхищенье молодцамъ.
Розы лучшее убранство
И пріятностей младыхъ;
Розы красотѣ въ подданство
Клонятъ и владыкъ земныхъ.
Розы въ пиршествахъ утѣха, —
На гостяхъ, какъ огонь, цвѣтутъ;
Розы въ скукѣ не помѣха,
Услаждаютъ скорбь и трудъ.
Розовы листы нагрѣты
Вздохомъ устъ, ударомъ рукъ,
Счастливой любви обѣты,
Громкій производятъ звукъ.
Розы тожъ намъ помогаютъ,
Какъ и стрѣлы, побѣждать;
Коль красу гдѣ выхваляютъ,
Льзя ли розой не назвать?
Роза другъ зари румяной,
Дщерь весны и кринь небесъ;
Миръ даетъ душѣ печальной,
Изушаетъ токи слезъ.
Розу въ лучшіе дни года
Прославляетъ соловей;
Зефиръ вѣетъ и природа
Улыбается вся ей.
Розы въ жизни насъ прельщаютъ,
Намъ по смерти розы честь;
Стихотворцы воспѣваютъ
Розовой Авроры перстъ.

Роза всѣмъ кустамъ царица,
Ароматовъ сладкихъ мать;
Бисеромъ своимъ зарница
Розу любитъ окроплять.
Роза міру покрывало,
Образъ солнца, красоты;
Розу похвалить чѣмъ, мало:
Будь мнѣ, Лиза, ею — ты!

(¹) Сочинено на Званкѣ, въ 1802 году, племянницѣ Автора, Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой. Подражаніе Анакреону.

LXXIII.

Х М Е Л Ъ. (¹)

Хмель какъ въ голову залѣзеть,
Всѣ бѣгутъ заботы прочь;
Крезъ съ богатствами исчезнетъ;
Пью! — и всѣмъ вамъ добра ночь.
Плющемъ лежа увѣнчанный,
Ни во что весь ставлю свѣтъ;
Въ бой идетъ пускай мужъ бранный, —
У меня охоты нѣтъ.
Мальчикъ! чашу сокомъ алымъ
Поспѣши мнѣ наливать;
Мнѣ гораздо лучше пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ, лежать.

(¹) Сочинено на Званкѣ, въ 1802 году; подражаніе Анакреону.

LXXIV.

АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВИЕ. (¹)

Почто витієвъ правилъ
Мнѣ выючить бремена?
Премудрость я оставилъ:
Не надо мнѣ она.
Вы лучше поучите,
Какъ сокъ мнѣ Вакховъ пить;
Съ прекрасной помогите
Венерой пошутить.
Ужъ нѣтъ мнѣ больше силы
Съ ней одному владѣть;
Подай мнѣ, мальчикъ милый,
Вина хоть поглядѣть;
Авось еще немного
Мой разумъ усыплю:
Приходить время строго,
Покину, что люблю.

(¹) Подражаніе Анакреону. Писано на Званкѣ въ 1802 году.

LXXV.

МОРЕХОДЕЦЪ. (¹)

Что вѣтры мнѣ и сине море?
Что громъ, и штормъ, и океанъ?
Гдѣ ужасы и гдѣ тутъ горе,

Когда въ рукахъ съ виномъ стаканъ?
Спасутъ ли насъ компасъ, руль, снасти?
Нѣтъ! Сила въ томъ, чтобъ духъ пылалъ.
Я пью и не боюсь напасти:
Прійди хотя девятый валъ!
Прійди, и волнъ зіяй утроба!
Мнѣ лучше пьянымъ утонуть,
Чѣмъ трезвымъ доживать до гроба
И съ плачемъ плыть въ толь дальній путь.

(¹) Сочинено на Званкѣ въ 1802 году.

LXXVI.

МАХІАВЕЛЬ. (¹)

Царей насмѣшникъ, иль учитель
Великихъ, иль постыдныхъ дѣлъ!
Душъ слабыхъ, мелкихъ обольститель,
Поли отъ насъ, Махіавель!
Не надо намъ твоихъ замашекъ,
Обмановъ тонкихъ, хитростей:
Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
Для счастья честныхъ людей;
Довольно видѣть сквозь покамы
Всю нашихъ внутренность сердецъ,
На бой насъ посылать, на балы,
Изъ лавровъ плестъ и розъ вѣнецъ..

(¹) Сочинено на Званкѣ, въ 1802 году, по случаю примѣченныхъ авторомъ правилъ сего писателя.

LXXVII.

ГРАФИНЬ ОРЛОВОЙ. (¹)

Ты взорами орлица,
Достойная отца;
Душею голубица,
Достойная вѣнца.
Пріятности дивятся
Уму и красотамъ,
И въ пляскахъ всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Петрополѣ,
Побѣды поженешь:
Какъ флотъ отецъ твой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь.

(¹) Сочинено въ 1801 году, въ Москвѣ, дочери Графа Алексѣя Григорьевича, Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой Чесменской.

LXXVIII.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ. (¹)

Что нужды мнѣ до града?
Въ деревнѣ я живу.
Мнѣ лентъ и звѣздъ не нада:
Вельможей не слыву;
О томъ лишь я стараюсь,
Чтобъ счастливо прожить;

Со всѣми обнимаюсь
И всѣхъ хочу любить.
Кто вѣдаетъ, что будетъ?
Сегодня мой лишь день,
А завтра всякъ забудетъ
И все пройдетъ какъ тѣнь.
Зачѣмъ же мнѣ способну
Минуту потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать?
Сокровищъ мнѣ не нада:
Богатъ, съ женой коль ладъ;
Богатъ, коль Лель и Лада
Мнѣ дружны и Уладъ;
Богатъ, коль здоровъ, обилень,
Могу поѣсть, попить,
Подъ часъ и не безсиленъ
Съ Миленой пошалить.

(¹) Сочинено на Званкѣ въ 1802 году.

LXXIX.

О Х О Т Н И К Ъ. (¹)

За охотой ты на Званку
Птицъ поѣхалъ пострѣлять;
Но, бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ, сталъ вздыхать.

Что такое это значитъ,
Миленькій охотникъ мой?
Ты молчишь, а сердце плачетъ:
Птицы ль не убилъ какой?

Дѣвъ ли остренькіе глазки
Понадѣлали хлопотъ?
Съ ихъ ланить, изъ алой краски,
Зрѣлъ я, цѣлился Эроть.

Какъ же быть? и чѣмъ лечиться?
Птичекъ ты багрилъ въ крови:
И тебѣ пришло томиться
Отъ смертельныя любви.

(¹) Сочинено на Званкѣ въ 1802 году.

LXXX.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ. (¹)

Хоть вся теперь природа дремлетъ,
Одна моя любовь не спитъ;
Твои движенья, вздохи внемлетъ,
И только на тебя глядитъ.

Примѣть мои ты разговоры,
Помысль о мнѣ на единѣ;
Брось на меня пріятны взоры
И нѣжностью отвѣтствуй мнѣ.

Единымъ отвѣчай воззрѣньемъ,
И мысль свою мнѣ сообщи:

Что съ тѣмъ сравнится восхищеньемъ.
Какъ двѣ сольются въ насъ души?

Представь въ умѣ сіе блаженство,
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь съ божествомъ равенство
Намъ можетъ въ жизни подарить.

(¹) Сочинено въ 1770 году.

LXXXI.

ПЛАМИДЪ. (¹)

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихимъ голубымъ огнемъ
Очей твоихъ; отъ ихъ я вида
Не защищусь теперь ничѣмъ.

Хоть былъ бы я царемъ вселенной,
Иль самымъ строгимъ мудрецомъ:
Пріятностью, красой сраженной,
Твоимъ былъ узникомъ, рабомъ.

Все — мудрость, скипетръ и державу
Я отдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жертву славу,
И у твоихъ бы умеръ ногъ.

Но слышу, просишь ты, Пламида,
Въ задатокъ нѣсколько рублей:

Гнушаюсь я торговли вида;
Погасъ огонь въ душѣ моей.

(¹) Сочинено въ 1770 году.

LXXXII.

Н И Н Ъ. (¹)

Не лобызай меня такъ страстно,
Такъ часто, нѣжный, милый другъ!
И не нашептывай всечасно
Любовныхъ ласкъ своихъ мнѣ въ слухъ;
Не падай мнѣ на грудь въ восторгахъ;
Обнявъ меня, не обмирай.

Нѣжнѣйшей страсти пламя скромно;
А ежели чрезъ мѣру жжетъ,
И удовольствіи чувство полно:
Погаснетъ скоро и пройдетъ.
И, ахъ! тогда прійдетъ въ мигъ скука,
Остуда, отвращенье къ намъ.

Желаю ль цѣловать стократно;
Но ты цѣлуй меня лишь разъ,
И то пристойно, такъ, безстрастно,
Безъ всякихъ сладостныхъ заразъ,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ:
То будетъ вѣченъ нашъ союзъ.

(¹) Сочинено въ 1770 году. Подражаніе одной изъ олъ Клоштока.

LXXXIII.

ВСЕМИЛЪ. (¹)

Какая непонятна сила
Изъ устъ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.

Такъ, красота владѣетъ міромъ;
Сердца ей тронъ и алтари;
Ее чтутъ мудрые кумиромъ
И поклоняются цари.

Прочти дѣянія великихъ:
Всѣ къ нѣжности склоняли слухъ;
Причина подвиговъ толикихъ
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкій слухъ.

Почто жъ, о, милое творенье!
Грустишь и тонешь такъ въ слезахъ.
Когда царей и царствъ правленье
Въ твоихъ содержится рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вздыхаетъ;
Въ слезахъ твердишь ты: «все мечта!»
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красота.

(¹) Сочинено въ 1770 году.

LXXXIV.

К Р У Ж К А. (1)

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая серебряная кружка!

Давно ужъ намъ въ тебя пора

Пивца налить

И пить....

Ура! ура! ура!

Ты дщерь великаго ковша,
Которымъ предки наши нили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.

И намъ, какъ имъ, давно пора

Счастливымъ быть

И пить....

Ура! ура! ура!

Бывало, старики въ винѣ
Свое все потопляли горе;
Дрался храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣна море!

Забыть и намъ всю грусть пора,

Отважнымъ быть

И пить....

Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился вѣкъ,
Когда діеть не наблюдали;

Быль здоровъ и счастливъ человекъ
Какъ только пили да гуляли.

Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить....

Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, рѣзвость, смѣхъ,
Въ хмелю другъ друга обнимаютъ;
Теперь на мѣсто сихъ утѣхъ,
Жеманствомъ, лаской угощаютъ.

Жеманство намъ прогнать пора,
Но просто жить
И пить....

Ура! ура! ура!

Въ садахъ, бывало, средь прохладъ
И жены съ нами куликаютъ;
А нынѣ клобъ да маскарадъ
И женъ ужъ съ нами разлучаютъ.

Французить намъ престать пора,
Но Русь любить
И пить....

Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего,
Теперь карманы посѣщаютъ;
Гдѣ вистъ, да банкъ, да макао,
На деньги дружбу тамъ мѣняютъ.

На карты намъ плевать, пора,
А скромно жить
И пить....

Ура! ура! ура!

О, сладкій дружества союзъ,
Съ гренками пивомъ цѣнна кружка!
Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила тамъ, весела пирушка.

Пребудь ты къ намъ всегда добра:

Мы станемъ жить

И пить....

Ура! ура! ура!

(¹) Застольная пѣсня. Напечатана въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ въ 1778, потомъ въ 1798 и 1804. Приятная, полная чувства и выразительности. Музыка придворнаго гуслиста Трутовскаго сдѣлала эту пѣсню любимую русскою народною пѣснью, особенно на дружескихъ пирахъ.

LXXXV.

ГИМНЪ САФЫ ВЕНЕРЪ. (¹)

Безсмертная Венера!
Всечтимая богиня,
Юпитерова дщерь,
Которая прельщаешь
Сердца всѣхъ земнородныхъ!
Не мучь души моей
Скукъ бременемъ печалей,
Тебя въ томъ заклинаю;
Но прииди ко мнѣ,
Какъ приходила прежде,
И именемъ Амура
Услышь мольбу мою,

И будь благопріятна,
И будь мнѣ милосерда,
Какъ вѣкогда была,
Когда ты оставляла
Домъ отчій позмашенный,
И на твоей ко мнѣ
Роскошной колесницѣ
Съ Олимпа низлетала.
Легко съ высотъ ее
По воздуху носили
На рѣзвыхъ, быстрыхъ крыльяхъ,
Порхая, воробы, —
И, кончивъ быстротечно
Свое они ристанье,
Съ ней возвращались вспять.
Тогда ты, всеблагая!
Своимъ лицомъ небеснымъ,
Осклабясь на меня,
Умильно вопрошала.
О чемъ я такъ тоскую?
Зачѣмъ звала тебя?
И коимъ средствомъ можно
Тревожный заблуженный
Спокоить разумъ мой?
Кого я, бывъ влюбленна,
Желала бы увѣрить,
Разжалобить, смягчить
И удержать въ оковахъ?
«Кто тотъ неблагодарный,»
Ты такъ вѣщала мнѣ:
«Любезнѣйшая Сафа,

Тебя что презираетъ?
Тебѣ не внемлетъ кто?
Онъ ежели безчувственъ,
Не вѣженъ, не привѣтливъ
И отъ тебя бѣжить;
Самъ бѣгать за тобою,
Искать тебя онъ станетъ;
Когда отвергъ твой даръ,
Пришлетъ тебѣ самъ дары;
Когда тебя не любитъ,
Полюбитъ столько вмигъ,
Сколь ты сама захочешь.» —
И такъ прійди, Венера!
Прійди ко мнѣ, спаси,
Освободи жестокихъ
Томленій, грусти муки!
Сверши и увѣнчай
Руки своей ты дѣло!
И все, чего желаетъ,
Дай сердцу моему.
Прійди, возьмись, богиня!
Ты заступитъ собою
И защититъ меня.

(¹) Это стихотвореніе сочинено Державинимъ въ 1800 году, сообразно прозаическому переводу съ греческаго.

LXXXVI.

ТИШИНА. (1)

Не колыхнетъ Волховъ темный,
Не шелохнетъ лѣсъ и холмъ;
Мещетъ на поля чуть блѣдный
Свѣтъ луна, и спитъ мой домъ.

Какъ — я мнилъ въ уединеньѣ —
Въ хижинѣ быть славну мнѣ?
Не живемъ, живя въ забвеньѣ:
Что въ могилѣ, то во снѣ.

Нѣтъ! талантъ не увядаетъ
Вѣчнаго забвенья въ тмѣ;
Изъ-подъ спуда онъ сіяетъ:
Я блесну на вышинѣ.

Такъ! пойду хотя въ забаву
За пѣвцемъ Тинскимъ въ слѣдъ,
И спискать его чтобъ славу,
Стану забавлять я свѣтъ.

Стану шуткою влюбляться,
На бумагѣ пить и ѣсть,
Къ милымъ дѣвушкамъ ласкаться
И въ сѣдинахъ будто цвѣсть.

Я пою, — Пивдъ стала Званка;
Совосплещутъ Музы мнѣ;
Возгремѣла балалайка
И я славенъ въ тишинѣ!

(¹) Писано на Званкѣ 1801 года; напечатано въ 1804 году.

LXXXVII.

ВНИМАНИЕ. (¹)

Тебя какъ Музы слышатъ
И какъ ты слышишь ихъ,
Пріятностію дышатъ
Въ пріятностяхъ твоихъ.

Эротъ, смотря тихонько,
Сказалъ: «какъ ты мила!»
Будь счастлива имъ столько,
Какъ Музами была.

Любовью ты владѣя,
Прикуй ее къ себѣ,
Чтобы, летать не смѣя,
Привыкнула къ тебѣ.

Привыкла бѣ жить съ тобою,
И такъ бы вы сжились,
Какъ бабочка свѣчкою,
Собою вы сожглись.

Красавицы, вздыхая,
Завидовали бѣ намъ;
Я, пѣсни вамъ слагая,
Слагалъ бы красотамъ, —

Красамъ, хвалу что трубятъ,
И мнѣ, какъ ты, льстя Музъ:

А тѣмъ, что васъ не любятъ,
Пѣть пѣсень не берусь.

(¹) Сочинено въ 1804 году, и тогда же напечатано по желанію Натальи Яковлевны Плюсковой.

LXXXVIII.

ГИТАРА. (¹)

Шестиструнная гитара
У красавицы въ рукахъ,
Громы звучнаго Пиндара
Заглушая на устахъ,
Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ,
Пѣть велить любовь.

Я пою подъ миртой мирной,
На красы ея смотря,
Не завидую обширной
Власти самаго царя;
Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный
Всѣхъ милѣй чиновъ.

Пусть вожди въ бояхъ дерутся,
Въ думахъ бара брань ведутъ;
Алыхъ устъ ея коснуться,
Вся моя побѣда тутъ:
Поцѣлуй ея мнѣ нѣжный
Выше всѣхъ даровъ.

Пусть герой свой блескъ сугубить,
Ждетъ безсмертія отликъ;
Милая меня коль любить,
Мнѣ блаженнѣй вѣка мигъ, —
И ея объятія нѣжны
Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

(¹) Сочинено въ 1800 году. Напечатано въ 1804 году.
Поднесено Авдотѣ Семеновнѣ Жегулиной, въ послѣд-
ствіи Ершовой.

LXXXIX.

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ. (¹)

Если бъ милья дѣвицы
Такъ могли летать, какъ птицы,
И садились на сучкахъ:
Я желалъ бы быть сучечкомъ,
Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ.
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили и птенцовъ;
Никогда бъ я не сгибался, —
Вѣчно бъ ими любовался,
Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ.

(¹) Сочинено въ 1802 году. Напечатано въ 1804 году,
въ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ.

ХС.

БАБОЧКА. (¹)

На цвѣты съ цвѣтовъ летая,
Въ полѣ бабочка живетъ;
Не тоскуя, не вздыхая,
Сладкій медъ одинъ съ нимъ пьетъ.
Что счастливѣе сей доли,
Какъ бы бабочкою быть,
На своей всегда жить волѣ,
И любви лишь сладость пить?
Я бы пилъ, — и, вновь влюбляясь,
Лишь въ весельѣ дни провелъ,
А съ духами сочетаясь,
Былъ нетлѣнія символъ.

(¹) Сочинено въ 1802 году; напечатано въ 1804 году.

ХСІ.

КУЗНЕЧИКЪ. (¹)

Счастливъ, золотой кузнечикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ!
На цвѣточный сѣвъ лужечикъ,
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
Всѣмъ любуясь на волѣ,
Воспѣваешь вѣкъ ты свой;
Взглянешь лишь на что ты въ полѣ,

Всѣмъ доволенъ, все съ тобой.
Земледѣльцевъ по сосѣдству
Не обидишь ты ничѣмъ;
Ни къ чьему не льнешь наслѣдству,
Самъ богатъ собою всѣмъ.
Пѣснопѣвецъ тепла лѣта!
Аполлона нѣжный сынъ!
Честный обитатель свѣта,
Всѣми Музами любимъ!
Вдохновенный гласомъ звонкимъ
На землѣ ты знаменитъ;
Чтутъ живые и потомки:
Ты Философъ! ты Пить!
Чистъ въ душѣ своей, не злобенъ,
Удивленіе ты намъ:
О, едва ли не подобенъ,
Мой кузнечикъ, ты богамъ!

(¹) Стихотвореніе «Кузнечикъ» и слѣдующія за нимъ «Любушкѣ» и «Старикъ» — подражаніе Анакреону, и всѣ три сочинены въ 1802 году.

ХСII.

ЛЮБУШКЪ.

Не хочу я быть Протеемъ,
Чтобы оборотнемъ стать;
Невидимкой, или змѣемъ,
Въ теремъ къ дѣвушкамъ летать;

Но желалъ бы я тихонько,
Безъ огласки отъ людей,
Зеркаломъ въ уборной только
Быть у Любушки моей:
Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ
Обраца́лася ко мнѣ;
Станомъ, поступью, уборомъ,
Любовалася во мнѣ;
Иль бы, сдѣлавшись водою,
Я ей тѣло омывалъ;
Вкругъ монистой золотою
Руки блескомъ украшалъ;
Въ видѣ благовонной мази
Умощалъ бы ей власы,
На грудяхъ въ цвѣточной вязи
Отъбнялъ ея красы;
Иль, обнявши бѣлу шею,
Былъ жемчугъ ея драгой:
Ставь хоть обувью твоею,
Жала бѣ ты меня ногой.

ХСІІІ.

СТАРИКЪ.

Мнѣ дѣвушки шептали:
«Ты старъ, и сѣдъ, и лысь;
Вотъ зеркало,» сказали:
«Возьми и посмотрись.»

— «Что нужды мнѣ, не знаю;
Я старъ,» сказалъ «иль нѣтъ;
Я только увѣряю,
Что я душой не сѣдъ,

И старику нужнѣе
Въ веселіи пожить,
Приходить чѣмъ скорѣе
Меня похоронить.»

XCIV.

Плѣнникъ. (1)

Опутавъ Леля Музы
Въ цвѣточномъ тенетѣ,
Стеречь, повергши въ узы,
Вручили красотѣ.

Ужъ Лада ходитъ, проситъ,
Чтобъ ей сыскать его,
И выкупъ знатный носить
Съ собою за него.

Но плѣнника пусть долю
Хоть выкупъ сей прерветъ:
Онъ сладкую неволю
Свободѣ предпочтетъ.

---

(1) Сочинено въ 1802 году. Подражаніе Анакреону.
Напечатано въ 1804 году.

ХСV.

ФАЛКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ. (1)

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу въ избѣ повалкой
Спать на сѣнѣ улеглись.
Въ полночь, самой той порою,
Какъ заснула тишина,
Сребряной на насъ рукою
Сыпала свой свѣтъ луна:
Вдругъ изъ оконъ Лель блестящихъ
Вѣхалъ на лучѣ верхомъ,
И меня нашедъ межъ спящихъ,
Тихо въ бокъ толкнулъ крыломъ.
«Ну,» сказалъ онъ «на охоту
Если хочешь, такъ поидемъ;
Мнѣ оставь стрѣлять заботу,
Ты иди за мной съ мѣшкомъ.»
Всталъ я, и, держась за стѣнку,
Шелъ на цыпкахъ, чуть дышалъ;
За спиной онъ въ тулѣ стрѣлку,
Палецъ на устахъ — держалъ.
Тихой выступкой такою,
Мнилъ онъ, лучше дичь найти;
Мнѣ жъ, съ плѣшивой головою,
Какъ слѣпцу, велѣлъ идти:
Шли, — и только наклонялись
На гнѣздо младыхъ куницъ;
Молодежь вокругъ засмѣялась, —

Насъ схватили у дѣвицъ.
Испугавшись смертельно,
Камнемъ сталъ мой Купидонъ:
Я проснулся, — радъ безмѣрно,
Что то былъ одинъ лишь сонъ.
Сна однако столь живаго
Голова моя полна;
Вижу въ мраморѣ такого
Точно Купидона я.
«Не шути, имѣвъ грудь цѣлу,»
Улыбаясь, онъ грозитъ:
«Вмигъ изъ тула выну стрѣлу,»
Слышу, будто говорить.

(¹) Сочинено въ 1804 году; напечатано тогда же.

ХСVI.

СВОВОДА. (¹)

Теплой осени дыханье,
Помаваніе дубовъ,
Тихое листовъ шептанье,
Восклицанье голосовъ

Мнѣ лежащему въ долинѣ
Наводили сладкій сонъ.

Видѣлъ я себя стоящимъ
На высокомъ вдругъ холму, (²)
На плоды вдали глядящимъ,
На шумящу близъ волну, —

И какъ будто въ важномъ чинѣ
Я носилъ на плечахъ холмъ. (3)

Дальше — власти мнѣ святыя
Иго то велѣли несть,
Всѣ вѣнцы суля земные,
Титла, золота и честь.

«Нѣтъ!» возставъ отъ сна глубока,
Я сказалъ имъ: «не хочу;

«Не хочу моей свободы,
Совѣсть на мечты мѣнять:
Гладки воды, коль погоды
Ихъ не могутъ колебать:

Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу.»

---

(1) Сочинено въ 1803 году, по случаю увольненія автора отъ службы.

(2) Авторъ, представляя себя на холму, изображалъ аллегорически высокій свой чинъ.

(3) Этимъ авторъ разумѣетъ здѣсь тяжелую должность Министра Юстиціи, которой онъ былъ удостоенъ.

ХСVII.

НА ПАСТУШІЙ ВАЛЕТЪ. (1)

На дерну лежа зеленомъ,
Я въ свирѣль мою игралъ;
Въ сердцѣ цѣльномъ, не плѣненномъ,
Я любви еще не зналъ.

Но, откуда ни возьмися,
Подбѣжалъ ко мнѣ дитя:
«Дай свирѣлку, потрудися,
Поучи,» сказалъ, шутя.
Отдалъ я ему свирѣлку,
Началъ онъ въ нее играть;
Поигравъ, мнѣ кинулъ стрѣлку,
Сталъ я съ стрѣлкой той плясать;
И со стрѣлкой таковою
Шестьдесятъ ужъ лѣтъ пляшу:
Не скучаю красотой
И любовь въ душѣ ношу.

(¹) Сочинено и напечатано въ 1804 году.

ХСVIII.

ИЩЕНІЕ. (¹)

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похитилъ сотъ,
И пчелой за то въ отмщенье
Былъ ужаленъ тутъ Эротъ.
Встрепенувшись, несчастный,
Крадены, сердясь, соты
Въ розовы уста, прекрасны,
Спряталъ юной красоты.
«На,» сказалъ: «мой хищенья
Ты для памяти возьми,
И отнынѣ наслажденья

Ты въ устахъ своихъ храни.»
Съ тѣхъ поръ Хлою дорогую
Поцѣлюю лишь когда,
Сласть и боль я въ сердцѣ злую
Ощущаю завсегда.
Хлоя, жаля, услаждаетъ,
Какъ пчелиная стрѣла:
Медъ и ядъ въ меня вливаетъ,
И, томя меня, мила.

(¹) Сочинено на Званкѣ 1803 года; переводъ съ греческаго.

XCIX.

ЧЕЧОТКА. (¹)

На розу сѣвъ, уснула
Чечотка подъ цвѣткомъ;
Едва заря сверкнула
Румянымъ огонькомъ,
Проснулась, встрепенулась:
Жемчужинки лежатъ,
Скорлупка развернулась:
Вкругъ желты крошки спятъ,
Глядятъ и ожидаютъ
Капель серебряной росы,
Что имъ съ листковъ стекаютъ,
Какъ солнечны красы.
Самецъ, прижмись у вѣтки,
Тихохонько глядитъ.

«Ты миль, а больше дѣтки,»
Чечотка говоритъ:
«Лети и попекися
Сыскать имъ червячковъ.»
Съ тѣхъ поръ, покой, простися!
Онъ рѣдко межъ цвѣтовъ.

(¹) Сочинено на Званкѣ въ 1805 году.

С.

РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА. (¹)

О, цвѣтъ прекрасный, осынаемъ
По утру перловой росой,
Зефиромъ въ полдень лобызаемъ!
Открой скорѣи румянецъ твой.

Ахъ, нѣтъ! помедль: еще не знаешь
Всѣхъ тварей тлѣнныхъ ты тщеты:
Въ тотъ мигъ, какъ изъ пелень проглянешь,
Увы! должна увянуть ты.

И ты цвѣтешь не такъ ли, Хлоя!
Не съ тѣмъ ли родилась на свѣтъ,
Чтобъ всѣхъ прельстя, лишить покоя,
И скоро потерять свой цвѣтъ?

Покинь же стебель твой опасный,
Укрась, о, роза! Хлоѣ грудь;
Коль ты цвѣтокъ изъ всѣхъ прекрасный,
На ней блаженнѣе всѣхъ будь.

Царицею будь на ней отнынѣ;
Украшивъ грудь, умри на ней:
Завидуя твоей судьбинѣ,
Захочетъ смерти всякъ твоей.

О, такъ! немного дней продлится,
Какъ будешь ты на ней блистать:
Благоуханьемъ огнь родится;
По Хлоѣ будетъ всякъ вздыхать.

Вздыхай! плѣняй! тебѣ Лель страстный
Покажетъ скоро путь; — по знай:
Увеселяя взоръ прекрасный,
Грудь украшай, но сокрывай.

А если наглою кто рукою
Покой дерзнетъ твой возмутить, —
Вздохнувъ по мнѣ, спѣши яглою
Твоей сопернику отмстить.

(¹) Писано въ 1807 году. Переводъ съ французскаго сочиненія Графа Виейгорскаго.

СІ.

Ц Ы П О Ч К А. (¹)

Послалъ я средь сего листочка
Изъ мелкихъ колець тонку нить:
Искусная сія цѣпочка
Удобна грудь твою покрыть.

Позволь съ нѣжнѣйшимъ дерзновеньемъ
Обнять твою ей шею вкругъ;
Захочешь, — будетъ украшеньемъ;
Не хочешь, — спрячь ее въ сундукъ.

Иной вѣдь на тебя такую
Наложитъ цѣпь, что, ахъ! грузна:
Обдумай мысль сію простую,
Красавица! — и будь умна.

(¹) Сіи стихи сочинены на Званкѣ въ 1808 году. Заимствованы отъ одного нѣмецкаго поэта. Напечатаны въ 1808 году.

СН.

ВЪЕРЪ. (¹)

Когда бъ владѣлъ я цѣлымъ міромъ,
Хотѣлъ бы вѣромъ симъ быть:
Всѣхъ прохлаждалъ бы я Зефиромъ
И былъ бы всеі вселенной щить;
А ты, махаясь, Хлоя, мною,
Отъ жара сильнаго дыша,
Какъ солнце бы цвѣла красою,
Моей бывъ тѣнью хороша.

(¹) Сочинено въ 1780 году.

СШ.

КЪ МАТЕРИ,

КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ (¹).

Иныхъ веселье убѣгаетъ,
Съ тобою оно живетъ всегда:
Гдѣ разумъ съ красотой блистаетъ,
Не скучно тамо никогда.

Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людскихъ;
Обнявъ науки и искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.

Въ такомъ уединеньѣ скромномъ
Ты такъ добротами блестишь;
Какъ Ангелъ въ храмѣ благовонномъ,
Всѣмъ обожать себя велишь.

(¹) Стихи эти сочинены и вписаны Державнымъ въ альбомъ Княгини Татьяны Васильевны Юсуповой въ 1804 году.

СIV.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ. (¹)

Тѣлесна красота, душевна добродѣтель,
Являютъ мудрому сдвнную мѣту.
Коль зреть у первой онъ согласіе въ чертахъ,
А правду у другой и въ мысляхъ, и въ дѣлахъ:

То видитъ въ двухъ одну прямую красоту,
Иль, лучше, образецъ тѣхъ высшихъ совер-
шенствъ,

По коимъ красоты и благости Содѣтель,
Для наслажденія блаженствъ
И плоти, и духовъ,
Образовалъ боговъ.

Они красотъ и благъ прямыхъ другъ въ другѣ
зрѣнемъ

И вѣчнымъ ихъ собой взаимнымъ наслаждень-
емъ

Произвели любовь.

Сии же существа, прекрасныя, благія,
Коль суть не вымыслы и не мечты пустыя:

То ужъ конечно ты

Одна изъ геніевъ, иль ангельскихъ міровъ,
Таланты чьи, дѣла, умъ, тѣла красоты
Приводятъ духъ въ восторгъ, во нѣжны чув-
ства кровь

И въ философію, и въ старость льютъ любовь.

(¹) Сочинено въ 1804 году.

CV.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА. (¹)

—
I.

СОЛОМОНЪ (одинъ).

Зима ужъ миновала:

Ни дождь, ни снѣгъ нейдетъ;

Земля зеленой стала,
Снь воздухъ, лугъ цвѣтетъ.

Все взглядъ веселый мечеть,
Жизнь новую все пѣть;
Ливанъ по кедрамъ блещетъ,
На листьяхъ липы медъ.

Птицъ нѣжныхъ воздыханье
Несется сквозь листовъ;
Любовь ихъ, лобызанье
Вьетъ гнѣзда для птенцовъ.

Шиповый запахъ съ луга
Дыхаетъ ночь и день:
Прійди ко мнѣ, подруга,
Подъ благовонну тѣнь!

Прійди плѣниться пѣньемъ
Небесъ, лѣсовъ, полей,
Да слухомъ и видѣньемъ
Вкушу красы твоей.

О! коль мнѣ твой пріятный
Любезенъ тихій видъ,
А паче, ароматный
Какъ вздохъ ко мнѣ летитъ.

II.

ИХЪ ПЕРЕКЛИКЪ.

СУЛАМИТА.

Скажи, о другъ души моей!
Подъ коей миртой ты витаешь?

Какой забавить соловей?
Гдѣ кедръ, подѣ коимъ почиваешь?

СОЛОМОНЪ.

Когда не знаешь ты сего,
Пастушка милая, — овечекъ
Гони ты стада твоего
На дворъ, что въ роцѣ между рѣчекъ.

СУЛАМИТА.

Скажи, какой изъ всѣхъ цвѣтовъ
Тебѣ прекраснѣй, благовоннѣй;
Чтобъ не искать межъ пастуховъ
Тебя, — и ты бѣ былъ мной довольнѣй.

СОЛОМОНЪ.

Какъ въ домъ войдешь, во всѣхъ восторгѣ
Вдохнешь ты тамъ своей красою;
Введетъ Царь дѣву въ свой чертогъ,
Украситъ ризою золотою.

СУЛАМИТА.

Миѣ всякій домъ безъ друга пусть.
Мой другъ прекрасенъ, младъ, умиленъ:
Какъ на грудяхъ онъ розы кустъ;
Какъ виноградъ, онъ крѣпокъ, силенъ.

СОЛОМОНЪ.

Моей молодой подруги видѣ
Всѣхъ возвышеннѣй женъ, прекраснѣй.

СУЛАМИТА.

Какъ горликъ на меня онъ зреть, —
Въ самой невинности всѣхъ страстнѣй.

СОЛОМОНЪ.

Она мила, — тѣнистый верхъ
И кедръ на брачный одръ къ намъ клонить.

СУЛАМИТА.

Онъ милъ, — и намъ любовь готовить
Въ травѣ душистой тму утѣхъ.

III.

СУЛАМИТА (одна).

Сколь милый мой прекрасенъ!
Тамъ, тамъ вонъ ходитъ онъ:
Лицемъ, какъ мѣсяцъ ясенъ;
Челомъ — въ заряхъ Сіонъ.
Съ главы его струятся
Волнъ желтые власы;
Съ вѣнца, какъ съ солнца, зрятся
Блισταющи красы.

Сколь милый мой прекрасенъ!
Взоръ тихъ, какъ голубинъ;
Какъ арфа, доброгласенъ;
Какъ огонь уста, какъ кринъ
Цвѣтутъ въ ланитахъ розы;
Пріятности въ чертахъ,
Какъ май, прогнавъ морозы,
Смѣются на холмахъ.

Сколь милый мой прекрасенъ!
Тимпана звучный громъ
Какъ съ гусями согласенъ,
Такъ онъ со мной во всемъ.
Но гдѣ мой другъ любезный?
Гдѣ сердца моего
Супругъ? Внявъ гласъ мой слезный,
Сыщите мнѣ его.

Сколь милый мой прекрасенъ!
Пошелъ онъ въ садъ цвѣтовъ.
Но вѣтеръ ужъ ненастенъ:
Рветъ розы, зная, съ кустовъ.
Ахъ! нѣтъ со мной, — ищите,
Всѣ кличьте вы его,
Мнѣ душу возвратите;
Умру я безъ него.

VI.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА (*вмѣсть*).

Положимъ на души печать:
Въ сердцахъ союзомъ утвердимся;
Другъ друга будемъ обожать;
Въ любви своей не премѣнимся.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА (*вмѣсть*).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

ХОРЪ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА (*вмѣсть*).

Вода не можетъ угасить
Взаимна пламени любви;

Имѣніемъ нельзя купить
Волненья сладостнаго крови.

ХОРЪ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА (смѣсть).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

ХОРЪ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

(¹) Взято изъ Пѣсни Пѣсней Соломоновыхъ; сочинено
въ 1808 году.

CVI.

САФЫ

ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ. (¹)

Счастливъ, подобится въ блаженствѣ тотъ
богамъ,
Кто близъ тебя сидитъ и по тебѣ вздыхаетъ,
Съ тобой бесѣдуетъ, тебѣ внимаетъ самъ
И сладкою твоей улыбкой тайно таетъ.

Тѣ рѣчи, тѣ слова въ устахъ,
Меня которыя ласкали;
Тѣ тайны взгляды во очахъ,
Которые меня искали;
Тѣ вздохи пламенной любви,
Тѣ нѣжны чувствія въ крови,
То сердце, что меня любило,
Душа, которая жила,
Чтобъ я душой ея была:
Ахъ! все, все, все мнѣ измѣнило!

Кого жъ на свѣтѣ почитать
За справедливаго возможно,
Когда и ты ужъ увѣрять
Меня не постыдился ложно?
Ты богъ мой былъ, ты клятву далъ,
Ты нынѣ клятву ту попралъ.
О, льстецъ, въ злыхъ хитростяхъ отмѣнной!
Но, нѣтъ! не клятвѣ сей
Я вѣрила, — душѣ твоей,
Судивши по своей влюбленной.

Къ несчастію тому, что мнѣ
Ты сталъ толико вѣроломень,
Любви неистойвой въ огнѣ,
Я слышу, до того нескромень,
Что клятвы, славу, честь
На жертву не страшась привнестъ,
Все — говорятъ — сказалъ подробно,
Какъ мной любимъ ты страстно былъ.
Любя, любви кто измѣнилъ,
Въ томъ сердце все на злость способно.

А кто одинъ хоть только разъ
Безсовѣстенъ быть смѣлъ душою,
Тотъ всякій день, тотъ всякій часъ
Быть можетъ вѣчно вреденъ ею.
Такъ ты, такъ ты таковъ-то лютъ! —
Ахъ, нѣтъ! — Средь самыхъ тѣхъ минутъ,
Когда тебя я ненавижу,
Когда тобою скорбь терплю,
Съ тобой я твой порокъ люблю;
Въ тебѣ еще все прелесть вижу.

Мой свѣтъ! коль ты ко мнѣ простылъ;
Когда тебѣ угодно стало,
Чтобъ сердце, кое ты любилъ,
Тебя ужъ больше не прельщало:
Такъ въ тѣ мнѣ скучные часы,
Какъ зришь ужъ не во мнѣ красы,
Не мнѣ пріятнѣе лаская,
Сидишь съ прелестницею своею:
Отраду дай душѣ моею,
Меня хоть въ мысляхъ воображая.

Представь уста, отколь любовь
Любовными ты пилъ устами;
Представь глаза, мигъ каждый вновь,
Отколь мой жаръ ты зрѣлъ очами;
Вообрази тотъ видъ лица,
Что всѣхъ тебѣ Царей вѣнца
И всей пріятнѣй былъ вселенной. —
Ахъ! видъ, тотъ видъ уже не сей:
Лишенная любви твоею,
Я зрю себя всего лишенной.

Жалѣй о мнѣ, — и за любовь
Оставленной твоей любезной,
Прошу, не проливай ты кровь, —
Одной жертвуй каплей слезной,
Поплачь и потужи, стена;
Иль хоть обманывай меня:
Скажи, что ты нелицемѣрецъ,
Скажи, — и прекрати злой слухъ.
Дражайшій мой любовникъ, другъ!
Коль можно, сдѣлайся мнѣ вѣренъ.

(¹) Сочинено въ 1772 году, по просьбѣ одной дамы.

CVIII.

НЕВѢСТЪ. (¹)

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не
знаю.
Какъ роза ты нѣжна, какъ Ангелъ хороша;
Пріятна, какъ Любовь; любезна, какъ Душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю!

Нарядомъ мнѣтъ придать красавицѣ пріят-
ство.
Но лѣзя алмазами милѣй быть дурнотѣ?
Прелестнѣе ты всѣхъ въ невинной простотѣ:
Теряетъ на тебѣ сіяніе богатство.

Лилии на холмахъ груди твоей блистаютъ,
Зефиры кроткіе во нравъ тебѣ даны,

Должны на щекахъ, улыбки зарь, весны;
На розахъ усть твоихъ — соты благоухаютъ.

Какъ по челу власы ты рассыпаешь черны,
Румяная заря глядитъ изъ темныхъ тучъ
И понть какъ голубой пронзаетъ звѣздный
лучь,
Такъ сердца глубину проводить взглядъ твой
скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Всѣ прелести твои изобразить хочу?
Чѣмъ больше я прельщенъ, тѣмъ больше я
молчу:
Соборъ въ тебѣ утѣхъ, блаженство вижу рай!

Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой
проводитъ время!
Счастливѣе того, кто нравится тебѣ:
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?

(¹) Сочинено въ 1778 году на сговоръ автора съ первою женой его.

СІХ.

**ПРЕПЯТСТВИЕ КЪ СВИДАНІЮ СЪ СУПРУ-
ГОЮ. (¹)**

Что начать во утѣшенье
Безъ возлюбленной моей?
Сердце бодрствуй въ сокрушеньѣ:

Я увижусь скоро съ ней.
Мнѣ, любезная предстанеть
Въ прежней нѣжности своей,
И внимать, какъ прежде, станеть
Нѣжности она моей:
Сколько будетъ разговоровъ!
Сколько радостей прямыхъ!
Сколько милыхъ, сладкихъ взоровъ,
Лучше и утѣхъ самихъ!
Укротися же, стихія!
Подстелися, путь, стопамъ!
Для жены моей младыя
Должно быть послушнымъ вамъ.
Такъ свирѣпыми волнами,
Сколько съ нею ни дѣлюсь,
Имъ навѣкъ шумѣть со льдами, —
Съ нею вѣченъ мой союзъ
Не страшился бъ я ввергаться
Въ волны яры для нея;
Но навѣки съ ней разстаться,
Жизнь мнѣ дорога моя.
Жизнь утѣхи и покою!
Возвратись опять ко мнѣ;
Жизнь съ толь милою женою
Рай во всякой сторонѣ;
Тамъ веселія сердечны,
Сладки, нѣжны чувства тамъ;
Тамъ блаженства безконечны,
Лишь приличныя богамъ.

(¹) Въ ноябрѣ 1778 года Державинъ, возвращаясь изъ

Оренбурга въ Казань, не могъ продолжать пути своего за рѣкою Камою, которая долго не становилась.

СХ.

ДѢТЯМЪ.

НА КОМЕДИЮ ИХЪ И МАСКАРАДЪ. (1)

Являлъ недавно сладкій сонъ
Ценя мнѣ долину злачну;
Я зрѣлъ сквозь дѣбрь древесъ прозрачну;
Игралъ на скрипкѣ Аполлонъ.
Вблизи его Эротовъ тма,
Все дутики, всѣ краснощеки,
Крыматы, бѣлы, чернооки,
И Нимфъ прекрасныхъ кутерьма
Плясала подъ свирѣльми ихъ;
Всѣ обнимались другъ со другомъ,
И всѣ, рѣзвясь, вертѣлися кругомъ:
Въ восторгѣ былъ я, зря на нихъ!
Хотѣлъ, чтобъ сихъ любви божковъ,
Харитъ толь милыхъ видѣть въ явѣ;
Но что? — Въ твоей простой забавѣ,
Съ семьей твоей, я зрю ихъ, Львовъ.

---

(1) Стихи сии относятся къ семейству Федора Петровича Львова, сочиненныя въ 1808 году.

СХІ.

НА ВАЛЕТЪ: ЗЕФИРЪ И ФЛОРА. (1)

Что за призраки прелестны,
Легки, свѣтлы существа,
Сонмъ эфирный, сонмъ небесный,
Тѣни, лица божества,
Въ неопisanномъ восторгѣ
Мой лелѣютъ, нѣжатъ духъ?
Не боговъ ли я въ чертогѣ? —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ! (2)

Вижу холмъ подъ облаками,
Озлащаемый лучемъ,
Осѣняемый древами,
Ожурчаемый ключемъ;
Средь сребристыхъ водъ и брегу
Лебедей, дѣтей зрю вдругъ;
Вижу всю Эдемску нѣгу. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Слышу, дышитъ повсемѣстно,
Порхаетъ вокругъ розъ Зефиръ,
Улыбается прелестно
Красота отъ звуковъ лиръ;
Душъ невинныхъ разговоры
Какъ гармонія вокругъ, (3)
Какъ зари, ихъ свѣтятъ взоры. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Дремлетъ злоба съ мрачнымъ свойствомъ,
Спитъ, нахмурясь, бранный жаръ;

Миръ, объемляся съ спокойствомъ,
Пьютъ божественный нектаръ;
Духи вверхъ и внизъ шурмуютъ,
Хороводы выются вкругъ;
Съ дружбою любовь ликуютъ. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Правъ ты, что воображеньемъ
Могъ сихъ таинствъ доходить,
Что мы плоти съ отверженьемъ
Будемъ съ Ангелами жить.
Ахъ! коль ложно это чувство,
Нашъ безсиленъ, смертенъ духъ:
Не творило бъ дивъ искусство. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Не могли бъ мы возвышаться
И къ понятію духовъ,
Ихъ блаженствомъ утѣшаться
На землѣ средь облаковъ;
Днесъ ихъ разность въ томъ лишь съ нами,
Что нашъ связанъ съ тѣломъ духъ:
Будемъ, будемъ мы богами!
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

(¹) Сочинено въ 1808 году, въ то самое время, какъ сей прелестный балетъ былъ представленъ въ Эрми-тажѣ.

(²) Шведенбургъ въ своихъ мечтательныхъ сочиненіяхъ описываетъ обители небесныхъ добрыхъ духовъ, подобно городамъ, гдѣ есть и дома, и сады, и гдѣ духи веселятся и блаженствуютъ.

(³) Шведенбургъ утверждаетъ, что ихъ разговоры подобны тихой, гармонической музыкѣ.

СХІІ.

МОИ ГРАЦИ. (1)

Се дѣвы милыя, что мой склоняють духъ
Къ себѣ умомъ, красой и сердца воспитаньемъ:
Любя ихъ каждую, равно всѣхъ любишь вдругъ
Подъ добродѣтели святымъ сіяньемъ.

Важна и весела улыбкой та своей,
Другая кроткихъ чувствъ и въ робости любимъ,
Плѣняетъ третія огнемъ своихъ очей;
Отъ Ангеловъ стрѣла неизбѣжима.

Златое яблоко прекраснѣйшей изъ нихъ
Бывъ долженъ подарить, я бѣ раздѣлилъ на
части,

Иль старшая возьми: увѣренъ, что однихъ
Ревнивыхъ склоненъ духъ отмищенья къ страсти.

Взоръ Лизы, какъ эфиръ: свѣтла ея душа.
Взоръ Вѣры, Паши чернъ, какъ скромна ночь
съ звѣздами.

Амуръ и Гименей! бѣгите къ нимъ спѣша:
Пріятности вовѣкъ жить будутъ съ вами.

---

(1) Это стихотвореніе сочинено въ 1807 году, въ Свѣтлое Воскресенье. Авторъ, вмѣсто краснаго яичка, подарилъ сими стихами племянницъ своихъ, Елисавету Николаевну и Прасковью Николаевну Львовыхъ.

СХІІІ.

БЛАЖЕНСТВО СУПРУГИ. (¹)

Блаженна та жена, которая изъ круга
Уклоншись роскоши, какъ бы звѣзда въ тѣни,
Въ содружествѣ сестры, въ объятіи супруга,
Проводитъ въ тишинѣ благословенны дни!
Подъ сѣверомъ сѣдымъ ни мразъ, ни вихрь, ни
вьюга
Не ужасають ихъ; но лиліямъ они
Подобно сплетшимся среди тѣниста дуга,
Лишь непорочности своей цвѣтутъ въ сѣни.
Не въ силахъ возмутить спокойства ихъ шумъ
града,
Ни прихоти богатствъ, ни зависть, ни досада;
Но, бывъ довольными они своей судьбой,
Не ищутъ на землѣ благъ рая, Альдорада;
Но совѣсть чистая и Небо имъ награда.
Почтенная Ш.....! ты зришь здѣсь образъ свой.

(¹) Сочинено въ 1807 году въ альбомѣ Графини Екате-
рины Алексѣевны Штейнбокъ.

СХVІ.

ЛУЧЪ. (¹)

Князь-Громъ имѣлъ Умилу,
Прекрасну, нѣжну дочь:

Очей прелестныхъ силу
Кто зрѣлъ, тлѣлъ день и ночь.
У этого жъ Князь-Грома
Былъ щитоносецъ, Лучъ:
Съ геройствомъ грудь знакома
Не ужасалась тучъ;
Ко Князю онъ услужень,
Въ опасностяхъ съ нимъ былъ,
И Князь, ему тожъ дружень,
Его за сына чтилъ.

Сосѣдъ тогда Княжною
Плѣнился Вѣтеръ-Ханъ,
Съ влюбленною душою
Простеръ ко браку длань.
Нужна была Князь-Грому
Сосѣда Вѣтра мочь:
Любовнику такому
И обѣщаль онъ дочь.
Нельзя было тутъ силѣ
Противиться никакъ:
Пришло сказать Умилъ,
Хоть не по сердцу, — такъ!

Души волненья страстной
Не могъ тутъ Лучъ сносить;
За сердце онъ прекрасной
Умилы хочетъ мстить.
Но въ рыцари какъ небомъ
Онъ не былъ посвященъ,
Сражаться Вѣтра съ ревомъ
Природой не рожденъ:

То, чтобъ отцу любезной
Ничѣмъ не согрубить,
Рѣшилъ огонь свой нѣжной
Въ туманахъ, въ мракахъ скрыть.

(¹) Сочинено въ 1808 году и напечатано по просьбѣ
Ивана Семеновича Захарова, который сочинилъ комедію
и просилъ автора написать романсъ.

СХV.

ПРИЗНАНІЕ. (¹)

Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться,
И философа брать видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ правиться лишь имъ:
Умъ и сердце человѣчье
Были геніемъ моимъ.
Если я блисталъ восторгомъ,
Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ, —
Не собой блисталъ я, — Богомъ:
Внѣ себя я Бога пѣлъ.
Если звуки посвящались
Лиры моея Царямъ, —
Добродѣтелями казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки

Я вѣнцы сплеталъ вождямъ, —
Думалъ перелить въ потомки
Души ихъ я ихъ дѣтямъ.
Если гдѣ вельможамъ властнымъ
Смѣлъ я правду брякнуть въ слухъ, —
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
Имъ, Царю, отчизнѣ другъ.
Если жъ я и суетою
Самъ былъ свѣта оболъщенъ, —
Признаюся, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
Словомъ: жегъ любви колъ пламень,
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъъ.
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъъ.

(¹) Сочинено на Званкѣ въ 1808 году. Въ Запискахъ Державина отмѣчено, что это объясненіе на всѣ его сочиненія.

СХVІ.

ПЛАЧЪ ЦАРИЦЫ. (¹)

Развернулась лишь лилея
И на солнце стала зрѣть;
Улыбнулась, алѣя,
Только роза, — ссѣкла смерть.
Будто мраморна Царица
На супружней выѣ зрится.
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Плачетъ добрая Царица:
Рокъ у ней злой дщерь унесъ;
Какъ роса, огнемъ струится
На ланитахъ капля слезъ,
Скорбь души изображая.
Дщерь бездушну лобызая,
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Въ одиночествѣ, въ разлукѣ,
Какъ супруга нѣтъ со мной,
Кто мнѣ въ горести и сукѣ
Собесѣдникъ будетъ мой?
Чей мнѣ взоръ и лепетанье
Вспомнить Ангеловъ витае? —
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Кто Царя во дни унывны
Взглядомъ милымъ озаритъ;
Руки распростря невинны,
Взять на лоно приманитъ?
Ахъ! кто бранному герою
Дѣтской честь отдастъ игрою?
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Тяжко бремя кто короны
Будетъ нашей облегчать?
Подъ порфирой духа стоны
Упованьемъ усладить?
Безъ надежды наслажденья

Цѣлый свѣтъ не награжденье.
Стонеть мать, стонеть свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Прочь и скипетръ, и держава,
И блестящій дворскій сонмъ!
Суета и Царска слава,
Если смерть грозитъ серпомъ.
Такъ Царица возглашала
И утѣхамъ не внимала.
Стонеть мать, стонеть свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Но межъ ей и межъ супруга
Стоя плачуща, Любовь
Лобызаніемъ другъ друга
Утоляетъ смутну кровь,
Весь народъ, имъ благъ радѣя,
Просить: кроткая лилея!
Райскій кринь! благоухай!
Новые плоды намъ дай.

(¹) Плачь Царицы сочиненъ въ апрѣлѣ 1808 года на кончину Княжны Елисаветы Александровны.

СХVII.

ОВИТЕЛЬ ДОБРАДЫ. (¹)

ПАЛЕМОНЪ.
Среди плетеня, шиповыя ограды,
Подъ тѣнью липъ, дубовъ,

Подъ солнцемъ роши какъ кидають длиннутѣнь,
И отъ очей за нимъ черепокожна чуда,
Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни откуда,
Алѣють воды, горы и лѣса,
И въ золотѣ горять багрянѣмъ небеса,
Шумъ тварей тише становится,
И легкій порхаетъ Зефиръ,
Рой насѣкомыхъ, чуть въ дали жужжа, толпитоя,
И клонится къ дремотѣ мѣрь, —
Возсѣвши на скамѣ муравчатой, дернистой,
Богиня воздухъ черплетъ чистой,
И смотритъ на свои утучненны стада,
Идущи тяжело съ мычаньемъ изъ долины;
Иль зритъ средь озера стеклячныя равнины,
Какъ тихо тянется за лебедемъ бразда;
Иль слушаетъ, склонясь, преливистыя трели,
Какъ изъ-за роши къ ней
Доходятъ голоса пастушеской свирѣли;
Иль громкій соловей
Какъ торжество своей
Любови страстной воспѣваетъ,
Отрывисто звучитъ,
За громомъ громъ катитъ,
И всю себя внимать природу заставляетъ;
Потомъ же, утомясь,
Своей тише, тише гласъ
Какъ бы степенно ниспускаетъ,
И сладостно стена, въ восторгѣ умолкаетъ.
А иногда молву
Вкругъ слышитъ по лѣсамъ богиня птицъ без-
гнѣздныхъ;

Какъ чадъ своихъ любезныхъ
Онѣ къ себѣ зовутъ: ау, ау, ау!
Отъ скучныхъ стоновъ сихъ склоня свою главу,
Подъ часъ задумчиво сидитъ,
Молчитъ;
А эхо тожъ: ау, ау!
Безперерывно повторяетъ,
Добрадѣ сердце раздираетъ.
Она вздыхаетъ,
Токъ слезный проливаетъ,
И бывши бѣдствія и Лизу воспоминаетъ,
Что въ Майскій свѣтлый, юный день
Недавно скрылася во смертну тѣнь,
Ее, отца и мать оставивши въ печали;
Или груститъ,
Печальный кажется видъ,
Отсутственну изъ дали
Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждетъ
И заунывну пѣснь такъ про себя поетъ:

А р і я.

Богиней я слыву;
Нейдутъ заботы прочь:
Тебя къ себѣ зову,
Прійди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!
Весна цвѣтитъ траву,
Зимы исчезла мочь:
Тебя къ себѣ зову,
Прійди, любезна дочь?
Ау, ау, ау!

Но чувствъ какъ таковыхъ умильныхъ насла-
дится,

Объемлетъ на одрѣ богиню сладкій сонъ;

А Дажь-богъ, шедъ съ небесъ, къ ней стра-
жемъ становится,

И осѣняетъ звѣздъ щитомъ.

Валкала ликъ тогда подъ арфой тихострунной,
Какъ шепчущій камышъ морской, или ручей

Въ вѣтреноватый часъ, часъ лунной,

Отвсюду ей

Во слухъ гармонію ліеть,

Дреманье и покой, на вѣжды мглу ведетъ.

Х О Р Ъ.

О, духи всемірны!

Крилѣ вы эфирны

Прострите надъ ней;

Струися ручей,

Дремоты пріятной!

Душѣ благодатной

Чистой во всемъ,

Зрися рай сномъ.

ДАФНИСЬ.

Надъ злачнымъ садомъ симъ Добрады
Востока днесъ златилась дверь:

Ужъ не предвѣстье ль то отрады?

Не возвратится ли къ ней дщерь

Изъ дальныхъ, чуждыхъ странъ, изъ области
супруга?

Не скажешь ли о томъ, что Палемонъ намъ ты?

ДАФНА.
Я, я скажу: моя подруга,
Здѣсь рвавши на зарѣ цвѣты
На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ соплетала,
Тихонько на ушко,
Чтобъ не подслушалъ кто,
Мнѣ такъ шептала:

«Сегодня праздникъ у Добрады, —
Пріѣхала къ ней дочь.»
Я вмигъ украдкой прочь
Убѣгла отъ сестеръ,
Чтобы и мнѣ, въ ея примѣръ,
Украсить мой нарядъ и въ день такой пріятный,
Толь свѣтлый, милый, благодатный,
Усердья моего всѣхъ больше показать.
Какъ будутъ дочь и мать
Себя взаимно обнимать,
И сладку межъ собой семейну жизнь вкушать!

ДАФНИСЪ.

Какъ! ужъ пріѣхала къ намъ гостя ожиданна?
О, радость сердцу несказанна!
О, душъ ей преданныхъ восторгъ!
Здорову ли ее привнесъ обратно Богъ?
Цвѣтетъ ли красота ея, цвѣла какъ прежде,
И вѣчно чтобъ съ ней жить, быть можемъ ли въ
надеждѣ?

ПАЛЕМОНЪ.

Какъ на отечество свое она глядитъ,
На мать, на братьевъ, сестръ? Въ бесѣдахъ го-
ворить
Своимъ ли языкомъ?

ДАФНИСЬ.

Спросила ли о комъ?

Узнала ли друзей и тѣ мѣста природны,
Гдѣ развивались красы порфирородны
И улыбалась въ ней младенческа душа?

ДАФНА.

Все также хороша:

Не разнится ни въ чемъ весеннихъ дней съ за-
рею;

Съ среднею своею и младшею сестрою
Привѣтлива, скромна и ласкова ко всѣмъ;

Всечасно мать лобзаетъ;

А мать ее

Объемлетъ, къ сердцу прижимаетъ
И, на лицѣ явя веселіе свое,

Разлуку забываетъ.

Природа съ нихъ беретъ другой повсюду видъ
И вокругъ торжественно сіяньемъ все блеситъ:

Тамъ горы, тамъ лѣса играютъ,

Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлета-
ютъ,

Сверкая перьемъ, чешуей;

Повсюду, словомъ, все восторгъ являетъ свой.

Прекрасны дѣвы хороводомъ

И пляшутъ, и поютъ, ея живяся взоромъ.

А р і я.

О, какъ обитель

Добрады цвѣтеть!

Всякій въ ней житель

Блаженно живетъ;

Счастливо, пріятно,
Зритъ какъ обратно
Прибывшу къ ней дщерь. —
Намъ рай здѣсь теперь!

ПАЛЕМОНЪ.

И о житьѣ она своемъ
За тридевять земель, заморскомъ, рассказала
Тебѣ и всѣмъ?

ДАФНА.

Подробно, все, съ начала
И даже до конца,
Какъ встрѣчена была отъ матери, отца,
Супруга своего и отъ всего народа;

И какъ отъ хоровода

Всѣхъ тамошнихъ какихъ-то Музъ
По тамошнему пѣтъ ей былъ усердный гимнъ.
Я вытвердить его успѣла наизусть

И языкомъ своимъ,

Коль Дафнисъ согласится

Со мною потрудиться,

Всѣмъ сердцемъ порадовать,
То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть.

ДАФНИСЪ.

Зачни лишь, Дафна, ты; а я къ тебѣ пристану
И вторить стану.

Д у э т ъ. (*)

ДАФНА И ДАФНИСЪ.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Блескъ златымъ вѣнцемъ дающа,

(*) *Дуетъ* сей и *трио* переводъ изъ Шиллера.

Изъ чужаго небосклона
Принесенна къ намъ на лоно,
И съ сладчайшими плодами
Зеленѣй всегда листьями!»

T r i o.

ПАЛЕМОНЪ, ДАФНИСЪ И ДАФНА.

Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Къ небесамъ главу несуща!
И, дни бурные зимою,
Не касайтесь къ ней косою!»

ПАЛЕМОНЪ.

Когда въ чужомъ ея такъ славили народѣ,
То стыдно будетъ намъ,
Коль въ собственномъ своемъ отечествѣ и родѣ
Мы воли не дадимъ сердцамъ
И чувствъ своихъ къ отрадѣ,
Сегодня торжества не изъявимъ Добрадѣ.
Поди, о Дафнисъ! поскорѣй
И предъ алтарь ты къ ней
Сзови всѣхъ пастуховъ съ селеніевъ окру-
женныхъ,
Участниковъ ея щедротъ,
Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
Пускай и весь народъ
За здравіе Добрады,
За всѣхъ ея родныхъ
Творцу моленье льетъ
И восхищенныхъ чувствъ своихъ
Являетъ радость и прохлады.

МОЛИТВА НАРОДА.

О, Боже! зри
Мольбы сердечны:
Съ высотъ простри
Дни счастья вѣчны
И всякихъ золь
Избавь Добраду;
Царя, престоль
Прими въ ограду
И насъ храни:
Дай свѣтлы дни.

ХОРЪ СИРОТЬ,

Ты отъ смерти воскресила
И изъ праха насъ взяла,
Воспитала, воскормила,
Просвѣщеніе дала.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Сирыхъ благодарность зри.

ХОРЪ ДѢВЦЪ.

Ты нашъ разумъ озарила
И украсила нашъ нравъ;
Всѣмъ искусствамъ научила,
Вмѣсто матери намъ ставъ.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Дѣвъ днесъ благодарность зри.

ХОРЪ ВДОВЪ.

Ты насъ дланію покрыла,
Даровала намъ покой,
Жизнь несчастну прекратила
Щедрую твоей рукой.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Вдовъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ РЕМЕСЛЪ.

Ты искусствомъ надѣлила,
Намъ познанія дала:
Прясть и ткать насъ научила,
Пользу общую ввела.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Музь днесь благодарность зри.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Ты намъ милости являешь
И щедротами даришь;
Всѣхъ ласкаешь, угощаешь,
По достоинствамъ насъ чтишь.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Общу благодарность зри.

ПАЛЕМОНЪ.

Но зрите, какъ сія божественна Царица
Скромна и все добро лишь для добра творить;

Хотя сіяетъ всѣмъ, какъ бы небесъ зарница,
Но взоръ прозрачная тончица ⁽²⁾
Ея, какъ легкій облакъ, тмитъ,
Когда ей ароматъ съ полсвѣта душъ горитъ.

(¹) Стихотвореніе: «Обитель Добрады,» представляетъ многія черты изъ жизни Императрицы Маріи Феодоровны и сочинено въ 1808 году, по случаю ожиданія въ Павловскѣ изъ чужихъ краевъ Великой Княжны Маріи Павловны.

(²) Тонкое покрывало.

СХVІІІ.

П О М И Н К И. (¹)

Побѣдительница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣть
Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну, — смерть.
Возрыдали вокругъ Эроты,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны ноты,
Пѣли гимнъ ей, и моя
Горестъ повторяла лира.
Убѣжала радость прочь;
Прелести сокрылись міра;
Тишина и черна ночь
Скутали мой домъ въ запоны;
Отъ земли и отъ небесъ
Слышны эха только стоны;

Плачемъ мы, — и плачетъ лѣсъ;
Воемъ мы, — и воютъ горы.
Плачь сей былъ бы безъ конца,
Если бъ алый лучъ Авроры,
Богъ, что свѣтитъ Музъ въ сердца,
Не предсталъ и мнѣ сіяньемъ
Не вліялъ утѣхи въ грудь.
«Помяни,» рекъ: «возліяньемъ
Доблесть и покоенъ будь.»
Взялъ я урну и росами
Чистыми, будто кристалль,
Полну наточилъ слезами;
Гробъ обливъ, поцѣловалъ, —
И изъ праха возникаютъ
Се три розы, сплетшись въ кустъ, (²)
Веселятъ, благоухаютъ,
Разгоняютъ мрачну грусть.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1807 году, на смерть Маріи Алексѣевны Львовой.

(²) Три дочери, послѣ нея оставшіяся.

СХІХ.

А Л Ъ Б А У М Ъ. (¹)

Когда земны оставишь царства,
Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
Харонъ спроситъ, иль мытарства,
Изъ жизни подорожной сей:

Поэтовъ можешь одобренья
Въ альбаумѣ твоємъ явить;
Духамъ отдавъ ихъ для прочтенья,
Паспортъ твой ими замѣнить.
По нихъ тебя узнають тѣни,
Кто ты и въ свѣтѣ какъ жила;
Твои всѣ чувства, помышленьи
Раскроются, какъ солнцемъ мгла.
Тогда ты можешь оправдаться
И, ахъ! иль обвиненной быть,
Въ путь правый, лѣвый провожаться,
Святой, иль окаянной слыть.
Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣтъ, слово
Сей книги записной въ листахъ
Духовно пріймутъ тѣло ново
И обличать тебя въ дѣлахъ
Во всѣхъ часахъ твоихъ, мгновеньяхъ;
Ты станешь на судѣ нагой:
Въ поступкахъ, мысляхъ и движеньяхъ
Мракъ самый будетъ послухъ твой.
Поэтъ, тебя превозносившій,
Прямымъ заговоритъ лицомъ,
Порокъ, иль добродѣтель чтившей
Своимъ возопіетъ листомъ.
Листъ желтый, напимѣръ, надменность
Явить, что гордо ты жила;
На свнемъ скупость вскрикнетъ, ревность,
Что ты соперницъ врагъ была;
На серебряномъ вструбитъ богатство,
Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ;
На темномъ зашипитъ лукавство,

Не только лишь земля съ наружности одѣта,
Цвѣтами долъ пестритъ и кроетъ злакомъ холмъ,
Но и въ безжизненной внутрь влажности на-
грѣта,
Плодотворительнымъ чреватѣть лучемъ
И сими насъ дарить, другими ли плодами.

Подобна солнцу ты межъ красными женами,
Очей твоихъ лучемъ провзая сердце мнѣ,
И помыслы родишь, и словеса любовны.
Но, ахъ! они къ тебѣ колико ни наклонны,
Въ цвѣтущей не живалъ я никогда веснѣ.

(¹) Сочинено въ 1808 году. Это стихотвореніе и два слѣдующія: *Прогулка* и *Задумчивость*, переведены изъ Петрарки.

СХХІ.

ПРОГУЛКА.

Находятся съ такимъ въ природѣ твари
зрѣньемъ,
Что быстро свой взносить на солнце могутъ
взоръ;
Но суть и тѣ, кому лучъ вреденъ удареньемъ,
А подъ вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.

Иныя жъ нѣкакимъ безумнымъ вождельнь-
емъ
И на огонь летять, красотъ въ немъ зря соборъ;

Но лишь касаются, сгараютъ мановеньемъ,
И я бѣднякъ сихъ толпъ и образъ, и позоръ!

Безсиленъ будучи сносить лучи свѣтила,
Которымъ я прельщенъ, — ни тѣни, коя бѣ
скрываетъ

Меня гдѣ отъ него, ни мѣста я не зрю;
Но съ потупленными, слезящими очами
Влекусь чрезъ силу зрѣть на солнце межъ же-
нами,
Не мысля, ахъ! о томъ, хоть ею и сгорю.

СХХII.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

Задумчиво, одинъ, широкими шагами
Хожу и мѣряю пустыхъ пространство мѣстъ;
Очами мрачными смотрю передъ ногами,
Не зрится ль на песокъ гдѣ человѣчій слѣдъ.

Увы! я помощи себѣ между людьми
Не вижу, не ищу, какъ лишь оставить свѣтъ;
Веселье коль прошло, грусть обладаетъ нами,
Золъ внутреннихъ печать на взорахъ всякій
читать, —

И, мнится, мнѣ кричатъ долины, рѣки,
холмы:
Какимъ огнемъ мой духъ и чувствія жегомы

И отъ дражайшихъ глазъ что взоръ скрываетъ
мой.

Но нѣтъ пустынь такихъ, ни дебрей мрачныхъ,
дальныхъ,

Куда любовь моя въ мечтахъ моихъ печальныхъ
Не приходила бы бесѣдовать со мной.

СХХІІІ.

ВОДОМЕТЪ. (1)

Лучъ шумящій, водометный!
Свыше сыплюща роса!
Гдѣ, въ тѣни, въ день знойный, лѣтній,
Совершенная краса,
Раскидавъ по дереву члены
И, сквозясь межъ струй, вѣтвей,
Сномъ объята, въ видѣ пѣны,
Взглядъ влекла души моею;
Гдѣ на зыблющу склонялись
Лилии блестящу грудь,
Зарь ихъ розы устъ касались
И желали къ нимъ прильнуть;
Воздухъ свѣжестю своею
Ей спѣшилъ благоухать;
Травки, смятыя подъ нею,
Не хотѣли возставать;
Гдѣ я очи голубыя
Небесамъ подобно зрѣлъ,
Съ коихъ стрѣлы огневныя

Въ грудь бросалъ мнѣ злобный Лель.
О, мѣста, мѣста священны!
Хоть лишень я васъ судьбой;
Но прелестны вы, волшебны
И столь милы мнѣ собой,
Что поднесъ о васъ вздыхаю
И забыть никакъ не могъ;
Съ жалобой напоминаю:
Мой послѣдній слышите вздохъ.

(¹) Сочинено въ 1808 году.

СХХIV.

ВѢНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІЯ. (¹)

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ
Въ пріятномъ я недавно снѣ,
Подъ жаркимъ, свѣтлымъ небесклономъ,
Въ тѣни онъ пальмъ явился мнѣ.

Хариты вокругъ его, Эроты,
Съ братиною златою Вакхъ,
Ваониль прекрасный, въ рощи, гроты
Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ.

Онъ дѣвъ плясаньемъ забавлялся,
Тряхнувъ подъ часъ самъ сѣдиной,
На бѣлы груди любовался,
На взоръ металъ ихъ пламень свой;

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхалъ;
Огнистыми склонясь устами,
Изъ кубка медъ златой вкушалъ;

Иль, сидя съ юнымъ другомъ нѣжнымъ,
Потрепывалъ его рукой,
А взоромъ вокругъ себя прилежнымъ
Искалъ красавицы какой.

Цари къ себѣ его просили
Поѣсть, попить и погостить;
Таланты злата подносили, —
Хотѣли съ нимъ друзьями быть;

Но онъ покой, любовь, свободу
Чинамъ, богатству предпочелъ;
Средь игръ, веселій, хороводу,
Съ красавицами вѣкъ провелъ.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйтесь, красоты россійски,
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ тійскій,
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

(¹) Сочинено въ 1802 году.

СХХV.

КЪ КРАСАВЦУ. (1)

Фортуна, властною рукою
Бросая жребіи людей,
Души и тѣла красотою (2)
И прелестьми тебя честей,
И сердцемъ добрымъ наградила,
Въ любви и въ брани для побѣдъ:
Но тутъ же въ младости сулила
Въ войнѣ тебѣ ужасный вредъ. (3)

Увы! добра и зла смѣшенье
Нераздѣлимо въ жизни сей.
Коль часто скорби и терпѣнье
Есть участь самыхъ и царей!
Что жъ въ свѣтѣ есть славнѣй сей доли,
Какъ кровь по должности пролить?
Теперь и зависть противъ воли
Должна въ тебѣ героя чтить.

---

(1) Писано, въ 1794 году, въ С.-п.-бургѣ.

(2) Ода сія относится къ покойному Графу Валеріану Александровичу Зубову, который былъ прекрасенъ и лицомъ, и нравомъ.

(3) Во время завоеванія Польши онъ былъ генералъ-лейтенантомъ подъ командою Суворова и въ сраженіи лишился ноги, которую оторвало ядромъ.

СХХVI.

НОВОСЕЛЬЕ МОЛОДЫХЪ. (1)

—
ДАФНИСЬ.

Днесь, Дафна! радость намъ, веселье:
Родителей твоихъ, моихъ,
Мы позовемъ на новоселье
И праздникъ сдѣлаемъ для нихъ.

ДАФНА.

Изрядно, Дафнисъ! Я съ цвѣтами
Для нихъ корзинку припасу;
Весь домикъ окурю духами
И сыръ, и масло принесу.

ДАФНИСЬ.

Надѣнь сорочку бѣлоснѣжну;
На грудь двѣ розы приколи
И ферязь поясомъ зеленоу,
Подбравъ немного отъ земли,
Устрой такъ къ пляскѣ ножки милы,
Чтобы, подъ пѣсней, козелка
Такъ проплясать тебѣ, какъ крылы
Порхаютъ вешня вѣтерка.

ДАФНА.

Все будетъ, Дафнисъ. Ты жъ скорѣе
Воздвигнь алтарь и тѣ на немъ
Цвѣты, плоды, что есть спѣлѣе,
Поставь, да ихъ мы принесемъ
На жертву подъ свирѣльми Пану
За нашихъ здравіе гостей

И что съ родителями я стану
Вкушать тобой златыхъ токъ дней.

ДАФНИСЬ.

О, Дафна милая, драгая,
Другъ сердца, свѣтъ моихъ очей!
Лишь ты, хозяйка молодая,
Моихъ пребудешь счастьемъ дней.

ДАФНА.

Нѣтъ, ты. Ахъ, гости дорогіе!
Вы здѣсь? Родитель нѣжный, мать!
Какія жертвы вамъ другія?
Мы можемъ лишь сердца отдать
За хлѣбъ и соль намъ принесенны,
За курицу и пѣтуха. (2)

ДАФНИСЬ.

Мы всѣмъ отъ васъ благословенны:
Я вѣрный сынъ вашъ!

ДАФНА.

Я сноха!

ДАФНИСЬ.

Вы жизнь мнѣ даровали!

ДАФНА.

Вы въ дочь меня избрали!

ДАФНИСЬ.

Питали близъ своихъ сердець!

ДАФНА.

Вы счастья нашего вѣнецъ!

ОБА.

Пріймите же благодаренье
Усердныхъ вамъ своихъ дѣтей:

Сей праздникъ, пиръ и новоселье
Вы все, вы все намъ въ жизни сей.

(¹) Сочинено, въ С.-п.-бургѣ, въ 1794 году. Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, по случаю своей женитьбы и переѣзда изъ родительскаго дома на новоселье, просилъ Державина написать эклогу, что и было поводомъ къ сочиненію сего стихотворенія.

(²) Въ Россіи между народомъ гогда было въ обычаѣ присылать на новоселье хлѣбъ, соль, курицу и пѣтуха, въ знакъ желанія обилія въ домѣ.

СХХVII.

ВОЛХОВЪ КУБРЪ. (¹)

Напрасно, Кубра дорогая, { (²)
Поешь о славѣ ты моей;
Прелестна дѣвушка, младая!
Миѣ пѣть бы о красѣ твоей.

Хотя угрюмъ и важенъ взоромъ,
И сѣдина на волосахъ,
Но рѣдко бурями и громомъ
Въ моихъ бушую я лѣсахъ.

Я мирный гражданинъ, торговый
И безпрестанно въ хлопотахъ;
За старымъ караваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ;

Наполненъ барками, судами,
На парусахъ и бичевой,

Я русскихъ пѣсень голосами
Увеселяю слухъ лишь свой.

Межъ холмиковъ, дубковъ саженьныхъ, (3)
Ведеть полога мурава
Моихъ въ снѣ путниковъ наемныхъ,
Плывущихъ спустя рукава;

Иль видятъ золотыя нивы,
То пестроту цвѣтовъ въ лугахъ;
То лучъ съ серповъ и косъ игривый
Въ муравленыхъ горитъ водахъ.

Шумящи перловы пороги
Имъ слабо преграждаютъ путь:
Премудро, справедливо боги
Богатство за труды даютъ.

И бардъ мой съ арфой ветхострунной
Хоть, сидя на холму, поетъ,
Но, представляя вечеръ лунной,
Онъ тихій голосъ издаетъ.

Увы! сколь парусомъ пробѣгшихъ,
На лямкахъ шедшихъ зрѣлъ людей!
И сколько подъ луной умершихъ
Онъ духомъ зритъ своихъ друзей!

Уже и вождь, ногой желѣзной
Ступавшій Александра въ слѣдъ,
Прекрасный человѣкъ, любезной,
Лучъ бѣдныхъ — блещетъ между звѣздъ.

И ты, въ Наядахъ бывъ известной,
Не навсегда волной шуми;

Но розовой рукой, прелестной,
Вздохнувъ, Мевалка обойми.

Съ Біономъ, Геснеромъ, Марономъ,
Потомства поздняго въ умѣ
Твердясъ пастушьимъ, сельскимъ тономъ,
Съ кузнечикомъ свѣтись во тмѣ. (4)

---

(1) Писано въ деревнѣ автора, Званкѣ; напечатано въ Московскомъ Журналѣ.

(2) Рѣка Кубра протекла въ деревнѣ Графа Дмитрія Ивановича Хвостова, который въ похвалу автора написалъ оду; авторъ отвѣчалъ ему стихами отъ рѣки Волхова рѣкѣ Кубрѣ.

(3) Дубы по берегамъ Волхова посажены были по повелѣнію Государа Петра Великаго: прежде дубовъ не было тамъ.

(4) Авторъ полагалъ, что пѣвецъ Кубры могъ бы съ бѣльшимъ успѣхомъ писать въ идиллическомъ родѣ.

СХХVIII.

Ц И Р Ц Е Я. (1)

На каменной скалѣ, страшилищѣ природы,
Безплодный, дикій верхъ вознесшій къ небесамъ,

Цирцея, слезъ проливъ потокъ,
Отчаянна, блѣдна, дрожаща, полумертва,
Тоски сердечной жертва,
Свой злой оплакивала рокъ.

Тамъ, брося съ высоты бродящій взоръ на воды

Улисса по слѣдамъ,
По тмѣ, по вѣтру, по волнамъ
Бѣгущаго, какъ ей казалось, догоняетъ.
Ужъ видѣть думаетъ и въ изступленьи семь,
Какъ бы покоясь, отдыхаетъ;
Въ прерывчатомъ вздыханіи своемъ
Обратно такъ его, рыдая, призываетъ:
«Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною, —
Изъ сожалѣнья возвратись
И ускори хотя мнѣ смерть!
Любовью сердце умерщвленно,
Но ей еще оно дышитъ.
Тиранъ! ахъ, такъ ли заплачено
То пламя, что тобой горитъ?
Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною,
Изъ сожалѣнья возвратись
И ускори хотя мнѣ смерти!» —
Въ такихъ словахъ печаль свою являетъ;
Но ко волшебству вмигъ прибѣжище беретъ:
Со воплемъ всѣхъ боговъ изъ ада призываетъ,
Паркъ, Фурій, Немезисъ, Цербера, Флегетона,
Гекату злобную и лютаго Алктона,
Чтобъ возвратили къ ней любви ся предметъ.
Тутъ срубъ на алтарѣ кровавомъ загорѣлся
Снисшедшей молніей и вмигъ единъ пожегся;
Пары сгустилися, покрылся мракомъ свѣтъ,
Остановилося теченіе планетъ

И рѣки съ шумомъ вспять побѣгли въ вихрѣ
зѣльномъ;
Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземель-
номъ.

Столь голосомъ грознымъ
Подвигся весь адъ,
Подъ гуломъ громовымъ
Сводъ звукнулъ Пліадъ;
Завѣса ужасна
Подернула свѣтъ;
Дно тартара мрачна,
Содрогшись, реветъ;
Кипитъ и ярится
Морь бурна волна;
Отъ страха вратится
Кровава луна.

Такое сильное очарованье злобы
Во преисподней всѣхъ встревожило тѣней:
Встаютъ, отъ ужаса оставя сонъ свой, гробы,
И въ воздухѣ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
Глухой, унылой вопль, печальны завыванья,
Ревъ, скрежетъ слышанъ ихъ;
И съ ними страшныхъ бурь смѣшенные сви-
станья
Ишедшихъ изъ могилъ, вертеповъ, нѣдръ зем-
ныхъ.

Но все усилія бесплодны суть сіи,
О, ты, любовница несчастна!
Сильнѣйшему тебя ты божеству подвластна;
Чрезъ чары ты свои

Могла потрясть весь міръ, и молніей ужасной
Зѣвъ ада распалить;
Но то, чего не могъ свершить твой взоръ пре-
красной,

Не можетъ злобой учинить.

Любовь никакъ нельзя принудить:

Чужихъ она не терпитъ правъ, —

Зависѣть отъ себя лишь любить;

Ей нравишься, — лишь милымъ ставъ;

Законъ ея весь Свѣтъ плѣняетъ,

Ни чьихъ не вѣдаетъ сама.

Зима поля цвѣтовъ лишаетъ,

Вѣнчаетъ розами весна,

Борей Зефировъ прогоняетъ,

Зефиръ Бореевъ, солнце тма;

А какъ любовь ужъ улетаетъ,

Не возвращается она.

(¹) Переводъ французскихъ стиховъ изъ сочиненій
Жанъ Баптиста Руссо.

СХХІХ.

З И М А. (¹)

—
ПОЭТЪ.

Что ты, Муза, такъ печальна,

Пригорюнившись, сидишь?

Сквозь окошечко хрустальна,

Склоча волосы, глядишь;

Цитры, флейты и скрыпичы,

Въ бѣлы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Пльниры не поешь?

МУЗА.

Что мнѣ нѣтъ? — Ахъ! гдѣ Хариты? ⁽²⁾
И друзей моихъ ужъ нѣтъ!
Л....., Х..... въ гробѣ скрыты,
За Днѣпромъ К..... живетъ. } ⁽³⁾
В....., лиръ любитель,
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззаботный свѣта житель,
Согнуть скорбями въ дугу.

ПОЭТЬ.

Да! Фелицы нѣтъ, Пльниры,
Нѣтъ Харитъ, и нѣтъ друзей:
Звукъ торжественныя лиры
Посвятимъ кому твоей?
Посвятишь ли въ честь ты Хлору, } ⁽⁴⁾
Иль Добрадѣ въ славу ты?
Трубъ у нихъ не слышно хору;
Дни ихъ тихи, какъ листы.

МУЗА.

Тотъ сидитъ всегда за дѣломъ,
Та поконитъ вдовъ, сиротъ;
Въ покрывалѣ скромномъ, бѣломъ,
Такъ зима готовить плодъ.
Не видать ея работы,
Не слышать ея машинъ;
Но по скукѣ зрятея льготы,
И земля цвѣтетъ какъ кринь.

ПОЭТЪ.

Между тѣмъ къ намъ, В....новъ
Ты прійди хотя согбенъ:
Огнь разложимъ средь каминовъ,
Милыхъ сердцу соберемъ;
И подъ арфой тихогласной
Наливая алый сокъ,
Воспоемъ нашъ хладъ прекрасной:
Дай зимѣ здоровье, Богъ!

(¹) Писано въ С.-п.-бургѣ, въ 1803 году.

(²) Подъ именемъ Харить авторъ разумѣлъ Великихъ Княженъ: Александру и Елену Павловну.

(³) Л — Николай Александровичъ Львовъ; Х — Иванъ Ивановичъ Хемницеръ; К — Василій Васильевичъ Капнистъ; В — Петръ Лукичъ Вельяминовъ: всѣ они были любители и знатоки стихотворства и друзья Державину.

(⁴) Имя Хлора относится къ Императору Александру, а подъ именемъ Добрады авторъ разумѣлъ Императрицу Марію Феодоровну.

СХХХ.

А С П А З И И. (¹)

Блещетъ Аттика женами;
Всѣхъ Аспазія милѣй:
Черными очей огнями,
Грудью пѣнною своею
Удивляючи Аѳины,
Превосходитъ всѣхъ собой;

Взоры орли, души львины
Жжетъ, какъ солнце, красотой.

Рѣзвятся вокругъ утѣхи,
Улыбается любовь,
Нѣги, радости и смѣхи,
Плетеницы изъ цвѣтовъ
На героевъ налагають,
И влекутъ сердца къ ней въ плѣнъ;
Мудрецы по ней вздыхають,
И Перикль въ нее влюбленъ.

Угождають ей Науки,
Дань художества дають;
Музикійски сладки звуки
Въ взгляды томность ей люють.
Она чувствуетъ, вздыхаетъ, —
Нѣжная видна душа, —
А сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ больше хороша.

Зависть съ злобой, содружася,
Смотрятъ косо на нее;
Съ черной клеветой свѣяся,
Уподобяся змѣѣ,
Тонкія кидають жалы,
И винять въ хулѣ боговъ.
Ужъ Перикла силы малы
Быть щитомъ ей отъ враговъ;

(2)

Ужъ ведется всенародно
Предъ судей она на судъ;
Злы молвы о ней свободно

Ужъ не шепчутъ, — вопіють;
Ужъ собранье заедало;
Ужъ Архонты всѣ въ очкахъ;
Но сняла лишь покрывало —
Палъ предъ ней Ареопагъ!

(¹) Сочинено въ 1810 году, для Марьи Антоновны Нарышкиной.

(²) Алцибіада и Аспазіо обвиняли въ оскорбленіи боговъ и предали ихъ суду Ареопага. Аспазія явилась туда въ покрывалѣ; но когда сняла его съ себя, никто не рѣшился осудить ее.

СXXXI.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Сабинскаго вина, простаго,
Немного изъ большихъ кувшиновъ
Днесъ выпьемъ у меня, Мецентъ!
Что самъ на греческихъ видѣ гнѣзда
Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день,

Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
Со плескомъ рукъ, и громъ отъ хвалъ
Твоихъ съ береговъ родимыхъ Тибра
Звучалъ, сверхъ Ватиканскихъ горъ.

Ты у себя вино секубско
И сладки пьешь калесски соки:
Но у меня ихъ нѣтъ, — и гроздъ

Ни форміанскій, ни фалернскій
Моихъ не благовонить чашъ.

СXXXII.

КЪ ВАХУСУ.

Вакха вдали (вѣрь миѣ, потомство) я видѣлъ
Межъ дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣть училъ
Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ его —
Завостренныхъ ушми козлоногихъ Сатировъ.

Эвоа! дрожитъ еще сердце отъ страха:
Ужасомъ бога исполненно, скачетъ оно
Съ радости дикой. — Эванъ! щади, о щади!
Отъ грознаго Тирса я трясусь, цѣпенѣя!

Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіадахъ,
О быстротекущемъ винѣ, млечныхъ потокахъ,
И медъ какъ изъ утлыхъ, древесныхъ, дупли-
Пней каплетъ на землю, извиваясь струями.

Такъ, позволь миѣ воспѣть и о свѣтломъ
Блестящемъ межъ звѣздъ, твоей блаженной су-
О страшномъ паденьѣ жилища Пентея
И о Оракійска Ликурга пагубѣ лютой.

Ты волны далекихъ кротишь океановъ,
И, шумныйъ вкругъ холмовъ обтекая пусты-
ныхъ,
Женъ Бостонскихъ переплетши безвредно,
Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

Ты, буйна гигантовъ вдругъ крамолакогда
Верхъ на верхъ по горамъ взгроможденнымъ
взмостяся,
Къ отчему царству внеслась, съ зѣвомъ ужас-
нымъ
И съ львиными Рета когтями, вспять ниспро-
вергъ.

Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусныйъ пля-
савецъ,
Въ шуткахъ и играхъ любви способнымъ былъ
призанъ;
Въ браняхъ не меньше потѣмъ примѣръ далъ
собой,
И великъ ты равно, какъ въ бояхъ, такъ и въ
мирѣ.

Церберъ, въ рогахъ золотыхъ, зрѣлъ те-
бя тихо
И, ничуть не взревѣвъ, лишь хвостомъ обвивая,
Съ кротостью ластясь, трехъ языками зѣвовъ
Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедра.

СХХХІІІ.

КЪ Л И Д І И.

—

Скажи мнѣ, Лидія, боговъ
Подъ клятвою прошу: почто ты Сибариса
Любя губишь, что вынѣ онъ
Возненавидѣлъ рать, пыль, зной сносить мо-
гущій?

Почто, надѣвъ броню, верхомъ
Межъ сверстныхъ всадниковъ не ѣздитъ, и
уздою

Стальнозубчатой не кротитъ
Бурливаго коня, всѣхъ яростнѣйша Галловъ?

Зачѣмъ касаться Тибра онъ
Бойтся желтыхъ волнъ, и отъ борцовъ едея
Бѣжитъ, отъ яда какъ ехиднѣ?

Сожженныхъ зноемъ рукъ, оружіе носящихъ,
Зачѣмъ не кажетъ, всѣмъ хвалясь,

Что пращею своей сподвижниковъ всѣхъ далѣй
Онъ за поставленную цѣль

Пребрасывалъ кружцы тяжелые нерѣдко?

И древле, какъ Остидинъ сынъ,
Предъ слезнымъ, жалостнымъ паденьемъ И-
ліона,

Зачѣмъ онъ прячется отъ войскъ,
Чтобъ и его на брань не увлекли съ собою?

СХХХІV.

П О Л И Г И М Н И И.

Муза Эллады, пылкая Сафа,
Сѣверныхъ странъ Полигимнія!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны златыя,
Что молніи въ души бросая,
Что громами тихо гремя,
Грудь раздробляютъ мою!

Иль, о румянощока, чернокудра,
Агатовоокая дѣва!
Ты мнѣ древняго слога премудра
Витіевъ Эольскихъ напѣва
Съ розовыхъ устъ гласъ проливаешь?
Слышу журчащіе токи
И во гармоньи тону!

Такъ, ты, греко-россійска Харита,
Вблизи какъ меня возсѣдая,
Коснулась во мнѣ дланью пиита,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимнъ возглашаючи Богу:
Сердце во мнѣ воспаменялось,
Слезы ручьями лились!

И если бъ мигъ еще продолжила
Твое небозвучное чтевьє,
Всю жизнь бы мою какъ быльє спалила;
Растаялъ бы я въ восхищєньѣ,

Юной красой упояся;
Блаженства снести бы не могъ,
Умеръ, любовью сгорѣвъ.

Но холодная старость, сѣдая,
Блѣднымъ покрывъ щитомъ костянымъ,
Стрѣлы твоихъ очесъ отражая,
Хоть упасть ко стопамъ мнѣ твоимъ
Строго тогда воспретила, —
Избѣгъ я тебя; но твой взглядъ,
Лучъ какъ въ лѣдѣ, блещетъ во мнѣ.

Зрится въ моемъ, горитъ воображеньѣ,
Ахъ! какъ солнце, твоя красота!
Слышу тобой, мое выраженьѣ
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняетъ
Пѣньемъ твоимъ пѣсень моихъ. —
Буду я, буду безсмертенъ!

СXXXV.

ЧЕРТА КЪ БИОГРАФІИ ДЕРЖАВИНА (*)

Кто велъ его на Геликонъ,
И управлялъ его шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ:
Природа, нужда и враги.

(*) «Объясненіе четырехъ сихъ строкъ,» писалъ Дер-

жавиць къ Графу Д. И. Хвостову: «составить исторію моего стихотворства, причину онаго и необходимость.

СХХХVІ.

НА ПТИЧКУ.

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищитъ, бѣдняжка, вмѣсто свисту, —
А ей твердятъ: пой, птичка, пой!

СХХХVІІ.

ХОРЪ СЕЛЬСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ.

Не на яблонькѣ, не наливное,
Яблочко мило блескъ издаетъ, —
А у бабушки здѣсь родимое
Дитяtko, внучка, роза цвѣтетъ!

Что не мѣсяць младъ, не за облакомъ,
Съ утренней, красной свѣтлой звѣздой, —
Съ невѣстой женихъ сѣлъ за столикомъ:
Дитяtko, внучка! Богъ ужъ съ тобой!

СXXXVIII.

НА КРАСАВИЦУ.

Красавица! зря пчелъ вокругъ розы ты, весной,
Представь, что роза ты, а мы, мы всѣ — твой
рой.

СXXXIX.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ ПИНДАРА

ПИѢИЧЕСКАЯ. (1)

Златая арфа Аполлона,
Подруга червокудыхъ Музъ!
Твоимъ въ молчаньѣ звукамъ внемлетъ
Монархъ веселья, пляска, ликъ:
Когда же, хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ, —
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій,
Ты можешь молнья потушить!

Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
Орель, пернатыхъ царь, и внизъ
Спустия высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньѣ спитъ.
Пріятна мгла, смежая вѣжды,
Главу его на перси гнетъ;
Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
Чуть зыблется хребетъ его.

Свирѣпый Марсъ склоняеть долу
Свое кроваво острее;
Утѣхой сердце упоенно,
Смягчась, плѣняется его.
И самые безсмертны боги
Забавъ сражаются отъ стрѣлъ;
Какіе персты Феба мещуть
И вѣжны груди Піеридъ.

Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ,
Дрожить отъ звонкихъ пѣсень Музъ;
Трепещеть на землѣ и морѣ
Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
Трепещеть и Тифей стоглавый,
Воитель бывый на боговъ:
Наверженъ страшною горою,
Онъ въ мрачномъ тартарѣ лежитъ.

Килькійской оглашенной бездной
Онъ нѣкогда воспитанъ былъ;
Вокругъ его каменно-морскій
Днесъ Кумскій и Сицильскій брегъ
Космату грудь отягощаетъ;
Столпомъ, досягшимъ до небесъ,
Держащимъ на себѣ свѣгъ вѣчный,
Прижать, придавленъ Этной онъ.

Изъ челюстей своихъ извержетъ
Потоками всежрущій огонь,
Который днемъ сквозь тучи дыма
Сверкаетъ искрами въ ааръ,
А ночью, вихрями крутяся,

Горящимъ каменнымъ дождемъ,
Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
Въ морскую глубину падеть.

Не только зрѣтъ его ужасно,
Какъ жупелъ онъ Вулкановъ вверхъ
Горящими струитъ рѣками, —
О немъ ужасенъ даже слухъ:
Какъ Этной къ листомрачну верху
И къ дну прикованъ цѣпью онъ,
Изъязвленнымъ хребтомъ простершись,
На терновыхъ лежитъ буграхъ.

О, Зевсъ, горы сея властитель!
Помилуй и спаси чело
Страны, богатая плодами,
Близъ коей соименный градъ
Воздвигъ народовъ поселитель,
И гдѣ въ ристалищѣ герольдъ
Пиѳійскомъ славу колесницы
Хириновой провозгласилъ!

Какъ въ понть пловцы пустань, ликуютъ.
Зря вздуты вѣтромъ паруса,
Надеждою ихъ сердце льстится,
Что счастливо свой путь свершать:
Такъ сихъ торжество начало кажется,
Что градъ украсяся сей, и впредь
Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ,
Возликовствуетъ на пирахъ.

О, Фебъ! Лицея повелитель,
Делоса свѣтлый царь, и другъ

Любимаго тобой потока
Кастальскихъ водъ, съ Парнасскихъ горъ
Текущихъ, о, услышь желанье!
Сей гласъ мой! — я страну сію,
Героями превознесенну,
На сердцѣ напиши твоемъ!

Такъ милостью боговъ единыхъ
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣтають человѣки!
Блаженства лишъ они дождятъ:
Черезъ нихъ премудрые — премудрость;
Краснорѣчивы — сладость усть;
Могущіе — ихъ силу стяжутъ,
И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

И я, исполнясь ихъ восторгомъ,
Вождельвая мужа пѣть,
Да брошу сильною рукою
Мое выспрь мѣдное копье,
Которое прямымъ полетомъ
Межъ соподвижниковъ моихъ,
Всѣхъ далѣй, всѣхъ быстрѣй промчась,
Со звукомъ въ мѣту попадетъ.

О! да всегда къ нему низходитъ
И впрядь веселье такъ, какъ днесъ!
Осыпанъ счастія дарами,
Да забываетъ скорбь свою,
А помнитъ брани и побѣды,
Гдѣ жалъ онъ славу, цвѣтъ боговъ,
Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона,
Благъ выше не снискалъ коронъ.

Но не тому ли ужъ подобенъ
Онъ древню Филоктету днесъ,
На брань готову, снаряженну
По изволенію судьбы,
Котораго изъ славныхъ воевъ
Первѣйшій мужествомъ герой
Толь рѣдкимъ посѣтя привѣтствомъ,
И дружбою почтилъ своей?

Тогда, вожди какъ приходили
Съ собой его подъ Трою звать,
Лежалъ, страдая въ Лемнѣ язвой,
Снабженный лукомъ, Фисовъ сынъ;
Хоть былъ безсильнымъ, слабымъ, тощимъ,
Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ,
И подвигъ совершилъ Данаевъ:
Угодно было такъ богамъ.

Возставъ, о Боже! и Хирона
Ты такъ съ болѣзненна одра,
И въ временахъ ему грядущихъ
Во всѣхъ желаньяхъ даждь успѣхъ!
А ты, о Муза! колесницы
Четвероконой торжествомъ
Восхити духъ и Диноменовъ:
Не чужда сыну честь отца.

Ему ужъ скоро возгласится
И самому мной также пѣснь,
Какъ оному державцу Этны,
Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ
Златой свободы на твердынь,

По чертежу Хилійскихъ правъ;
И Гераклидовъ родъ, Памфила,
Пребывъ Дорійцами до днесь,

Хранить Эгимовы завѣты
Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда съ холмовъ
Тагета двигшись, взялъ приступомъ,
Отторгнувъ отъ Амеклы, Пиндъ,
Счастливо ею завладѣвши,
И днесь почтеннѣйшій сосѣдъ
Сталъ бѣлоконнымъ Тиндаридомъ,
И копій звуками цвѣтетъ.

Продли, продли, Зевесъ! тожъ счастье
И на Аменовыхъ водахъ,
Да о князьяхъ и о народѣ
Молва правдивая гремитъ!
Отцемъ возвышенна младаго
Ты самъ Царя сего води,
И старца умудрай мастита
Въ согласьѣ царства содержать.

Молю тебя, молю, сынъ Хроновъ!
Да страшный ревъ военныхъ трубъ
Спокойство больше не смущаетъ,
Ни Тирянъ, ни Финикьянъ днесь.
Ты самъ, Зевесъ! при Кумѣ видѣлъ
Кораблегибельный позоръ,
И оному ударъ подобный,
Имъ давный Княземъ Сиракузъ;

Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою
Съ смятенныхъ бѣгствомъ кораблей

Свергалъ цвѣтущи войски въ море
И Грецію отъ рабства спасъ!
Пѣснь благодарная Аѳинамъ
Принадлежитъ за Саламинъ:
И я хвалю, не умолкая,
Спартанъ за Китеронскіи бой.

О, какъ въ сихъ страшныхъ двухъ сра-
женьяхъ

Стрѣлами ополченны тмы
Надменныхъ Персовъ упали!
Какъ на смѣющихся брегахъ
Водами свѣтлыми Химеры
Звукъ Диноменовыхъ сыновъ
Гласится мной, достойно стершихъ
Геройской мышцей полкъ враговъ.

Пѣснь краткую, но содержащу
Въ себѣ дѣлъ болѣе, чѣмъ словъ,
Не столь хулители терзаютъ;
Но нагруженна черезъ край
Воображенъе утомляетъ;
И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ жметъ тайно сердце:
Коль паче чужеземныхъ честь!

Межъ тѣмъ раждать пріятнѣй зависть,
Чѣмъ сожалѣнье намъ. — И ты
Не преставай идти вслѣдъ славы:
Рулемъ довѣрья правъ народъ,
Судъ искушай въ горнилѣ правды,
Малѣйшу искру отъ царя

Свѣтъ за большой пожаръ считаетъ;
Тмы вокругъ свидѣтелей тебя.

Ревнуешь ли потомства къ чести?
Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ
И щедрымъ быть не отрекайся;
Но паче, вѣтромъ парусъ твой
Вздувай, подобно мореходцамъ;
Лишь никогда, любезный мой,
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ.

Единъ гласъ памяти блаженной
Звучитъ за гробомъ, — и дѣла
Мужей великихъ воскрешаетъ
Во лѣтописцахъ и пѣвцахъ.
Не умретъ Креза добродѣтель;
Но лютый, злобный Фаларисъ,
Людей въ волѣ сжигавшій мѣдномъ,
Не вспоминается добромъ.

Нигдѣ о немъ не звукнетъ арфа;
Ея не вторитъ юныхъ пѣснь:
О! такъ, Хиронъ, вкушенье жизни
Благополучья первый даръ,
Второй же даръ благая слава:
А кто стяжалъ ихъ обоихъ,
Тому судьбы опредѣлили
Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

(¹) Переведена съ нѣмецкихъ переводовъ Рамлера и Гедике, въ С.-п.-бургѣ, въ 1800 году; напечатана въ Московскомъ Журналѣ.

СХL.

ПИНДАРОВА

ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПѢСНЬ. (1)

—

Всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй,
Злато богатствъ среди пышныхъ, вельможныхъ,
Какъ между всѣхъ преизящнѣе блескомъ,
Пышущу пламени ночью подобно.
Хочешь ли, Муза, побѣды возвысить, —
Звѣздъ не ищи, свѣтозарнѣе тихихъ
Солнца полдневна лучей теплотворныхъ,
Кои, пустыню воздушну протекши,
Миръ освѣщаютъ вокругъ, — и славнѣйшихъ
Ты не ищи же торжествъ Олимпійскихъ.

Душу поэтовъ они
Пламенемъ всю наполняютъ,
Кронова сына когда,
Сидя Гирона въ чертогахъ,
Счастьемъ, богатствомъ цвѣтущихъ,
Звучно возносятъ, поютъ.

Скиптръ правосудья вращаетъ
Онъ въ многостадной Тринарѣ,
Доблестей цвѣтъ всѣхъ собирая,
Блещетъ, красой озаряясь
Пѣсень согласныхъ съ музыкой,
Кои мы дружески часто,
Сидя съ нимъ вокругъ за трапезой,
Въ славу ему восклицаемъ.

Снемли съ стѣны сей лорійскую цитру,
Коль олимпійскій конь побѣдоносный,
Нынѣ на рыцарскихъ играхъ риставшій,
Сладостнымъ духъ твой плѣняетъ восторгомъ.
О! какъ онъ берегомъ быстро Алфея
Безъ подстреканія гордо, красиво,
Мчалъ сиракузска царя конелюбна,
Къ цѣли летя по всему ппподрому,
Громкой побѣдой межъ всѣми блистая,
Честь своему приобрѣлъ тѣмъ владыкѣ.

Слава донынѣ о немъ
Селы, града пролетаетъ,
Рождшимъ столь много вождей
Лидскимъ Целопсомъ селенны;
Богъ, препоясавый моремъ
Землю, его возлюбилъ.

Мощный Нептунъ, какъ изъяла
Врѣюща свѣтла коноба
Клота его, и ему тутъ
Кости слоновой вложила
Снѣга бѣлѣйшее рамо.
Вѣрь, что чудесность бываетъ:
Сплошь, нестро сказокъ убранство
Нравится болѣе правды.

Прелесть Поэзыи, волшебная сила,
Звукомъ своимъ всѣхъ плѣнить, услаждая;
Ризою басню почтенной облекши,
Ложному часто даетъ вѣроятность,
Лучшій свидѣтель грядущее время;

Смертныхъ всѣхъ есть лишь одна принадлеж-
ность,

Чтобъ съ умиленьемъ въ сердцѣ глубокимъ
Провозглашать всѣмъ боговъ благостыню.
Если не будетъ кто виновнымъ въ чемъ много,
Тотъ и отвѣту подвергнется мало.

Сыне Танталовъ! тебя
Нынѣ воспѣть я намѣренъ,
Прежде не пѣта никѣмъ, —
Твой какъ отецъ на трапезу
Звалъ всѣхъ боговъ въ свой любимый
Градъ, Сицилію, къ себѣ:

Скиптра трезубна державецъ,
Страстью къ тебѣ воспаменяся,
Взявши тебя, какъ добычу,
Зевсу всецтиму далече
На огненноконномъ снарядѣ
Въ свѣтлы взнесъ неба чертоги;
Но для услуги сей самой
Былъ Ганимедъ тамъ ужъ прежде.

Бывшу жъ тебѣ отъ всѣхъ смертныхъ со-
крыту,

Какъ отыскать и посланцамъ родившей
Было тебя уже больше не можно:
Завистью мрачною, злой, воушенны
Тайны сосѣди всѣмъ слухъ распустили,
Будто бы тѣло твое все на части
Было прерублено острой сѣкирой
И во кипящей водѣ разваренно,

Ночью богамъ въ кругу пира носимо;
Сладостно имъ, какъ снѣдно, пожерто.

Но возвѣщать мнѣ о томъ,
Будто безсмертные алчны,
Дерзко, безумно, грѣшно; —
Сильно того я страшуся.
Коль богохульниковъ часто
Ярый сражаетъ перунъ!

Чтили ль кого земнородныхъ
Неба блюстители, боги, —
Былъ то Танталъ. Но, увы! онъ,
Чашей блаженствъ упоенный,
Много собою кичася,
Гнѣвно свелъ мщенье десницы:
Камень надъ нимъ преужасный
Зевесъ, яко гору, навѣсилъ.

Вѣчно съ главы его отрѣзаетъ,
Вѣчно бѣжитъ отъ него и спокойство:
Жалкій страдалецъ, межъ трехъ онъ четвертый,
Жизнь провождаетъ свою всю въ мученьѣ,
Сколь въ бесполезномъ, столь горькомъ рыданьѣ,
Что у боговъ, даровавшихъ безсмертье,
Тайно священный похитилъ онъ нектаръ,
Также унесъ и амброзію сладку
Для угощенія смертныхъ клеветовъ.
О, суета, сокрываться отъ вышнихъ!

Въ кару за тяжкій толь грѣхъ
Боги обратно сослали
Сына въ родъ смертныхъ его,

Столь увядающій скоро.
Юность же розоцвѣтуща
Чернымъ лишь власомъ вокругъ

Щеки его отѣнила,
Сердце прельстилось мгновенно
Бракомъ ему обѣщаннымъ
Со Ипподаміей милой,
Дщерью владѣльца Олимпій.
Къ пѣнну онъ ночью шедъ морю,
Трезубодержца водхолмна
Вызвалъ, — и богъ лишь явился:

«Сильный Царь водъ!» рекъ онъ, «ежели дары
Благоугодны тебѣ суть Венеры,
Мѣдно копье удержи Аэммона,
Скрой въ Элизей и меня ты съ собою
На колесницѣ твоей быстротечной.
Тамъ съ нимъ сразяся, побѣду обрящу.
Тридцать ужъ имъ жениховъ перебито;
Дочь же его и понынѣ въ невѣстахъ.
Такъ! лишь опасностей тѣ не встрѣчаютъ,
Коихъ вся въ нѣжности жизнь протекаетъ.

Мнѣ же коль рокъ ужъ судиль,
Чтобъ умереть неизбѣжно,
Вѣкъ свой безславно почто
Мрачности въ нѣдрѣ скрывая,
Дѣлъ уклоняться геройскихъ,
Жизнь всю значить со стыдомъ?

Нѣтъ! нѣтъ! — яду я сражаться!
Путь лишь открой мнѣ счастливый.» —

Тако вѣщая, — и спѣшно
Душу онъ бога восхитилъ,
Кой, озаряя въ немъ сердце,
Пролилъ сіянье на взоры,
Давъ ему веутомимыхъ
Коней златыхъ съ колесницей.

Отъ Аэммонова гнѣва избѣгши,
Дѣву исторгъ онъ со славой ко браку,
Седмъ воевождей ему породившу;
Тщилися чтить всѣ они добродѣтель.
Днесъ ему жертвы курятся надгробны,
Кои на брегѣ онъ злачномъ Алфея
Во благолѣпннiи внемля, почиеть.
Холмъ его вокругъ какъ могильный обходятъ,
Тожъ и алтарь его въ праздничныхъ играхъ,
Гдѣ собирается сонмъ чужестранцевъ.

Блещетъ далеко Пелопсъ
Славой торжествъ олимпійскихъ
Со ипподромовъ своихъ;
Сила гдѣ, быстрость ногъ гибкихъ,
Мышцы и жилы напрягшись,
Рьяно вдругъ спорять съ собой.

Лучъ отъ побѣды награда,
Витязей въ вѣкъ услаждаетъ,
Слаще златаго сота.
Да и кому чѣмъ сей вѣще
Радостью лъзя наслаждаться,
Какъ не тому, гдѣ вседневно
Съ блескомъ она вспять струится
И утѣшаетъ насъ снова?

Пѣсню Эольской и мнѣ днесь надлежитъ
Витязя игръ увѣичать бранносна,
Конна ристанья по праву извѣстну.
Кто межъ гостей здѣсь есть изъ иностранныхъ,
Иль изъ живыхъ гдѣ суть люди на свѣтѣ,
Царствъ что въ правленьѣ, наукъ и художествъ,
Во превосходствѣ съ нимъ могъ бы поспорить?
Нѣтъ! не дерзнетъ ужъ никто, какъ онъ только,
Быть возвеличенъ подвижниковъ въ ликѣ
Благозвучащими пѣснями достойно.

Богъ твой покровъ, о, Хиронъ!
Нѣжно онъ бдитъ надъ тобою,
Коль онъ не сниметъ впредь длань,
Взойду на красный холмъ Кроновъ
И въ сладкогласнѣйшихъ кликахъ
Бѣгъ колесницъ воспою.

Муза меня окрыляетъ,
Какъ быстролетную стрѣлу,
Взнесся тотъ симъ, а сей онымъ:
Ты же надъ всѣми вершина.
Шествуй же, въ долъ не взирая,
Сей и всегда выотою:
Благо съ тобой жить мнѣ, витязь!
Грецію пѣсни освѣтять.

(¹) Переведена съ нѣмецкаго языка въ 1806 году, въ деревнѣ Званкѣ.

СХLІ.

НЕЗАБУДОЧКА. (¹)

Милый незабудка цвѣтикъ,
Видишь, другъ мой, я, стена,
Бду отъ тебя, мой свѣтикъ,
Не забудь меня.

Встрѣтишься ль гдѣ съ розой нѣжной,
Иль лилеей взоръ плѣня,
Въ самой страсти неизбѣжной
Не забудь меня.

Ручейкомъ ли гдѣ журчащимъ
Зной омоешь лѣтня дня:
И въ жемчугѣ водъ шумящихъ
Не забудь меня.

Вѣтерокъ ли гдѣ порханьемъ
Кликнетъ, въ тѣнь тебя маня;
И подъ устъ его дыханьемъ
Не забудь меня.

(¹) Это стихотвореніе и два слѣдующія за нимъ: *Синичка* и *Оковы*, написаны Державинымъ на Званкѣ въ 1809 году и въ первый разъ появились въ печати въ объясненіяхъ на сочиненія Державина, изданныхъ О. П. Львовымъ.

СХLII.

СИНИЧКА.

Синичка весення!
Тиликать престань:
Во время осенне
Зяблику дань
Ты платишь, и таешь,
Вздыхаешь.

Любить всѣмъ въ природѣ
Судьбой суждено,
Но въ птичьемъ народѣ,
Ахъ! нужно одно,
Что если пылаешь,
Вздыхаешь;

То помни, что лѣто
Тотчасъ протечетъ;
Что сердце нагрѣто
Лишь страстью поетъ;
Но хладъ какъ встрѣчаешь,
Вздыхаешь,

Такъ выбери жъ птичку
Такую себѣ,
И въ осень синичку
Чтобъ жала къ себѣ
И хвалу не знала,
Вздыхала, вздыхала, вздыхала.

СХLIII.

О К О В Ы.

Лиза голову чесала
Скромно гребнемъ золотымъ;
Вырвавъ волосъ, привязала
Къ красотамъ меня своимъ.
Ставь сей скованъ цѣпью нѣжной,
Я прервать ее хотѣлъ;
Но, чрезъ опытъ, и желѣзной
Тверже цѣпи я нашель.
Съ самой той поры я въ скукѣ,
Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь.
Не могу съ ней быть въ разлукѣ,
Волосомъ за ней влежусь.
Тѣмъ лишь только облегчаюсь,
Что къ ней ближе приближаюсь.
И касаюсь сладкихъ усть.

СХLIV.

В А С Н Я,

НАПИСАННАЯ ВЪ КАЛУГѢ 1802 ГОДА.

Рубилъ крестьянинъ дубъ близъ корня топоромъ,
Звучало дерево, пускало шумъ и громъ,
И листья на вѣтвяхъ хотя и трепетали,
Близъ корня видючи топоръ,

Но, въ утѣшеніе себѣ, съ собою болтали,
По лѣсу распуская всякій вздоръ. —
И дубъ надѣялся на корень свой, гордился
И презиралъ мужичій трудъ;
Мужикъ же все трудился
И думалъ между тѣмъ: пускай ихъ врутъ:
Какъ корень подсѣку и вѣтви упадутъ!

CXLV.

ТОРЖЕСТВО

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

ОТПРАВЛЕННОЕ ВЪ ТАМБОВЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ,
ВЪ ЕГО ДОМЪ, 1786 ІЮНЯ 28. (')

ОСОБЫ,

СОСТАВЛЯВШІЯ КАДРИЛЬ И ХОРЫ

(большею частію дѣти).

Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Лаврентій Семеновичъ Журавченко.
Иванъ Петровичъ Ивановъ.
Анна Николаевна
Прасковья Николаевна } Свѣчины.
Надежда Николаевна
Княжна Катерина Ивановна Давыдова.
Иванъ Михайловичъ Ушаковъ.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Надежда Матвѣевна Булдакова.
Михайло Николаевичъ Кормилицынъ.
Катерина Степановна Беклемишева.
Николай Дмитріевичъ Хвоцинскій.
Фіона Ивановна Комсина.
Николай Степановичъ Беклемишевъ.
Софья Дмитріевна Хвоцинская.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Борисъ Дмитріевичъ Хвоцинскій.
Елена Николаевна Охлебинина.
Корнилій Андреевичъ Нилловъ.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
Анна Никитична Салькова.
Романъ Ѳедоровичъ фонъ-Мелинъ.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
Катерина Прохоровна Ерина.
Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Каролина Ѳедоровна фонъ-Мелина.

Стихи въ хоръ соображены были съ музыкою г-на Папзілло.

Въ древнія времена въ Аѣинахъ былъ обычай составлять торжество богинѣ Минервѣ, странѣ Аттической покровительствовавшей. Оно установлено было для поощренія къ добродѣтели и отправлялось слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи въ храмъ жертвъ главный жрецъ выводилъ на народную площадь сонмъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя одежды, украшенныя цвѣтами. Во время шествія они пѣли стихи, подобныя ниже слѣдующимъ, въ честь ихъ покровительницы. По пришествіи же на мѣсто, Хорегъ показывалъ имъ того мужа, который болѣе всѣхъ изъ зрителей отличалъ себя заслугами отечеству и благодѣяніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ останавливались. Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благотворенію въ древности. Потомъ начинались пляски.

Подражая сему древнему аѣинейскому обыкновенію, Тамбовское Благородное Общество, торжествуя день восшествія на престолъ Ея Величества, составило кадрилъ изъ благородныхъ обоюга пола дѣтей, которыя, будучи одѣты въ бѣлое греческое платье и украшены цвѣточными перевязями, подъ предводительствомъ Хорега, представлявшаго жреца, вышли изъ представленнаго въ концѣ галлерей храма. Во время шествія ихъ слышно было пѣніе слѣдующаго хора:

Х О Р Ъ.

гимнъ богинѣ.

Премудрая Аѳина!
Всещедро божество!
Ты намъ покровъ едина,
Ты наше торжество.

Благоволи пробавить,
Почтить того, прославить,
Кто только лишь Твою
Одну святую волю
И Твой законъ хранить,
Счастливитъ смертныхъ долю,
Не мститъ, благодворить
И по путямъ лишь чести
Влечетъ къ себѣ сердца. —
Достоинъ не изъ лести
Тотъ славы и вѣнца.

По окончаніи онаго, дѣти, подошедъ къ главнокомандующему въ губерніи (*), поднесли ему: юноша вѣнецъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвица — корзину цвѣтовъ, съ слѣдующимъ краткимъ привѣтствіемъ:

юноша.

«За оказанныя благодѣянія здѣшнему обществу подносимъ искренніе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія.»

(*) Г-ну Гудовичу.

дѣвица.

«Позволь, да радость нашу изъявимъ мы плясками и играми.»

По данному начальникомъ знаку начался балъ, въ продолженіе котораго горѣла въ городѣ по разнымъ публичнымъ мѣстамъ иллюминація, озаряя нижеслѣдующія картины:

I.

Солнце въ полномъ свѣтѣ, посреди котораго вензеловое имя Екатерины Вторыя освѣщало лучами своими полсвѣта, на которомъ сидящіе орлы съ пламенными сердцами поднимали крылья, дабы воспарить къ сему благодетворному свѣтилу.

надпись:

Твой свѣтъ насъ воскреляетъ.

II.

Геркулесъ, въ груди котораго вензеловое имя Екатерины Вторыя, облеченный въ львиную кожу, стоитъ, облокотясь на свою палицу, попирая ногами гидру. Леопарды и медвѣди убѣгають, а младенцы, играя вокругъ его, рассыпають цвѣты.

надпись:

Тебя мы не боимся.

III.

Аполлонъ выѣзжаетъ на горизонтъ въ обыкновенной своей колесницѣ, запряженной че-

тырьмя огненными конями. Отъ колесъ его повсюду разливаются розовые лучи. Мраки исчезаютъ. Пришествію его радуется природа. Лебеди и прочія пернатія машутъ крылами и прославляютъ его пришествіе.

НАДПИСЬ:

Торжествуемъ приходъ своего благодетеля.

(¹) Сочинено въ Тамбовѣ 1786 года, въ бытность тамъ Державина гражданскимъ губернаторомъ.

CXLVI.

ПРОЛОГЪ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ МУЗЫКОЮ,

НА ОТКРЫТІЕ ВЪ ТАМБОВѢ

ТЕАТРА И НАРОДНАГО УЧИЛИЩА,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ БЛАГОРОДНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

НА ТЕАТРѢ ВЪ ДОМѢ ГУБЕРНАТОРА ДЕРЖАВИНА, (1)

1786 НОЯБРЯ 24.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

- Пустынникъ, Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Геній . . . . . Дѣвица Анна Матвѣевна Бибикова.
Мельпомена, Дѣвица Марья Григорьевна Орлова.
Талія . . . . . Дѣвица Марья Дементьевна Чичерина.
Дѣти . . . . . Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Мальчики съ рѣчьми, Николай Дмитріевичъ Хвоцинскій.
Николай Степановичъ Беклемишевъ.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Борисъ Дмитріевичъ Хвоцинскій.
Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
Романъ Ѳедоровичъ фонъ-Мелинъ.
Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Дѣвицы безъ рѣчей, Надежда Матвѣевна Булдакова.
Фіона Ивановна Комсина.
Софья Дмитріевна Хвоцинская.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Елена Николаевна Охлебинина.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Анна Никитична Салькова.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Катерина Степановна Беклемишева.
Музыка. . . . . Первый хоръ г-на Журавченка.
Второй хоръ г-на Раупаха.
Декорации и платье г-на Барзавтія.

ПРОЛОГЪ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтръ клонитъ деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти разнаго состоянія отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. По укрощеніи бури выходитъ пустынный, украшенный сѣдинами, съ сѣкирою въ рукахъ.

ПУСТЫННИКЪ.

О, дикій, темный лѣсъ, (1) но въ дикости прекрасный

Стихievъ шумомъ лишь и бурями ужасный!

Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ:

Но станетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,

Чтобы очистить ихъ? — Ахъ, нѣтъ! конечно нѣтъ!

По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,

Пускай другіе кто за мною идутъ въ слѣдъ...

(Рубитъ сучья, которые, упадая, открываютъ просѣкъ).

Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;

Исполнилъ я мой долгъ: — дорога къ свѣту есть.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляет на проложенной пустыннокомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ; но оныя тотчасъ закатываются: восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце, которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соответствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или Духъ просвѣщенія, слѣтаетъ на облакъ, держа одною рукою учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска.

ГЕНІЙ (*сошедши съ облака, удивляется красотѣ и величеству свѣтила.*)

Краса вселенныя, утѣха, радость, честь,
Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣй,
Великолѣпнѣе, отраднѣе, щедрѣй?
Достойно ты того, чтобъ я съ круговъ ээира
Слетѣлъ и обозрѣлъ величество твое.
Оно божественно! Все чувствіе мое
Несмѣтныхъ благъ твоихъ плѣненно красотою:

Я восхищенъ тобою!

И если мой небесный чистый жаръ

Усердіе и чувства благородны

Тебѣ угодны:

Въ благопріятный даръ

Прійми его.

Отъ свѣта твоего

Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,

Я приложу старанье,

И лѣсъ сей просвѣтитъ готовъ.

*(Беретъ изъ облака учебную доску, вѣ-
шаетъ на дерево и возглашаетъ:)*

Внимай меня, кто бъ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь, и купецъ, и рабъ, и благородный, ⁽²⁾
Послушайте! себѣ желаетъ кто добра,
Дражайшаго стократъ и злата и сребра,
Котораго никакъ не похищаютъ воры,
Не подкопаетъ тать: не медля, будьте скоры,
Спѣшите всѣ ко мнѣ богатство приобрѣсть.

Я чувствовать учу прямую честь,
Я разумъ знаньемъ наполняю;
Просите у меня, все дать я обѣщаю,
Что можетъ честь

Принести

И сердце воспалить къ поступкамъ благонаправ-
нымъ!

Прійдите, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ глав-
нымъ.

*МАЛЬЧИКЪ (выскача изъ пе-
щеры, кричитъ:)*

Я!

*ГЕНІЙ (нишетъ на доску и
возглашаетъ:)*

Учись начальству быть послушнымъ прежде
самъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Потщуся быть послушнымъ.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ быть почтенъ, имѣть великій санъ?

(Другой мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

Г Е Н І Й *(пишетъ на доску и
возглашаетъ:)*

Такъ будь великодушнымъ,
Учись быть всѣмъ слугой.

М А Л Ь Ч И К Ъ .

Урокъ исполню твой.

Г Е Н І Й .

Кто хочетъ пріобрѣсть себѣ богатство, славу?

(Третій мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

Г Е Н І Й .

Трудись.

М А Л Ь Ч И К Ъ .

Послѣдую сему уставу.

Г Е Н І Й .

Кто хочетъ добрымъ быть и честнымъ гражда-

ниномъ,

Любезнѣйшимъ отцемъ, послушнымъ, крот-

кимъ сыномъ,

Супругомъ ласковымъ, сосѣдомъ несварли-

вымъ, судьейо справедливымъ,

Единымъ словомъ: кто, кто хочетъ быть сча-

стливымъ!

(Тутъ множество мальчиковъ изъ пещеръ бегутъ съ распростертыми руками и кричатъ:)

Я! я! я!

Г Е Н І Й *(пишетъ на доску и
возглашаетъ:)*

Учитесь и трудитесь!

МАЛЬЧИКИ (естъ вѣдучь:)

Будемъ!

Твоихъ совѣтовъ не забудемъ.

(Во все сіе явленіе музыка, подобно раздающемуся эху, отзывается возгласеніемъ Генія и отвѣтами мальчиковъ.)

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТАЛІЯ И МЕЛЬПОМЕНА.

МЕЛЬПОМЕНА.

Въ семь лѣсъ, гдѣ дика, сурова такъ природа,
Я слышу гласъ народа. —
Учиться здѣсь повелѣвають!

ТАЛІЯ (глядя на доску.)

И грамотѣ здѣсь знаютъ.

МЕЛЬПОМЕНА.

Здѣсь пишутъ, кажется, и могутъ мыслить.

ТАЛІЯ.

Не можно ли ихъ намъ, сестра, къ себѣ причислить,

И краю здѣшнему услугу показать?

Мы будемъ представлять.

МЕЛЬПОМЕНА.

И то возможетъ статья.

ТАЛІЯ.

Пойдемъ же попытаться. —

Я вижу впереди учителя съ дѣтьми.

Наука, можетъ быть, межъ здѣшними людьми
Пріятна и любима.

(Подходитъ къ Генію).

МЕЛЬПОМЕНА.

Мы странницы, пришли изъ Греціи, изъ Рима;
Насъ тамъ любили всѣ.
Я добродѣтель ободряла.

ТАЛІЯ.

А я порокъ пересмѣхала.

МЕЛЬПОМЕНА *(къ Генію).*

Дерзаемъ спросить: здѣсь льзя ль остаться
намъ?

ТАЛІЯ.

И нашъ воздвигнуть храмъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Въ сіе время, какъ Геній разговариваетъ съ Музами, дѣти снимаютъ съ дерева учебную доску и уходятъ съ нею въ пещеры.)

ГЕНІЙ.

Дражайшія сестры! друзья мои почтенны!
Бывъ должностью моею столь много упражнен-
ный,

Я не примѣтилъ васъ. Но васъ ли вижу я?

Облегчена теперь обязанность моя.

Какое счастье! о, странницы любезны!

Вы кстати, кстати здѣсь, пренужны, преполезны;

Вы нынѣ будете мнѣ помощью съ небесъ:

Сей лѣсъ

Былъ множество вѣковъ ужасно помраченнымъ;

Не очищеннымъ,

Подобно хаосу стоялъ

Стихievъ бурями стоналъ;

Но нѣкогда вертепъ сей дикій,

Пустынникъ ревностный, могущій и великій,

Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ,

Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ,

По коей свѣтъ,

Спомоществуемый лучами трехъ планетъ, (3)

Боролся съ мракомъ сопротивнымъ;

И лѣсъ

Поднесъ

Едва лишь освѣщеннымъ былъ,

Иль только просвѣщеннымъ слымъ;

Но наконецъ сіе великое свѣтило,

Взошедъ на высоту небесъ,

Свой лучезарный блескъ спустило

На этотъ лѣсъ.

Отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ, { (4)

Отъ тихихъ до сердитыхъ,

Бѣгутъ толпы угрюмыхъ тучъ;

Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,

Въ норахъ, почти совсѣмъ забытыхъ,

Сверкаетъ свѣтозарный лучъ!

Препоны нѣтъ ему нигдѣ;

Вездѣ

Все движется, живетъ, растеть и расцвѣтаетъ,

Все животворный огонь вкушаетъ, ощущаетъ;
Кремень преобразуется въ алмазь, (5)
И испускаетъ все благодаренья гласъ!
Блестаніемъ его и я здѣсь пребываю:

Ему служу,

Разсадникъ свѣта развожу,

Лучи къ простымъ деревьямъ прививаю. — (6)

Ступайте! время вамъ

Здѣсь вашъ воздвигнуть храмъ.

Ступайте! голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ
внятенъ,

Оберегатель правъ (7) здѣсь вамъ благопріятенъ.

Ты, Мельпомена, намъ доброты, возвѣщай

И подвизаться въ нихъ героевъ поощряй;

А ты намъ, Талія, шпынствомъ твоимъ не-
куснымъ

Пересмѣхай порокъ, и дѣлай его гнуснымъ.

Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,

Законы кроткіе тамъ тщетно изданы:

Вы умягчайте ихъ игрой своею и тономъ,

И просвѣщенію, наукамъ и законамъ

Подпорой будьте здѣсь (8). Примите у меня

Орудіе свое.

*(Вышшая изъ облака, подаетъ Мельпо-
мену книжку.)*

МЕЛЬПОМЕНА.

Велѣніе твое

Храня,

Я все противное законамъ, правдѣ, чести,

Любви къ отечеству и вѣрности къ Царю,

Все то, что по слѣдамъ поидеть коварства, лести,
И возролить въ сердцахъ крамолы, бунты, прю,
Не пощадя себя, на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

Г Е Н І Й *(вынимая изъ облака
маску, подаетъ Таліи).*

Вотъ, Талія, тебѣ личина и твоя.

Т А Л І Я .

Я знаю, должность въ чемъ моя.

Подъ ней сокрывшись, я, какъ будто ненарочно,
Все то, что скаредно, и гнусно, и порочно,
И такъ и сякъ, ни въ комъ, никакъ не потерплю.
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,
Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,
Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,

Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,

Кошечевъ, гордецовъ,

И пьяницъ и мотовъ,

Господъ немилосердыхъ

И мудрецовъ безвѣрныхъ,

На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ;

Иному въ носъ щелка, другому иглу въ глазъ

Я смѣло покажу;

Осливы уши я иному присажу,

И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться,

Плевать на нихъ, мерзить, освистывать, ру-
гаться;

А буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ; —
Будь баринъ, будь слуга; но будетъ мнѣ любезенъ.

Г Е Н І Й.

Не сомнѣваюсь я, неместные друзья!
Не тщетна, кажется, надежда въ васъ моя.
Исполня вы свой долгъ, мой подвигъ подкрѣпите,
И лучшимъ образомъ сей лѣсъ вы просвѣтите.
Но прежде намъ сего достойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту путь
И столь въ немъ расширивъ любезну свѣтозарность:
Намъ должно торжествомъ принести тѣмъ благодарность.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лѣсъ исчезаетъ. Театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колоннадою, въ концѣ которой видѣнъ храмъ Просвѣщенія, по сторонамъ коего два обелиска съ сіяющими медаліонами. Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тускломъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензеловое имя Петра I. Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ представляетъ вензеловое имя Екатерины II. — Хоры пѣвчихъ. Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь и становятся отъ обелисковъ вдоль по колоннадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ; Талія и Мельпомена на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторонамъ.

Г Е Н І Й *(обращаясь къ первому обелиску.)*

Начнемъ!

И прежде пѣснь тому мы воспоемъ,

Кто въ свѣтѣ

Намъ показалъ здѣсь слѣдъ.

Х О Р Ъ *(тихо, безъ музыки.)*

Ко скипетру рожденны руки

Онъ въ трудъ несродный простиралъ;

Звучать доднесъ по свѣту звуки,

Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:

Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго.)

ГЕНІЙ (*обратясь ко второму
obelisku.*)

Теперь мы возгласимъ то славное свѣтило,
Что вѣщшіе лучи на край сей испустило.

ХОРЪ (*громогласно, съ музыкою.*)

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлої красотой твоей!
Сіяй, утѣха, радость свѣта,
Для вѣчной славы нашихъ дней!
Сіяй, несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная ЕКАТЕРИНА!

(*По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки
обвиваютъ цвѣточными гирляндами сто-
ройobelisku.*)

ТАЛІЯ.

Начну я отправлять мою теперь же должность,
И вамъ Комедію представлю: *Такъ и должно.* (9)

(1) Сочинено, въ Тамбовѣ, въ 1786 году, и тогда же напечатано.

Первый стихъ относится къ тогдашнему положенію благороднаго общества въ Россіи. Во всѣхъ почти мѣстахъ, отдаленныхъ отъ многочисленныхъ городовъ, равно и въ Тамбовѣ, гдѣ находился авторъ, вѣжливое обращеніе въ благородныхъ собраніяхъ было рѣдко. Люди, не видавшіе ничего, кромѣ деревни, не понимаютъ, что такое вѣжливость и вниманіе къ другимъ, въ которыхъ нѣтъ имъ ни какой надобности: они всегда первые въ своихъ деревняхъ и притомъ ограничены на счетъ общественныхъ наслажденій. Авторъ, почувствовавъ такой недостатокъ и поставивъ въ обязанность своего званія слѣдовать благороднымъ видамъ Императрицы Екатерины, нашелся въ необходимости изыскивать способы пріохотить людей, такъ сказать, къ выходу изъ темнаго лѣса

на свѣтъ, и усилить ихъ взаимныя сношенія. Онъ началъ забавой и любопытствомъ, полагая сіи два способа дѣятельнѣйшими къ открытію онѣмѣлыхъ понятій въ глуши и уединеніи; устроилъ въ своемъ домѣ благородный театръ, на которомъ дѣти обоего пола изъ благородныхъ семействъ забавляли и радовали своихъ родителей сначала представленіемъ дѣтскихъ нравственныхъ драмъ и комедій; завелъ танцевальное дѣтское собраніе одинъ разъ въ недѣлю, для чего выписалъ танцевальнаго учителя, которому родители платили по 50 коп. за урокъ; квартира и столъ для учителя были готовые въ домѣ губернатора, уговорилъ собирать въ его домѣ дѣтей и учить ихъ грамматикѣ и началамъ ариметики, пригласивъ къ тому учителя изъ народнаго училища; два раза въ недѣлю назначилъ концерты и собранія. Всѣми сими заведеніями занималась первая жена автора; самъ же губернаторъ, озабоченный должностію, былъ приглашаемъ въ сіи собранія по билетамъ; въ то же время при Губернскомъ Правленіи была заведена Державинимъ типографія, въ которой печатались свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнѣ хлѣба, о бѣглыхъ людяхъ, о продажахъ разныхъ имуществъ, о подрядахъ и поставкахъ, и проч. и тутъ же печатались статьи изъ переведенныхъ тамошнихъ дворянствомъ книгъ; это былъ первый опытъ губернскихъ вѣдомостей, нынѣ издающихся повсемѣстно. Для обученія церковному пѣнію учредилъ въ народныхъ училищахъ особый классъ, гдѣ давалъ уроки отставной придворный пѣвчій; для заведенія разныхъ сельскихъ машинъ, выписанъ былъ особый механикъ и проч.

Пустынникъ. Пустынникъ здѣсь изображаетъ Государа Петра Великаго.

Солнце. Аллегорическое отношеніе къ Императрицѣ Екатеринѣ.

(²) Народныя училища были открыты для всѣхъ состояній.

(³) Императрицы: Анна, Елисавета и Екатерина II.

(⁴) Отъ Бѣлаго Моря до Чернаго, отъ Каспійскаго до Балтійскаго.

(⁵) Подъ симъ стихомъ разумѣется извѣстная рѣчь, сказанная однодворцемъ Захаріемъ. Она была помѣщена въ повременныхъ изданіяхъ.

(⁶) Относится къ заведенію училищъ для просвѣщенія народа.

(⁷) Намѣстникъ.

(⁸) Театръ не долженъ имѣть другой цѣли, кромѣ поученія, и нравственныхъ живыхъ примѣровъ.

(⁹) Подъ симъ названіемъ была одна остроумная комедія, сочиненная Михайломъ Ивановичемъ Веревкинымъ, который въ то время, когда авторъ обучался въ Казанской Гимназіи, былъ ея директоромъ. Комедія эта избрана была на первый разъ потому, чтобы почтить память начальника автора и чтобы осмѣять крючкотворцевъ, которыхъ еще большое стадо засталъ губернаторъ у производства дѣлъ.

СХLVII.

ОПИСАНИЕ ТОРЖЕСТВА,

БЫВШАГО

ПО СЛУЧАЮ ВЗЯТІЯ ГОРОДА ИЗМАИЛА,

ВЪ ДОМѢ

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО,

ВЛИЗЪ КОННОЙ ГВАРДИИ,

ВЪ ПРИСУТСТВИИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

1791 АПРѢЛЯ 28. (')

Для сего торжества составлена была кадрили изъ 24 паръ, въ которой удостоили принять участіе Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, Государь Императоръ Александръ Павловичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ. Прочія особы обоого пола были изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій и всѣ въ великолѣпнѣйшемъ убранствѣ.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА.

Пространное и великолѣпное зданіе, въ которомъ было празднество, не изъ числа обыкновенныхъ. Кто хочетъ имѣть объ немъ понятіе, прочти, каковы были загородные дома Помпея и Мецената. Наружность его не блистаетъ ни рѣзьбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшеніями: древній изящный вкусъ — его достоинство; оно просто, но величественно. Возвышенная на столпахъ сѣнь покрываетъ входъ и составляетъ его преддверіе. Торжественныя врата съ надписью: «Екатеринъ Великой», сооруженныя изъ двухъ огромныхъ гранитныхъ и четырехъ яшмовыхъ столбовъ съ позлащенными подножіями и надглавіями, ведутъ изъ притвора въ круглой чертогъ, подобный Аѳинскому Одеуму.

Любопытство остановило бы здѣсь осмотрѣть печи изъ лазуреваго камня, обширный куполъ, поддерживаемый восемью столбами, сѣсны, представляющія отдаленные виды, освѣщенные мерцающимъ свѣтомъ, который вдыхаетъ нѣкій священный ужасъ; но встрѣчающаяся вне-

запно изъ восемнадцати столбовъ сквозная преграда, отдѣляющая чертогъ сей отъ послѣдующаго за нимъ, поражаетъ взоръ и удивляетъ. Наверху вкругъ висящіе хоры съ перилами, которыя обставлены драгоценными китайскими сосудами и съ двумя раззолоченными органами, раздѣляютъ вниманіе и восторгъ усугубляютъ. Что же увидишь, вступя во внутренность? При первомъ шагѣ представляется длинная овальная зала или, лучше сказать, площадь, пять тысячъ человекъ вмѣститъ въ себѣ удобная и раздѣленная въ длину въ два ряда еще 36-ю столбами. Кажется, что исполинскими силами вмѣщена въ ней вся природа. Сквозь оныя столбы видѣнъ обширный садъ и возвышенныя на маломъ пространствѣ зданія. Съ перваго взгляда усомнишься и помыслишь, что сіе есть дѣйствіе очарованія, или по крайней мѣрѣ живописи и оптики; но, приступивъ ближе, увидишь живые лавры, мирты и другія благообразенныхъ климатовъ древа, не только растущія, но иныя цвѣтами, а другія плодами обремененныя. Подъ мирною тѣнію ихъ, индѣ какъ бархатъ, стелется дернъ зеленый; тамъ цвѣты нестрѣютъ, здѣсь излучистыя песчаныя дороги пролегаютъ, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, блистаютъ стеклянные водоемы. Вездѣ царствуетъ весна и искусство споритъ съ прелестями природы; плаваетъ духъ въ удовольствіи. Но едва успеешь насладиться издали зрѣ-

ніемъ вертограда, нечувствительно приходишь къ возвышенному на ступеняхъ сквозному алтарю, окруженному еще восемью столбами, кои поддерживаютъ сводъ еѳо. Вокругъ онаго утверждены на подставкахъ яшмовыя чаши, а сверху висятъ лампы и цвѣточные цѣпи и вѣнцы; посреди же столбовъ на порфировомъ подножіи съ златою надписью (*) блистаетъ изсѣченный изъ чистаго мрамора образъ божества, щедротою котораго воздвигнуть домъ сей (**). Единное воззрѣніе на него раждаетъ благоговѣніе и воспламеняетъ душу къ дѣламъ безсмертнымъ. Сколько людей великихъ, смотря на него, изъ почтенія, или изъ любочестія проліютъ слезы! но, можетъ быть, для того, что не легко достигнуть подобнаго обожанія и славы. Алтарь сей окруженъ лабиринтомъ. По извивающимся и отѣненнымъ тропамъ еѳо, между древесными вѣтвями, показываются жертвенники благодарности и усердія, истуканы славныхъ въ древности мужей, изъ мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ сосуды, на подножіяхъ возвышенные. На зеленомъ лугу, позади алтаря, стоитъ высокая алмазовидная, обдѣланная въ злато пирамида. Она украшена всякими гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ цвѣтно-прозрачныхъ каменьевъ составленными. Верхъ

(*) На семь подножіи надпись: *Матери отечества и мнѣ премолюсердой.*

(**) На портикѣ дома надпись: *Отъ щедротъ Великой Екатерины.*

ся, изъ каменье въ же, увѣнчанъ лучезарнымъ именемъ Екатерины Второй. Симвъ блестящимъ памятникомъ хозяинъ хотѣлъ, кажется, изобразить твердость и сіяніе вѣчной славы своея Благотворительницы. Лучи солнечныя, сквозь стѣнъ, или забралъ стеклянныхъ, ударяя въ него, отражаются и, преломляясь нѣсколько кратъ въ тѣлахъ столь же прозрачныхъ, такое производятъ радужное сверканіе, котораго описать не можно. Иногда въ самыхъ мрачныхъ тѣняхъ мелькаютъ пурпуровыя и золотыя зари. Нельзя лучше представить Добродѣтель, разливающую всюду свое сіяніе. Заobeliskомъ, въ самой глубинѣ вертограда, зеркальная пещера. Внутри оной водный кладезъ и купель рѣзная изъ паросскаго мрамора, выше роста человѣческаго. Такія же двѣ стоятъ по концамъ залы предъ двумя возвышеніями, изъ коихъ на одномъ помѣщается многочисленный хоръ музыки, а на другомъ избраннѣйшая бесѣда. Для прочихъ гостей устроены между столбовъ логи. Вездѣ виденъ вкусъ и великолѣпіе; вездѣ торжествуетъ природа и художество; вездѣ блистаетъ граненый кристаллъ, бѣлый мраморъ и зеленый цвѣтъ, толико глазамъ пріятный. По приличности висятъ цвѣточныя вязи и вѣнцы, а по надобности лампы и фонари. Невѣроятной величины зеркала! Всѣ они индѣ предметы усугубляютъ, индѣ увеличиваютъ, а индѣ удаляютъ и умаляютъ. Притомъ сладкогласное пѣніе птицъ, пріятное благовопіе ароматовъ, со-

дѣловая сіе жилище нѣкоею новою поднебесностію, или волшебною странною, заставляетъ каждаго въ восторгѣ самого себя вопрошать: не се ли Эдемъ? — Кромѣ торжественныхъ вратъ, еще четыремя большими дверями проходятъ изъ сего чертога, однѣми во внѣшній садъ, а другими въ прочіе покои. Хотя по множеству оныхъ, пространству и богатымъ приборамъ, приличнымъ болѣе роскоши, нежели земному раю, забудешь красоты его, воображая ихъ въ единой токмо блаженной природѣ; однако въ изумленіи своемъ чаешь быть въ цвѣтущей Греціи, гдѣ Одеумъ, Лицея, Стадіи, Экседры и Театры изъ разныхъ городовъ и мѣстъ собрались и въ одномъ семъ зданіи воскресли. Тамъ отдѣлено довольное пространство, гдѣ мужественная юность можетъ упражняться въ военныхъ тѣлодвиженіяхъ и прочихъ гимнастическихъ играхъ; здѣсь, любящіе музыку, пѣніе и пляску найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія. Тамъ, плѣняющіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаэля, Гвидо-Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ всей Италіи; здѣсь, эстампы съ оныхъ взоры привлекаютъ. Тамъ, азійтской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ; здѣсь, европейскіе драгоцѣнные ковры и ткани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ, уединенные покои тишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ, имъ порученныхъ; здѣсь, обсаженная древами прямовидность пред-

ставляетъ гульбище, гдѣ бы и Платонъ съ удовольствіемъ могъ собирать академію и преподавать свою философію. Словомъ, для всякаго возраста, пола и состоянія находятся чертоги, въ которыхъ, по склонностямъ каждаго, съ пріятностію время препроводить можно. Вездѣ достаточная и пристойная услуга, рѣдкая утварь, всего обиліе; и если бы какой властелинъ всемогущаго Рима, преклоня подъ руку свою вселенную, пожелалъ торжествовать звуки своего оружія, или отплатить угощенія своимъ согражданамъ: то не могъ бы для праздника своего создать бѣльшаго дома, или лучшаго великолѣпія представить. Казалось, что все богатство Азіи и все искусство Европы совокуплено тамъ было къ украшенію храма торжествъ Великой Екатерины. Едва ли есть нынѣ гдѣ такой властитель, которому бы толь обширное зданіе жилищемъ служило.

Великолѣпные чертоги

На столько разстоятъ локтяхъ,

Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги,

Едва въ ихъ слышатся концахъ.

Надъ возвышенными стѣнами,

Какъ небо, наклонился сводъ;

Между огромными столбами

Отворенъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ.

Если домъ по сему описанію заслуживаетъ вниманіе: то праздникъ, бывшее въ немъ, еще болѣе.

По всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію Великой Государыни и Ихъ Высочествъ и по народному зву знатнаго обоого пола дворянства, къ 6-ти часамъ по полудни всѣ собрались. Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. Хотя отъ множества каретъ заперлись улицы, но въ домѣ такой былъ просторъ, что можно бы безъ сомнѣнія пригласить такое же, или еще большее число гостей. Наконецъ прибылъ Дворъ. Въ самое то время на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, разыграли трубы и открылся пиръ для народа. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу Всемиловѣйшей Обладательницы: простосердечное *ура* наполняло воздухъ. Самая лучшая похвала доброму Государю радостный кликъ его народа. Подъ симъ гласомъ искренности хозяинъ встрѣтилъ Высочайшихъ своихъ Посѣтителей въ подобающемъ Августѣйшему Ихъ сану мѣстѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданическаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное устремленіе взоровъ нѣсколькихъ тысячъ гостей на священныхъ Императорскихъ Особъ, выступившихъ сперва въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище.

Во древни времена такъ боги

На олимпійски торжества,

Оставя горніе чертоги

И свѣтлы троны божества,
Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора
Сіяніе лучей своихъ:
Среди народнаго собора
Священное пребытье ихъ
Подобно также познавалось,
Какъ сходить къ намъ когда заря:
Роптанье вѣтровъ укрощалось,
Румянились ээиръ, моря;
Вниманье на горахъ блистало,
Поля лобзала тишина.
Все бренно естество молчало,
Смотря, какъ шествуетъ Она;
Ея улыбка разливала
На всю природу блескъ и свѣтъ.

Какъ скоро Высочайшіе Посѣтители соизволили возсѣсть на приуготовленныя имъ мѣста, то вдругъ загремѣла голосовая и инструментальная музыка, изъ трехъ сотъ человѣкъ состоявшая. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы, выступилъ отъ алтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Онѣ одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ брилліантовъ на нихъ считалось болѣе, нежели на десять милліоновъ рублей. Сіе младое и избранное общество тѣмъ бдльшій возбудило въ Россіянахъ восторгъ, что Государи Великіе Князья Александръ и Константинъ Пав-

ловичи удостоили Сами быть въ ономъ. Видѣли Россіяне соприсутствующу веселію ихъ любезную Матерь отечества, кроткую и мудрую свою Обладательницу; видѣли при Ней мужественнаго Ея Сына и достойную Его Супругу, украшенныхъ всѣми добродѣтелями; видѣли младыхъ Ихъ чадъ, Великихъ Князей и Княженъ, радостную и твердую надежду будущаго Имперіи блаженства, а притомъ послѣднихъ въ сообществѣ съ дѣтьми ихъ. Какою радостію, какимъ восторгомъ наполняло сіе ихъ чувства и что изображалось на ихъ то удивленныхъ, то улыбающихся лицахъ, того ни какое перо описать не въ состояніи; удобно было токмо сіе видѣть и чувствовать. Сія великолѣпная кадрили, такъ сказать изъ юныхъ граціи, младыхъ полубоговъ, героевъ составленная, открыла балъ польскимъ танцемъ. Громкая музыка его сопровождается была литаврами и пѣніемъ; слова онаго и послѣдующаго за нимъ польскаго же были слѣдующія:

ХОРЪ ПЕРВЫЙ. (*)

Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ.
Славься симъ, Е к а т е р и н а!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

(*) Музыка ко всѣмъ хорамъ, кромѣ VI, сочиненія Козловскаго.

Воды быстрыя Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Е к а т е р и н а!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Ужъ не могутъ Орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость низится Селима,
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ, Е к а т е р и н а!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Стонъ Синила (*) раздается
Днесъ въ подсолнечной вездѣ;
Зависть и вражда мятется
И терзается въ себѣ.
Славься симъ, Е к а т е р и н а!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенной мы простерть.
Славься симъ, Е к а т е р и н а!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Зри, премудрая Царица!
Зри, великая Жена!
Что Твой взглядъ, Твоя десница
Нашъ законъ, душа одна.

(*) Древнее названіе Пзмагла.

Славься симъ, Е к а т е р и н а!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Зри на блещущи соборы,
Зри на сей прекрасный строй:
Всѣхъ сердца Тобой и взоры
Оживляются одной.

Славься симъ, Е к а т е р и н а!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

ХОРЪ ВТОРОЙ.

Возвратившись изъ походовъ,
Принеся съ собой трофей,
Среди звуковъ, среди громовъ,
Плодъ побѣды вы своей
Торжествуйте, Россы бранны,
Славой, счастію вѣнчанны!
Торжествуйте, ликовствуйте,
Наполняйте плескомъ свѣтъ!
Всей вселенной доказуйте,
Что храбрѣй насъ въ свѣтъ нѣтъ;
Нѣтъ храбрѣе и сильнѣе
Васъ, Царямъ своимъ вѣрнѣе!

Вы въ поляхъ ли гдѣ сражались, —
Били тысячи вы стомъ;
На моряхъ ли въ бои пускались, —
Флоты рушили огнемъ.
Гдѣ вы грады осаждали, —
Страшны стѣны ихъ упали,
Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,
Раздалася слава въ свѣтъ,

Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
Сопротивника днесъ нѣтъ;
Нѣтъ имъ спорника во брани,
Рвутъ вездѣ ихъ лавры длани.

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
Исторженныхъ у враговъ;
Вамъ, Россіянки, даруетъ
Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
Раздѣляйте съ нами славу,
Честь, утѣхи и забаву;
Раздѣляйте, ободряйте
И впередъ къ побѣдамъ насъ;
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
Вашъ надъ нами силенъ глазъ;
За одинъ вашъ взглядъ любви
Лить мы рады токи крови.

За одну Твою щедроту,
За одинъ Твой кроткій взглядъ,
Сердце душу, жизнь, охоту,
Россъ принесть на жертву радъ.
О, любезна Мать народа!
Вѣрь, что щедрая природа
Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
Чтобы звучны чудеса
Съ храбрымъ Россомъ Ты творила.
Продолжите, Небеса,
Продолжите Ея лѣта
Къ удивленію вы Свѣта!

Расположеніе пляски всей кадрили, которая
чрезъ нѣсколько колѣнъ польскаго прерывалась

контратанцами, было изобрѣтенія самого хозяина. Славный Пикъ искусствомъ своимъ общилъ ей всю пріятность какъ въ важныхъ, такъ и въ веселыхъ тѣлодвиженіяхъ. Что вы предъ симъ, буйныя, пьянственныя и шутовскія позорища! что вы предъ симъ?

Не такъ ли, Лира восхищенна,
Въ Пиндаровы цвѣтущи дни,
Была при торжествахъ почтенна?
И онъ, возсѣдшій пальмъ въ тѣни,
Вѣнцомъ покрытый, багряницей,
Передъ премудрости Царицей
Дѣла своихъ героевъ пѣлъ,
Рукой златыя движа струны.
Какіе сладкіе перуны!
Какой огонь отъ нихъ летѣлъ!

Подъ поражающимъ согласьемъ
Его пріятныхъ стрѣлъ,
Орель, нагнувъ на перси выю
И млечнымъ облакомъ сокрывъ
Въ полъ-яблока зѣницы быстры,
Хребтомъ пернатымъ тихо зыблясь,
Дремалъ, казалось, близъ его,
Спустивъ свои на розы крылья: —
Но нерастлѣнно нѣгой сердце
И духъ его парилъ у звѣздъ.

И самыя забавы,
И самая любовь,
Наукой были славы
И къ подвигамъ жгли кровь

Души благородной.
Что слухъ внялъ восхищенной,
Что зрѣлъ прельщенный взоръ,
То юность вся твердила
И по домамъ своимъ,
По тѣмъ стезямъ ходила,
Что пѣлъ пѣта имъ,
И что гремѣлъ ихъ хоръ.

Онъ пѣлъ имъ витязей ристанье
И крики на коней возницъ,
И молній по мечамъ блистанье,
И пыль столпомъ отъ колесницъ;
Онъ пѣлъ имъ непорочны нравы,
Желаніе честей и славы,
И къ общему любовь добру;
Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье,
Вдыхалъ къ порокамъ омерзѣнье,
Мздопмну злату, серебру.

Сѣдые старцы, преклоненны
Вокругъ его на ихъ жезлахъ,
Внимая добродѣтель чтиму,
Струили токъ блестящихъ слезъ.
Пріятно было имъ то слышать,
Что хвалятъ добры ихъ дѣла;
Но сердцу ихъ еще стократъ
Того милѣй и слаще было,
Что тотъ же на сынахъ ихъ видѣнъ
Былъ знакъ ко славѣ страстныхъ душъ.

Минерва съ Марсомъ зрѣли
На юношъ полкъ младыхъ,

По взорамъ разумѣли
Свою породу въ нихъ;
И чрезъ лѣта толики
Кто Александръ Великій,
Кто будетъ Константинъ;
Божественные взгляды
Свою читали честь
И весь въ нихъ блескъ Элады:
Тотъ грома къ Персамъ несть,
Сей вновь построишь Римъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сіи танцы кадрили сопровождались громкою музыкою и хорами, воспѣвавшими побѣды, кажется, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобы, по примѣру древнихъ, возбуждать юношество къ славѣ. Приятно было видѣть нѣкоторыхъ молодыхъ людей, столько симъ тронутыхъ, что слезы у нихъ на глазахъ являлись.

Что принадлежитъ до прекраснаго пола, то развѣ только Анакреонъ изобразилъ бы всѣ его прелести.

Нѣжный, нѣжный воздыхатель,
О, пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ:
Безъ вина бы и безъ хмеля
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился;
И въ мечтѣ, иль въ восхищеньи
Ты бы видѣлъ, будто въ явѣ,
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ

Во жемчужной колесницѣ,
Иль на аленькомъ листочкѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ,
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И туда сюда летаетъ,
И садится онъ по Нимфамъ,
То на ту, то на другую,
Какъ садятся желты пчелы
На цвѣты въ поляхъ младые.
Онъ у той блисталъ во взглядахъ,
У иной блисталъ въ улыбкѣ,
И пускалъ оттуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце,
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще:
Не пролетывали мимо, —
Попадали прямо въ душу.
И душа бѣ твоя томилась,
Уязвленная любовью:
Лишь Паллады щить небесный
Утолялъ твои бы вздохи.

Въ продолженіе танцевъ Августѣйшая Гостья, оказавъ Свое благоволеніе участвовавшимъ въ оныхъ, изволила оставить собраніе и уклонилась для отдохновенія въ чертогъ, устланый коврами и обитый драгоцѣнными тканями. Здѣсь на стѣнахъ изображена исторія персидскаго вельможи Амана и Мардохея Израильтя-

нина. Истканіе толь живо, что, кажется, слышанъ гласъ послѣдняго:

И если я не милъ того Вельможи оку, (2)
Ты вѣдаешь, могу ль я быть рабомъ пороку?
Тебѣ извѣстно все, о, кроткая Эсѳирь,
Владычица сердець и красота порфиръ?
Судьба на тронъ тебя съ тѣмъ царскій возво-
дила,
Чтобъ милость ты и судъ на тронѣ воцарила,
Невинность бы спасла, низвергла бь клевету,
И сердце нѣжное и духа высоту
Совокупя въ себѣ, вселенной показала,
Ты мудростью бь примѣръ мужей великихъ
стала!

Между тѣмъ, какъ разсматривая здѣсь обои, воображеніе мечтало сіе или что либо сему подобное, разумъ съ почтеніемъ похвалялъ вкусъ и намѣреніе хозяина, или всякаго вельможи, котораго душа непричастна была клеветѣ и мщенію, и который подобными нравоучительными бытіями украшалъ свое жилище и сердце. Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей, золотой слонъ (3), обвѣшанный жемчужными бахрамами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботь. Онъ былъ какъ бы живъ и поставленъ нарочно на стражѣ у Ассира, предъ которымъ происходила помянутая исторія. Персіянинецъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколъ, и сіе было возвѣщеніемъ театральнаго представленія. Хозяинъ всепод-

даннѣйше просилъ къ оному Высочайшихъ своихъ Посѣтителей и пригласилъ прочихъ гостей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помость освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензеловое Имя Екатерины II. Выступили танцовщики, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу, они показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. Балетъ препровожаемъ былъ музыкаю и пѣніемъ.

ХОРЪ ТРЕТІЙ.

Сколь Твоими чудесами,
Взгляда Твоего лучами,
Именемъ Твоимъ блаженны!
Сколь Тобой мы восхищенны!
Зри на наши Ты днесь лица,
Кроткая Небесъ зѣница!
Гдѣ Твое лишь имя, взоры
Намъ възблещутъ: пѣсни, хоры
Тамъ повсюду раздаются,
Воскликанія несутся:
Всѣхъ съ Тобой мы въ свѣтѣ краше,
Лучезарно солнце наше!

Засимъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій смирскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести російскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая перемѣна полити-

ческаго нашего состоянія! Давно ли Украина и Низовыя мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ ордъ? Давно ли? О, коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣтлыхъ торжествахъ благоденствіемъ. О, потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатерины. Она рекла:

Создалъ Румянцовъ по степямъ,
Подвигъ ходящи съ громомъ грады; ⁽⁴⁾
Крылаты, Этны по морямъ
Текли съ Орловымъ до Эллады: ⁽⁵⁾
Они три свѣта потрясли. ⁽⁶⁾
Подобны лавры возрасли
И днесъ Потемкина рукой. ⁽⁷⁾
Коль силенъ духъ Ея средь боевъ!
Коль онъ вездѣ великъ собой!
Онъ маніемъ творилъ героевъ,
Которыхъ въ поздни времена
Дѣянья, память, имена
Гремящей славой будутъ вѣчны,
Грозой стихіевъ непресѣчны.

Уже наступила ночь, и когда изъ театра возвращались въ залу, предвозвѣщено было концертомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

ХОРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отъ крылъ орловъ парящихъ
По Югу поетъ шумъ:
Погрязли въ морѣ флоты;

Легли въ поляхъ полки;
Съ холмовъ низверглись грады,
Затмилася луна;
Подъ Росскою рукою
Склонилъ чело Дунай.

Владычица полсвѣта,
Россiянъ храбрыхъ Мать!
Въ богоподобной славѣ,
Въ сіяньи благъ Твоихъ,
Твоимъ небеснымъ взоромъ,
Какъ радуга на понтъ,
Благоволи приникнуть
На сонмъ Твоихъ побѣдъ.

Воззри, какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семь огни:
Такъ ревностью горѣли
Въ бояхъ Твои сыны.
Мое жъ къ Тебѣ усердье,
Коль можно бѣ съ чѣмъ сравнить,
Давно бѣ Тебѣ вселенна
Воздвигнула алтарь.

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что жъ представилось? Сама Августѣйшая Императрица вопрошаетъ: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?» Сто тысячъ лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки, все усыпано чистымъ кристалломъ, наполненнымъ возженнаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненыя паникадила и фонари, висящiе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники, одни какъ жарь горять,

а другіе какъ воды переливаются, и совокупляя лучи свои въ веселое торжественное сіяніе, все покрывали свѣтозарностію. Какой блескъ! Волшебные замки Шехеразеды! сравнитесь ли вы съ симъ храмомъ, унизаннымъ звѣздами, или лучше съ цѣлою поднебесностію, увѣшанною солнцами? Безсмертные цѣвцы храмовъ вкуса и славы! (*) почто вы не видали сего великолѣпія? — Что я вижу? тутъ играетъ яркій и живой лучъ, и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный: я весь въ заряхъ. Окна окружены звѣздами. Горяція полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещутъ. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленою переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между столбами; тѣнистыя радуги бѣгають по пространству; зарево сквозь лѣсъ проглядываетъ; искусство вездѣ подражаетъ природѣ. Но что, кромѣ сего, было чрезъестественнаго, описать трудно. Высочайшія пальмы, по подбористымъ равнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты какъ бы звѣздами, и горятъ какъ пламенѣющіе столбы. Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, червленый и желтый виноградъ, віясь по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и

(*) Вольтеръ сочинилъ поэму: *Храмъ вкуса*; а Поинъ: *Храмъ славы*.

въ тѣняхъ по чернымъ грядамъ лилей и тюльпановъ, ананасы и другіе плоды пламенностію своею неизреченную пестроту и чудесность удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? Чтò видишь? Не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣришь! — Но если природа, искусство, и самое, такъ сказать, волшебство неодушевленными и неподвижными предметами приводятъ здѣсь въ изумленіе: то какимъ безмолвнымъ восторгомъ, какимъ пріятнымъ оцѣпенѣніемъ останавливаешься, когда внезапно находишь подъ густотою древесныхъ вѣтвей чистая воды и въ нихъ плавающихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбъ? когда тутъ же, средь грома музыки и литавръ, слышишь звонкіе соловьиные свисты? Одни съ свѣтлой стихіи пріятнымъ движеніемъ, а другіе изъ отдаленной мрачности прерывающимся сладкимъ пѣніемъ, жадные слухъ и взоры несказаннымъ увеселеніемъ наполняютъ. Такая необыкновенная и восхитительная внезапность совсѣмъ новое чувство раждаетъ. Но чтò съ тобою будетъ, когда посреди всѣхъ оныхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розовыхъ и янтарныхъ лучахъ горящій и всеосвѣщающій памятникъ любезной Матери твоего отечества, алтарь Ея и образъ, вокругъ которыхъ по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ запахахъ видны дражайшія имена всего Ея наслѣдія? (*) Всякій Рос-

---

(*) Сквозь транспараны сіяли вензловыя Имена Его

сіянинъ вообразить и почувствуетъ ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе; отъ благодарности за прошедшее, отъ любви за настоящее и отъ надежды ожидаемаго блага. Ежели онъ благоразуменъ, то въ умиленіи сердца скажетъ: «Сей чистый и ясный огонь есть истинное подобіе моего къ ней усердія; сіе лиловое и зеленое пламя — образъ безсмертной моей и потомства моего на Нихъ надежды.» Если же онъ чувствителенъ, то проліетъ ангельскія слезы и божествомъ своимъ приблизится къ небожителямъ, созерцающимъ непостижимое, вѣчное сіяніе.

Не такъ ли солнцевъ домъ среди небесъ,
Весь радугой объятъ и весь покрытъ зарями?
Моря сверкаютъ въ немъ, поля, долины, лѣсъ;
Рубина рдянаго поддержанъ онъ горами;
Въ сапфирѣ, кристалѣ, въ немъ звѣзды какъ
свѣчи,
Кругомъ и внутрь его колеблются лучи.
Въ каленомъ златѣ ввѣкъ горитъ и не сгараетъ,
И око смертное сіяньемъ притупляетъ.

Щедротою своею Виновница блеска сего, достойная, чтобъ и въ позднѣйшія времена такіе

Императорскаго Высочества Наслѣдника Престола, Его Супруги, Великихъ Князей и Княженъ, озаренныя фіолетовымъ и зеленымъ цвѣтами, знаменующими безсмертіе и надежду.

храмы въ честь Ея воздвигаемы были, ходить
вокругъ, осматриваетъ все съ обыкновенною
Ей милостію. Предъ Нею, кажется, все живѣе
становится, все пріемлетъ большее сіяніе; слѣ-
ды Ея суть блистательныя волны тѣснящагося
за Нею веселаго, радостнаго, торжествующаго
собранія. Сіе паче всего Ее утѣшаетъ. Свѣтлое
лице Ея ободряетъ улыбки, игры, пляски, ли-
ки, забавы. Се подобіе Матери, се Монархія,
окруженная славою, любовію, великолѣпіемъ!

Всѣ три,

Казалось, оны божества

Съ Владычицею, душъ, съ небесъ.

Пришли

Умножить блески, звуки, радость

Торжества.

Всѣ три,

Казалось, межъ собою

Какъ будто споръ вели:

Кому быть празднества душою?

Но слава здѣсь съ вѣнцомъ лавровымъ,

Съ короною изъ звѣздъ,

На подвиги душамъ готовымъ

Трубой съ высокихъ мѣстъ

Свой огонь вливала;

Во всѣхъ сердцахъ одна торжествовала.

И Нимфъ, и Сильфъ соборы

Ея всѣ пѣли хоры,

Ея твердили гласъ,

Плясали, бѣгали, скакали,

Качались (*), въ воздухѣ летали,
И всѣ согласно восклицали:
«Утѣхамъ время, дѣлу часъ!»

Между прочими танцами были также пляски по малороссійскимъ и русскимъ простымъ пѣснямъ, изъ которыхъ одна ниже сего слѣдуетъ. А какъ собственное народное пѣніе любящимъ свое отечество правится болѣе иностраннаго: то какое было удовольствіе видѣть предъ лицомъ Монарха одобреніе къ своимъ увеселеніямъ? О, вы, которые не плѣняли такимъ образомъ сердець, а хотѣли быть страшными, Цари! могли ль вы наслаждаться такими пріятными зрѣлищами?

хоръ пятый.

На бережку у ставка
На дощечкѣ у млинка, и проч.

Между тѣмъ, какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма просторномъ и прекрасномъ саду вожжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оныя. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешуящихся между открытою пологою зеленью, а индѣ древами осѣненныхъ, зыблилась флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными фла-

---

(*) Внутри покоевъ поставлены были великолѣпныя качели.

гами и фонарями, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ. Роши, пріятно разбросанныя, и алей, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Все-го пріятнѣе казалось помаваніе деревъ надъ водами стоящихъ, которыя отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ въ далекъ гребцакаго рога и пѣсень, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина! Мнѣ слышится отвѣтъ его:

Я чѣмъ могу воздать Ея компѣщедротѣ?
Велячіе мое—творенье рукъ Ея;
Все счастье мое—души Ея въ добротѣ,
И слава торжества—Ея, а не моя.

Угощенные толь пріятнымъ образомъ, посѣтители внутри и внѣ дома (*) ничего уже болѣе не ожидали, чтѣ бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ, по данному отъ хозяина

(*) Въ продолженіе бала разносимы были чай, кофе, оршадъ, лимонадъ и всякіе другіе конфекты.

знаку, театр уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 человѣкъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимоходомъ пожелаетъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду.

Онъ мечетъ молнію и громы,
И рушитъ грады и беретъ;
Волшебны созидаетъ дома,
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой гиганты,
Тренещутъ земли и моря;
Другою чиститъ брилліанты
И тѣшится, на нихъ смотря.
Сегодня бурю представляетъ,
Летаетъ завтра какъ зефиръ,
И лавръ и мирты собираетъ,
И бой ведетъ и строитъ миръ;
То крылья вдругъ беретъ орлины,
Паритъ къ лунѣ, и смотритъ вдаль;
То рядитъ щеголей въ ботины (*),

(*) Легкіе сапожки, которые ввелъ Его Свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ.

Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль (*).

И если бъ онъ имѣлъ злодѣевъ,

Согласны бъ были всѣ они:

Что видятъ образъ въ немъ Протеевъ,

Который жилъ въ златые дни.

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были Высочайшаго Императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать Государи Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ Всемиловѣйшая Государыня и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Престола съ Высочайшею Его Супругою: партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ постановленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія; всѣхъ взоры обращены были къ лицу Государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія возносилась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей Владычицы, и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться Ея лицезрѣніемъ.

(*) Азіятскія тонкія покрывала, которыми Его Свѣтлость дарилъ дамъ.

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато, и сребро:
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогорь, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна классами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медь златый, древъ искрометный
сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфоръ, кристалъ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилъе тучное всемъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось ожили, и рданы лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И спросить: кого такъ угощаетъ Свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Вскорѣ послѣ ужина, Высочайшая Посѣти-
тельница, обозрѣвъ еще веселящихся, соизво-
лила со всемъ Своимъ Августѣйшимъ Домомъ
уклониться къ покою. Уже подвезены были ко-
лесницы: внезапно раздалось нѣжное пѣніе съ
тихимъ звукомъ органагоу, нисходящее, съ ви-

сящихъ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными, озаренными яркимъ цвѣтомъ, стеклянными сосудами. Всѣ безмолвствуютъ, внимаютъ и обращаютъ всюду взоры свои, и не видя поющихъ, въ пріятномъ восхищеніи думаютъ созерцать облака, или зари, съ которыхъ слышалось ангельское пѣніе, сопровождаемое небесною гармоніею.

ХОРЪ ШЕСТЫЙ.

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ Твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышитъ все Твоей душой;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу, и счастливъ.

Что въ богатствѣ и честяхъ?
Что въ великости моей,
Если мысль, Тебя не зрѣтъ,
Духъ ввергаетъ въ ужасъ?

Стой и не лети, ты, время!
И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей:
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты (*)

По окончаніи хора, хозяинъ съ благоговѣніемъ палъ на колѣни предъ своею Всемилостивѣйшею Самодержицею и облобызалъ Ея

(*) Сей хоръ, взятый изъ италіянской оперы, пѣтъ на италіянскомъ языкѣ; но здѣсь съ переменною нѣкоторыхъ словъ согласенъ съ тою музыкою.

руку, принося усерднѣйшую благодарность за пощещеніе. Паки новая и трогающая сердце картина! Великолѣпный Дворъ и все многочисленное собраніе видятъ толь славную Монархиню съ величественнымъ и милостивымъ взоромъ стоящую предъ Своимъ подданнымъ, который нѣсколько минутъ держалъ Ея десницу съ нѣкакимъ особливимъ душевнымъ умилениемъ. Тако оставляла божественная Минерва сына Улиссава.

Нисшедшимъ облакамъ,
Богиня въ нихъ возсѣла;
Подъемлясь къ высотамъ,
Къ нему съ улыбкой зрѣла.
Отъ брони вѣтромъ звуки,
Отъ взоровъ лучъ летѣлъ:
Воздѣвъ онъ къ небу руки,
Ей въ слѣдъ безмолвно зрѣлъ.

---

(1) Сочинено въ 1791 году; напечатано въ 1808.

(2) Сей стихъ относится къ Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, который, бывъ тогда Генералъ-Прокуроромъ, гналъ автора. Здѣсь авторъ желалъ показать, что вельможи часто притѣсняютъ людей, точно такъ же какъ Мардохей притѣснялъ Амана, котораго защищала Эсфирь. Подъ именемъ Эсфиря авторъ разумѣлъ Императрицу Екатерину, удостоившую его Своимъ покровительствомъ.

(3) Столовые часы, имѣвшіе видъ золотого слона.

(4) Фельдмаршалъ Румянцовъ въ военныхъ дѣлахъ, особливо противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ, дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ карьерами; а Фельдмаршалъ Минихъ безъ сего способа принужденъ былъ

возить за войсками рогатки, и потому не могъ дѣлать скорыхъ движеній.

(⁵) Лирикъ Петровъ назвалъ первый военные корабли крылатыми Этнами. «Я зрю крылатыхъ Этнъ непобѣдимый строй» и проч. Графъ Орловъ командовалъ эскадрою, которая была отправлена къ греческимъ островамъ противъ Турокъ.

(⁶) Средиземное Море, на которомъ происходила морская битва, отдѣляетъ Европу отъ Азіи и Африки.

(⁷) Князь Потемкинъ во вторую Турецкую войну начальствовалъ флотомъ въ Черномъ Морѣ.

CLXVIII.

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО (1)

НА

БРАЧНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢВИЧА

И

КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ НИКИТИЧНЫ

ВЯЗЕМСКИХЪ,

представленное невзначай семействомъ Алексѣя Ивановича Васильева въ селѣ Александровскомъ, въ саду, 18
іюля 1791.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Флора. . . . Катерина	} Алексѣевны Васильевы, малолѣтныя дѣвицы.
Помона. . . . Марья	

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО.

Зрѣлище представляетъ въ саду бесѣдку и въ ней сидящихъ хозяина съ хозяйкою, украшенныхъ лѣтами, почестями и добродѣтелями, окруженныхъ ихъ семействомъ. Къ нимъ входятъ въ убранствѣ Флоры и Помоны двѣ младыя дѣвицы съ корзинами, одна неся цвѣты, а другая плоды.

Ф Л О Р А .

И мы въ сіи мѣста,
Почтенная чета!
Среди семьи твоей
Пришли сораздѣлить
Пріятный праздникъ сей,
И въ сельскихъ пѣсняхъ возгласить
Тебя, почтенный мужъ!
Тебя, почтенная супруга!
Сколь счастлива семья сія, сія округа,
Познайте то въ восторгѣ нашихъ душъ.

П О М О Н А .

Взгляните вы на всѣхъ здѣсь взоры:
Во всѣхъ течетъ здѣсь ваша кровь;
Внемлите тамъ поющихъ хоры:
Они поютъ вашъ бракъ, любовь.

Х О Р Ъ I (въ дали.)

Да царствуетъ веселье здѣсь.
Утѣхи, радость, восхищенье!
Любовь! твое воспламененье,
Твой даръ мы торжествуемъ днесь.
О, нѣжные супруги!
Се вашихъ день прохладъ,
Се вамъ здѣсь предстоятъ
Любезны ваши дѣти, други
И чада вашихъ чадъ.

Ф Л О Р А .

За вашу къ намъ любовь, за милость, за труды,
О счастье нашемъ попеченья,
Я въ даръ сіи цвѣты....

П О М О Н А .

А я сіи плоды

(Объ вѣсть.)

Подносимъ вамъ во знакъ почтенья;
Пріймите ихъ отъ васъ, отъ искреннихъ сер-
децъ,
Сего семейства мать, и ты, его отецъ!

(Ставятъ передъ ними корзинки).

Х О Р Ъ II.

Мы всѣ васъ любимъ сердечно,
Милы намъ, милы вы вѣчно,
Наши плѣнили сердца;
Видимъ въ васъ мать и отца.
Будьте счастливы и здравы,

Полны утѣхи и славы!
Всякій намъ съ вами есть край
Радость, блаженство и рай,
Рай, рай, рай!

Ф Л О Р А .

Любезная сестра! подъ симъ совосклицаньемъ
Почтимъ сей день своимъ невиннымъ мы пля-
саньемъ.

Х О Р Ъ Ш .

О, чета почтенна рода!
Для того тебѣ природа
Бытіе дала,
Чтобъ была его хвала!
Мы твои усердны чада
Просимъ Небо, чтобъ досада
Васъ не знала никогда;

Печаль отъ васъ бы удалилась,
Надежда, радость водворилась
Въ почтенный домъ вашъ навсегда:
Да мы, среди утѣхъ, забавы,
Среди довольствъ, блаженства, сла-
вы,
Жить будемъ вѣчно безъ вреда.

(По окончаніи хора Флора и Помона берутъ другъ друга за руки и начинаютъ польскій танецъ; прочіе же молодые люди почтеннаго сего семейства встаютъ съ мѣстъ своихъ и попарно слѣдуютъ за ними. Потомъ Флора и Помона подходятъ къ хозяевамъ, въ честь которыхъ празднество сіе было и цѣлуютъ ихъ руки. Подра-

жая сему, и другіе дѣлаютъ имъ пристойные знаки по-
чтенія и тѣмъ оканчивается сіе родственное празд-
нество.)

(¹) Сочинено въ 1791 году.

СХLIX.

ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ

НА РОЖДЕНИЕ ВЪ СЪВЕРЪ

ЛЮБВИ. (1)

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ЛЮБОВЬ.

ЖРЕЦЫ.

ЮНОШИ.

ДѢВЫ.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сѣверь.

Сей прологъ былъ сочиненъ на случай разрѣшенія отъ бремени Государыни Великой Княгини Елисаветы Алексеевны Великою Княжною Марією Александровною, по соображенію тогдашняго времени и обстоятельствъ; но какъ отъ автора Двору представленъ не былъ, то и не играя.

ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ.

Театръ представляетъ на разсвѣтѣ лѣсъ, покрытый инеемъ. Въ срединѣ лѣса купа дубовъ, подъ которыми семь жрецовъ сидятъ въ бѣломъ одѣяніи. Предъ ними алтарь. Вдали видны каменные скалы съ висящими съ нихъ оледенѣлыми источниками. Музыка соображается съ дикою, замерзлой природою, сливаясь съ шумомъ вѣтра.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ

(тихий, унылый, безъ музыки, изъ теноровъ и басовъ составленный.)

Долго ль инеемъ покрытый
Будетъ сей ужасенъ лѣсъ?
Свѣтлы дни уже забыты,
Видимъ въ стужѣ гнѣвъ небесъ!

ЖРЕЦЪ

(теноромъ поющій, приступая къ алтарю, поставляетъ предъ нимъ жертвенный треножникъ, покрытый бѣлымъ полотномъ.)

Съ первымъ бы цвѣткомъ явиться
Къ намъ должна была весна;
Но земля бесплодна зрится, (2)
Холодомъ умерщвлена.

ВТОРОЙ ЖРЕЦЪ

(старшій, басомъ поющій, снимаетъ съ треножника покрывало.)

Часто покрываетъ мглою
Блески своего чела,
Чтобъ съ сугубой красотою
Послѣ возсіять могла.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ

(съ музыкаю, возставъ и приближаясь къ алтарю.)

Принесемъ же мы моленье
Благодѣтельнымъ богамъ,
Чтобъ твое произреченье
Скоро совершилось намъ.

ТРИ ЖРЕЦА

(старшій и два младше, съ музыкаю.)

Боги! наши голоса
Да коснутся неба свода!
Озарите небеса
И воскреснетъ вся природа!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ *(безъ музыки).*

Чада! чада! къ намъ идите
И мольбы соедините.

(Показывается народъ, юноши и дѣвицы).

ХОРЪ ОБЩІЙ *(съ музыкаю).*

(Народъ, жрецы, юноши и дѣвицы).

О, небо! преклонись къ молениямъ
Ты сокрушенныхъ нашихъ душъ.
Весна, прійди! и дуновеньемъ
Оковы мразныя разрушь.

Вели дышать благоуханьямъ,
Вели раскинуться цвѣтамъ,
Да мы щедротъ ея даянемъ
Здѣсь жертвы принесемъ богамъ.

(Подъ симъ хоромъ хороводъ дѣвицъ и юношей составляютъ вокругъ алтаря и жертвеннаго треножника медленный священный танецъ. Между тѣмъ старшій жрецъ возжигаетъ на треножникъ огонь. Хоръ прерывается слышимымъ вдали троекратнымъ гуломъ грома; при каждомъ отголосѣ его пламя на треножникъ вспыхиваетъ, и хоръ, возобновляясь трикраты, постепенно и тихо умолкаетъ.)

Т Р И Ж Р Е Ц А .

Смягчилось стремленье
Холодныхъ бурь и стужъ:
Услышано моленье
Усердныхъ вашихъ душъ.

Х О Р Ъ (изъ народа, юношей и
дѣвицъ).

Услышаны мольбы сердечны,
Молитва наша принята!
О, боги праведны и вѣчны!
Обрадуйте сія мѣста.
Надежда, утѣшай, драгая!
Прійди скорѣй, весна золотая!

(Сей народный хоръ перестываетъ сильнымъ громовымъ ударомъ. Театръ постепенно овеивается, сходятъ облака и часть льса; а сцена мало по малу перемѣняется въ весенній явленіа.)

Х О Р Ъ Д Ѣ В Ъ .

Оживитесь, почвы льдисты!
Распуститесь, цвѣтки!
Да сплететъ изъ васъ душисты
Милымъ и себѣ вѣнки.

Х О Р Ъ Ю Н О Ш Е Й .

Раздѣлитесь зелены
Намъ на подвиги луга,
Чтобъ бросать огонь военный
Мы учились на врага.

(Въ сіе время спускаются облака ниже по глубины театра и составляютъ изъ себя группу.)

Х О Р Ъ Ю Н О Ш Е Й .

Поспѣваетъ наша дань
Дѣвамъ юнымъ и прекраснымъ.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Ужъ открылося на брань
Поле юношамъ безстрашнымъ.

(Сии хоры одинъ послѣ другаго повторяются.)

ОБЩІЙ ХОРЪ *(изъ юношей и дѣвъ).*

Всѣ утѣхи обѣщаетъ
Сердцу радостна весна;
Но еще не оставляетъ
Нѣкихъ намъ блаженствъ она.

(Тутъ указываетъ народъ на сгущенную группу облаковъ и приближается къ ней вѣсть съ жрецами.)

ХОРЪ НАРОДА И ЖРЕЦОВЪ *(фуга.)*

Что за явленье
Снисходитъ съ небесъ?
Странно видѣнье
Рѣдкихъ чудесъ!

(Нижняя часть густыхъ облаковъ, садясь на землю, раздвигается и появляется изъ нея розовый кустъ.)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Весна открылась красотою,
Сплетемъ вѣнки себѣ мы вновь.

(Подбѣгаютъ къ кусту рвать цвѣты: въ немъ показывается любовь въ видѣ младенца. Въ сіе мгновеніе разрываются замерзлыя воды, текутъ водопады; лѣсъ и земля покрываются цвѣтами.)

ХОРЪ *(изъ народа, жрецовъ,
юношей и дѣвицъ.)*

Мы видимъ, съ юною весною
Родилась нѣжная любовь.

(Дѣвицы поднимаютъ на рукахъ Любовь, и несутъ ее, при повтореніи сего хора, на алтарь, украшенный тогда же цвѣтами, на которомъ и поставляютъ.)

х о р ъ ю н о ш е й.

Лишь взглянетъ только, вспламенить
Намъ къ мужеству сердца.

х о р ъ д ѣ в ѣ.

Въ насъ пламенну любовь родить
Улыбкою лица.

х о р ъ о б щ и й.

О, твердая любовь! златая
Всего народа цѣпь сердець!
Прославимъ, праздникъ составляя,
Въ тебѣ залогъ благихъ небесъ.

ю н о ш и и д ѣ в и ц ы (*выступя на
середину театра и обратясь къ Любви*).

Сладкая души отрада!
Тяжесть золотыхъ оковъ!
Твоего едина взгляда
Ищемъ, жаждемъ мы, Любовь.

д ѣ в и ц а.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милый мой, однимъ тобой!
И ты любишь, — все прекрасно,
Все прелестно предо мной.

ю н о ш а.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милая! одной тобой,
И ты любишь, — я безстрашно
За тебя иду на бой.

х о р ъ ю н о ш е й и д ѣ в и ц ы.

Обладай, Любовь, ты нами!
Обладай, взаимна страсть!
Царствуй, царствуй надъ сердцами:
Всѣмъ твоя пріятна власть.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ (поднося Любви
розовый вѣнокъ).

Весенни мы приносимъ дары,
Да розой жизнь твоя цвѣтетъ!

ХОРЪ ЮНОШЕЙ (поднося лавро-
вый вѣнокъ).

А мы тебѣ подносимъ лавры,
Да удивится слава свѣтъ!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ (поднося вѣнокъ
дубовый).

Явился, общихъ благъ Содѣтель,
Народа радость и краса!
Любя святую добродѣтель,
Преклонь на насъ ты небеса.

(Весь народъ повторяетъ послѣднiе два
стиха жрецовъ.)

(Сей хоръ сопровождается трубами и литаврами, подъ которыми Корифеи производятъ пляски и на посохахъ, увѣшанныхъ цвѣточными плетеницами, составляютъ около алтаря подобiе храма. Съ небесъ спускаются къ Любви трюфеи, въ которыхъ видны лукъ, колчанъ и пламенныйкъ. Она надѣваетъ на себя колчанъ, беретъ лукъ и пламенныйкъ, который въ рукахъ ея зажигается. Имъ она касается трюфеевъ, между которыми освѣщается вензловое имя поворожденнаго. Жрецы подносятъ къ Любви жертвенный треножникъ, на которомъ она пламенникомъ своимъ зажигаетъ ароматъ. На алтарь является огненная надпись:)

«Блаженство, счастье водворится,
И именемъ Ея весь Сѣверъ озарится.»

(Сей стихъ воспѣвается всеобщимъ хоромъ и дѣйствiе тѣмъ кончится, что всѣ съ колынопреклоненiемъ поклоняются Любви.)

(¹) Сочиненъ въ 1797 году.

(²) Въ семь году отъ жестокой зимы почти всѣ деревья погибли.

СЛ.

ПРОЛОГЪ

НА РОЖДЕНИЕ ВЪ СЪВЕРЪ

ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА,

ПОЧЕРПНУТЫЙ

ИЗЪ ДРЕВНЯГО ВАРЯГО-РУССКАГО БАСНОСЛОВІЯ. (1)

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

- Рюрикъ . . . Великій Князь Новгородскій, родоначальникъ Монарховъ Русскихъ, происшедшій отъ сѣвернаго бога Одина.
- Едвина . . . его супруга.
- Зничъ . . . или Май.
- Зимцерла . . . или Весна, его супруга.
- Лель . . . или Купидонъ, ихъ сынъ.
- Валки . . . небесныя дѣвы, или граціи.
- Жрецы . . . богослужители. } Первые отличаются на
- Барды . . . пѣснопѣвцы. } главахъ вѣнцами.
- Дажь-богъ . . . духъ, покровитель Сѣвера.
- Огнявы . . .
- Вѣтряны . . . } духи, повелѣвающіе стихіями, то есть:
- Моряны . . . } Саламандры, Сильфы, Наяды и Гномы.
- Земляны . . . }
- Богъ Одинъ и прочіе } пирующіе въ Валкалѣ, }
 боги и герои сѣверные. } или въ раѣ храбрыхъ. } Безъ
 Дагоды . . . или Зефиры. } рѣчей.
- Кикиморы . . . или Мечты. }
- Русалки . . . или Нимфы рѣчныя. }

*Дѣйствіе въ Старой Ладогѣ, на мѣстѣ, гдѣ
былъ домъ Рюриковъ.*

Сей прологъ, какъ и первый, сочиненъ въ одно время, на случай разрѣшенія отъ бремени Великимъ Княземъ.

ПРОЛОГЪ.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лунную ночь и рощу на берегу рѣки Волхова. Нѣсколько купъ старыхъ дубовъ. Въ ближайшей изъ нихъ виситъ съ огнемъ лампада. Нѣсколько скамей и арфъ. Сквозь шумъ пороговъ и бушующаго лѣса слышны изрѣдка звуки арфъ. Музыка соображается съ видимыми предметами. Со стороны выходятъ барды, не менѣе пяти.

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Бурлива ночь!

ВТОРОЙ.

А вѣтеръ часъ отъ часу крѣпчаетъ.

ТРЕТІЙ.

Луна сквозь тучъ едва на Волховѣ сверкаетъ,
И слышенъ громъ вдали.

(Луна покрывается облаками и близится громъ).

ПЕРВЫЙ.

Во кушу поспѣшимъ

Утреневать богамъ.

(Въ сіе время спускается на облакъ Дажь-богъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ И ДАЖЪ—БОГЪ.

ДАЖЪ—БОГЪ (*не видя жрецовъ*).

О, роща, гдѣ Одинъ,
И Рюрикъ сѣверный съ Эдвиндой воспѣваемъ!
Жилище бардовъ! край, богами соблюдаемъ!
Какую радостну тебѣ я вѣсть принесъ!
Судьбы провозвѣщу тебѣ благихъ небесъ.

БАРДЫ (*въ сторону между собою*).
Ахъ! что такое, что? Кто смель со облаковъ?

ДАЖЪ—БОГЪ (*не усматривая ихъ*).

А р і я.

Духъ вѣсть радостна волнуетъ,
Въ сердцѣ льется живо кровь;
Мною богъ предзнаменуетъ
Сѣверу свою любовь:
Веселись, страна блаженна,
Озаренна небомъ днесъ!

(*Гроза умножается*).

Молнія въ ночи блистаетъ, —
Это знакъ щедротъ боговъ;
Громъ на Западъ ударяетъ, —
Это гнѣвъ на злыхъ умовъ:
Трепещи, страна мятежна!
Казнь тебѣ летитъ съ небесъ.

(*Страшно громъ ударяетъ и роща молніей
вся освѣщается, какъ пожаромъ.*)

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Увы! знать гнѣвъ боговъ!

В Т О Р О Й.

О, милосердый духъ! и роща вся пымаеть.

Д А Ж Ъ - Б О Г Ъ.

Не бойтесь! Небо вамъ блаженство предвѣщаетъ.

Я Дажь-богъ, я вашъ другъ, я не предвѣстникъ бѣдъ.

Пускай Перунъ тамъ гидръ стрѣлами грома бьетъ:

Я вамъ Одиново принесъ благословенье.

Внимайте: Онъ вчера, низведъ съ Валкала зрѣнье,

Окинулъ взглядомъ мѣръ, зря въ Западъ раздоръ,

На Сѣверѣ покой, склонилъ съ улыбкой взоръ.

И повелѣлъ боговъ позвать на пированье.

Усладъ исполнилъ вмигъ всесильно приказанье.

Всѣ боги собрались, и въ дружной чашѣ медъ,

Какъ золото, блисталъ розъ на ланитахъ цвѣтъ.

Глава боговъ сосудъ изъ злата и порфира

Велѣлъ себѣ подать, гдѣ жребьи крылись міра.

Онъ крышку снялъ, и всѣхъ прекраснѣйшей изъ Валкъ

Веселымъ маніемъ очей онъ подалъ знакъ.

Дѣвица розову десницу простираетъ

И нитокъ клубъ златыхъ изъ урны вынимаетъ.

Разматываетъ клубъ, по воздуху летитъ,

И свитокъ на помость вдругъ падаетъ священ- ный,

Печатью огненной со внѣ запечатлѣнный.

Богъ-царь открылъ печать, внутрь свитка письма!

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Показывается межъ облаковъ сѣверная звѣзда. На дубахъ огненная надпись: *Отрокъ*. Дажь-богъ на облакѣ тихо возносится. Барды падаютъ на колѣни и съ умиленіемъ поютъ:

Д у э т ъ.

Духъ добрый, свѣтлый, лучезарный!

Мы вѣруемъ тебѣ.

Виждь наши души благодарны,

Внемли ты сей мольбѣ,

И вознеси ее въ чертоги,

Гдѣ вѣчно торжествуютъ боги.

ТРЕТІЙ БАРДЪ.

Нашъ долгъ провозвѣститъ, что сдѣлалось съ нами.

(Входятъ въ куцу, принимаются за арфы и составляютъ съ повтореніемъ оныхъ общий хоръ, смотря съ восторгомъ на звѣзду.)

Х О Р Ъ.

Внемлите, всѣ народы свѣта!

Олиновъ растворенъ чертогъ,

Благословляетъ Сѣверъ-богъ,

Сіяетъ новая планета!

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Теперь мы поспѣшимъ въ Одиновъ храмъ,
И жертву принесемъ съ жрецами тамъ богамъ.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ царство Сѣвера. Дремучій лѣсъ, покрытый инеемъ, посреди коего готическій серебряный чертогъ и тронъ. На возвышеніи онаго сидятъ Рюрикъ и Эдвинда. Ниже предъ ними виситъ колыбель подъ туманомъ. Ее качаютъ сѣдые мразы и океаны. Съ небесъ, подобно лѣстницѣ, къ трону облака. На нихъ видны Мечты и Зефиры, помавающіе на колыбель крылами. Съ самаго верха слышны голоса четырехъ Валкъ.

Квартетъ (тихо.)

Спи, дитя, ты спи, любезно,
Въ буряхъ, мразахъ возрастай:
Мужество тебѣ полезно,
Нѣгу, роскошь презирай.
Ты рожденъ на свѣтъ судьбою
Ради царскаго вѣнца,
Въ нуждахъ дай примѣръ собою,
Правдой покори сердца.

РЮРИКЪ.

Военны зрѣлища вы, сны! ему мечтайте,
Мечами о мечи слухъ тихо ударяйте;
Пускай онъ въ юности привыкнетъ видѣть брань
И поражать, какъ я.

(Мечты, сошедъ съ облаковъ, въ балетъ сплутся мечами и представляютъ разныя военныя дѣйствія.)

Э Д В И Н Д А .

А вы, Зефиры! дань
Играніемъ ему и рѣзвостію платите.
Порфирородныхъ долгъ, небрань одна, внушите,
Имъ надлежитъ еще изящнѣйшая часть:
Быть кроткими, какъ я.

(Зефиры сходятъ съ облаковъ и въ другомъ балетъ представляютъ разныя дѣйствія милосердія и щедротъ; потомъ совокупно съ Мечтами составляютъ веселый танецъ.)

Я В Л Е Н І Е II.

Огняны, Вѣтрыны, Моряны и Земляны, предводительствуемые подъ великолѣпнымъ маршемъ Дажъ-богомъ, приносятъ съ собою въ разныхъ сосудахъ новорожденному дары.

Д А Ж Ъ - Б О Г Ъ .

Надъ всѣмъ имущій власть,
Богъ неба и земли и всей Господь вселенной,
И боги прочіе изъ вѣчности священной
Прислали отроку дары.

О Г Н Я Н Ъ .

Со мною огонь и громъ,
Духъ мужественный, мечъ, туль стрѣль, шело-
ломъ.

Р Ю Р И К Ъ .

Къ защитѣ нужный даръ.

(Помаваетъ и духи кладутъ дары предъ трономъ).

ВЪТРАНЪ.

Со мной красу прелестну
Лица, пріятности и чистоту небесну.

ЭДВИНДА.

Любезный всѣмъ!

(То же по мановенію дѣлаютъ.)

МОРИАНЪ.

Со мной, раждаемы въ моряхъ
Кораллы и жемчугъ, и счастье на водахъ.

(То же.)

ЗЕМЛЯНЪ.

Со мною прислано обиліе, убранство,
И злато и серебро, несмѣтное богатство,
Которое творить блаженство на земли,
И все, чѣмъ смертныя блистали гдѣ, цвѣли.

(То же.)

ДАЖЪ-БОГЪ.

А мнѣ ему еще къ тому всѣхъ благъ Содѣтель
Во грудь вдохнуть велѣлъ небесну добродѣтель.

(Подходитъ къ колыбели и дуетъ на младенца.)

РЮРИКЪ.

О, коль прекрасный даръ!

ЭДВИНДА.

Прекраснѣйшій изъ всѣхъ!

ДАЖЪ-БОГЪ.

Въ единомъ дарѣ семъ несчетны тмы утѣхъ.

Всеобщій хоръ.

Ты, добродѣтель! всему красота,
Дщерь ты небесъ!

Солнце и свѣта ты лѣпота,
Краше ты звѣздъ!
Отроку въ перси юны и нѣжны
Чаще дыхай,
Въ сердце страхъ Божій, мысли смиренны
Въ душу вливай.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ зеленый священный холмъ; на немъ въ отверстой ротондѣ преизящный храмъ, а предъ нимъ лугъ, окруженный рощами. Рюрикъ и Эдвинда сидятъ въ сторонѣ подъ балдахиномъ на полукружномъ тронѣ. Жрецы и барды внутри храма предъ алтаремъ, на которомъ горитъ благоуханный огонь. Надъ храмомъ, въ свѣтлыхъ облакахъ, виденъ Валкаль, гдѣ по срединѣ во всемъ оружіи богъ Одинъ, а по обѣ стороны его другіе сѣверные боги, герои и Валки. Дажь-богъ внизу у трона Рюрикова.

*Дуэтъ жрецовъ и Валкъ, посторяемый
Бардами на арфахъ.*

ЖРЕЦЫ.

Се жертва непорочна,
Горитъ чистѣйшій огонь:
Изображаетъ точно
Душъ нашихъ пламень онъ.

(Имъ отвѣтствуютъ, какъ эхо, съ Валкала, дѣвъ Валки.)

ВАЛКИ.

Какъ розъ благоуханье,
Восходитъ къ нему дымъ:
Такъ душъ сихъ изліянье
Взнеслось къ мѣстамъ святымъ.

ЖРЕЦЫ.

Услышь, услышь моленье,
И нашихъ гласъ похвалъ;
Исполнь благоволенье,
Которо обѣщаль.

ВАЛКИ.

Услышано моленье,
Пѣснь ваша принята;
Боговъ благоволенье
Вамъ: Май, Любовь, Весна.

ОБЩІЙ ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ И ВАЛКЪ

(громогласно.)

Услышано моленье,
Пѣснь наша принята;
Небесъ благоволенье
Грядеть въ сіи мѣста.

ДАЖЪ-БОГЪ.

О, какъ я радуюсь! какъ духомъ веселюся!
Молитва принята! Дождуся я, дождуся,
Когда сюда слетятъ младыя божества
Въ сіяньи ихъ лучей, во славѣ торжества.

СТАРШІЙ ЖРЕЦЪ (въ священ-
номъ восторгѣ предъ алтаремъ.)

Я вижу отроча, неслыханно, чудесно,
И тѣломъ и душой божественно, прелестно!

Печатью въ вѣчности онъ былъ запечатлѣнъ,
Во знакъ: что рѣдкій даръ имъ въ свѣтъ произ-
веденъ.

Что съ клуба въ бездну нить тянулася златая,
То знаменье, что жизнь продлитъ дорогая;
Что благовонная изъ урны вышла мгла,
То пользой осѣнятъ весь міръ его дѣла,
И словомъ, будетъ онъ великъ между царями.
Уже растеть!

м л а д ш и й.

Но будто пѣнный холмъ встаетъ между цвѣ-
товъ.

Его священное названье: Лель, Любовь!

с т а р ш и й.

Его родитель Зничъ. Такъ свѣлъ, какъ Май,
лучами.

м л а д ш и й.

Зимцерла мать его — весна, заря красами!

р ю р и к ъ.

Ужъ вижу обоихъ я ихъ небесъ въ лучахъ!

э д в и н д а.

Летятъ, любезные, на легкихъ облакахъ!

д а ж ъ - б о г ъ.

Летятъ, всѣмъ милые, прекрасные, молодые!
Летятъ сюда отецъ и мать, и сынъ съ высотъ:
Какое множество въ сихъ божествахъ красоты!

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Восторгъ нашъ умъ плѣнитъ,

Вся млѣетъ кровь:

Весна и Май летитъ,

При нихъ Любовь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, и на свѣтломъ облакѣ являются
ЗНИЧЪ, ЗИМЦЕРЛА И ЛЕЛЬ (поютъ.)

Т р і о.

По вашему прошенью
Съ небесъ летимъ,
Боговъ по мановенью
Природу обновимъ.

ЗНИЧЪ.	ЗИМЦЕРЛА.	ЛЕЛЬ.
Я васъ лучами Потщуся просвѣ- тить,	А я цвѣтами Потщуся расцвѣ- тить,	А я стрѣлами Потщуся уязвить; Владѣть сердцами,
Наукъ вѣнцами И счастьемъ надѣ- лать.	Златыми днями, Блаженствомъ на- градить.	Любя любимымъ быть.

(Мечутъ на землю цветы и золотыя стрѣлы.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Множество Зефировъ и Нимфъ, выбѣгая изъ рощей, подбираютъ цвѣты и стрѣлы: одни прикалываютъ ихъ къ груди, другіе втыкаютъ за поясъ. Въ концѣ составляютъ торжественный балетъ. Рюрикъ и Эдвинда смотрятъ съ трона, жрецы и барды изъ храма; Зничъ, Зимцерла и Лель съ облаковъ, а Дажъ-богъ близъ трона.

РЮРИКЪ И ЭДВИНДА *(по окончаніи балета, подошедъ къ облаку.)*

РЮРИКЪ.

Сойдите, милые, боговъ по повелѣнью.

(Въ сіе время въ Валкаль богъ Одинъ и прочіе боги и герои сѣверные звучатъ въ щиты, показывая тѣмъ свое согласіе.)

ЭДВИНДА.

Утѣшите нашъ народъ.

ЗНИЧЪ.

Я ихъ соизволенью

Покорствую всегда.

ЗИМЦЕРЛА.

Сойду

ЛЕЛЬ.

И я сейчасъ.

(Облака остѣдаютъ на землю.)

ЖРЕЦЫ.

Уже священный щитъ готовъ тебѣ у насъ.

(Барды берутъ изъ храма щитъ, а изъ рукъ Знича и Зимцерлы — Леля, котораго ставятъ на щитъ, и несутъ на тронъ, на

*коемъ сидящiе Рюрикъ, Эдвинда, Зничъ и
Зимцерла принимаютъ его на свои руки.)*

ДАЖЪ-БОГЪ.

Се отрокъ, мною вамъ, о, Барды предреченный:
Воскликнемъ гимнъ ему торжественный, свя-
щенный!

ХОРЪ *(общій на театрѣ и въ
Валкаль.)*

О, юноша! о, плодъ прекрасный!
Намъ купно съ розами родясь,
Какъ утренней зари блескъ ясный,
Какъ нѣжна лилія, смѣясь,
Расти, дитя, Зимцерлы въ лонѣ
И Знича подъ златымъ щитомъ;
Блистай на Рюриковомъ тронѣ
Нашъ юный Лель, какъ лучъ лицомъ!

(¹) Сочинено въ 1797 году.

СЛІ.

ДОБРЫНЯ, (1)

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ, СЪ МУЗЫКОЮ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Владиміръ, Великій Князь Кіевскій.

Силоумъ, первый его бояринъ.

Добрыня, богатырь новгородскій, сродникъ Владиміра.

Прелѣпа, Княжна Изборская, невѣста Владиміра.

Змѣй Горыничъ

Змѣландъ Змѣландычъ

Тугаринъ Тугаринычъ

} Царь и чародѣи Болгарскій.

Способа, наперсница Прелѣпы.

Торопъ, конюшій Добрыни.

Добрада, жрица и волшебница Холмогорская.

Сребробрады, бояре Владиміровы, составляющіе Верховную Думу.

Жрецы, изъ нихъ главный только съ рѣчьми.

Сотникъ, начальникъ стражи вратъ градскихъ.

Часовой на башнѣ.

Два вѣстника.

Герольдъ.

Бирючъ, герольдъ Татарскій.

Дворъ Владиміровъ, —

рынды, или пажи, боя-

рышни, или дѣвицы, жи-

вущія въ княжескомъ

теремѣ.

} Всѣ безъ рѣчей, а только составляютъ хоры.

Вѣдьма. } Русскія.

Войски. }

Народъ. } Татарскія.

*Дѣйствіе въ столичномъ городѣ Кіевѣ, при
окончаніи идолопоклонства.*

ДОБРЫНЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ въ утреннемъ мракѣ при рѣкѣ Днѣпрѣ городъ Кіевъ. На стражевой башнѣ часовой; вблизи, въ кустарникѣ, лежитъ градская стража, а вдали шатры.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОБРЫНЯ И ТОРОПЪ.

ТОРОПЪ.

На княжескомъ лугу, въ зеленомъ лукоморьѣ,
Добрыня! твоего пустилъ гулять коня.

ДОБРЫНЯ.

Спасибо Торопу! утѣшилъ ты меня.

ТОРОПЪ.

Да тамъ же на раздольѣ,
Какой-то страшный чертъ, звать витязь, князь
татарской,
Къ намъ подсосѣдилъ свой шатерьъ.

ДОБРЫНЯ.

Хотя бы напимѣрь
И царь чипчатской:
Какая въ томъ бѣда?

ТОРОПЪ.

Однако жъ вѣдь Орда
Не шутитъ иногда.

ДОБРЫНЯ.
Не бойсь!

(По воздуху летитъ огненный змѣй.)

ТОРОПЪ.
Ай, змѣй! ай, змѣй по воздуху летитъ!
И слышь, какъ искрами ореть, свиститъ, шумитъ.

ДОБРЫНЯ.
Стой-знай, и не страшися.
Три раза молвь: аминь, аминь (*), разсыпья!
(Поютъ въ два голоса.)

ТОРОПЪ.
Аминь, аминь, разсыпья!
Боюся я его!

ДОБРЫНЯ.
Пустое, не страшися,
Не будетъ ничего.

ТОРОПЪ.
Вѣдь эдакіе змѣи
Тмы дѣлають проказъ.

ДОБРЫНЯ.
То басни и затѣи
И глупыхъ бабъ разказъ.

ТОРОПЪ.
Влетаютъ въ дома, въ башни,
Пролазятъ и сквозь стѣны,

(*) Слово сіе и у язычниковъ, какъ прежде, такъ и нынѣ, употребляется.

ДОБРЫНЯ.

Любовныя то шашни.

Дѣвъ выдумки и женъ.

ТОРОПЪ.

Цѣлуютъ и милуютъ

Украдкой и во снѣ.

ДОБРЫНЯ.

Старухи такъ толкуютъ,

И вздоръ, повѣрь въ томъ мнѣ.

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, разсыпся!

Боюся я его!

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,

Не будетъ ничего.

И мы межъ тѣмъ, какъ здѣсь встаетъ заря
златая,

Природу освѣщая,

Хоть полюбуемся, на городъ глядя сей.

(Восходитъ солнце.)

Какой восторгъ очей!

ТОРОПЪ.

Ужъ подлинно сказать! — Вѣдь это Кіевъ?

ДОБРЫНЯ.

Во всей подсолнечной межъ городовъ звѣзда.

(Поетъ одинъ.)

Ахъ! столица это солнышка

Святослава, Князя Русскаго.

Ахъ! того ли Володиміра!

Сколько башенъ бѣлокаменныхъ!
Сколько златоверхихъ теремовъ!
Словно жаръ, они въ печи горять.

ТОРОПЪ.

И впрямъ, смотри, какъ тамъ отъ терема пре-
красна
Поверхъ Днѣпра струя, что свѣчка блещеть
ясна.

ДОБРЫНЯ.

Не въ семъ ли теремѣ, что краше въ свѣтѣ нѣтъ,
Моя возлюбленна живетъ?

ТОРОПЪ.

Твоя возлюбленна?— Ба, рыцарь мой любимый,
Желѣзный, каменный, никѣмъ непобѣдимый!
Свое ли говоришь мнѣ ты?

ДОБРЫНЯ.

Увы, Прелѣпы красоты....

ТОРОПЪ.

Ну, вотъ тебѣ и сказка!

А тамъ хоть объ закладъ, не мудрена развязка:

Влюбился, молодецъ,
Въ владычицу сердецъ!

(Идетъ одинъ, передразнивая).

У ней очи соколиныя,
У ней брови соболиныя,
Поступь тихая, павлиная,
Грудь высока, лебединая:

Не такъ ли, какъ во всемъ, красавицѣ быть
должно?

Какъ въ солнце, на нее, слышь, посмотрѣть не
можно.

Д О В Р Ы Н Я .

Ты шутишь, Торопъ, мной.

Т О Р О П Ъ .

Да гдѣ же, Расскажи, когда въ нее влюбился?
Мы тридевятъ земель проѣхали съ тобой;
А ты чрезъ три года мнѣ въ этомъ изъяснился.

Д О В Р Ы Н Я .

Завѣдала одна то молодецка грудь.

Но слушай, если такъ, лишь скромень будь,

Я тайну всю тебѣ открою,

Чѣмъ столь себя я безпокою.

Мнѣ помощь, вѣрный другъ, теперь твоя нужна:

Прелѣпа милая, изборская княжна,

Влюбленною въ меня была еще измлада,

И, словомъ, съ той поры, какъ мудрая Добрада

Во капищѣ боговъ, въ Холмоградѣ, насъ

Воспитывала съ нею вмѣстѣ,

Не выпускаючи ее изъ страстныхъ глазъ,

Вздыхаю я о ней, какъ о моей невѣстѣ.

Средь пиршествъ, средь боевъ, средь рыцар-

скихъ тревогъ,

Средь женскихъ прелестей, заняться я не могъ

Никѣмъ другимъ, какъ ей. Вездѣ искали очи

Ее средь свѣтла дня, средь темной ночи.

Ее одну люблю, храню въ душѣ моей:

А днесь, о боги!

Колико мнѣ явился вы строги!

Я слышу, что она въ столицѣ сей.

Т О Р О П Ъ .

Такъ сильно, знать, тебя кручина обуяла,

О, милый рыцарь мой? Да дѣло-то, ну, въ чемъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

(Звукъ слышенъ рога и тогда упадаетъ стрѣла предъ башнею.)

ЧАСОВОЙ *(на башнѣ.)*

Къ ружью! стрѣла упала.

(Стража становится въ порядокъ.)

СОТНИКЪ.

Ахти! еще и съ ерлыкомъ!
Иль бусурманска нѣка сила
Откуда привалила
И богатырь какой
Нахлынулъ къ намъ съ грозой?
Да что жъ? Вѣдь Русскіе не кажутъ тыла,
Намъ не знакомиться съ войной;
Пойду я къ князю со стрѣлою,
А вы здѣсь безъ меня управитесь съ зарею.

(Уходитъ.)

(На башнѣ слышны бубны и съ сиповками тихое пѣніе; стража, снявъ шапки, преклоняетъ копыя.)

ХОРЪ.

О, Хорсъ! Перунъ! О, Лель! О, Лада!
Храните князя, стѣны града;
И тихій какъ зари восходъ,
Да Русскій такъ цвѣтетъ Народъ!

ДОБРЫНЯ.

Врата ужъ града отворились!

ГОРОПЪ.

И люди, посмотри, какъ въ нихъ зашевелились!

ДОБРЫНЯ.

Великій князь идетъ, пойдѣмъ:
Иль нѣтъ, останься здѣсь съ собраньемъ ты
придворнымъ,
Развѣдай о княжнѣ, развѣдай обо всемъ:
Я жъ, скрывшись до поры, пребуду незнако-
мымъ.

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

А! а! чтобъ отгадать, не тратя много словъ,
Я вижу, для чего вильнулъ соколъ въ столицу:
Ну, сирѣчь, поймать подъ небомъ тамъ синицу.
Да что бы ни было, я съ нимъ на все готовъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ съ княжескимъ жезломъ въ рукахъ, со-
провождаемый СИЛОУМОМЪ и придворными.

ВЛАДИМІРЪ.

Кто такъ на русскіе предѣлы
Дерзаетъ смѣло наступать,
Метать на нихъ враждебны стрѣлы
И браннымъ рогомъ возбуждать
Отъ сна Владыку полвселенной? —
Или не знаетъ онъ, невѣрной,
Какъ страшень Русскій Князь, какъ силенъ,
знаменитъ?
И можетъ ли онъ чьихъ въ брань вызововъ
бояться?

Война Россіянамъ—лишь случай прославляться.
Взойди скорѣе ты на башню, Силоумъ!
И въ серебряный ударь тамъ дѣловъ звучный
щитъ,
Да потрясетъ его сердца и души шумъ,
Въ странахъ раздавшися полсвѣта!

СИЛОУМЪ.

Усердіемъ къ тебѣ грудь русская согрѣта:
Исполнится сейчасъ Владиміра приказъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ И ДВА ВѢСТНИКА.

ВѢСТНИКИ (оба вмѣстѣ.)

Спасай и защищай, великій князь!

ПЕРВЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Татары все твое владѣнье разорили.

ВТОРОЙ ВѢСТНИКЪ.

Разграбили жильє, народы порубили.

(Оба вмѣстѣ.)

И головнею всю Россію покатили.

ВЛАДИМІРЪ.

О, боги праведны! О, злобный строгій рокъ!
Для добраго Царя какъ сей урокъ жестокъ!

(Стоитъ въ задумчивости.)

ХОРЪ ПРИДВОРНЫХЪ.

Кто къ бѣдствахъ стонеть, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:

Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духу нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту....
(Слышенъ звукъ щита.)

В Л А Д И М І Р Ъ.

Но ежели на брань идти мнѣ неизбѣжно
И проливать народа кровь:
Не должно ли сперва размыслить намъ прилежно
Начать войну велить къ отечеству ль любовь?
Пожду, что скажетъ Дума мнѣ?

—

Я В Л Е Н І Е V.

Т Ъ Ж Е, С И Л О У М Ъ И С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

С И Л О У М Ъ.

Щитъ прогремѣлъ твоей странѣ.

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

Предъ свѣтлое лице явились Сребробрады:
Что повелитъ Великій Князь?

В Л А Д И М І Р Ъ.

Отечества сыны, щиты, столпы, ограды!
Совѣта я прошу у васъ.

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

Мы рады.

В Л А Д И М І Р Ъ.

По мѣстамъ!

(Сребробрады становится въ полциркуля. Владимиръ сперва на правой, потомъ на левой рукѣ, шепчетъ на ухо близъ себя стоящимъ и, отходя, говоритъ.)

Я время вамъ
Даю на размышленье.

(Сребробрады тихо совѣтуются между собою.)

Х О Р Ъ.

Кто въ бѣдствахъ стонеть, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духу нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту....

С И Л О У М Ъ *(Сребробрадамъ).*

Князь ждетъ рѣшенья.

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

Сердца царей въ рукѣ боговъ.

С И Л О У М Ъ *(будто про себя).*

Не рубягъ, не казнятъ пословъ.

В Л А Д И М І Р Ъ.

Хотите вы принять посольство отъ злодѣя?

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

Мы тако разумѣя....

(Кланяются.)

С И Л О У М Ъ.

Глаголь твой намъ законъ святой:
Всѣ соглашаются съ тобой.

В Л А Д И М І Р Ъ.

Велите жъ мнѣ принести скорѣе лукъ и стрѣлы.

ВЛАДИМІРЪ.

Къ чему же съ пышностью такою,
Притомъ съ народною толпою?
Я блеска не терплю.

СИЛОУМЪ.

Затѣмъ что я тебя люблю.

(Тихо.)

Народъ души твоей никакъ не постигаетъ,
На виѣшность смотритъ онъ, по оной уважаетъ.
И повинуется охотнѣе тому,
Неравнымъ зрится кто ему.

ВЛАДИМІРЪ.

Куда пустить стрѣлу: налѣво, или направо?

СРЕБРОБРАДЫ *(кланяются)*.

Царь судить здраво.

СИЛОУМЪ *(указывая)*.

Шатры раскинуты, мнѣ мнится, тамъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, впрямъ.

ВЛАДИМІРЪ *(спуская стрѣлу)*.

Счастливыи путь.

ТОРОПЪ *(выскача изъ народа
въ сторону)*.

Ужъ какъ

Воструха загремѣла,

Запѣла, засвистѣла,

И прямо къ небу полетѣла!

СИЛОУМЪ *(къ народу)*.

Счастливыи это знакъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Знать дѣло наше право.

(Уходятъ и всѣ за нимъ.)

ХОРЪ НАРОДА.

Стрѣла зашѣла, засвистѣла,
И прямо къ небу полетѣла:
Такъ дѣло наше право;
Царь судить здраво,
Здро, здо,
Право, право!

==

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ готическій златоверхій княжны Прелѣпы теремъ, окнами и лѣстницею на берегъ рѣки Двѣпра. Противъ него съ другой стороны площадь, на коей для зрителей ложи, а между ними мостъ чрезъ рѣку, вновь устроенные.

ЯВЛЕНІЕ I.

СПОСОБА *(одна).*

И мостъ готовъ!—Такъ, знать, великолѣпный
Назначенъ въѣздъ. Но что здѣсь не видать Пре-
лѣпы

Въ ея прогулки часъ?

ПРЕЛѢПА *(въ теремъ подъ окошкою поетъ, сопровождая голосъ свой арфою).*

О, отрада дней мучительныхъ!
Въ скукъ, въ грусти облегченье мнѣ!

Образъ мыслей восхитительныхъ,
Гдѣ ты? гдѣ ты? во какой странѣ?

Посреди ли лѣса шумнаго?
Посреди ли степи знойной ты?
Посреди ли моря бурнаго?
Гдѣ твои сокрылись красоты?

Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;
Въ душу страстно воспамененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.

С П О С О Б А.

Что за унылый тонъ?

И пѣсенки такой причина бы какая?
А! вотъ она сама.

*(Прелъпа сходитъ по лѣстницѣ, а Спосо-
ба устраняется.)*

П Р Е Л Ъ П А.

О, сонъ! о страшный сонъ!
Мечта ужасная, толь лютая, толь злая!
Казалось, змѣй его сглотилъ! — Я трепещу!
Добрады только щить....

С П О С О Б А *(подходя къ Прелъпѣ.)*

Давно тебя ищу

Я, милая княжна! — Но что ты такъ уныла?

П Р Е Л Ъ П А.

Какая радость мнѣ?

С П О С О Б А.

Какъ! развѣ ты забыла
О счастьи своемъ?

ПРЕЛЪПА.

Какомъ?

СПОСОБА.

Ну что невѣста ты Владѣтеля такого,
Монарха Русскаго, прекраснаго, младаго,
Который славою, сіяньемъ окружень,
Предметъ вздыханія прелестныхъ многихъ
женъ;

О комъ ни написать,

Ни рассказать

Нельзя красиво:

А ты на все сіе такъ смотришь горделиво!

ПРЕЛЪПА.

Да кто тебѣ сказалъ, чтобы невѣстой я
Изъ всѣхъ моихъ подругъ ему уже наречена!

СПОСОБА.

Изрядно! Коль теперь усердная моя
И вѣрная тебѣ такъ служба заплаченна,
Притворствуй, лицемѣрь, лукавь, скрывай,
княжна,

О томъ, что вѣдаетъ ужъ вся сія страна

ПРЕЛЪПА.

Ахъ! нѣтъ, Способа, нѣтъ! толь скромностію
злОУ

Не упрекай меня.

СПОСОБА.

Да князь помолвилъ вѣдь съ тобою?

ПРЕЛЪПА.

Никакъ.

СПОСОБА.

Да городъ весь....

ПРЕЛЪПА.

Напрасно до тебя дошла толь лжива вѣсть.

СПОСОБА.

Гласъ Божій говоритъ, коль говоритъ столица.

ПРЕЛЪПА.

Не знаю ничего.

СПОСОБА.

Послушай же меня

Ты, юная дѣвица!

Скажу, не льстя тебя и не маня,

О чемъ всѣ знаютъ совершенно:

Твоею красотой княжое сердце плѣнно.

ПРЕЛЪПА.

Способа, ты меня въ томъ хочешь увѣрять,

О чемъ, мнѣ кажется, нельзя тебѣ и знать.

СПОСОБА (разсердяся. поетъ).

Знаю, знаю я не ложно:

Льзя ль наперсницамъ не знать,

Что имъ надобно и должно,

И что можетъ составлять

Ихъ госпожъ въ любви успѣхи,

Тайны, радости, утѣхи!

Знаю, знаю я не ложно:

Льзя ль наперсницамъ не знать,

Что имъ надобно и должно,

И что можетъ исполнять

Ихъ госпожъ сердецъ желанья,

Вздохи, грезы, ожиданья?

Знаю, знаю я не ложно:

Льзя ль наперсницамъ не знать?

ПРЕЛЪПА.

Коль знаешь, такъ скажи, пожалуй, какъ?

Какимъ-то образомъ, какой судьбою,

Я стала у тебя невѣстою княжою?

СПОСОБА.

Послушай же, вотъ такъ:

По волѣ какъ его здѣсь собраны дѣвицы,

Въ супруги чтобъ ему краснѣйшую понять,

Къ великолѣпью сей родитель твой столицы

Позволилъ и тебѣ въ ихъ теремѣ предстать.

Ужъ годъ прошелъ, какъ ты въ кругу сего со-

бранья

Оспориваешь всѣхъ достоинства, княжна!

Хоть потемняются предъ солнцемъ звѣздъ

сіянья,

Но часто безъ друзей и прелесть не сильна:

А для того, чтобъ нравъ твой оказать и душу,

И внутренню красу съ наружной согласить,

Старалась я склонить наперсницу Малушу,

Чтобъ чрезъ нее тебя предъ княземъ отличить.

Достигла до того: она мнѣ другомъ стала,

И, возведя къ себѣ ночныхъ сидѣльницъ въ

ликъ,

Ни въ чемъ передо мной себя ужъ не скрывала,

Свободный даже входъ отверзла и въ тайникъ,

Отколь нерѣдко мы на садъ смотрѣли чудный,

На васъ, прекрасныхъ дѣвы! — Я вижу какъ

теперь,

Жемчугомъ, серебромъ и златомъ осыпать.
И я сама съ тѣхъ поръ богаче содержуся:
Ну послѣ-то сего, что скажешь ты теперь?

ПРЕЛЪПА.

Увы!

СПОСОБА.

Пожалуй хоть не вѣрь.

ПРЕЛЪПА.

Тревожуся, мятуся!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ И ТОРОПЪ

(который, пришедъ тихо, все слышалъ разговоръ Способы.)

ТОРОПЪ.

Я вашей милости, Царевна, поклоняюсь.

ПРЕЛЪПА.

Кто ты! о чемъ?...

ТОРОПЪ.

Я Торопъ называюсь;

И вотъ о томъ

Я даже до лица земнаго...

(Кланяется въ землю.)

ПРЕЛЪПА.

О чемъ, о чемъ?

И мнѣ?

Т О Р О П Ъ .

Отъ рыцаря младаго.

С П О С О Б А .

Да кто ты? говорятъ: зачѣмъ и отъ какого
Ты рыцаря сюда къ кому пришелъ?

Т О Р О П Ъ .

Я конюхъ богатырскій
И вотъ пришелъ... *(въ сторону)* какъ бишь?...
Захряснуло въ умѣ.

(Потираетъ лобъ.)

П Р Е Л Ъ П А .

На что жъ ко мнѣ?...

Т О Р О П Ъ .

Поклонъ отдать здѣсь низкій.

(Кланяется.)

Пресвѣтлому лицу Царевны молодой,
И у нея спросить: не любовь ли рыцарь мой?

С П О С О Б А .

На что?

Т О Р О П Ъ .

Въ прислугахъ быть у ней, или въ посылкахъ.

П Р Е Л Ъ П А .

Не нужно.

С П О С О Б А .

Слышь, слуга не надобенъ такой.

П Р Е Л Ъ П А .

Явился къ князю ты.

С П О С О Б А .

А кто же рыцарь твой?

ТОРОПЪ.

Кто рыцарь мой? —

Онъ невидимкой сталъ.

ПРЕЛЪПА И СПОСОБА *(смыются).*

Вотъ толкъ какой!

СПОСОБА.

Изволь, пожалуй, съ нимъ ты скоро разойтисься.

(Слышится вдали маршъ войскъ.)

ПРЕЛЪПА.

Однако мнѣ пора пойти принарядиться,

Чу! войски ужъ идутъ для встрѣтенья посла.

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ *(подступя къ Способъ).*

Я саду вашему не могъ не удивляться:

Куда бы хорошо какъ бы въ него...

СПОСОБА.

Кого?

ТОРОПЪ.

Меня.

СПОСОБА *(съ насмѣшкою).*

Козла?

ТОРОПЪ *(присаясь).*

Эй, барска барыня, изволишь насмѣхаться,

Не выслушавъ, не зная, въ чемъ дѣло со-
стоитъ.

СПОСОБА.

Ба! конюхъ балагуръ совсѣмъ другой взялъ видъ.

ТОРОПЪ.

Прости, сударыня?...

СПОСОБА.

Годится ль разговоры
Подслушивать другихъ? Чѣмъ оправдаться тутъ?

ТОРОПЪ.

Мнѣ праведны твои, боярыня, укоры;
Повинну голову не рубячь, не сѣкуть:
Я присланъ рыцаремъ съ тобою объясниться,
И помощи твоей намъ дружеской просить.

СПОСОБА *(про себя)*.

Другая пѣсенка. *(Вслухъ)* Я чѣмъ могу служить?

ТОРОПЪ.

По обстоятельствамъ: мой рыцарь безъименный
Желаетъ разговоръ имѣть уединенный
Съ Прелѣной и меня прислалъ онъ для того,
Чтобъ попросить на то согласья твоего.

СПОСОБА.

На что же тайныя съ дѣвицами свиданья?

ТОРОПЪ.

О нуждѣ, можетъ быть, поговорить....

СПОСОБА.

Какой?

ТОРОПЪ.

Не знаю.

СПОСОБА *(про себя)*.

А, постой!

Не отъ того ль у насъ смятенья, воздыханья?
Изрядно, господинъ конюшій! Мы пойдемъ
Отсель въ мой теремъ,

И тамъ поговоримъ мы обо всемъ подробно:
Ты видишь, здѣсь теперь народно.

(Указываетъ на сходящія войска и оба уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е   І І І .

Войска Русскія и Татарскія въ сопровожденіи народа переходятъ черезъ мостъ, каждое подъ своимъ знаменемъ и своимъ маршемъ, и становятся въ порядокъ другъ противъ друга. Въ ложахъ зрители, между коими и Прелѣпа. На Русскихъ знаменахъ летящій орелъ держитъ пукъ громо-выхъ стрѣлъ, а на Татарскихъ крылатый змѣй свѣтя-щуюся луноу.

Х О Р Ъ   Р У С С К И Х Ъ .

Ступай, россійская дружина!
Куда твой князь и честь велить.
Перунъ и молнія орлина
Вездѣ во слѣдъ тебѣ летить:
Ступай! ура, ура!

Х О Р Ъ   Т А Т А Р Ъ .

Гайда, татарская станица!
Куда твой Ханъ и мечь велить.
Несмѣтной силы вереница,
На васъ Магметъ, луна глядитъ:
Гайда! алла, алла!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ продолженіе хоровъ Великій Князь верхомъ на конѣ, окруженный богатырями, въ многочисленномъ провожаніи двора и народа, въ числѣ котораго и Торопъ; а потомъ Тугаринъ, въ личинѣ крокодила, на двухъ крылатыхъ треглавыхъ змѣяхъ, выѣхавъ на колесницѣ, останавливаются у моста и, сошедъ съ коня и колесницы, каждый становится передъ своимъ войскомъ.

ТУГАРИНЪ.

Речитативъ.

Царь Казанской,
Астраханской,
Чипчакской Золотой Орды
Всемощный повелитель,
Другъ солнцевъ, братъ луны и зять звѣзды,
Блистающей съ Востока,
Сынъ Магомета, всѣхъ сильнѣйшаго Пророка,
Священныхъ Алкорана словъ
Благоговѣйный исполнитель,
Ближайшій родственникъ ослѣвъ
Абубекировыхъ; пристрашный чародѣй,
Горынычъ Змѣй,
Надъ всей вселенной князь князей
Россійскому князьку повелѣваетъ,
И исполненья ожидаетъ:
Чтобъ онъ ему
Сейчасъ въ его гаремъ
Прекрасную княжну
Прелѣпу возвратилъ
И золотой

Казной

Безсчетно надѣлилъ.

На что онъ и ея согласіе имѣеть.

Но воспротивиться Владиміръ коль посмѣеть,
То Русь всю истребитъ огнемъ онъ и мечемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Великій Русскій Князь угрозы столь нелѣпы,
Несходныя ни съ чѣмъ,
Умѣеть презирать:

Но было съ Змѣемъ чтобъ согласіе Прелѣпы,
Ты чѣмъ то можешь доказать?

ТУГАРИНЪ.

Спроси ее о томъ: она не отречется.

ВЛАДИМІРЪ.

Отъ клеветы такой весь духъ во мнѣ мятется!
Но пусть прійдетъ княжна! — Скажи ей, Силоумъ.

СИЛОУМЪ.

Велѣньемъ таковымъ грудь нѣжная пронзится.
(Слышно взвизгиваніе.)

И вотъ ужъ слышу въ ложѣ шумъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Но что же дѣлать мнѣ? Ей нечего страшиться;
Открыть я долженъ ложъ и дерзость наказать.

(Силоумъ отходитъ.)

ТУГАРИНЪ.

Казнь можетъ сила лишь одна опредѣлять.

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ, правосудіе.

ТУГАРИНЪ.

Ты можешь забавлять
Себя и свой народъ пріятной сей мечтою.
Коль раздавить тебя могу одной рукою:
То истина твоя, права, законъ святой
Не что, какъ только бредъ пустой.

ВЛАДИМІРЪ.

Безстрашный, твердый духъ и разумъ просвѣ-
щенной,
Противное тому являли всякій разъ.

ТУГАРИНЪ.

О, нѣтъ! Агарянъ родъ вѣкъ будетъ бичъ все-
ленной.

ВЛАДИМІРЪ.

Покажетъ время то...

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ПРЕЛЪПА, СПОСОБА И СИЛУОМЪ.

СИЛОУМЪ.

Исполненъ твой приказъ.

ПРЕЛЪПА.

Я здѣсь.

ВЛАДИМІРЪ.

Скажи, княжна, рѣши мое сомнѣнье:
Посолъ сей предлагалъ тебѣ со Змѣемъ бракъ,
И будто есть твое на то соизволенье?

ПРЕЛЪПА.

Отвѣтствуетъ тебѣ мой огорченный зракъ;
Услыша твой приказъ, осталась чуть живою.

ТУГАРИНЪ.

Пускай она одна поговорить со мною.

(Беретъ Прелъпу за руку къ сторонѣ.)

Слухъ о Горынычѣ, какъ страшный громъ,
гремитъ;

Онъ звѣзды красотой и славой солнце тмитъ:
Я бракъ тебѣ, княжна, съ царемъ симъ пред-
лагаю.

ПРЕЛЪПА.

Плѣнись кто хочетъ имъ, а я его не знаю.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ, вѣроломная! должна его знать ты,
Прочти: вотъ хартія, и чьи на ней черты?

ПРЕЛЪПА *(про себя.)*

Ахъ! что это? Мои!

ТУГАРИНЪ.

Ты то ко мнѣ писала!

Я не чудовище.

(Снимаетъ съ себя личину и поетъ окончаніе той арии, которую пѣла Прелъпа въ теремъ.)

«Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;
Въ душу, страстью воспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.»

По что же лишь теперь меня ты не узнала,
Столь пламенно свою являя прежде страсть?

ПРЕЛЪПА *(съ удивленіемъ.)*

Ты выдумалъ сію столь злую мнѣ напасть!

СПОСОБА.

Сама ты въ теремъ такую пѣсню пѣла.

СИЛОУМЪ (ставъ между ними).

Столь скороспѣшная должна ль смущать васъ
ссора?

Тріо.

СИЛОУМЪ.

На что такъ горячиться,
Сердиться и браниться?
Сыскать бы лишь вину
И объявить войну.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ честь велить рѣшиться
Отъ Змѣя борониться,
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Чтобы спасти княжну.

ТУГАРИНЪ.

Мой духъ во мнѣ ярится,
Хоть съ свѣтомъ радъ сразиться!
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Хочу имѣть княжну.

ВСЪ.

Войну, войну, войну!

СИЛОУМЪ.

Войну! — Но токмо лишь, по силѣ договора,
Когда, гдѣ, какъ и кѣмъ начать,
Условье должно вамъ другъ другу дать.

ВЛАДИМІРЪ.

Я радъ договориться.

ТУГАРИНЪ.

Знакъ трусости! — Да пусть. Вѣдь силой бой
рѣшится.

*(Они кладутъ мечи въ ножны, а войска —
копья на плечо.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЛАДИМІРЪ И ТУГАРИНЪ даютъ знакъ. Конь верховой, богатыри и колесница удаляются; а на мѣсто ихъ по прежнему полукружіемъ смыкаются Русскія и Татарскія войска, по срединѣ коихъ, между ВЛАДИМІРОМЪ И ГОРЫНЫЧЕМЪ, СИЛОУМЪ предлагаетъ договоръ, котораго окончательныя слова музыка повторяетъ речитативомъ.

СИЛОУМЪ.

«Избрать вамъ рыцарей сперва между собой,
«И имъ велѣтъ вступить единоборствомъ въ бой.

ВЛАДИМІРЪ.

«Изрядно.

ТУГАРИНЪ.

Ну, ладно.

СИЛОУМЪ.

«Коль рыцарей такихъ не можетъ отыскаться,
«То князю самъ-на-самъ съ Горынычемъ сражаться.

ВЛАДИМІРЪ.

«Мечомъ!

ТУГАРИНЪ.

«Не спорю и о томъ.

СИЛОУМЪ.

«Въ сраженьѣ коль князья ослабѣвать начнутъ,

«А кровію своей вражды не пресѣкутъ:

«Тогда ужъ войскамъ ихъ другъ на друга пол-
ками

«Идти стѣной

«На рукопашный бой.

ВЛАДИМІРЪ.

«Пусть честь свою князья защитятъ прежде
сами.

ТУГАРИНЪ.

«Что нужды въ томъ, хотя чужими головами!

СИЛОУМЪ.

«И съ побѣжденныхъ дань, кто побѣдитъ, возь-
метъ,

ВЛАДИМІРЪ.

«Не отягчивъ народъ.

ТУГАРИНЪ.

«Нѣтъ, нѣтъ, пусть грабитъ все своими всякъ
руками:

«И князь съ княжною самъ,

«И все его владѣнье

«Подъ рабственное мнѣ сейчасъ плѣненье

«Повергнется къ моимъ стопамъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Коль иго страшное! — Но всѣ твои мечты,

«Быть можетъ, что пройдутъ, когда падешь
самъ ты.

ТУГАРИНЪ.

«Паду, когда мой взоръ тма скроетъ почи вѣч-
ной,

СИЛОУМЪ.

«Но рѣдко у князей обѣтъ чистосердечный

«Бывалъ въ такихъ дѣлахъ, а видомъ лишь од-
нимъ.

ВЛАДИМИРЪ И ТУГАРИНЪ *(смѣясь)*.

«Мы клятву въ томъ дадимъ.

*(Владимиръ и Тугаринъ, ставъ каждый на
колѣни предъ своими знаменами.)*

ВЛАДИМИРЪ.

«Перуну свѣтъ.

ТУГАРИНЪ.

«О, Магометъ!

ВЛАДИМИРЪ.

«Услышьте насъ!

ТУГАРИНЪ.

«Въ сей страшный часъ.

ВЛАДИМИРЪ.

«Мы клястѣся смѣемъ.

ТУГАРИНЪ.

«Я этимъ змѣемъ!

ВЛАДИМИРЪ.

«Я симъ орломъ!

(Оба вдругъ.)

«И вѣрно слово мы даемъ!

СИЛОУМЪ.

«А если клятвы вамъ не удержатъ случится?

ВЛАДИМІРЪ.

«Перунъ пусть погасится!

ТУГАРИНЪ.

«Померкнетъ пусть луна!

ОБА (*вставая вмѣстѣ*).

«И ввергнетъ въ плѣнъ сія преступника вой-
на.» —

*(При сихъ словахъ на знамени русскомъ
изъ пучка перуновъ вышетъ пламя, а на
знамени татарскомъ луна блѣднѣетъ.)*

ВЛАДИМІРЪ.

Что вижу я!

ТУГАРИНЪ.

Я весь отъ ужаса трясуся!

ВЛАДИМІРЪ.

Я вашей помощи, о Небеса! ищущу:

Ужъ не предвѣстье ль то?

ТУГАРИНЪ.

Ничѣмъ не утрашуся!

Пусть адъ и Небеса противъ меня: — отищу!

(Уходитъ, за нимъ и Владиміръ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Оба войска становятся въ прежній порядокъ другъ противъ друга. Герольдъ и Бирючъ съ трубами, имѣя на высокихъ стѣгахъ русскій шапку, а татарскій чалму, которыми вертятъ одинъ за другимъ и трубя возглашаютъ.

БИРЮЧЪ.

Услышьте, орды всѣ Татарскіи!
Чипчакскій князь на край Славянскій
Трубитъ трубой,
Идетъ войной.

ГЕРОЛЬДЪ.

Услышьте, Россы и Славяна!
Князь Кіевскій на Змѣулана
Трубитъ трубой
Идетъ войной.

(Оба войска подъ своими маршами уходятъ и раздается отъ нихъ издали глухой гулъ.)

(Отъ Русскихъ.)

Ура! ура!

(Отъ Татарскихъ.)

Алла! алла!

ТОРОПЪ *(давъ уйти войскамъ и народу.)*

Тѣфу пропасть! кое какъ на силу провалили:
Какую кашу заварили!
Ужъ подлинно сказать, чтокутерьма:
Прійдетъ ряхнуться всѣмъ съ ума.
Отверзты тысячамъ войной, я вижу, гробы;
Но здѣсь ужъ не видать Способы.

О Невидимкѣ съ ней еще бѣ потолковать
И ей ширинку бѣ мнѣ, вотъ эту, показать:
Въ ней скрыта капля водъ рѣки священна Буга.
Но какъ бы не пришло и съ ней мнѣ очень
туго;

Вѣдь два соперника съ моимъ-то соколомъ:
Великій князь да Змѣй съ зубастымъ страш-
нымъ ртомъ.

Слышь, оба молодцы, хотя бѣ куда, такъ хватятъ!
Притомъ же объ одной красоткѣ спорятъ
вдругъ:

А ты межъ ихъ, какъ бѣсь, перебѣгай палаты.
Нѣтъ, право, съ ужасу дрожитъ во мнѣ мой
духъ.

(Поетъ.)

Я дрожу, боюсь, робѣю,

Какъ въ тиски бы не попасть.

Змѣй и князь! — Страшна ихъ власть!

Гладокъ въ царски входъ чертоги,

Верхъ завидѣнъ ихъ крыльца;

Но лишъ поскользнутся ноги,

Вмигъ спроводятъ молодца.

Но какъ бы ни было, хоть пасть, хоть споты-
каться,

Къ Способѣ нужно мнѣ съ шириночкой про-
браться,

Не вѣрять безъ того рассказамъ никакимъ,

Хоть, правда, я мигнулъ ужъ ей глазкомъ од-
нимъ.

Да вотъ она и здѣсь?...

Я В Л Е Н І Е VІІІ.

Т О Р О П Ъ И С П О С О Б А.

С П О С О Б А.

Конюшій мой безцѣнной!
Ты не видалъ ли здѣсь той грамотки бездѣль-
ной,
Которую княжнѣ Тугаринычъ....

Т О Р О П Ъ.

Онъ взялъ.

С П О С О Б А.

Къ себѣ?

Т О Р О П Ъ.

Да, да, онъ взялъ.

С П О С О Б А.

Заподлинно? — Меня о томъ княжна просила,
Чтобы узнать.

Т О Р О П Ъ.

Срази меня Церуна сила!
А что развѣ?...

С П О С О Б А.

Нѣтъ, такъ.

Т О Р О П Ъ.

А я ширинку ту,
О коей говорилъ, принесть во увѣренье.

С П О С О Б А.

Подай! (смотря) что вижу я? — Бѣсовскую мечту!
Повѣрь-ка на часокъ княжнѣ на разсмотрѣнье.

Т О Р О П Ъ .

Нѣтъ, милый свѣтикъ мой,
Съ одной я головой!

С П О С О Б А .

Что, развѣ тайна тутъ скрывается какая?

Т О Р О П Ъ .

Ну, кѣмъ подарена, такъ та, ее узнай....

С П О С О Б А .

Такъ что жъ? — Не просите ль и сами вы о
томъ?

Т О Р О П Ъ .

Да рыцарь хочеть самъ предстать своимъ ли-
цомъ:

То мнѣ, отдавъ тебѣ ширинку эту,
Повѣситъ вывѣской ужъ Невидимку свѣту.

С П О С О Б А .

Знать, хочется вамъ насъ обѣихъ оплести:
Поди жъ, коль такъ, гуляй; мнѣ недосугъ, —
прости!

Т О Р О П Ъ .

Ахъ, милая моя сударушка, Способа!
Минуточку постой и выслушай одна:
Мы можемъ сдѣлаться съ тобой счастливы оба.
Прелѣпа въ рыцаря, какъ видво, влюблена:
Куда бы хорошо, и мнѣ съ нимъ приютиться
На тепло гнѣздышко!...

С П О С О Б А .

А какъ!

Т О Р О П Ъ .

Ну какъ! Жениться.

СПОСОБА.

На комъ?

ТОРОПЪ.

На комъ же, лапочка,
Когда не на тебѣ, моя косаточка?

СПОСОБА *(смѣется.)*

И впрямъ?

ТОРОПЪ.

Божусь тебѣ, что страстная любовь
Давно уже зажгла къ тебѣ всю кровь.

СПОСОБА *(грозя пальцемъ.)*

Ну, хорошо! — Смотри!

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ *(оборотясь догоняетъ.)*

Д у э т ъ.

Нѣтъ, постой, постой, косатка!
Лель махнулъ ужъ намъ крыломъ;
Не уйдешь ты безъ задатка,
Поцѣлуй, такъ и съ концомъ.

СПОСОБА.

Что за дерзкая ухватка,
Смѣть приступомъ брать въ полонь!
Тутъ нужна еще догадка:
Ну, побей-ка мнѣ челомъ.

ТОРОПЪ.

Радъ я, свѣтикъ, поклоняться,

(Кланяется.)

Милости твоей просить:
Полюбить меня и взяться
Господину пособить.

С П О С О Б А .

Такъ-то лучше приласкаться,
То могу и услужить;
Только должно обѣщаться
Намъ другъ друга вѣкъ любить.

(Оба вмѣстѣ.)

Хорошо! — о томъ ни слова:
Дель махнулъ ужъ намъ крыломъ.
Я готовъ — и я готова
Жить голубкой — съ голубкомъ.

==

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

—

Я В Л Е Н І Е I .

Театръ представляетъ теремъ княжны Прелѣпы. Она сидитъ на софѣ въ задумчивости, перебираетъ перстами струны арфы, которыя издають меланхолическіе аккорды.

П Р Е Л Ѣ П А .

Какія странныя сегодня приключенья
Во снѣ я видѣла! — Пожралъ Добрыню змѣй!
Безвѣстный богатырь идетъ мнѣ въ услуженье!
Баяна пѣснь пропѣлъ чипчакскій чародѣй!
Отколь онъ взялъ ее? — Никакъ не понимаю.
И князь!...

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЛЪПА И ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Невеселу Прелѣпу я встрѣчаю!
Да и нельзя не такъ. — Столь дерзостный злодѣй
Осмѣлился смутить покой души твоей.

ПРЕЛЪПА.

Благодарю, мой князь, за нѣжное участие.

ВЛАДИМІРЪ.

Ахъ! здравіе твое, княжна, спокойство, счастье,
Первѣйши должности на сердцѣ у меня.

ПРЕЛЪПА.

Не стою милостей, ихъ для меня такъ много!

ВЛАДИМІРЪ.

Почтенье и любовь къ тебѣ въ душѣ храня,
Мятуся, зря тебя расположенну строго;
Взгляни на зракъ ты мой и изъ него прочти,
Какъ властвуешь ты мной....

ПРЕЛЪПА.

Кто? — Я?

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ! ты.

(Поетъ.)

Владычица души плѣненной!
Царица сердца моего!
Познай любовію возженной
Вдохъ узника днесъ твоего!
Познай, что я тобою страстенъ,
Твоей сраженный красотой;

Познай, что я въ себѣ невластенъ
И ты одна владѣешь мной!

ПРЕЛЪПА.

Къ чему, о, Государь! въ толь изреченьяхъ
страстныхъ

Ты обращаешься со мной?

Имѣешь ты тысячу ты въ теремѣ прекрасныхъ,
Которымъ можешь ты открыть сей пламень твой.
Изборска жъ князя дочь....

ВЛАДИМИРЪ.

Хотя бъ и всей вселенной
Царица ты была, невѣстой обрученной
Монарху Русскому не низко быть тебѣ.

ПРЕЛЪПА.

Невѣстою?

ВЛАДИМИРЪ.

Сей день!

ПРЕЛЪПА.

Увы!

ВЛАДИМИРЪ.

Что за вздыханья,
Позволимъ коль тебѣ
Отецъ твой для избранья
Быть въ теремѣ моемъ? И ты тогда себѣ
Не чла сего обиднымъ.

ПРЕЛЪПА.

Велика честь!

Позволь себя назвать, Владиміръ, непостиж-
нымъ.

Ты страстную любовь являешь, а не лесть;

Но съ Змѣемъ ты меня на доску свелъ одну,
Злодѣйскому его повѣря соплетенью.

В Л А Д И М І Р Ъ .

Какъ обожатель твой, я признаю вину;
Какъ Царь, имѣю я причину къ извиненью:
Что бы сказалъ тогда народъ, подвластный
мнѣ,
Когда бъ, не объясняясь съ врагомъ, далъ
знакъ къ войнѣ?
Не справедливо ли бъ меня винили въ страсти,
Что ради я тебя Россію ввергъ въ напасти?
Пусть виненъ предъ тобой, но я исполнилъ
долгъ;
Ты жъ нѣжности сама отъ изверга терпѣла.

П Р Е Л Ъ П А .

Что онъ ту жъ пѣсню пѣлъ, я кою прежде
пѣла? ..

В Л А Д И М І Р Ъ .

Она извѣстна мнѣ. — Но что же мой предлогъ?
Ужель въ возлюбленной какой успѣхъ имѣеть?
Могу ли льститься я!

П Р Е Л Ъ П А .

Владиміръ столь владѣть собой умѣеть
И знаетъ, что....

(Поетъ.)

П Р Е Л Ъ П А .

«Любить насильно невозможно,
Нельзя намъ сердцу повелѣть
Владѣть собой, терпѣть.

ВЛАДИМІРЪ.

«Такъ вздыхать мнѣ должно
И тщетной страстию горѣть,
Горѣть, — и умереть.

(Оба влѣтъ.)

ПРЕЛѢПА.

«Владѣть собой, терпѣть.

ВЛАДИМІРЪ.

Горѣть и умереть!» —

Терпѣть, жестокая, ты мнѣ велишь,
Безвременно меня терзаешь и мертвишь:
Смягчися, зря мое несносное мученье!

(Цѣлуетъ страстно ея руку.)

ПРЕЛѢПА.

Къ чему такое, князь, предъ дѣвой униженье?
Терпѣніе всему дать можетъ оборотъ.

ВЛАДИМІРЪ.

О, всѣхъ собраніе пріятностей, красоты!
Любовь величества и титулъ не разбираетъ:
Законъ ея царя съ пастушкою равняетъ. —
Но вижу я, княжна, обширный разумъ твой
И правильно твое о страсти разсужденье:
Ты хочешь, чтобъ войну иль поединокъ мой
Окончивъ, ожидалъ я твоего рѣшенья.
Сего ль желаешь ты?

ПРЕЛѢПА.

Моей тутъ воли нѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ.

О, съ сей надеждою пріятно и терпѣть.

(Еще цѣлуетъ ея руку.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ ЖЕ И СПОСОБА.

СПОСОБА.

Доносить Силоумъ о рыцарскомъ собраньѣ.

ВЛАДИМІРЪ.

Такы! я ихъ повелѣть собрать,

Чтобъ силы испытать

Во рыцарскихъ играхъ и сдѣлать бы избранье

Храбрѣйшаго изъ нихъ въ единоборный бой.

Сей избранный, княжна, украсится тобой.

ПРЕЛѢПА.

Отличная мнѣ честь.

(Взявшись за руки, уходитъ.)

СПОСОБА *(одна).*

Пожалуй, раскручинься,

Разрюмься, распузырься,

И дѣвку вѣтрону раздумай, разгадай!

И вида, давича, Горыныча страшилась;

Потомъ опять смягчилась.

И вотъ о пѣснѣ той его поди узнай!

Быть съ Невидимкою боялась на свиданьѣ,

А о ширинкѣ знать желаетъ: что? зачѣмъ?

Отъ князя въ обморокъ, и тутъ же на собранье

Съ нимъ рыцарей спѣшимъ, и руку подаемъ!—

И такъ, тутъ разбери поди любовь прямую;

Влѣзь въ сердце и узнай, кто милъ и кто по-

стымъ?

Да нѣтъ, хитрянушка, я тотчасъ растолкую

Наединѣ съ тобой, мнѣ только бѣ случай былъ.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е І V.

Театръ перемѣняется и представляетъ великолѣпный дворецъ княжескій, украшенный балкономъ и колоннами, противъ котораго амфитеатръ для зрѣлища гимнастическихъ игръ, а вдали по перспективѣ ипподромъ для конскаго ристанія. Въ срединѣ высокій столбъ. Все отдѣляется отъ двора княжескаго золотою рѣшеткою, въ срединѣ которой золотыя гербовыя ворота. По сторонамъ ихъ двѣ скамьи, на нихъ садятся нѣсколько прашедшихъ богатырей. Владиміръ, Прелѣпа, теремныя дѣвицы на балконѣ, а народъ въ амфитеатрѣ.

СИЛОУМЪ, ДОБРЫНЯ, ТОРОПЪ И БИРЮЧЪ.

(Изъ нихъ Добрыня закрытъ шлемомъ.)

СИЛОУМЪ *(богатырлѣ.)*

Вотъ, братцы-молодцы, вамъ витязь безъимянной!

На широкъ дворъ взлетѣлъ, какъ ясный онъ соколь;

Кормилъ коня пшеномъ, поилъ сытой медвяной,

И привязавъ его къ столбу, къ кольцу златому,

Во грядню княжеску, не доложась, вошелъ:

Порадуйтесь, друзья, вы удальцу такому!

Князь силы вамъ своей велѣлъ съ нимъ попытаться.

(Богатыри, пошатавъ головами, приподнялись съ мѣстъ, сняли шапки, поклонились и опять сѣли.)

ДОБРЫНЯ *(не открывая шлема.)*

Знать, мѣсто надобно здѣсь самому сыскать.

(Съ послѣднимъ словомъ, пришедши къ концу одной скамьи, пристѣлъ и подвинулся,

отъ чего сидящiе на ней богатыри попадаюи, а съ другой вскочили упавшихъ поднимать.)

СИЛОУМЪ.

Самъ видно у себя!

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ *(съ насмѣшкою въ сторону).*

Съ похмелья повалились.

(Уходитъ.)

ГЕРОЛЬДЪ *(протрубя).*

По волѣ княжеской, пространнѣй свѣтъ внемли!

Здѣсь игры рыцарски открылись

Удалымъ молодцамъ Россійскія Земли.

Ступайте, подвизайтесь,

Проворство, силу показать.

Славнѣйшаго изъ васъ старайтесь

Вы въ витязя избрать.

(Рѣшетка золотая растворяется на обѣ стороны и герольдъ въ отдаленности театра становится у столба богатырскаго, откуда всякій разъ даетъ знать трубой обѣ окончанiи какого либо рыцарскаго подвига.)

ХОРЪ БОГАТЫРЕЙ.

Не сизы соколы по поднебесью,

Не бѣлы кречеты подъ облаки,

Богатыри слетались русскiе

Къ Великому Князю ко Владимиру,

Ко Владыкѣ Всероссійскому,

Чтобъ потѣшиться молодечествомъ,

Позабавить бы удалствомъ его.

Что одинъ изъ нихъ всѣхъ проворнѣе,

Всѣхъ проворнѣе, всѣхъ могучѣе:

Гдѣ онъ ступитъ, — тутъ земля дрожитъ;

Гдѣ рукой махнетъ, — тутъ и улица.

Что возговоритъ богатырскій кругъ:

Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Въ продолженіе сего хора богатыри, взадъ и впередъ расхаживая, показываютъ, что снимаютъ съ себя тяжелые доспѣхи, а между тѣмъ непримѣтно уходятъ за кулисы: на мѣсто же ихъ, вступивъ танцовщицки, изъ коихъ одинъ въ закрытомъ шлемѣ, танцуютъ балетъ, въ которомъ предстаютъ разныя гимнастическія игры, какъ-то: борьбу, кулачный бой, бѣганье и проч. Потомъ вдали видно на ипподромѣ ристаніе на коняхъ верхами и въ колесницахъ, машинами представляемое; гдѣ летаютъ по воздуху дѣревья и каменя, слышны ржаніе коней, звукъ мечей, трескъ преломленныхъ копій, и тому подобное. По окончаніи жъ игръ танцовщицки и представляющій закрытаго рыцаря уходятъ, а на мѣсто ихъ паки являются богатыри, изъ коихъ герольдъ, выводя на сцену Добрыню, закрытаго шлемомъ, говоритъ богатырямъ.)

Г Е Р О Л Д Ъ .

Закрытый витязь сей пойдетъ въ единоборство.

Отличную явилъ онъ силу и проворство:

На воздухъ стрѣлу другою разсѣкалъ,

Въ пятьсотъ пудъ палицу за облако металъ,

Рвалъ холмы и дубы съ корней одной рукою.

Х О Р Ъ Б О Г А Т Ы Р Е Й (три раза
повторяетъ послѣдній стихъ).

Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Добрыня клянется.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Владиміръ съ Прелѣпою и всѣми дѣвицами теремными сходятъ съ балкона. Дѣвицы въ рукахъ своихъ имѣютъ копья, щиты, мечи, луки, стрѣлы и прочіе легкіе доспѣхи воинскіе, между которыми входятъ и хористы.

ВЛАДИМІРЪ.

Преславны витязи! пусть всякій самъ собою
Здѣсь милую себѣ подругу изберетъ
И отъ нея свое оружіе возьметъ.

А ты, моя княжна, героя безыменна
Грудь богатырскую укрась отличьемъ симъ.

(Взявъ у Силоума съ золотого блюда гривну, или медаль, подаетъ Прелѣпѣ.)

ПРЕЛѢПА *(надвывая оную на Добрыню, ставшаго на колыни).*

Какъ блещетъ злато здѣсь и слава такъ же-
ланна

Твоя да возблеститъ, о, витязь знаменитъ!

ДОБРЫНЯ.

Счастливъ, когда судьба мнѣ долгъ велитъ свер-
шить

И съ должной честію предъ князя возвращуся!

ВЛАДИМІРЪ *(ударя Добрыню по плечу мечомъ).*

Я вѣрю, что тобой ни въ чемъ не постыжуся:
Будь рыцаремъ моимъ!

(Владиміръ, Прелѣпа и Добрыня уходятъ, богатыри наки удаляются; а на мѣсто ихъ танцовщицы и танцовщики въ продолженіе нижеслѣдующаго хора представляютъ дру-

*гой балетъ, въ коемъ дѣвицы раздаютъ ору-
жје рыцарямъ.)*

Х О Р Ъ Д Ѣ В И Ц Ъ .

Разрѣзвились разыгрались
Красны дѣвицы въ кругу,
Какъ на грозну брань собирались
Русски молодцы врагу.
Будемъ дѣвушки рѣзвѣе; —
Говорили межъ собой, —
Чтобъ отважнѣе, храбрѣе
Наши милые шли въ бой;
Чтобы славу заслужили,
Ставъ отечеству сыны,
И счастливѣе бѣ мы жили,
Чѣмъ безъ славы, безъ войны;
Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ,
Ленты золоты носили
И жемчуги на главахъ;
Мы бы чванились собою,
Намъ бы кланялся народъ.
Нѣтъ вѣдь славы, кромѣ бою,
И богатства и красотъ.

(По окончаніи балета, уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Театръ перемѣняется и представляетъ въ ночи небольшую часть сада съ каскадами, освѣщеннаго луною, которой лучъ, отражаясь отъ крышки золотой терема Прелѣпы, падаетъ на водоскаты. Въ тѣни видны мрачные переходы и потаенная лѣстница.

ПРЕЛѢПА И СПОСОБА.

ПРЕЛѢПА.

Доколѣ витязя и прочія дружины
Князь въ бой не отпустилъ, поговоримъ съ то-
бой.

СПОСОБА.

Не лучше ль намъ идти подъ свислыхъ дровъ
вершины?
А здѣсь ужъ слишкомъ мы освѣщены луной.

ПРЕЛѢПА.

И здѣсь не видно насъ. — Что мнѣ о пѣснѣ ска-
жешь?

СПОСОБА.

Унесъ съ собой Змѣй.

ПРЕЛѢПА.

О Невидимкѣ что ты знаешь?

СПОСОБА.

Я знаю только то, что витязь безъимянной
На играхъ превзошелъ всѣхъ силой несказан-
ной,

Иныхъ изъ сѣделъ выбилъ вонъ.

ПРЕЛѢПА.

Но кто же онъ?

СПОСОБА.

Старалась я узнать то по твоимъ желаньямъ,
Но отъ конюшаго со всѣмъ моимъ стараньемъ
Я не добилаь ничего,
Окромѣ лишъ того,
Что похваляется ширинкою онъ тою,
Что сказывала я.

ПРЕЛЪПА.

Какъ?

СПОСОБА.

Съ именемъ твоимъ и вышита тобою.

ПРЕЛЪПА.

Какъ, съ именемъ! Нельзя ль его сюда скорѣй?

СПОСОБА.

А со Владиміромъ въ помолвкѣ-то своей
Вы вѣрно ужъ сошлись?—А мнѣ ты и ни слова!

ПРЕЛЪПА.

Да, говорили мы.—А рыцаря...

СПОСОБА.

Какого?

ПРЕЛЪПА.

Ну, невидимку-то.

СПОСОБА.

Ужъ ночь...

ПРЕЛЪПА.

Но при лунѣ.

СПОСОБА.

Ахъ, милая княжна! что говоришь ты мнѣ?
Коли узнаетъ князь!—И какъ это возможно?

ПРЕЛЪПА.

Изъ любопытства лишь.

СПОСОБА.

Нельзя, неосторожно.

ПРЕЛЪПА.

Теперь ночь.

СПОСОБА.

Поди ты прочь!

ПРЕЛЪПА.

Способа, милый другъ! подай душѣ отраду,
Я только одного его желаю взгляду.

СПОСОБА.

Ахъ! Лада надъ тобой!—Ужъ я тебя не знаю.
То князь въ умѣ, то змѣй, то потаенный другъ!

ПРЕЛЪПА.

Нѣтъ больше силъ моихъ: волнуется весь духъ!
Я предъ тобой себя ужъ больше не скрываю:
Горыныча боюсь и виду не терплю,
Со многими въ княжомъ нельзя быть сердцѣ
вмѣстѣ;

Съ издѣтства самаго Добрыню я люблю
И рокъ судилъ ему во мнѣ лишь быть невѣстѣ.
Вотъ тайна вся.—Теперь иди скорѣй за нимъ.

СПОСОБА.

Какіе ужасы! какія повелѣнья!
А если кто меня въ пути увидитъ съ нимъ?

ПРЕЛЪПА.

Когда душа чиста, то нѣтъ тутъ преступленья.
Поди!

С П О С О Б А .

Ахъ, милая! что дѣлать мнѣ съ тобой?
Желаю и боюсь.

(Подумавъ, про себя.)

Съ нимъ Торопъ будетъ мой.

(Уходитъ.)

П Р Е Л Ъ П А .

Я отдалась любви, послала за Добрыней;
Но безъмянной сей быть можетъ и не онъ.
То можетъ быть обманъ, подобно какъ Змѣиной:
Не даромъ ужасалъ меня сей ночи сонъ.

(Слышно въ той сторонѣ, гдѣ Тугариновъ шатерь, по Днипру хохочущее эхо отъ птицъ, а на теремъ стонъ филлины.)

(Поетъ.)

Чу! кто-то тамъ въ лугахъ хохочеть,
На кровлѣ слышу чудный стонъ.
Знать, чародѣй прельститъ насъ хочетъ,
А здѣсь меня пугаетъ онъ.
Мягусь, дрожу, изнемогаю!
Что будетъ съ бѣдною со мной?
Къ тебѣ, Добрада, прибѣгаю,
Покрой меня твоей рукой!
Покрой!—и отжени всѣ страсти,
Мечты, волшебства и напасти.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Земля разверзается. Выходит Добрада въ бѣломъ жреческомъ одѣяніи, на подобіе тѣни, и въ то же время на другой сторонѣ съ потаенной лѣстницы сходятъ закрытые также бѣлыми покрывалами: Способа, Торопъ и Добрыня, съ опущеннымъ на лицѣ забраломъ.

Д О Б Р А Д А.

Услышана твоя молитва мною:
Не бойся, будь тверда душою.

(Исчезаетъ.)

П Р Е Л Ъ П А.

Что вижу я?—Ахъ! вокругъ меня мечты.

(Увидя Способу.)

Иль это ты!

Ужъ возвратилася, Способа?

С П О С О Б А.

Конюшій съ рыцаремъ пришли со мною оба;
Мы такъ закрылись, чтобъ никто насъ не
узналъ.

Т О Р О П Ъ *(ощупывая деревья руками).*

Глаза мои тмы, ужаса полны.

С П О С О Б А.

На кровлѣ филнѣ тамъ уныло завывалъ.

Т О Р О П Ъ.

Въ лугахъ русалки хохотали.

С П О С О Б А.

Мы отъ роду такой боязни не видали.

ДОБРЫНЯ.

Но здѣсь ужъ блещетъ свѣтъ луны?

СПОСОБА *(Прелѣпа, представляя Добрыню).*

Вотъ богатырь, княжна, безвѣстной, безымянной.

ПРЕЛѢПА.

Плѣненна славой несказанной,
Хотѣла бъ я его въ лице узрѣть.

ДОБРЫНЯ.

Большимъ бы счастиемъ почелъ и я ту честь;
Но мнѣ до времени быть нужно сокровеннымъ.

СПОСОБА.

Не межъ народомъ ты, сударь, обыкновеннымъ.

ПРЕЛѢПА.

Мы можемъ скромны быть.

ТОРОПЪ *(въ сторону).*

Вѣрнѣе нѣтъ сего отъ женщинъ обѣщанья.

ДОБРЫНЯ.

Прекрасныя княжны исполнить чтобъ желанья,
Я принужденъ себя открыть.

(Снимаетъ шлемъ.)

ПРЕЛѢПА.

Добрыня! это ты! тебя ли вижу я?

Какъ счастлива теперь судьба моя!

(Съ восторгомъ обнимаются.)

Какимъ то образомъ, любезный мой, случилось?

ДОБРЫНЯ.

Знать Небо надъ моимъ страданіемъ смягчилось.

Разставшия съ тобой, оставя Холмоградъ,
Проѣхалъ я моря, лѣса, пустыни, горы,
Побилъ невѣрныхъ тмы, богатырей напоры
Ужасны отразилъ; и возвратяся назадъ,
Заѣхалъ посмотрѣть Владиміровъ Дворъ слав-
ной,

Помѣрить силъ моихъ со рыцарями его;
Но къ горести моей услышалъ несказанной,
Что въ теремѣ ты здѣсь.

ПРЕЛѢПА.

Ужъ годъ какъ у него.

ДОБРЫНЯ.

Невѣстой обрученной?

ПРЕЛѢПА.

Сей день назначенъ былъ; но помѣшалъ не-
вѣрной
Тугаринъ, богатырь.

ДОБРЫНЯ.

Увы! и онъ, я слышу, бракъ
Тебѣ съ собою предлагаетъ.

ПРЕЛѢПА.

Да, онъ того желаетъ.

ДОБРЫНЯ.

И съ наглостью притомъ неслыханною?

ПРЕЛѢПА.

Такъ.

ДОБРЫНЯ.

Чудовище! злой Змѣи!

ПРЕЛЪПА.

Но какъ же, дерзновенье
Такое слышавъ, ты его не отвратилъ?

ДОБРЫНЯ.

Представь себѣ, княжна, мое ты положенье!
Совмѣстникъ мнѣ мой князь, и могъ тебѣ быть
милъ:

То какъ я, безъ заслугъ, безъ нова увѣренья
Въ твоей ко мнѣ любви, себя могъ объявить?

ПРЕЛЪПА.

Возмогъ ли хоть на часъ во мнѣ ты усомниться,
Чтобы могла въ кого другаго я влюбиться?

ДОБРЫНЯ.

Благоволи Перувъ лишь славой осѣнить,
Тогда явлюся я тебя уже достойнымъ.

ПРЕЛЪПА.

Какая польза въ томъ? Ужели князь спокой-
нымъ

Зрѣть будетъ окомъ на тебя?

Онъ въ славѣ, въ торжествѣ твоёмъ, меня
любя,

Не возжелаетъ ли имѣть своей женою?

Ахъ, горе мнѣ тогда! ахъ, горе и тебѣ!

ДОБРЫНЯ.

Я покорюсь судьбѣ.

Но, бывъ съ заслугами и бывъ любимъ тобою,
На бракъ я больше правъ, чѣмъ князь, могу
имѣть;

А паче, если князь правдивъ, великодушень....

ПРЕЛЪПА.

Иди же, мой герой, со славой умереть!

ДОБРЫНЯ.

Во всемъ тебѣ, моя любезная, послушень.

Дуэтъ.

ПРЕЛЪПА.

Ко мнѣ ты страстью тлѣешь.

ДОБРЫНЯ.

Да, я горю тобой.

ПРЕЛЪПА.

Ты жизнь во мнѣ имѣешь?

ДОБРЫНЯ.

Я живъ твоей душой.

ПРЕЛЪПА.

Вся мысль твоя мной плѣнна?

ДОБРЫНЯ.

Въ тебѣ моя вселенна,

(Оба вѣдуть.)

И всѣ утѣхи глазъ.

Я, зря тебя, прельщаюсь,

И также восхищаюсь,

Какъ въ самый первый разъ!

ПРЕЛЪПА.

О, коль сладка любовь!

ДОБРЫНЯ.

Небесный то восторгъ души!

СПОСОБА.

А ты, мой Торопъ, что задумчивъ такъ въ тиши?

Т О Р О П Ъ .

Жду, лапочка, какъ ты умильно вздернешь
бровь!

Д О Б Р Ы Н Я (поеть).

Коль въ томъ твоя забава,
Чтобъ быть всегда со мной:
То счастье и слава
Мнѣ зрѣть на образъ твой;
Тобою заниматься,
Тобою любоваться,
Мнѣ нѣтъ блаженствъ иныхъ.
Цари пусть веселятся;
Но смѣютъ ли равняться
Со мной въ сіяньи ихъ?

П Р Е Л Ъ П А (поеть).

Порфирию одѣта,
Не вознесутъ собой;
На всѣ державы свѣта
Не промѣнюсь тобой.
Тобою утѣшаюсь,
Горжусь и величаюсь:
Твое мнѣ сердце тронъ;
Всѣ пышности земныя
Молвы лишь все пустыя
И грубый сердцу звонъ.

С П О С О Б А .

А мы вѣдь такъ съ тобой не прогоняемъ скуку.

Т О Р О П Ъ .

И впрямъ, красавица: такъ дай же мнѣ ты
руку.

Куда игла, пускай идетъ туда и нить;
Влюбился господинъ и я давай любить.

(Даютъ другъ другу руки.)

Д О Б Р Ы Н Я.

Но полночь ужъ теперь; мнѣ въ храмѣ помо-
литься,

Откланяться съ Дворомъ и съ братьями про-
ститься.

П Р Е Л Ъ П А.

Прости, любезный мой, и возвратися здравъ
Въ объятіе любви моей, на лоно чести.

Д О Б Р Ы Н Я.

Прости!

Т О Р О П Ъ *(Способъ).*

Прости и ты, милѣй мнѣ солнца ставъ.

С П О С О Б А.

Прости, мой суженой! Пришпорь къ своей не-
вѣстѣ.

(Хотятъ уйти; но возвратясь, обнимаются попарно и поютъ въ четыре голоса.)

Д О Б Р Ы Н Я.

Небесно наслажденье....

Т О Р О П Ъ.

Съ любезной вмѣстѣ жить!

П Р Е Л Ъ П А.

Несносное мученье....

С П О С О Б А.

Въ разлукѣ съ милымъ быть.

(Вѣсть.)

Я адъ тамъ ощущаю,
Гдѣ безъ тебя бываю,

Томлюся всей душой;
Но гдѣ тебя выдаю,
Ласкаю, обнимаю,
Прижму къ груди своей:
Тамъ рай души моей!

(Въ сіе время Вѣдьма, съхвативъ по лунному лучу, кувиркальсь, перебѣгаетъ чрезъ театръ въ бѣломъ платьѣ съ растрепанными волосами: отъ чего всѣ врозь разбѣгаются, кромѣ Добрыни, который, торопясь, надѣваетъ шлемъ, и уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Я В Л Е Н І Е I.

Театръ представляетъ обширную овальную внизу съ большими продолговатыми, а вверху съ круглыми окнами, освѣщенную многими лампадами, повалушу. Вокругъ стѣнъ видѣнъ съ балюстрадамъ помостъ съ постелями, которыя покрыты червлеными покрывалами съ золотою бахромой; при концѣ каждой на табуретахъ сидятъ двѣицы, (между коими и Прелѣпа) съ пряслицами, обвитыми кудельками багрянаго шелка, который они прядутъ. Сквозь нижнія окна вдали видны градскія стѣны, а изъ верхнихъ выглядываютъ нянюшки и мамушки. При окончаніи нижеслѣдующаго хора, входитъ Владиміръ съ рындами и придворными.

Х О Р Ъ Д В И Ц Ъ *(безъ музыки.)*

Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь,

Наше солнышко Владиміръ Князь похаживаетъ;
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ посма-
триваетъ;

Что у ласточки,
У касаточки,
Алу бѣлу грудь, сизы крылья, посматриваетъ.
Парчевой кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,

Золоту казну и соболи показывааетъ.
Веселымъ лицомъ,
Въ обинякъ словцомъ

Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.
Не мани насъ, князь!
Не гадай насъ, князь!

Красно солнышко! ему боярышни возговорять.
Не златой казнѣ,
Но твоей красѣ

Очи и сердца свои давно всѣ продали.
Ты взгляни на насъ,
Ты вздохни хоть разъ,

Дай въ залогъ перстень любой тебѣ, ту выбери.

В Л А Д И М І Р Ъ .

Такъ рано, милья! а вы ужъ на работѣ?

П Р Е Л Ѣ П А .

Ты въ безпокойствѣ, князь: то мы чтобы не
спать,

Прядемъ.

ПРЕЛѢПА И ВСѢ ДѢВИЦЫ (вставъ
съ мѣстъ своихъ).

Способа! правда ль то?

ВЛАДИМІРЪ.

Не такъ ли показалось?

СПОСОБА.

Ахъ, милостивый князь! все вокругъ восколеба-
лось!

Крутится предо мной еще теперя пыль.

Поздравить смѣю васъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Быть можетъ, что и быль.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ (поднося на зо-
лотомъ блюдѣ приготовленный вѣ-
нецъ изъ розъ).

Съ побѣдой поздравляемъ,

И, нѣжныхъ въ знакъ сердець,

Поднести тебѣ дерзаемъ

Сей изъ цвѣтовъ вѣнецъ:

Любуйся, восхищайся!

Побѣдой утѣшайся!

ВЛАДИМІРЪ.

Велика честь сія; но оной я не стою:

Она принадлежитъ достойному герою.

Вамъ побѣдителю сей должно даръ поднести.

При всемъ томъ невѣрна еще сія и вѣсть:

Способинымъ словамъ не худо подтвержденье.

СПОСОБА.

Нѣтъ, красно солнышко, ни малаго сомнѣнья;

Сама я видѣла.

Я В Л Е Н І Е Ш.

Т Ъ Ж Е И Т О Р О П Ъ .

(Въ безпамятствѣ бѣгая, поетъ, бѣгая туда и сюда.)

Т О Р О П Ъ .

Братцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Знайте, разбиты мы въ прахъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!

Братцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Рыцарь мой бѣдный въ когтяхъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!

Братцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Знайте, разбиты мы въ прахъ.

Ахъ! ахъ! ахъ!

В Л А Д И М І Р Ъ .

Что? Какъ?

Т О Р О П Ъ .

Такъ, такъ,

Бѣда всѣмъ намъ,

За мною по пятамъ,

Какъ буря за плечьми, валить въ градски ворота
Татарска конница и безъ числа пѣхота.

Мы всѣ разбиты въ прахъ.

У Змѣулана-то и рыцарь мой въ когтяхъ.

П Р Е Л Ъ П А .

Возможно ли?

Т О Р О П Ъ.

Ахъ, такъ.

С П О С О Б А.

Ты не ряхнулся ли?

(Поютъ въ два голоса.)

Т О Р О П Ъ.

Нѣтъ, ты ряхнулась.

С П О С О Б А (съ сердцемъ).

Ряхнулся ты ума.

Т О Р О П Ъ.

Бѣда стряхнулась.

С П О С О Б А.

Тугаринъ палъ, я видѣла сама.

Т О Р О П Ъ.

Упалъ, да вдругъ очнулся.

С П О С О Б А.

Да что же въ томъ вреда?

Т О Р О П Ъ.

Онъ змѣемъ обернулся.

(Оба.)

Бѣда! ахти, бѣда!

В Л А Д И М І Р Ъ (Торопу).

Да расскажи яснѣй

О странной вѣсти сей.

Т О Р О П Ъ.

Слышь: палъ съ коня, какъ спопъ; но змѣемъ
очутился

Крылатымъ, въ воздухъ взвившись подъ облака.
Тутъ вдругъ изъ челюстей, какъ огненна рѣка,
На рыцаря главу внизъ искры покатились,

Покрылся дымомъ шлемъ, вокругъ перья вспла-
менились:

Мой витязь вѣрно бы подъ дьявольщиной палъ,
Когда бъ не нѣкая отъ шлема крѣпка сила,
Какъ вѣтръ, невидимо огня не относила;

А помощь свѣше онъ какъ только лишь узналъ,
Оправился и лукъ напрягъ съ двумя стрѣлами,
Пустилъ въ Горыныча и крылья вдругъ под-
сѣкъ.

Свернулся змѣй клубкомъ передъ его ногами
И человѣческимъ такъ голосомъ прорекъ:

«Ты гой еси, удалъ младъ богатырь могучій!
Пришелъ мой смертный часъ: напои водой те-
кучей.»

Мой рыцарь добръ вельми, разжалившись надъ
нимъ,

Стальной шлемъ снялъ съ главы, на лугъ ши-
ринку кинулъ

И почерпнуть пошелъ воды текучей имъ....

Тугаринъ, засвистя, засадну силу двинулъ

И войскомъ вмигъ, какъ лѣсъ вокругъ рыцаря
обнесъ:

Отрѣзалъ съ тылу, взялъ въ оковы, въ плѣнъ
помчалъ.

Я блюлъ его коня, онъ чуть меня унесъ;

А наши, исплошась, всѣ порознь поскакали.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Ты сказку выдумалъ.

Т О Р О П Ъ.

Ахъ, нѣтъ! вотъ-те боюсь.

(Указывая на Способу.)

СПОСОБА (сторонясь).
Что шлешься на меня? — Ты первый, видно,
трусъ.

(Одумавшись.)
Но, ахъ! вѣдь пѣтухомъ здѣсь курица кричала.
ТОРОПЪ (плачетъ).

Сорока жъ развѣ здѣсь въ ночи не щекотала?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ И ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Надежда Государы! Орда осѣла градъ:
Предмѣстья рубятъ и палятъ.

(Въ сіе время слышна по городу тревога и
видны въ окно дымъ, а на стѣнахъ люди.)

ВЛАДИМІРЪ.

Вели, чтобъ воинства на стѣны шли градскія.
Я буду самъ сейчасъ. — Вотъ случаи какіе!
Князь кормщикъ корабля, — жди вѣтровъ пере-
мѣнъ:

Но покажу примѣръ я моему народу,
Что управлять могу рудемъ и въ непогоду.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЪ ЖЕ И СИЛОУМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

А! кстати, Силоумъ, ты здѣсь! на вѣроломство
Я самъ теперь иду; храни ты градъ, чертогъ,
княжну.

СИЛОУМЪ.

Потщуся утишить печаль и безпокойство,
И въ градъ сохраню порядокъ, тишину.

*(Владимиръ уходитъ, а за нимъ вѣстникъ,
Способа, Торопъ и всѣ двещы.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЛЪПА И СИЛОУМЪ.

ПРЕЛЪПА.

Какой насъ жребіи ждетъ по бранной неудачѣ?
Стенать подъ узами и умереть во плачѣ!

СИЛОУМЪ.

Не сокрушай себя безвременно, княжна!
Войнѣ Владиміръ дастъ счастливо окончанье;
Онъ тамъ; надежда есть.

ПРЕЛЪПА.

Какъ суетна она!
Надеженъ рыцарь былъ и лестно ожиданье:
Но что? — И побѣдивъ, онъ самъ сталъ погу-
бленъ.

СИЛОУМЪ.

Онъ живъ.

ПРЕЛЪПА.

Пріятнѣй смерть, чѣмъ варварскихъ
рукъ плѣнъ.

(Поютъ въ два голоса.)

Премѣненъ сей и скученъ свѣтъ:
Онъ мечтъ лишь горестныхъ собранья;
Темница узъ, жилище бѣдъ,
Мигъ радостей, вѣкъ ожиданья;
Сегодня счастливы быть мнѣмся,
А завтра въ безднѣ золь явимся.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЪ ЖЕ И СОТНИКЪ (съ чалмой въ рукахъ).

СОТНИКЪ.

Великій Князь, какъ вѣтръ съ полей сдуваетъ
прахъ,
Отъ града отразилъ такъ бусурмански силы;
Змѣй дрогнулъ отъ него, тмы тылъ оборотили;
Мечемъ онъ чудеса въ ихъ показалъ полкахъ.
Прислалъ къ тебѣ чалму, звать, съ тайною ка-
кою,
Котору самъ онъ сшибъ со Змѣя булавою.

СИЛОУМЪ (вынувъ изъ чалмы пѣ-
сню съ ширинкою и разсмотрѣвъ показы-
ваетъ князю).

Рука это твоя?

ПРЕЛЪПА (съ изумленіемъ).

Моя!

СИЛОУМЪ.

Теперя я пойду для срѣтенья княжова.

(Уходитъ и съ нимъ сотникъ.)

ПРЕЛЪПА *(одна, въ задумчивости).*

Что, премѣнясь, ушелъ отъ одного онъ слова?

Ужъ нѣтъ ли вновь еще несчастія какова?

Но ждать еще какихъ мнѣ бѣдъ?

(Съ отчаяніемъ.)

Свершился, знать, ударъ ужъ рока злаго!

Добрыни болѣе на свѣтѣ нѣтъ!

Въ чалмѣ Горыныча ширинку полонили

И пѣсню въ ней же принесли.

Убить онъ: такъ, убить! Свирѣпые сразили

Мою грудь молніей и сердце все сожгли.

(Поетъ.)

Разверзися земля скорѣй

И адская зіяй утроба!

Добрыня! царь души моей!

Тебя ль я зрю во мракѣ гроба?

Мнѣ гласъ твой слышится, тѣнь зрится:

Иду съ тобой соединиться!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ великолѣпный княжескій чертогъ, преддверіемъ храму служащій и отдѣленный отъ храма обширною аркою, которая задернута завѣсою. Придворные, Сребробрады и Силоумъ уготованы на срѣтеніе Владиміра и торжество побѣды.

СИЛОУМЪ *(съ чалмой, Сребробрадамъ).*

Побѣду надъ врагомъ и счастья премѣну
Намъ возвѣстилъ Великій Князь:
Но чрезъ чалму сію узнаете измѣну,
Которая, я мню, что удивитъ и васъ,
СРЕБРОБРАДЫ.

Хвала, хвала богамъ, разрушившимъ навѣты!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ И ВЛАДИМІРЪ СЪ РЫНДАМИ.

ВЛАДИМІРЪ *(во всеоружіи).*

Исполнилъ я мой долгъ.

*(Отдаетъ щитъ, шлемъ и копье рындамъ.
Всѣ ему кланяются съ благоговѣніемъ.)*

СИЛОУМЪ.

Прислалъ на разсмотрѣнье,
Ширинку ту съ письмомъ, въ чалмѣ покрыту сей:
Прелѣпа сдѣлала о нихъ рѣшенье.

ВЛАДИМИРЪ.

Какое? Знать хочу.

СИЛОУМЪ.

Что принадлежитъ ей.

ВЛАДИМИРЪ.

Съ чего?...

СИЛОУМЪ.

Та шита ей, то писано самою.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ ставишь ты ее виною:
Но въ чемъ преступница она?

СИЛОУМЪ.

Вина ея не такъ темна.

Къ врагу она писала,
И слѣдственно войну на князя поднимала.

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣна, Государь!

ВЛАДИМИРЪ.

Страшитесь, старцы, такъ
Невинность клеветать столь зло, неосторожно;
Княжна измѣнница! Какъ быть тому возможно?

СИЛОУМЪ.

Ее въ томъ обличилъ и даже робкій зракъ.

ВЛАДИМИРЪ (съ печальнымъ видомъ).

Не вѣрю. (Подумавъ.) Но я князь. Пристрастьемъ
не у мѣста
И чужды должны быть мнѣ жалость, вздохи,
стонъ;
Равно преступница, раба ль то, иль невѣста.

Подъ безпристрастнымъ лишь царемъ незыблемъ тронъ;

Хотя бы дочь была, сестра, или супруга:

У праведныхъ царей нѣтъ ни родни, ни друга.

Друзья! изслѣдуйте и донесите мнѣ.

(Хочетъ уйти.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ТОРОПЪ И ДОБРЫНЯ съ открытымъ лицомъ, вошедъ тихо, слушаютъ разговоръ Владиміровъ съ его советниками; и потомъ въ другія двери вступаетъ

ПРЕЛЪПА СЪ СПОСОБОЮ.

ПРЕЛЪПА (увидя Добрыню, изъ печальной вдругъ показывается радостною и про себя).

Живы!...

ВЛАДИМІРЪ (прильня Добрыню).

Какъ! отколь ко мнѣ

Вдругъ сродникъ мой драгой, Добрыня, могъ явиться?

ДОБРЫНЯ.

Позволь, о Государь, въ томъ послѣ объясниться.
Кто здѣсь измѣнникомъ?

ВЛАДИМІРЪ (печально, не видя Прелъпы).

Съ Тугаринномъ княжны

Изборскія Прелъпы

Сношенья найдены.

ДОБРЫНЯ.

Ужъ ли то правда? (*Подумавъ.*) НѢтъ!

НѢтъ, сплетни то пелѣпы:

Ширвинку съ пѣсней, что ль?

СРЕБРОВРАДЫ.

Ея руки, въ его чалмѣ.

ДОБРЫНЯ.

Вы заблуждаетесь, о судиѣ, во тмѣ.

Послушай, Государь, сей тайны разрѣшенье:

То вещи всѣ мой; отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,

Въ знакъ дружбы нѣжныя, любви во увѣренье,

Невѣстой были мнѣ моей подарены;

То нашихъ клятвъ залогѣ.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ, гдѣ и отъ кого?

ДОБРЫНЯ (*указывая на Прельпу*).

Отъ сей княжны.

ВЛАДИМІРЪ (*обращаясь къ ней*).

Ты здѣсь, княжна?

ПРЕЛЬПА.

И сей обѣтъ

Внимали сами боги;

Я съ именемъ его обручена кольцомъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Когда, при комъ?

ДОБРЫНЯ.

Средь храма предъ жрецомъ.

ПРЕЛЬПА.

Въ училищѣ Добрады.

ВЛАДИМІРЪ.

Вотъ новый мнѣ ударъ! Вотъ нѣжности на-
грады!

Ахъ! для чего жъ сію любовь,
Княжна, ты предо мной такъ хитро сокрывала?

ПРЕЛЪПА.

Я времени искала.

СИЛОУМЪ (въ сторону).

Нѣтъ, хитрость; баснями не кормятъ соловья.
(Добрынь.)

А какъ въ чалму онѣ къ Тугарину попали?

ДОБРЫНЯ.

Безвѣстный рыцарь — я,
Сражался съ Змѣемъ я,
Съ коня его сбиль я;
Но послѣ такъ случилось,
Что пѣснь съ шпринкою коварствомъ очутилась
У моего врага.

ВЛАДИМІРЪ.

Вы видите теперь, какъ истина нага?

СРЕБРОБРАДЫ.

Еще сомнительно.

ВЛАДИМІРЪ.

Но въ чемъ же тутъ сомнѣнье?

СРЕБРОБРАДЫ.

Не чрезъ наборы словъ....

СИЛОУМЪ.

Но чрезъ свидѣтелей быть должно увѣренье.
Кто зналъ училище, залогі ихъ, любовь?

ПРЕЛѢПА.

Добрада знала все....

ТОРОПЪ И СПОСОБА *(вдругъ)*.

А развѣ мы вчерась не знали вашей страсти?

ТОРОПЪ *(показывая на Способу)*.

Не я ль за ней ходилъ?

СПОСОБА *(указывая на Добрыню)*.

Не я ль его

Вводила въ садъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Довольно мнѣ сего.

СИЛОУМЪ.

Довольно истинѣ и правосудной власти,

Чтобъ ихъ съ виновными въ одинъ поставить
рядъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, такъ!

СИЛОУМЪ.

Бывъ воиномъ, столь славнымъ, знаменитымъ,

Зачѣмъ Добрыня былъ сокрытымъ

И ночью въ княжескій чертогъ

Способою вводился тайно?

И какъ конюшій могъ

Съ нимъ вмѣстѣ быть? — Все что-то чрезвычайно!

Но, бывъ безъ памяти въ нее влюбленъ,

Преступницу спасти лишь ищетъ онъ

И сказку выдумалъ нелѣпу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Судить Прелѣпу!

ВЛАДИМІРЪ (сѣ гнѣвомъ).

Не будьте скоры такъ другихъ на обвиненье,
Подумайте еще....

(Отворотясь, подходитъ къ Добрынь и го-
воритъ съ нимъ тихо.)

ТОРОПЪ (сѣ сторону).

(Поетъ.)

Не хотятъ здѣсь правды вѣдать
И приходитъ намъ бѣда:
Одному Царю что дѣлать,
Гдѣ проказать господа?
Какъ дружать, такъ пса оправать,
Правъ! напишутъ въ три пера.
А налягутъ: вмигъ задавятъ
И слона, какъ комара.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ, СОТНИКЪ И ТУГАРИНЪ сѣ перевязанною го-
ловою, поддерживаемый БИРЮЧЕМЪ И ВОИНАМИ.

СОТНИКЪ.

Тугаринъ ко вратамъ во плѣнѣ приведенъ;
Ты воинству во градъ велишь ли возвратиться?

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ! взять злодѣй мой въ плѣнѣ?

СОТНИКЪ (указываетъ на Ту-
гарина).

Онъ тамъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Тотчасъ расположиться
Вели по городу полкамъ;

Но Расскажи подробнѣй, какъ
Плѣненіе сіе случилось?

СОТНИКЪ.

Надежа Государь! я слышалъ такъ:

Какъ полчище тобой

Срацыновъ отразилось,

Тугарынычъ утекъ съ открытой головой

И въ таборъ свой вбѣжавъ, со ужасомъ узрѣлъ,

Что рыцарь сей (указывая на Добрыню), въ плѣну

первавъ свои оковы,

Схватя свой мечъ, бѣжалъ, летѣлъ

Ему на встрѣчу;

Тмы силъ вокругъ прыжки не преграждали

львовы,

И головы въ чалмахъ, какъ птиць мелькавъ

стада,

Открыли путь ему чрезъ преужасну сѣчу

Добраться до врага.

Онъ на него напалъ,

И, не смотря, что Змѣй былъ на конѣ высо-

комъ

Со ухомъ жабръ ему отсѣкъ съ единымъ ско-

комъ,

И выбивъ изъ сѣдла, на землю бросивъ, взялъ

Во плѣнъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Какая вѣсть! Добрыня!... чѣмъ заслугу

Твою тебѣ я заплачу?

ДОБРЫНЯ.

Исполнивъ должное, награды не ищу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Дай правосудіе!

СИЛОУМЪ.

И недругу и другу!

ВЛАДИМІРЪ.

О! что за судъ еще?—Тугаринъ на лице:
Вся тайна намъ теперь открыта стала.

ТУГАРИНЪ (*въ сторону, скры-
пя зубами*).

О! я имъ отмщу.

ВЛАДИМІРЪ (*Тугарину*).

Писала ли къ тебѣ княжка?

ТУГАРИНЪ.

Писала.

ВЛАДИМІРЪ.

О, боги!

СРЕБРОБРАДЫ.

Мстители!

ПРЕЛЪПА.

Проклятый лжецъ!

ТУГАРИНЪ.

Докажетъ истину мое у ней кольцо,
Что съ именемъ моимъ я далъ ей въ обрученье.

ДОБРЫНЯ.

Что слышу я!

ПРЕЛЪПА (*Тугарину*).

Тебѣ?

СИЛОУМЪ.

Вотъ дѣлу и конецъ!

ВЛАДИМИРЪ (съ печальнымъ
удивленіемъ.)

И такъ кольцо сіе намъ сдѣлаеть рѣшенье.
Прикажешь ли, княжна, сюда его принести?

ПРЕЛЪПА.

Напротивъ, не скажу ни слова:
Кольцо то сдѣлаеть мнѣ честь;
Я имъ изблѣчить Тугарина готова.

ВЛАДИМИРЪ.

Способа! Силоумъ!

(Даетъ имъ знакъ, чтобъ шли.)

ПРЕЛЪПА.

Тамъ въ досканцѣ и есть,
Когда не вѣрите моимъ вы стонамъ.

СИЛОУМЪ.

Какъ эту сѣть расплестъ?

ВЛАДИМИРЪ (съ огорченіемъ.)

Судите по законамъ.

(Уходитъ и всѣ за нимъ, кромѣ ниже-
сльдующихъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТОРОПЪ, ДОБРЫНЯ И ПРЕЛЪПА.

ДОБРЫНЯ.

Какое выйdetъ намъ рѣшенье?

ПРЕЛЪПА.

Вотъ добродѣтели плоды!

ТОРОПЪ.

И вотъ къ служивымъ уваженье!

ПРЕЛЪПА.

Любезный мой! твои всѣ отъ меня бѣды:

Но зрятъ мою невинность боги.

Ширинку съ пѣснію, любви моеи залогъ,

Я ввѣрила тебѣ: кольцо же съ именемъ твоимъ

Хранится въ теремѣ въ ларцѣ съ кольцомъ
моимъ.

ДОБРЫНЯ.

Я вѣрю, милая!

ПРЕЛЪПА.

Не сомнѣвайся, другъ сердечный,

Въ любви моеи къ тебѣ безмѣрной, безконечной.

ДОБРЫНЯ.

Нѣтъ, нѣтъ; умру, тебя любя!

ПРЕЛЪПА.

Какая днесъ насъ ждетъ судьба?

ДОБРЫНЯ.

Какая бѣ ни случилась!

ПРЕЛЪПА.

Лишь только бѣ я съ тобой не разлучилась.

ТОРОПЪ.

Широки бороды, ума палата

У праведныхъ судей!

ПРЕЛЪПА.

Такъ несомнительна и клеветѣ отплата.

ДОБРЫНЯ.

Отъ божества, а не людей.

(Поетъ.)

Знай, зависть челоуѣковъ, злоба

На правду любятъ посягать;

Гоня ее до двери гроба,

Народъ, судей, царей мутягъ.
Но грудь невинная спокойно
Межъ змѣй вокругъ шипящихъ спить;
Горѣ возвышенной подобно,
Смѣясь, на яры волны зрять.

Т О Р О П Ъ .

Да на кого же такъ надѣяться, бодриться,
Коль не оправить насъ судъ?

Д О Б Р Ы Н Я .

На себя.

Т О Р О П Ъ .

Лишь одного?

Д О Б Р Ы Н Я .

Невинность подъ щитомъ всегда небеснымъ
зрится.

П Р Е Л Ъ П А .

И не боится никого.

Т О Р О П Ъ .

Подъ щитъ такой и я, пожалуй, радъ укрыться.
(Въ сторону.)

А правду коль сказать, то такъ и сякъ

На сердць кутермится;

Но съ ними не храбриться

Нельзя никакъ.

(Поютъ съ три голоса.)

Невинность наша намъ отрада,

Она намъ мужество дарить;

Она надежда и отрада,

И твердь на ней и вѣры щитъ.

Что бъ съ нами въ свѣтѣ семъ ни стало,

Должны, благодаря, терпѣть;
Хоть небо бы на насъ упало,
Мы равнодушно встрѣтимъ смерть.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Завѣса въ аркѣ поднимается и представляетъ внутренность храма, наполненнаго кумирами, въ глубинѣ котораго на постепенномъ полукружномъ возвышеніи, въ срединѣ, на облакѣ, богъ Перунъ съ поднятымъ въ обѣихъ рукахъ громомъ, нагнувшись, смотритъ внизъ. При подножіи его на первой ступени царскіи тронъ, а внизу въ прямой линіи алтарь съ вожженнымъ пламенемъ. Съ самаго верху по обѣимъ сторонамъ по ступенямъ вдоль храма полуциркулемъ же стоятъ кумиры прочихъ боговъ. Между ними на гранитныхъ постаментахъ, (изъ коихъ нѣсколько порожнихъ) видны Русскія и иноплеменные (*) знамена. Изъ нихъ первыя на вышинѣ, а послѣднія на низу. Предъ знаменами на каждомъ постаментѣ сидятъ орлы, поднявшіе крылья нѣсколько вверхъ и держащіе въ когтяхъ своихъ на цѣпяхъ серебряные щиты, съ именами городовъ Русскихъ и знаменъ народовъ чужеземныхъ, кои они стерегутъ подъ надзоромъ боговъ. На алтарѣ свитокъ бумаги; вокругъ его Жрецы. На сценѣ Сребробрады, Герольдъ, Силоумъ и Владиміръ; а въ сторонѣ, какъ и прежде, съ перевязанною головою, поддерживаемый Бирючемъ и воинами, Тугаринъ.

В Л А Д И М І Р Ъ (печально).

Свершился ль судъ?

(*) Имена народовъ полуденныхъ должны быть выставлены на щитахъ тѣхъ, которыми обладалъ Владиміръ, и которыя нынѣ подъ другими державами находятся.

СРЕБРОБРАДЫ.

Свершень.

ЖРЕЦЫ (*указывая на алтарь*).

Се здѣсь опредѣленье.

ВЛАДИМІРЪ.

Открыли ль новыя какія преступленья?

СИЛОУМЪ.

Открыта ихъ вина и нѣтъ ужъ въ томъ сомнѣнья.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ!

СИЛОУМЪ.

Самое кольцо, княжна на кое слалась.

Со именемъ его (*указывая на Горыныча*) во доскан-
цѣ сыскалось,

Во теремѣ у ней.

(*Показываетъ кольцо.*)

ТУГАРИНЪ.

Она давно была любовницей моей.

ВЛАДИМІРЪ (*смотря на кольцо
съ удивленіемъ*).

Льзя ль было ожидать сей хитрости въ Пре-
лѣпѣ?

СИЛОУМЪ.

Змѣя, рожденная въ вертепѣ!

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣнница!

ВЛАДИМІРЪ.

Но судъ сей чѣмъ же заключень?

СИЛОУМЪ.

Какъ должно, такъ свершень;
Тебѣ лишь подписать.

ВЛАДИМІРЪ (*Жрецу, указывая
на опредѣленіе, лежащее на ал-
тарѣ*).

Подай! (*Читаетъ*). «Княжну предъ алтаремъ за-
клатъ
«И съ ней сообщниковъ....» — Неправедно рѣ-
шенье!

(*Бросаетъ опредѣленіе.*)

Хотите исполнять?

(*Въ сіе время вдалекѣ слышется тихій громъ.*)

ЖРЕЦЪ.

Се неба изреченье!

СРЕБРОБРАДЫ.

Знать, утвержденъ нашъ судъ.

ВЛАДИМІРЪ (*съ горестію*).

Быть такъ!

(*Падаютъ въ обморокъ на руки къ придворнымъ*).

СИЛОУМЪ (*Герольду*).

Дай знакъ.

(*Герольдъ трубитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добрыня, Прелѣпа, Торопъ и Способа вводятся подъ стражею въ преддверіе храма, окованные цѣпями, изъ коихъ Прелѣпа въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами.

СИЛОУМЪ.

Вамъ казнь присуждена.

ТОРОПЪ.

Ахти!

СПОСОБА.

Онъ бусурманъ!

Не обморочилъ ли меня какой дурманъ?

Не принесла ли я кольцо не то, другое.

СИЛОУМЪ.

О, пустое.

ЖРЕЦЪ.

Покайтесь!

СИЛОУМЪ.

Вамъ часъ дается на прощанье,

Не примется отъ васъ пустое оправданье.

(Отступаетъ со жрецомъ во глубину театра.)

ПРЕЛѢПА И ДОБРЫНЯ *(обнимаясь).*

Д у э т ъ.

Неизбѣжнымъ, страшнымъ рокомъ
Разстаешься ты со мной;
Во стenanіи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой;
Обливаясь слезами,

Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами,
Сердцемъ говорю: прости!

Д О Б Р Ы Н Я .

Прости, любезная, нѣжнѣйшая супруга!
Моимъ ты сердцемъ такъ давно наречена.

П Р Е Л Ъ П А .

Прости, драгою супругъ!
Душа моя съ твоею давно сопряжена.

Д О Б Р Ы Н Я .

Увидимъ ли еще съ тобою другъ мы друга?

П Р Е Л Ъ П А .

Соединится ль нашъ невинный въ небѣ духъ?

Т О Р О П Ъ .

Въ чужомъ пиру и намъ достанется, Способа!

С П О С О Б А .

Пришла бѣда на нихъ, прійдетъ на весь нашъ
родъ.

Т О Р О П Ъ .

Коль сдѣлалось ужъ такъ, для добрыхъ сихъ
господъ,

Пойдемъ мы имъ служить, хотя въ срединѣ
гроба.

(Поютъ попарно въ четыре голоса.)

Руки, грудь, уста и очи

Лобызаю у тебя;

Нѣту силы, нѣту мочи

Отдѣлиться отъ тебя:

Лобызаю, умираю,

Тебѣ душу отдаю;

Иль изъ устъ твоихъ желаю
Душу взять съ собою твою.

Я В Л Е Н І Е V III.

Герольдъ даетъ знакъ трубою и начинается печальная процессія при звукѣ унылаго марша. Главный Жрецъ и его товарищи съ вожженными факелами берутъ изъ преддверія Прелѣпу и прочихъ осужденныхъ и ведутъ во внутренность храма; съ пѣніемъ обводя нѣсколько разъ вокругъ алтаря, ставятъ ихъ на колѣни по обѣимъ сторонамъ алтаря.

Х О Р Ъ Ж Р Е Ц О В Ъ *(тихими басами безъ музыки).*

Внемли, печальная Прелѣпа,
Какъ смерти гласъ тебя зоветъ;
Скрыпъ слушай адскаго заклена,
Который въ мракъ тебя запретъ.
Законы правосудья строги
Пролить насъ осудили кровь;
Но будутъ милосерды боги,
Невинна ваша коль любовь.

Ж Р Е Ц Ъ *(наклоя голову Прелѣпы и занося ножъ).*

Благоволи, Перунъ!

(При послѣднемъ словѣ Жреца ударяетъ страшный громъ; молнія освѣщаетъ храмъ, ножъ изъ рукъ Жреца и оковы съ осужденныхъ упадаютъ. Они встаютъ на ноги. Владиміръ освобождается отъ обморока; на облакахъ является Добрада.)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ПРЕЖНІЯ И ДОБРАДА.

ДОБРАДА.

Речитативъ.

Постой, о, дерзновенный!
Не лей невинну кровь!
Судья лишь заблужденный
Караеть за любовь.
Но чтобъ невинность намъ святую
Умѣть съ злодѣйствомъ различить,
На совѣсть должно прежде злую
Свою вамъ взоръ вашъ обратить.

(Съ симъ словомъ показываются на груди Тугарина, Сребробрадовъ и Силоума огненные надписи, у перваго: злодѣй; а у прочихъ у каждаго: пристрастенъ.)

ВЛАДИМІРЪ.

О, небо справедливо!

ТОРОПЪ.

Ахти! какое диво!

СПОСОБА.

О, если бы у всѣхъ людей
Такія окна въ сердца были!

ТОРОПЪ *(съ стороны).*

Такъ мать бы для судей.

ДОБРЫНЯ.

А благо для Царей.

ДОБРАДА (сошедши съ облака,
которое улетаетъ).

Въ судѣ вы вашемъ погрѣшили;
Я развяжу вамъ узелъ сей
И злыхъ разсыплю мракъ страстей:
Тугаринъ варваръ, чародѣй.

По славѣ о красѣ влюбившійся въ Прелѣпу,
Мысль забралъ въ голову нелѣпу,
Чтобъ, какъ то ни было, ее себѣ достать,
А встрѣтясь случаемъ среди пустыни,
Похитилъ пѣсню онъ у спящаго Добрыни,
Назвалъ ее письмомъ и съ онымъ приступать
Онъ сталъ къ Владиміру съ извѣстною грозою,
Прелѣпу требуя себѣ въ жены.

Но и ее прельстить чтобъ хитростію злою,
Онъ змѣемъ къ ней леталъ, мечталъ ей страш-
ны сны,

Что будто бы сглотилъ Добрыню онъ живаго
И жениха въ себѣ представилъ ей другаго.
Потомъ, у воинства чтобъ бодрость всю отнять
И суевѣріемъ бояръ поколебать.

Онъ къ разнымъ прибѣгалъ коварствамъ, чаро-
дѣйствамъ:

На кровлѣ филиномъ въ полуночи стоналъ,
Русалкою въ лугахъ, сорокой щекоталъ,
И сжегъ бы, погубилъ такимъ бѣсовскимъ дѣй-
ствомъ

Во змѣѣ огненномъ Добрыню наконецъ,
Коль данная бѣ ему мной въ талисманѣ сила,
Во шлемѣ скрытая, огня не отвратила.

Когда же не успѣлъ и тѣмъ хитрецъ,

Употребилъ еще обманъ и вѣроломство:
Засадой скрытою отрѣзалъ ваше войско,
И вѣдъму подкупя, перемѣнилъ кольцо.
Я съ кровли сбросила вечеръ ее въ досадѣ,
Но открываю здѣсь ему и вамъ въ лице
Всѣ мерзости его, къ достойнѣйшей награждѣ.

(Съ силой словомъ прикасается жезломъ къ Тугарину, у котораго изъ-за пазухи выпадаетъ кольцо.)

СИЛОУМЪ *(подилъ оное и раз-
смотря въ немъ надпись, чи-
таетъ).*

Добрыни даръ Прелѣпѣ!

ВЛАДИМІРЪ *(съ восторгомъ).*

Добрыни даръ?

СИЛОУМЪ *(печально).*

Такъ, ахъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Вотъ, честные судьи, вы правду чли въ поклепѣ.
Сколь осторожнымъ быть вамъ надлежитъ въ
судахъ!

СРЕБРОБРАДЫ *(протягивая шею).*

Взноси ударъ!

СПОСОБА *(Торопу).*

И головы бояръ, вотъ видишь, пошатнулись.

ТОРОПЪ *(Способь).*

Ну, какъ же быть, мой другъ, всей vareю споткнулись.

ПРЕЛѢПА.

О, чудеса чудесъ!

Д О Б Р Ы Н Я .

Судъ праведенъ небесъ!

Д О Б Р А Д А .

Родителями мнѣ Прелѣпа и Добрыня
Съ издѣтства ввѣрены: то ихъ покину ль нынѣ?
Добрыня, Прелѣпа, торопѣ и способа.

(Поютъ.)

О, великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Намъ утѣха и отрада!
Токъ отерла нашихъ слезъ.
Какъ тебѣ мы благодарны!
Но пролей лучъ свѣтлозарный
На влюбленные сердца
И ущедрь насъ до конца!

С И Л О У М Ъ .

Мы чувствуемъ вину и наше преступленье.

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы (кланяясь).

И просимъ о прощеньѣ.

(Поютъ.)

О, великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Ты невинности награда,
Нашихъ зеркало очесъ!
Смилосердися надъ нами
И избавь насъ отъ стыда;
Не клейми ты насъ лучами
Наши груди никогда.

Т У Г А Р И Н Ъ (съ зѣвскимъ видомъ).

Я чувствую, огонь мое все сердце жжетъ:

Но скоро, скоро онъ потухнетъ и пройдетъ;
Досада, месть его и злоба задушаетъ.

ГОРОПЪ И СПОСОБА (поютъ).

О, великая Добрада!

Благъ виновница, чудесь!

Намъ утѣха и отрада!

Токъ отерла нашихъ слезъ.

Но прорѣжь въ грудяхъ окошки

У вельможъ и у судей,

Чтобъ въ ягнячьихъ кожахъ кошки

Близко не жили царей.

ДОБРАДА.

Не отъ волшебницъ, а царей зависить

Творить счастливыми людей:

Кто хочетъ благо ихъ возвысить,

Владыка прежде будь тотъ собственныхъ стра-
стей.

ВЛАДИМІРЪ.

Добрада! но и Царь такой же человѣкъ.

ДОБРАДА.

Великій это Князь Россійскій мнѣ изрекъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! я слабостью себя не извиняю.

Коль сродника подвергъ, невѣсту я подъ судъ.

Нарушить истины законовъ не дерзаю

И боги отъ меня пускай мой тронъ возьмутъ!

Ужъ не въ моея теперь Прелѣна больше власти:

Поди ты отъ меня съ опасной красотой!

Но что я говорю! — Лишусь нѣжнѣйшей стра-
сти?

Она въ душѣ моей: нѣтъ, нѣтъ, княжна, стой!
Я плѣнникъ! — Но я кто? — Великій Князь Рос-
сійскій!

Полсвѣта можетъ ли ужъ мнѣ послушнымъ
быть,

Когда владѣютъ мной самимъ желанья низки?
Могущъ лишь только тотъ, себя кто побѣдитъ.
Добрыня и княжна! хоть вами я страдаю,
Но быть во князѣ вамъ хочу теперь отцомъ:
Подайте мнѣ, я васъ сочетаваю!

(Соединяетъ ихъ руки.)

Царь счастливъ, гдѣ краса и храбрость подъ
вѣнцомъ!

ДОБРЫНЯ И ПРЕЛѢПА *(упадала на
коляни и цѣлуя его руки).*

Великая душа! Великій Государь!

ВЛАДИМИРЪ *(оборотясь къ Го-
ропу и Способъ).*

И вѣрныхъ также слугъ да наградить мой даръ.
(Къ судьямъ.)

Прощаю я и васъ, судьи несправедливы.
(Вѣтъ они упадаютъ на коляни).

(Къ Тугарину.)

Тугаринъ! и ты не плѣнникъ больше мой.

ТУГАРИНЪ.

Отъ слабости такой сраженъ мой духъ кичли-
вый!

Скорѣе, адъ, меня отъ милосердья скрой!

*(Срываетъ съ головы перевязку и упадаетъ
на руки поддерживающихъ его бирюча и во-
иновъ, которые уносятъ его за кулисы.)*

ХОРЪ ВСЕОБЩІЙ (на колѣняхъ).

И побѣдитель всей вселенной
Не столь великъ, какъ тотъ герой,
Кто силою своею душевною
Побѣду спичетъ надъ собою
И кто достоинства умѣетъ
Подвластныхъ зрѣть и отличать:
Великодушію довлѣетъ
Себя съ безсмертными равнять.

ВЛАДИМІРЪ.

Возстаньте! — Честь сія Добрынина и слава!
Се воинство ему безсмертну пѣснь поетъ!

(Слышно пѣніе входящихъ въ городъ войскъ.)

ХОРЪ ДРЕВНІЙ РУССКІЙ.

Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодець,
Сильный, могучъ богатырь,
Добрыня-то, братцы, Никитъевичъ.
Да ѣдетъ съ нимъ его Торопъ слуга
И сражается онъ съ Тугаринымъ;
У Тугарина, собаки, крылья бумажныя:
Леталъ онъ, собака, по поднебесью
И палъ онъ, собака, на сыру землю.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Отрядъ войскъ вноситъ въ храмъ знамена русскія и бунчуки татарскіе, изъ коихъ первыя ставятъ въ порожнихъ постаментахъ на полукружномъ возвышеніи, а послѣдніе внизу, вдоль храма, позади сидящихъ на нихъ орловъ, и, помѣстя ихъ, уходятъ.

ТОРОПЪ.

Гдѣ есть Добрыня, та пресчастлива держава;

Межъ ними добрый Царь, какъ маковъ цвѣтъ,
цвѣтетъ.

СПОСОБА.

Какъ соты съ молокомъ народъ весь услажда-
ютъ,

Гдѣ благу общему всѣмъ служить животомъ.

ТОРОПЬ.

Чрезъ нихъ поля и города блистаютъ.

ПРЕЛѢПА.

Ихъ должность точно въ томъ....

ДОБРЫНЯ.

Чтобъ жить и умереть съ Царемъ.

ДОБРАДА (*сперва важно, а по-
томъ съ пророческимъ изступленіемъ*).

Въ примѣрномъ для царей твоемъ, князь, дѣлѣ
этомъ

Рѣшенъ двухъ жребіи царствъ: Россія возра-
стетъ:

Верхъ надъ Измаиломъ со временемъ возьметъ,
Великодушіе ея управитъ свѣтомъ.

Я вижу въ будущемъ: великій нѣкій Богъ
Воздвигъ на Сѣверѣ Свой храмъ, алтарь, чер-
тогъ;

Страна сія Его лучами озарилась,
Нечестья, суевѣрствъ, волшебствъ исчезла тма;

Свѣтъ, истина въ царяхъ и людяхъ водвори-
лась,

Россіянъ славою вселенная полна!

Такъ, вижу я сіе, вѣкъ зрю грядущихъ благъ,
Дрожитъ нашъ сонмъ боговъ: Владиміръ! ты
въ лучахъ!

Что сбудется сіе, то бракъ вы торжествуйте
И славу вашу вамъ симъ днемъ предзнаменуйте.

*(Машетъ жезломъ, спускается облако, на
которомъ она улетаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Владиміръ садится на тронъ; жрецы становятся по обѣ стороны алтаря; Сребробрады, Силоумъ, герольдъ и дворъ по обѣ стороны трона на второй ступени, теремныя дѣвицы съ золотыми въ рукахъ цитрами занимаютъ мѣсто на третьей; на четвертой богатыри съ позлащенными на головахъ шлемами, а на грудяхъ щитами и съ палицами въ рукахъ, на которыя опираются. Прелѣпа, Добрыня, Торопъ и Способа непримѣтно удаляются съ театра, а на мѣсто ихъ, въ лицѣ ихъ и поѣзжанъ, юношей и дѣвъ народныхъ, выходятъ фигуранты въ богатыхъ одеждахъ и танцуютъ балетъ, въ которомъ представляется Добрынина свадьба по древнимъ русскимъ обрядамъ, то есть: 1) женихъ и невѣста въ великолѣпномъ послѣдованіи входятъ во храмъ, идутъ на тронъ и цѣлуютъ руку у Великаго Князя; 2) сошедши оттуда, садятся на своихъ мѣстахъ; конюшій и наперсница становятся за ними, и тогда же усыпаютъ путь ихъ хмелемъ; 3) обмахиваютъ ихъ соболями; 4) чешутъ волосы гребнемъ; 5) подносятъ имъ на золотыхъ блюдахъ и въ золотыхъ кринахъ съ патокой каравай и кашу: что все совершается подъ особливыми хорами, или свадебными пѣснями, которыя слѣдуютъ ниже.

ХОРЪ I.

(Когда Добрыня и Прелѣпа всходятъ ко Владимиру на тронъ принимать отъ него отеческое благословеніе.)

Катилося зерно по бархату,
Еще то ли зерно бурмицкое,

Прикатилося зерно ко яхонту:
Крупенъ жемчугъ, яхонтъ свѣтитъся.
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Хорошъ Добрыня со Прелѣпою.

Х О Р Ъ П.

*(Когда женихъ и невѣста сходятъ съ трона, чтобъ спсть
на своихъ мѣстахъ и путь ихъ усыпается хмелемъ.)*

Вьется, вьется хмель золотой
Около тычинки серебряной;
Идетъ, идетъ князь молодой
Объ руку княгини возлюбленной.
Сыпьте, сыпьте хмель на пути,
Весело бъ имъ жизнь провести.

Х О Р Ъ Ш.

(Когда ихъ облахиваютъ соболями.)

Не тихіе вѣтры попархиваютъ,
Не солнечный жаръ и зной холодятъ;
Но черные соболи помахиваютъ,
Нѣгу, богатство, довольство сулятъ.

Ой люли, сулятъ

Князьямъ молодымъ:

Ой люли, сулятъ

Жить счастливо имъ.

Х О Р Ъ ІV.

*(Когда ихъ чешутъ гребнемъ, расплетая у невѣсты косу
и надъвая на нее кичку.)*

Гребень бѣлый чешетъ голову,
Кудри златы, косы черныя;
Такъ-то время строить участи,
Разумъ людямъ даетъ почести.
Ой меля! ой ладо! почести,

И дружбу, и согласіе,
Во всемъ благопоспѣшіе.

ХОРЪ V.

(Когда ихъ кормятъ караваемъ и кашею и поятъ сытою.)

Какъ патока златистая,
Бѣлоярово пшено съ сытой,
Жизнь спокойна ваша чистая
Такъ сладко потечеть струей:
А мы на пиру здѣсь, на свадебкѣ,
Пожелаемъ всего добраго,
Здоровья вамъ и добрыхъ дней.

ХОРЪ VI (Владимиру).

И воскликнемъ въ громкой радости:
Слава Царю доброму,
Кроткому, великодушному:
Отличаетъ добродѣтели!
Слава ему, слава, слава!

(¹) Театральное представленіе «Добрыня» сочинено на Званкѣ въ 1804 году; напечатано въ 1808 году. Поэтъ воспользовался здѣсь многими старинными сказочными преданіями.

СЛН.

ПОЖАРСКІЙ,

ИЛИ

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ. (1)

**ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ
ХОРАМИ И РЕЧИТАТИВАМИ.**

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Нужнымъ почитаю предувѣдомить, что, желая посредствомъ театра оживить въ памяти любезнаго отечества моего то знаменитое героическое происшествіе, въ которомъ всѣ состоянія его соучаствовали и, стяжавъ себѣ бессмертную честь и славу, показали истинную великость духа Россіянъ, каковую въ нынѣшнія времена въ подобномъ случаѣ нѣкоторые народы и ихъ вожди напрасно, кажется, себѣ присвояютъ, — взялъ я характеры дѣйствующихъ лицъ (дабы тѣмъ зрѣлище удостовѣрительнѣе казалось) изъ самыхъ дѣяній, бытописаніями и преданіями намъ свидѣтельствуемыхъ. Любопытный благоволитъ прочесть *Ядро Россійской Исторіи* и прочія лѣтописи увидитъ, правильно ли мною извлечены изъ самыхъ дѣлъ характеры. По истинѣ, когда *Пожарскій*, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время принялъ на себя главное предводительство собраннаго войска; не поступилъ по тогдашнимъ обычаямъ жестоко со злодѣями, на убійство его покушавшимися; не прельстился богатствомъ бояръ, изъ осажденной Москвы имъ выпущенныхъ; не обходился съ плѣнниками сурово, какъ другіе, которые ихъ имѣніе ограбили, а самихъ лишили жизни; не принялъ короны, отъ народа ему поднесенной,

какъ нѣкоторые иностранные писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возложилъ ее на наследника по крови Царской, учредя монархическое правленіе: то не былъ ли онъ герой высшей степени, человѣкъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало Исторія представляетъ и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣдя которыхъ, никто великимъ почитаться не можетъ? — Когда *Трубецкой* не былъ съ нимъ въ союзѣ, не содержалъ въ должномъ порядкѣ войскъ своихъ, такъ, что запрещено было имъ сообщаться съ его станомъ, не далъ въ нужныхъ случаяхъ *Пожарскому* помощи, не удаллъ отъ себя явнаго злодѣя *Заруцкаго*: то чему приписать сіе, какъ не скрытымъ видамъ самолюбія, зависти и желанія властвовать надъ всѣми; каковымъ страстямъ нерѣдко подвержены бывають самые знаменитые, славные, однако не великіе люди, которыхъ довольно Исторія и настоящія времена намъ показываютъ? — Когда *Мининъ*, изъ пламенной ревности къ своему Отечеству, для избавленія его отъ ига иноплеменныхъ, принесъ на жертву все свое имущество, подвигъ примѣромъ своимъ къ тому же народу, совѣтовавъ ему и въ вожди себѣ избрать *Пожарскаго*: то какъ его иначе представить, какъ не горячаго, твердаго духа человѣкомъ, достойнымъ во всѣ времена почтенія и удивленія? — Когда *Абрамій Палицынъ*, употребляя себя на увѣщеваніе народа къ ополченію чрезъ

многія письма, отважился лично на опасности, уговаривая въ помощь Пожарскому взбунтовавшихся Казаковъ и не употребилъ во зло сокровищъ, монастырями ему ввѣренныхъ: то какъ не признать въ немъ преподобнаго, святаго мужа, достойнаго прославленія въ потомствѣ? — Напротивъ того, когда *Заруцкій*, попускаясь Казакамъ своимъ явные грабежи и разбои, не былъ не только усерднымъ содѣйствователемъ ни Трубецкому, ни Пожарскому, но совокупясь тайно съ Мариною и женись потомъ на ней, наносилъ вредъ государству, такъ, что даже сообщники его, и по немъ, въ отмщеніе смерти его, разоряли Низовыя страны: то какъ не описать его самыми мрачными красками, какъ злѣйшаго врага и измѣнника? — Наконецъ, когда *Марина*, послѣ содержанія ея въ Ярославлѣ подъ присмотромъ, бывъ безвредно освобождена, прибѣгала еще къ разнымъ проискамъ, признавая нѣсколькихъ самозванцевъ Лжедмитріемъ, мужемъ своимъ, имѣла съ ними любовныя обращенія и, добиваясь всѣми мѣрами престола, переѣзжала изъ мѣста въ мѣсто, переодѣваясь иногда въ мужское воинское платье и сядясь на коня, пускалась въ опасности: то какъ не изобразить въ ней предпріимчивую, властолюбивую, хитрую прелестницу и чародѣйку, каковою и преданіе ее называетъ? Словомъ: всѣ сіи характеры и прочихъ лицъ, упоминаемыхъ косвенно въ монологахъ, взялъ я, ничего къ нимъ не прибавляя, точно изъ Исто-

ріи; а по свободѣ поэзиі вымыслилъ только нѣ-
 которыя вводныя происшествія, какъ-то: по-
 жарь, любовныя увеселенія и прочія для связи
 и пріятности зрѣлища. Но всѣ однако событія,
 въ разныхъ мѣстахъ и временахъ случившіяся,
 по правиламъ драматическимъ привелъ я въ
 одну точку зрѣнія; а дабы торжественное сіе
 дѣяніе, воспричинствовавшее благоденствіе
 Имперіи и донинѣ существующее, не было зрѣ-
 лищемъ скучнымъ и мрачнымъ, подобно тра-
 гедіи: то украсилъ я его великолѣпіемъ, свой-
 ственнымъ операмъ, придавъ ему разныя деко-
 раціи, музыку, танцы и даже виды самаго вол-
 шебства. Но чтобъ съ другой стороны оно не
 потеряло въ семъ блескѣ принадлежащей ему
 героической важности и силы: то нѣкоторымъ
 лицамъ далъ я довольно трогательныя и про-
 странныя монологи, но избавилъ однако ихъ
 вовсе отъ пѣнія и плясокъ имъ неприличныхъ,
 предоставляя то единственно статистамъ только
 въ балетѣ, хорахъ и речитативахъ. Когда тако-
 ваго рода зрѣлище пріобрѣтетъ благоволеніе
 публики, то останусь довольнымъ, что трудъ
 мой не былъ тщетнымъ: впрочемъ не думаю я,
 чтобы кто изъ соотечественниковъ и потомковъ
 тѣхъ народовъ и лицъ, которые въ семъ про-
 исшествіи соучаствовали, нашелся тѣмъ недо-
 вольнымъ, что не въ такомъ свѣтѣ кто либо
 изъ нихъ представленъ, какъ бы ему желалось.
 А ежели бы и сіе случилось: то предоставляю
 всякому судить о томъ, какъ угодно, вѣдая, что

эпическія и драматическія поэмы (разумѣется трагедіи) удобнѣе составляются изъ временъ самыхъ отдаленныхъ, героическихъ и баснословныхъ, въ темнотѣ коихъ свободнѣе скрывается анахронизмъ, блистаетъ чудесность и усипляется личность. Но когда предметъ взять почти изъ Новой Исторіи, или близко намъ современной: то хотя первыя и не совсѣмъ инымъ покажутся правдоподобными, но отъ послѣдняго ни коимъ образомъ избѣжать не возможно; а потому и не извиняюсь я какими либо пространными разсужденіями, коихъ бы достаточно къ оправданію принести было можно, но довольствуюсь только припомнить слѣдующій стихъ г-на Ломоносова:

*«Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради васъ пою, — для правды....»*

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Князь Пожарскій,	} вожди Русскіе.
Князь Трубецкой,	
Миницъ, купецъ Нижегородскій и казначей войска Пожарскаго.	
Марина, жена Лжедмитрія, чародѣйка.	
Заруцкій, казачій гетманъ, союзникъ войска Трубецкаго.	
Авраамій Палицынъ, келарь Троицкой Лавры, въ видѣ престолюдима.	
Послы Польскіе.	} Всѣ безъ рѣчей, а составляются толь- ко изъ нихъ хоры, речитативы и бале- ты.
Дума бояръ.	
Межаковъ, есаулъ Заруцкаго.	
Жены } боярскія.	
Дѣти }	
Гражданки.	
Жильцы Московскіе, дворяне, гости и стряпчіе.	
Прислужники и прислужницы Маринины, въ видѣ охотниковъ, амуровъ и проч.	
Трубачъ.	
Гонецъ.	
Войска Русскія и Польскія.	
Казакъ.	
Народъ.	

Дѣйствие происходитъ въ окрестностяхъ Москвы и въ Кремль.

ПОЖАРСКІЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ, при захожденіи солнца, Москву со стороны Петровскихъ Воротъ; вдали дымъ и изрѣдка слышны пушечные выстрѣлы отъ осады Трубецкаго; вблизи въ дубравѣ станъ Пожарскаго: воины сидятъ кругами и варятъ кашу.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ ПЕРВАГО КРУГА.

Ядры пусть летятъ ревучи,
Воютъ вѣтры, черны тучи,
Молнии блещутъ средь громовъ;
Смѣло идемъ на враговъ.

ВСѢ КРУГИ ВООБЩЕ.

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ;
За отечество поремъ.

ХОРЪ ВТОРАГО КРУГА.

Злобно пусть враги ярятся
За стѣнами защищаться:
Не трепещетъ Русска грудь,
Намъ на стѣны весель путь.

ВСѢ КРУГИ ВООБЩЕ.

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ;
За отечество поремъ.

М И Н И Н Ъ.

А какъ, и почему?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Ужъ Дума къ Владиславу (5)
Отправила пословъ. — Не знали развѣ вы?

М И Н И Н Ъ.

Зачѣмъ?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Чтобъ взялъ себѣ онъ Русскую Державу.

М И Н И Н Ъ.

Избави, Господи, отъ чуждой насъ главы!
И на измѣну ту нашъ пастырь согласился?
И намъ къ Москвѣ нейти?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Онъ даже и поднесъ
Съ отъѣзда моего терпѣль, страдалъ, крѣпился.

М И Н И Н Ъ.

О, добрый Пастырь душъ!

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Я въ сей одеждѣ здѣсь (6)
Нарочно кроюся давно ужъ потаенно,
Чтобы увѣдомить о всемъ подробно васъ,
И какъ противъ враговъ вамъ вестъ себя на-
дежно.

Но вождь вашъ—ты?

М И Н И Н Ъ.

Я?—Нѣтъ!—Пожарскій, храбрый князь.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Гдѣ жъ онъ?

М И Н И Н Ъ.

Тамъ въ таборѣ, иль такъ я полагаю;
Не озираетъ ли онъ Трубецкаго станъ
И положенье мѣстъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Сего не понимаю,
Зачѣмъ бы Трубецкой къ вамъ не явился самъ.

М И Н И Н Ъ.

Что жъ?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Чудный это вождь! Ему быть должно раду
Прибытью вашему и съ лаской встрѣтитъ васъ.

М И Н И Н Ъ.

А развѣ чувствуетъ какую онъ досаду?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Я не скажу того; но пѣкѣй тайный гласъ
Здѣсь носится, что онъ Пожарскаго не любитъ,
Быть можетъ, слухъ пустой, иль зависть ино-

гда —

Ты знаешь, что вождей она нерѣдко губитъ.

М И Н И Н Ъ.

Великихъ прямо душъ толь низка страсть чужда.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Но можно же сказать за тайну между нами,
Что властолюбіе и первенство чиновъ
Вертѣло и вертитъ большими головами.

М И Н И Н Ъ.

Стеречься должно намъ, изъ сихъ я вижу словъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Не худо. Да и твой каковъ начальникъ свой-
ствомъ?

Тожъ не подверженъ ли онъ слабостямъ ка-
кимъ?

М И Н И Н Ъ.

Наполненъ честностью и истиннымъ герой-
ствомъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Да сила Божія всегда пребудетъ съ нимъ!

Однако говорятъ, что будто онъ женами

Бываетъ уловленъ, ихъ нѣжностью плѣнясь.

Всего опаснѣе сражаться съ красотами!

Марининыхъ волшебствъ, прелестныхъ силу
глазь,

Я мню, ты вѣдаешь по всепародну слуху,

Что, обольстя собой Отрепьева она,

Поджогу хитростями коварному вливъ духу,

Взнеслась съ нимъ на престоль, какъ изъ-за
тучъ луна.

Да и по немъ еще доднесь не унываетъ;

Но многихъ лжецарей, подъ именемъ его,

Назвавшись женой, вновь скиптра достигаетъ.

Тушинскаго на дняхъ, въ Коломнѣ, своего,

Хоть успокоила, но тайными путями

Вѣзжаетъ и въ Москву, всѣхъ ссорить и му-
титъ

Бояръ своей красой. Сегодня съ Поляками,

А завтра съ Русскими вновь брачиться манитъ;

По рощамъ, по садамъ лѣтъ свой ядъ зловидной.

Заруцкій весь ея, — и словомъ: въ хитростяхъ

Со златосеребряной сверкающей ехидной

Віющейся она похожа во цвѣтахъ.

Самъ ею Трубецкой, какъ очарованъ, ходитъ;

Обрывшись въ таборѣ, хотя и стыдъ несетъ,
Но войскъ своихъ на брань нимало не готовитъ;
Стоитъ, не дѣйствуетъ: его какъ будто нѣтъ.
И о своемъ вождѣ, тобой толь восхваленномъ,
Злорѣчный до моихъ достигнулъ слухъ ушей:
Что кто-то зрѣлъ его во образѣ смятенномъ,
Отъ взгляда одного Марининыхъ очей.

М И Н И Н Ъ.

Все можетъ быть: но гдѣ ему въ нее влюбиться?
Въ деревнѣ на одрѣ онъ съ годъ лежалъ отъ
ранъ

И я всегда съ нимъ былъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Мнѣ должно согласиться,
Коль такъ ты говоришь.

Я В Л Е Н І Е Ш.

Т Ъ Ж Е И П О Ж А Р С К І Й.

(Съ нѣсколькими нижними чиновниками.)

П О Ж А Р С К І Й *(чиновникамъ).*

Обвестъ вокругъ цѣпью станъ,
И безъ меня ни кто бѣ!...

(Чиновники кланяются и уходятъ.)

М И Н И Н Ъ *(Палицыну).*

Вотъ воинствъ предводитель.
(Пожарскому.)

Отецъ Авраамій здѣсь.

п о ж а р с к и й.

Ахъ, преподобный другъ!

Позволь себя обнять.

п а л и ц ы н ь.

Почтенный повелитель!

Безмѣрной радостью объять теперь мой духъ,
Что ты вождемъ у насъ.

п о ж а р с к и й.

А я и не примѣтилъ,

Что на себя ты взялъ простонародный видъ:
Здоровъ ли ты, отецъ?

п а л и ц ы н ь.

Нарочно такъ васъ встрѣтилъ,

Что злоба по пятамъ вездѣ меня слѣдитъ:
Но Богъ хранить еще.

м и н и н ь.

Онъ вѣрнымъ щитъ отъ мести.

п о ж а р с к и й.

Что дѣлаютъ въ Москвѣ? и какъ нашъ Гермо-
генъ?

м и н и н ь.

Не такъ-то, говорятъ, тамъ радостныя вѣсти:
Злѣ настырь страждетъ сей отъ чадъ своихъ,
измѣнъ,

Томится муками и силятся Бояре,

Чтобы прещенье онъ послалъ свое на насъ.

п о ж а р с к и й.

Чтобъ намъ нейти къ Москвѣ?

м и н и н ь.

Какъ громы, клятва яра

Ужасна воинству.

п а л и ц ы н ь.

И тѣ ограблены отъ хищныхъ сихъ волковъ.
Порфира царская и мантия Іерарша,
Клейноды, утвари безъ перлъ въ грязи лежатъ;
Въ чертогахъ, въ алтаряхъ кони, и не Монарша
Столица днесь Москва, но дебрь звѣрей, засадъ,
Гдѣ жалости, стыда и людскости не знаютъ,
Но женъ и дѣвъ влекутъ на всенародный срамъ:
А вожди, стоя вкругъ, въ ладоши ударяютъ.

п о ж а р с к і й.

Но что же дѣлаютъ бояра русски тамъ?

п а л и ц ы н ь.

Сквозь пальцы зрятъ.

п о ж а р с к і й.

Какъ! какъ! Или погасло чувство
Въ нихъ челоуѣчества, къ отечеству любви?
Быть можно плѣнникомъ, но не сносить рас-
путство.

Зрѣть Россу Россовъ стыдъ! Пожарскій, не
живи!

м и н и н ь.

Закрой свой, Мининъ, зракъ!

п а л и ц ы н ь.

Се неба наказанье!

п о ж а р с к і й.

Знать, обезумѣли! Какая польза въ томъ,
Чтобъ зрѣть отечество въ толикомъ поруганьѣ?
Не лучше ль умереть, чѣмъ подлымъ быть ра-
бомъ?

п а л и ц ы н ь.

Корыстолюбца духъ, собою зараженна,

Народной гордости и благородства чуждъ;
Златая цѣпь, ему тираномъ наложена,
Милѣй всего, — и для своихъ онъ нуждъ,
Для низкихъ прихотей какъ червь въ пыли вла-
чится.

Онъ не заботится, въ объятьи нѣги спитъ:
Вотъ пагубныхъ вельможъ живое описанье
И изъясненье ихъ къ отечеству любви!
Хотя Россія вся теперь въ тоскѣ, въ стenanъѣ,
Погружена въ слезахъ, обaгрена въ крови;
Но дремлетъ сонмъ бояръ, не зрять на честь и
славу,

А богатѣть на счетъ лишь обща мнить вреда.
За вотчинами шлютъ, за златомъ къ Владиславу
И бьютъ ему челомъ безъ всякаго стыда,
Чтобъ имъ награду далъ за бунтъ и за измѣну.

П О Ж А Р С К І Й.

Что жъ онъ?

М И Н И Н Ъ.

Я мню, онъ радъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Измѣна хоть мила,
Измѣнникъ нетерпимъ. Но онъ не казнь въ за-
мѣну, —
Имъ обѣщаетъ все.

М И Н И Н Ъ.

Москва бѣ его была.

П О Ж А Р С К І Й.

О, подлыя сердца! лъзя ль чтить въ васъ благо-
родство,
Коль пьете своего отечества вы кровь?

Но въ Русскихъ есть еще душъ нѣкихъ пре-
восходство,
Которыхъ къ истинѣ животворитъ любовь.

(Въ сторону.)

Хотя, къ несчастію, они и рѣдко видны.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Въ тебѣ подпору, Князь, одномъ Россія зреть.

М И Н И Н Ъ.

Надежда ты!

П О Ж А Р С К І Й.

Хвалы излишнія обидны.

Что сдѣлать я могу? — Одинъ скуделенъ щить.

Но властью ваша коль любовь меня почтила

И продолжите вы ее: готовъ, друзья,

При вашихъ знаменахъ стоять, поколь есть сила.

М И Н И Н Ъ.

Пролью въ виду твоємъ мою всю кровь и я.

П О Ж А Р С К І Й.

Ступайте! Богъ....

Я В Л Е Н І Е І V.

Т Ъ Ж Е И К Н Я З Ъ Т Р У Б Е Ц К О Й.

(Съ нѣсколькими соинами.)

М И Н И Н Ъ (тихо Пожарскому).

Смотри, будь съ нимъ ты остороженъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Хоть медленно, но вы пришли. Безмѣрно радъ.

П О Ж А Р С К І Й.
И мы: скорѣйшій намъ походъ былъ невозмо-
женъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.
Во ожиданьи васъ я осадилъ ужъ градъ.

П О Ж А Р С К І Й.
Препятства многія....

М И Н И Н Ъ.
На жизнь даже ехидны
Дерзали.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.
Чью?

М И Н И Н Ъ *(указывая на Пожар-
скаго)*.
Его.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Какъ такъ?

П О Ж А Р С К І Й.

Въ толпѣ ножемъ.

М И Н И Н Ъ.

Невидимо его спасъ Промыслъ непостижный.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

А умыслъ чей?

П О Ж А Р С К І Й.

Еще не спрошены о томъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Но какъ же мѣръ не брать къ спасенью вашей
жизни

И о сообщникахъ не поспѣшите узнать?

П О Ж А Р С К І Й.

О безопасности долгъ прежде бдѣть отчизны.

МИНИНЪ.

Подъ стражей крѣпкой я велѣлъ ихъ содержать.

ТРУБЕЦКОЙ.

Я очень радъ, и.... что меня вы подкрѣпили.

ПАЛИЦЫНЪ.

Князь, у тебя своихъ есть силъ....

ТРУБЕЦКОЙ.

На обоихъ

Когда бы войскъ полки мы днесъ совокупили,
На приступъ бы пошли. — Надежнѣй мечъ въ
однѣхъ

Рукахъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Конечно такъ.

МИНИНЪ.

Своихъ ведемъ мы сами.

ТРУБЕЦКОЙ (смотря на Минина).

Кто сей простолюдимъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Почтенный Мининъ, тотъ

Нижегородскій гость, что щедрыми руками
Принесъ богатства въ даръ и возбудилъ народъ
Къ спасенію Москвы.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сокровище небесно

Дабы себѣ обрѣсть.

ПОЖАРСКІЙ.

Безсмертія вѣнцы.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ доблести примѣры! вотъ дѣло славно, че-
ство,

И благородство чѣмъ должны стяжать купцы!
Отличный гражданинъ! прости, что недовольно
Почтилъ тебя, узря теперь я въ первый разъ.

(Въ сторону.)

Горячая глава!

М И Н И Н Ъ.

Незнание не больно.

Я, можетъ быть, тебя самъ огорчилъ чѣмъ,
Князь?

(Слышитъ гласъ трубы.)

Я В Л Е Н І Е V.

Т Ъ Ж Е И П О Л Ъ С К І Й Т Р У Б А Ч Ъ

(держаций въ одной рукѣ трубу, а въ другой письмо, приводится съ завязанными глазами воинами Пожарскаго).

П О Ж А Р С К І Й.

Кто тамъ? Трубачъ!

П А Л И Ц Ы Н Ъ *(принимаетъ письмо, а трубача тотчасъ воины уводятъ назадъ).*

С ъ П И С Ь М О М Ъ.

П О Ж А Р С К І Й.

Ч ѣ м њ ?

П А Л И Ц Ы Н Ъ *(посмотря на надпись).*

Вижу, Гермогена.

П О Ж А Р С К І Й.

О чемъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Прочти; знать, слезъ Москвы не могъ стерпѣть.

МИНИНЪ.

Не ужто намъ претить спасать Москву отъ
плѣна?

ТРУБЕЦКОЙ.

И мужу праведну страшна бываетъ смерть.

ПОЖАРСКІЙ *(когда онъ развертываетъ письмо, то выпадаетъ изъ онаго маленькая записочка. Читаетъ).*

«Растерзанъ, изнуренъ, палачь надъ головою
Занесъ уже топоръ! Народъ весь вопіетъ,
Налегъ синклитъ бояръ! — Я слабою рукою,
Но гласомъ пастырскимъ прещу: да проклять
тотъ,

Кто шагъ къ Москвѣ....»

МИНИНЪ.

Ахти!

ПОЖАРСКІЙ.

Увы!

ТРУБЕЦКОЙ.

Велѣнье слезно!

ПАЛИЦЫНЪ.

Тяжелъ народный стонъ! Такъ добръ былъ, па-
стырь, ты!

Прости теперь уже, отечество любезно!

Но что за нисъмецо? *(Поднимаетъ.)* Его же то
черты

И мелко, мелко такъ, что я не разбираю.

(Отдаетъ Пожарскому.)

П О Ж А Р С К І Й *(читаетъ)*.

«Благословенъ грядый отечество спасать!
Дерзайте! Съ нами Богъ! — Спокойно умираю.»

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Вотъ голосъ пастырскій! Онъ клятву намъ по-
слать

Былъ долженъ изъ-подъ мукъ.

М И Н И Н Ъ.

Онъ не живъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Славенъ въ роды!

П О Ж А Р С К І Й.

Завиденъ жребій тѣхъ и посреди оковъ,
Кто такъ прекрасно свой долгъ отдаетъ природы!
И казню пролить за Вѣру сладко кровь.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Намъ должно лишь теперь о томъ распорядиться,
На приступъ какъ итти.

П О Ж А Р С К І Й.

Сзовемъ къ тому совѣтъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Тутъ дѣло больше въ томъ, чтобъ войскамъ
съединиться.

П О Ж А Р С К І Й.

Пусть такъ.

М И Н И Н Ъ *(Трубецкому)*.

Нѣтъ! я сказала, что Мининъ не пойдетъ
Безъ общаго на то согласія съ народомъ;
Казна его.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Постой, подумай, не сердись;

Согласіе вождей на брань передъ походомъ
Порука торжества. Послушай и рѣшись
Итти въ совѣтъ. Ты тамъ свои причины ска-
жешь.

М И Н И Н Ъ .

Не медлить бы.

П О Ж А Р С К І Й .

Хотя къ себѣ попросимъ въ станъ.

М И Н И Н Ъ (*Пожарскому*).

Къ тебѣ итти? — Иду.

Т Р У Б Е Ц К О Й (*Минину*).

Куда, къ кому прикажешь;

Я только воинамъ моимъ приказъ отдамъ.

(*Приказываетъ на ухо воинамъ. Пожарскій, Па-
лицынъ и Мининъ, а потомъ и воины уходятъ.*)

Я В Л Е Н І Е VI.

Т Р У Б Е Ц К О Й (*оставшись одинъ,
въ размышленіи, посмотрѣвъ за ними въ слѣдъ*).

Породой, саномъ я Пожарскаго знатнѣе

И старѣй лѣтами, — мнѣ ль съ нимъ быть на-
равнѣ?

Подъ нимъ же службу несть еще того страннѣе;

А Мининъ, да и онъ, не подчинятся мнѣ

И исполнять моихъ намѣреній не станутъ:

Такъ нѣтъ надежды мнѣ достичь моей мѣты.

А громы общіе хотя на градъ и грянутъ,

Но войскъ я не глава: такъ вздоръ мой мечты.

(*Увидя стражу.*)

А, стража! — Да, тамъ ждутъ.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ представляетъ ночь. Подъ предводительствомъ сотника выходитъ отрядъ воиновъ и часовыми занимаетъ притины около лагеря. Изъ остальныхъ учреждается стража, которая оружіе ставитъ въ пирамиду.

СИГНАЛЪ ЧАСОВЫХЪ (вдали за пушками).

Речитативъ.

Внимай,
Смѣкай;
Блюдись,
Крѣпись;
Терпи,
Не спи;
Богъ нашъ
Всѣхъ стражъ.

ХОРЪ СТРАЖИ.

Тѣни мелькаютъ,
Звѣзды сверкаютъ,
Царствуетъ ночь;
Сонъ, отъ насъ прочь
Бѣги ко врагамъ:
Не нуженъ ты намъ;
Не нуженъ, — не дремлемъ,
Но долгу лишь внемлемъ
И крѣпко стоимъ,
Во браняхъ крѣпимъ
Мы вѣрностью грудь
И слава нашъ путь.

(Посль сего хора слышны на башнѣ городской куранты. Бьетъ часъ ночи и стража идетъ для смены часовыхъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ въ тѣни ночной Москву со стороны Хорошевскихъ Луговъ. Острогъ Трубецкаго, обнесенный валомъ, палисадникомъ и рогатками, окружаетъ часть Бѣлаго Города. На башняхъ сквозь окна мелькаютъ огни. На бойницахъ часовые, пищали, туры и прочія осадныя орудія. Въ сторонѣ роца.

ЯВЛЕНІЕ I.

З А Р У Ц К І Й (одинъ, растворивши рогатку).

Ужъ время бѣ возвратиться.

Но онъ, миѣ кажется, и помощи не радъ;
Боярствомъ думаетъ своимъ превозноситься
И какъ бы только всѣхъ подъ власть свою при-
братъ;

А тамъ хоть и въ Цари. — Но нѣтъ, мой князь
надменный,

Не проведешь меня. На царской вышинѣ
Я быть хочу и самъ. — Да чьи жъ къ ней толь
священны,

Какъ не мои права? — Марина руку миѣ
И сердце отдала. По Дмитрія жъ другому
Кому тронъ, какъ не ей? — Угомону бояръ:
Такъ не ломаться ужъ со мною Трубецкому.

ЯВЛЕНІЕ П.

ЗАРУЦКІЙ И ТРУБЕЦКОЙ (съ воинами).

ТРУБЕЦКОЙ.

Меня ждешь?

ЗАРУЦКІЙ.

Ночь!

ТРУБЕЦКОЙ.

Держалъ военна спора жарь.

ЗАРУЦКІЙ.

Что положили вы?

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты, напримѣрь, что чаешь?

ЗАРУЦКІЙ.

Я? Ничего.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Такъ. Союзныхъ войскъ совѣтъ

Всегда ничто.

ТРУБЕЦКОЙ.

Едва ль не дѣльно разсуждаешь;

Всякъ хочеть быть большой, своихъ всякъ
ищетъ мѣстъ.

ЗАРУЦКІЙ.

И такъ у васъ раздоръ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Да. Казначей, въ упрямствѣ,

Сверкая взорами и бердышемъ тряся,

И слышать о моемъ не хочеть онъ начальствѣ.

З А Р У Ц К І Й.

Уговорить бы кто-нибудь его взялся.
Что жъ такъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Онъ говоритъ: народъ-де въ управленье
Все воинство свое, серебра и злата тму,
Ради Московскаго и всей Руси спасенья,
Пожарскому во власть повѣрилъ одному:
Такъ кромѣ онъ его....

З А Р У Ц К І Й.

А тотъ не отрицаетъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Напротивъ, кажется, сему отличью радъ.
Превозношеніе въ очахъ его блистаетъ.

З А Р У Ц К І Й.

Пядень укоротить....

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Что ты? — Да не мрачатъ
Такія мысли насъ! И такъ подозрѣваютъ,
На жизнь его открыть какой-то будто ковъ.

З А Р У Ц К І Й.

Кого жъ въ злодѣйствѣ семъ, не насъ ли обви-
няютъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Схватили, говорятъ, твоихъ двухъ казаковъ.

З А Р У Ц К І Й.

Напраслина, поклепъ. (Въ сторону.) Какая не-
удача!

Нѣтъ, Князь, далеко такъ не распротру я зла:
Но стыдъ и пагуба!... Боязнь полезнѣй плача.
Не худо, какъ бы спѣсь немного убыла!

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Пусть они одни на городъ наступаютъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но положилъ Совѣтъ двухъ воинствъ приступъ
вдругъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Мы подождемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіе измѣною признаютъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Никакъ: лишь не съ одной страны итти, а съ
двухъ.

Въ примѣръ: съ Петровки онъ, намъ съ Яузы
пуститься.

Его тамъ отобьютъ: ты не видалъ, — назадъ.
Что дѣлать? хоть Литва тѣмъ сильно ободрится,
Но подчиниться онъ тебѣ ужъ будетъ радъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И впрямъ, совѣтъ твой здравъ. Для блага об-
щей цѣли

И хитрость иногда позволена вождямъ
Тѣмъ паче, мысль сію въ совѣтѣ мы имѣли,
Чтобъ войски раздѣлить по разнымъ намъ мѣ-
стамъ.

Пожарскій нынѣ же увидится со мною:

Мы съ нимъ поговоримъ; а ты?...

ЗАРУЦКІЙ.

Покоенъ будь.

Какъ нужно, такъ моихъ я приготовлю къ бою.

(Трубецкой уходитъ; а онъ вслѣдъ ему грозитъ булавою.)

Не долго пыжиться такъ барска будетъ грудь.

Я В Л Е Н І Е Ш.

ТѢ ЖЕ И МАРИНА въ польскомъ воинскомъ платьѣ, крадется близъ палисадника, неся въ рукахъ узелъ и ракету.

МАРИНА *(тихо)*.

Тутъ кто-то есть.

ЗАРУЦКІЙ *(не видя ея)*.

Ужъ часъ, а нѣтъ еще царицы.

МАРИНА *(тихо же)*.

Боюсь, чтобы какъ на стражу не найти.

Онъ, что ль?

(Ударяетъ въ огниво кремнемъ.)

ЗАРУЦКІЙ.

Тамъ, кажется, огня блестятъ крупицы:

Такъ это, знать, она.

(Также выскрываетъ огонь.)

МАРИНА *(тихо)*.

Заруцкій! это ты?

ЗАРУЦКІЙ *(съ отверстыми объятіями бросается)*.

Царица! здѣсь тебя давно я ожидаю.

Но въ пору самую могла бы въ тмѣ такой

Ты съ Трубецкимъ сойтись, по этому случаю,

Что только онъ теперь здѣсь говорилъ со мной.

МАРИНА.

Какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Шелъ отъ воеводъ, на помощь къ нимъ
пришедшихъ,

Пожарскій съ войскомъ вѣдь....

МАРИНА.

И Мининъ, слышно, тутъ.
Но по анаемемахъ, отъ Церкви прогремѣвшихъ,
Ужель они еще пойдутъ къ Москвѣ?

ЗАРУЦКІЙ.

Идутъ.

МАРИНА.

Твои жъ посланники нашли ль надежно средство?

ЗАРУЦКІЙ.

Подъ стражей ужъ сидятъ.

МАРИНА.

Что слышу я, мой другъ!
Мы какъ же отвратимъ толь близкое намъ бѣд-
ство?

ЗАРУЦКІЙ.

Не знаю.

МАРИНА.

О, бѣда!

ЗАРУЦКІЙ.

Любоначаластва духъ
Свой пламенникъ возжегъ межъ нашими вож-
дями;
Всякъ хочеть властвовать: такъ я стрѣлу пу-
стилъ
И Трубецкой ужъ ей...

МАРИНА.

Что ты? — Онъ недругъ съ нами.

ЗАРУЦКІЙ.

Не такъ, чтобы совсѣмъ....

МАРИНА.

Чтобъ Русскій измѣнилъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ этого сказать о немъ невозможно:
Но мудрость состоитъ людей искусныхъ въ
томъ:

Враговъ своихъ завести такъ въ сѣти осторожно,
Чтобъ не могли они и мысль имѣть о томъ.
Я въ Трубецкомъ узналъ презлое самовластье,
И вмигъ измѣнить онъ, не думавъ измѣнять.

МАРИНА.

О, мудрый человекъ! того ты стоишь счастья,
Чтобъ руку взявъ мою, на тронѣ возсѣдать.

ЗАРУЦКІЙ.

Намъ остается взять теперь такія мѣры,
Чтобы еще какихъ не встрѣтилось невзгодъ.

МАРИНА.

Я Русскихъ не страшусь ни храбрости, ни вѣры;
А дѣло въ томъ теперь, чтобъ удержать ихъ
ходъ,
Доколѣ къ намъ сюда Желтовскій не при-
спѣеть. (7)

ЗАРУЦКІЙ.

Гдѣ жъ онъ?

МАРИНА.

Подъ Вязьмой ужъ.

З А Р У Ц К І Й.

Да, трудень переломъ,
Коль Патріаршій громъ въ нихъ ужаса несѣтъ,
Тобой исторгнутый.

М А Р И Н А.

А красота съ умомъ?

З А Р У Ц К І Й.

Они всего сильнѣй!

М А Р И Н А.

Послушай же, вотъ средства:

(Указывая на ракету.)

Коль лучъ ея блеснетъ надъ градомъ въ обла-
кахъ,

Возстанетъ тамъ пожаръ. Съ сего мы будто
бѣдства

Съ толпою женъ къ вождямъ прибѣгнемъ во
слезахъ;

Пожарскаго смягчимъ и будемъ помогаться,
Чтобъ къ дѣтямъ ихъ и къ нимъ онъ жалость
возьмѣлъ,

И гладомъ, духотой въ осадѣ истребляться
Не допустилъ сихъ жертвъ, а выпустить ве-
лѣлъ.

Намъ, кромѣ жалости, сіе тѣмъ нужно паче,
Чтобъ духа воиновъ ихъ стонъ не отнималъ,
И плѣнный бы народъ, толпой бродящій въ
плачѣ,

Симимъ намъ нужный хлѣбъ, какъ червь, не
поѣдалъ.

Къ тому жъ, ты вѣдаешь, что собрано богат-
ство:

Такъ этимъ случаемъ мы вывеземъ сей кладъ,
Покудова разбой, грабежъ и святотатство
Его не растощать, какъ городъ будетъ взятъ.
Иль къ Русскимъ не пойдетъ условьемъ онъ на
сдачу?

Главнѣе же всего мнѣ хочется взглянуть
На юнаго вождя. — Ты разрѣшишь задачу.

З А Р У Ц К І Й.

А! симъ остановишь. — Меня лишь не забудь.

М А Р И Н А.

Не бойся! На, возьми завязанну личину
И платье женское. Сейчасъ въ нихъ нарядись,
Чтобы не быть ничѣмъ похожу на мужчину
И въ этомъ образѣ опять ко мнѣ явись.

З А Р У Ц К І Й.

На что?

М А Р И Н А.

Одной идти въ чужой мнѣ стань не можно,
А въ видѣ мужескомъ тебя тамъ знаютъ всѣ.

З А Р У Ц К І Й.

Царица! женщиной быть воину не должно:
Избавь!

М А Р И Н А.

Такъ надобно.

З А Р У Ц К І Й.

Противиться ль красть?

(Беретъ ракету и узелъ.)

М А Р И Н А (показываетъ на ра-
кету.)

И ты пусти ее съ середины рощи этой.
Московски жители пускай на блескъ глядятъ.

З А Р У Ц К І Й.

Сей часъ.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е І V.

М А Р И Н А (одна).

Мнѣ прежнею порфирой быть одѣтой,
Я вижу, трудности ужасны предстоятъ:
Но духу доброму нѣтъ терна для короны,
Нѣтъ невозможности для возвращенья царствъ.
Кто честолюбія хоть разъ позналъ законы,
Открыто поприще тому для всѣхъ коварствъ.
Что нужды? Трубецкой, Желтовскій полномоч-
ной,
Пожарскій, Владиславъ, Заруцкій ли какой?
Мужчины всѣ равны для женщины роскошной.
Кого не озаритъ блескъ солнечный собой?
Лишь цѣли бы достичь. Но идутъ.... Удалюся.
(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е V.

П О Ж А Р С К І Й, М И Н И Н Ъ, П А Л И Ц Ы Н Ъ И Н Ъ-
С К О Л Ъ К О В О И Н О В Ъ.

П О Ж А Р С К І Й.

Здѣсь, вѣрные друзья, номного отдохнуть;
Я слово съ Трубецкимъ и тотчасъ возвращуся.
(Уходитъ съ воинами.)

М П И Н И Н Ъ (вслѣдъ).

Но не замедли же.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Совѣта не забудь.

Я В Л Е Н І Е VI.

ПРЕЖНІЕ, КРОМЪ ПОЖАРСКАГО.

М П И Н И Н Ъ.

Ты жилъ въ Москвѣ, отецъ! Повѣждь, отколь
крамолы

Произошли у насъ, что льютъ такъ нашу кровь?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Отъ окружающихъ бояръ Царей престолъ.

Какъ грозный Іоаннъ низшелъ во смертный
ровъ,

На тронъ по себѣ оставя скорбна сына,

Коварный Годуновъ, его супруги братъ,

Прельщенный симъ родствомъ и блескомъ знат-
на чина,

Смѣлъ вожжи царскія въ злодѣйски руки взять;

И сладкій упоясъ отравой высшей власти,

О скипетръ мечтать надменной сталъ душой.

Рѣшился и въ своей пребеззаконной страсти

Царя съ наследникомъ угрызъ, какъ лютый
змѣй:

А послѣ ихъ тотчасъ, сестры черезъ лукавство,

Черезъ казнь вельможъ, дары, войскъ подкупъ,
лестъ вездѣ,

Всеобщимъ яко бы избраньемъ сѣлъ на царство.
Но гнусныя дѣла чтобъ въ мутной скрыть водѣ,
И сдѣлаться Царемъ любезнѣйшимъ народу,
Онъ началъ послаблять господствующу власть,
И черни попустилъ съ земель сбродить свободу;
Ввелъ откупа, мыты, развратъ, ко пьянству
страсть;

Позволилъ грабежи, кощунства на святыню,
Соблазны чуждыхъ странъ въ престольный
вибдрилъ градъ,
Ихъ стражей окружилъ палатъ своихъ гор-
дыню:

Какъ хищники коронъ, тожъ злы Цари тво-
рятъ,

Не зная, что хитрыя и пагубны толь средства
Балуютъ, тлятъ народъ, и сѣмя всѣмъ бѣдамъ.
Такъ здѣсь и сдѣлалось: неправедны наслѣд-
ства,

Невинныхъ слезы, кровь внеслись лишь къ не-
бесамъ,

Всталъ громъ изъ безднъ страстей, стрясъ
предразсудковъ камень;

А ярый, буйный волъ, въ тмѣ спящій подъ
ярмомъ,

Вдругъ съ привязи спущенъ. Тотъ бросилъ
всюду пламень,

А тотъ рогами вмигъ все ниспровергъ вверхъ
дномъ.

Тогда тиранъ Царемъ лишь новый появился,
Всѣ прочь отъ стараго; онъ съ сыномъ встрѣ-
тилъ смерть.

Разстрига палъ чрезъ бунтъ. Вслѣдъ Шуйскій
воцарился:

Бывъ тонкій царедворъ, слабъ царски бармы
несть,

Блистая на низу, на высотѣ затмился. —

И кратко: тма Царей, чрезъ ковъ Поляковъ
тотъ,

Сей чрезъ своихъ, какъ волкъ вскочить въ
чертогъ стремился;

Рвутъ плоть, льютъ нашу кровь.

м и н и н ъ.

Вотъ властолюбья плодъ!

п а л и ц ы н ъ.

Тамъ Царь уже не Царь, гдѣ разъ прервутъ
ихъ вожжи.

м и н и н ъ.

Вѣка пройдутъ въ войнахъ, тронъ троны по-
гребетъ.

п а л и ц ы н ъ.

Отъ ухищренія единаго вельможи!

м и н и н ъ.

О, горе намъ! (*Увидя блеснувшую ракету.*) Но что?
Звѣзда съ небесъ падетъ.

п а л и ц ы н ъ.

Всевышней силою денница въ мракъ валится:
Да нашихъ супостатъ затмится счастье такъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЪ ЖЕ И ПОЖАРСКІЙ СЪ ВОИНАМИ.

ПОЖАРСКІЙ.

Съ различныхъ чтобъ сторонъ на городъ устремиться

Мы передумали.

МИНИНЪ.

Съ своєю силой всякъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Да.

МИНИНЪ.

Нѣтъ ли тутъ какихъ недружескихъ затѣевъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

А развѣ нужно быть по разнымъ вамъ мѣстамъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Мы силы раздѣлимъ чрезъ то своихъ злодѣевъ.

МИНИНЪ (*усмотря пожаръ въ
Москву*).

Ахъ! что это? — Пожаръ!

ПОЖАРСКІЙ.

Пресильный!

ПАЛИЦЫНЪ.

Казнь врагамъ.

(*Въ сіе время слышится въ роуцѣ откликъ
разныхъ голосовъ.*)

ПОЖАРСКІЙ.

Пойдемъ, пора! (*Хочетъ идти.*) Но что?

(*Остаеться.*)

Речитативъ разныхъ голосовъ, слышимыхъ въ роуцъ.

Здѣсь лѣсъ.

Мы здѣсь!

Туда!

Сюда!

Чтобъ намъ

Къ врагамъ

Не пасть

Бы въ пасть.

М И Н И Н Ъ.

Будь остороженъ.

Я В Л Е Н І Е V I I I .

МАРИНА И ЗАРУЦКІЙ, первая въ мужескомъ платьѣ, какъ была, а второй въ женскомъ и маскѣ, съ нѣсколькими гражданками изъ роуцъ выбыгаютъ.

Х О Р Ъ Г Р А Ж Д А Н О К Ъ .

Ай! помогите,

Бѣдныхъ спасите:

Губить пожаръ;

Домы, строенье,

Пищу, имѣнье

Пламень пожралъ.

Ай! помогите,

Бѣдныхъ спасите!

П О Ж А Р С К І Й .

Да что вы за люди?

М И Н И Н Ъ .

Откуда?

ПАЛИЦЫНЪ.

И къ кому?

ПОЖАРСКІЙ.

Въ такомъ отчаяньѣ! И чѣмъ мы вамъ помо-
жемъ?

МИНИНЪ.

Москва не наша вѣдь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Притомъ въ ночную тму.

ЗАРУЦКІЙ.

Вы можете помочь.

МАРИНА.

Вы добры, милосердны

И любите спасать.

МИНИНЪ.

Какъ? чѣмъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Скажите намъ.

МАРИНА.

Вы видите пожаръ: анбары наши хлѣбны
Горятъ, сгорѣли ужъ; вѣтъ нищи и дѣтямъ.
Приходимъ подъ покровъ къ мужамъ толь бла-
городнымъ

О милости просить.

ПОЖАРСКІЙ.

Какой?

МАРИНА.

Невинныхъ сихъ

И прочихъ бѣдныхъ снасть, позволивъ быть
свободнымъ,

Изъ града и съ дѣтьми.

З А Р У Ц К І Й.

Спасть отъ напастей злыхъ.

М А Р И Н А (указывая на Заруцкаго).

Вотъ здѣсь моя жена, гражданки вотъ другія:
Ухъ, сжальтесь! (Про себя) какъ хороши! и,
можетъ быть, влюбленъ!

З А Р У Ц К І Й.

Отрите токъ съ очей, отъ сердца скорби злыя!

М И П И Н Ъ.

Я худо вѣрю вамъ.

П О Ж А Р С К І Й (глядя на плачу-
щихъ гражданокъ).

Прекрасныхъ слезы женъ

Какъ стрѣлы въ сердце мнѣ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Что себѣ хотите,

Творите то другимъ.

М И П И Н Ъ.

Да, такъ въ заповѣдяхъ.

П О Ж А Р С К І Й.

Все сдѣлано для васъ; скорѣе лишь пришлите
Отъ Думы къ намъ Пословъ; я женъ, дѣтей не
врагъ.

Х О Р Ъ Г Р А Ж Д А Н О К Ъ.

О, какъ великодушны
Россійскія сердца!
Всѣмъ доблестямъ послушны,
Подобіе Творца!
Сколь въ браняхъ храбры, тверды,

Столь къ бѣднымъ милосерды,
Склонны къ добру душой.
Такъ всякъ изъ нихъ герой!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ на *Трехъ Горахъ* густую словую рощу. Сквозь просѣки видны: на лѣвой рукѣ вдали Москва, на правой поля съ жатвою и деревня; а посреди Москва рѣка; чрезъ нее прямо къ замку Маринину мость. Все это освѣщено луною.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЖАРСКІЙ И ТРУБЕЦКОЙ *ходятъ между деревьями въ задумчивости, не видя другъ друга, и появляются порознь.*

п о ж а р с к і й.

Какое сходство! Съ кѣмъ? Придумать не умѣю. Разительны красы, пріятный, нѣжный взоръ, Какъ дѣва юная! И коль представить смѣю, То видѣлъ, видѣлъ я сихъ прелестей соборъ! Но гдѣ? Не тамъ ли?— Да, какъ въ пышной колесницѣ

На среброблещущихъ восьми она коняхъ Невѣстой ѣхала Лжедмитрія къ столицѣ. Не братъ ли то ея?— Иль не сама ли, ахъ! Съ тѣхъ поръ живущая въ мечтахъ моихъ Марина?

Я тѣло излечилъ, но духа раны,—нѣтъ.

Не для меня ее произвела судьбина;
Но царствуя, она въ душѣ моеи живетъ.
Хоть съ брани я тогда безъ чувствъ былъ из-
влеченнымъ,

Всесильный взглядъ ея остался во умѣ;
Я помню только то, что ей былъ побѣжденнымъ;
Въ ней божество мое! — Но гдѣ? въ какой я
тмѣ?

(Уходитъ за деревья.)

Я В Л Е Н І Е II.

Т Р У Б Е Ц К О Й (выходя съ другой
стороны).

А гдѣ жъ мой Гетманъ? — Ко мнѣ не возвра-
тился.

Мнѣ надобно ему нашъ планъ тотъ сообщить.
Что съ разныхъ мѣстъ итти Пожарскій согла-
сился

Для приступа къ Москвѣ: то онъ бы поступить
Готовъ былъ по тому. Уже ль тѣмъ на измѣну
Отчизны посягнемъ?—Нѣтъ, нѣтъ; а только бѣ
намъ

Унизить Минина съ Пожарскимъ рать надменну.
Соревнованіе простиительно вождямъ:

Не смѣть надъ другимъ искать кто превосход-
ства,

Вѣкъ черепахой ползть тотъ будетъ предъ ор-
ломъ.

Лишь честолюбіе знакъ вѣрный благородства.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТОТЪ ЖЕ И ЗАРУЦКІЙ.

ТРУБЕЦКОЙ (*увидя Заруцкаго*).

А! ты, Заруцкій, здѣсь со мной въ лѣсу одномъ!

ЗАРУЦКІЙ.

Такъ, здѣсь.

ТРУБЕЦКІЙ.

Отколь и какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Не скрою по знакомству:
Съ Мариною. Пришелъ ей планъ нашъ сообщать,

Гдѣ бѣ укрѣпить имъ градъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ! Это къ вѣроломству
Уже толь явный шагъ!

ЗАРУЦКІЙ.

Но иначе отбить
Войскъ ревностныхъ приступъ какъ отъ защиты слабой?
Какъ безъ лукавства здѣсь кому поверхность
взять?

ТРУБЕЦКОЙ.

О! это много ужъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Мечтательной отрадой,
Безъ вѣрныхъ, сильныхъ мѣръ, смѣшно себя
ласкать.
Какое важное въ томъ будетъ преступленье,

Что ихъ отгонять прочь? — Отечество спасать
Не остаемся ль мы со войскомъ въ подкрѣ-
пленье?

Я бь думалъ сверхъ того нарочно завлекать
Противоборника въ такое положенье,
Чтобъ онъ разнѣжился, разслабъ, и отдалъ
власть
Тебѣ свою бы самъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Но какъ?

З А Р У Ц К І Й.

Черезъ обольщенье.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Черезъ что?

З А Р У Ц К І Й.

Черезъ страсть любви.

Т Р У Б Е Ц К О Й *(усмѣхался)*.

И впрямъ, коль навязать
На шею изъ цвѣтовъ цѣпь страшному герою:
Не наша бы тогда, его была вина.

З А Р У Ц К І Й.

Не безпокойся жъ, Князь! Все сдѣлано то мною:
Волшебствъ Царицы здѣсь наполнена страна;
Пожарскій заведенъ мечтами въ рошу эту
И въ разныхъ помыслахъ въ ней бродить,
(улыбался), какъ и ты.

Т Р У Б Е Ц К О Й *(въ смѣтеніи)*.

Какъ я?

З А Р У Ц К І Й.

Не бойся, Князь! Хотя бъ и ты ту жъ мѣту
Имѣлъ, какую я, то стрѣлы красоты

Ужъ не для нашихъ лѣтъ. Мы въ силахъ остеречься;

А пылкій юноша впадетъ какъ въ эту сѣть.

Не скоро отъ любви захочетъ онъ отречься;

Тогда....

Т Р У Б Е Ц К О Й.

О, хитрый мужъ! благодарить силъ нѣтъ.

З А Р У Ц К І Й.

Все знаешь ты теперь: такъ я пойду къ Маринѣ,
Чтобъ прелести свои и чары всѣхъ заразъ,
Какъ тонкіе силки, разставила бы нынѣ.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е І V.

Т Р У Б Е Ц К О Й (одинъ).

Лукавый человекъ! Онъ обольщаетъ насъ.

Пожарскій хоть мнѣ врагъ, хоть мнѣ во всемъ
соперникъ,

Но благороденъ онъ; а этотъ, аспидъ злой,

Подъ видомъ мнѣ услугъ, есть истинный из-
мѣнникъ;

Коварства полонъ онъ и презираемъ мной!

Не худо бъ было мнѣ Царицыно посредство;

Замысловать въ ней умъ, ея прелестенъ зракъ.

(Уходитъ за деревья.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЖАРСКІЙ (опять является).

Дорогу потерялъ. — Или какое бѣдство
Приготовляетъ рокъ? Тѣнь лунна, блѣдный
мракъ,

Трескъ — ходять по пятамъ, и дебрей сопле-
тенье

Вокругъ меня вездѣ. Но что со мной ни будь,

Для добродѣтели, Россіи для спасенья,

Нигдѣ сія ничѣмъ не устрасится грудь.

Возстань противъ меня вся тартара утроба,

Подъ вѣры, вѣрности и правоты щитомъ

Иду, не устрасась, и въ самую сѣнь гроба!

Москву освобожу и вся награда въ томъ!

Да и какого жъ ждатель возмездія мнѣ болѣ?

Когда бъ я только могъ отечество спасти,

Природнаго Царя увидѣть на престолѣ,

И Вѣру и законъ и Россовъ вознести

На прежню высоту величія и славы:

О, верхъ желанія, край подвигамъ моимъ!

Отечество! когда твой духъ днесь слабъ и нравы,

А мнѣ любезенъ прахъ, пріятенъ твой и дымъ:

То съ чѣмъ сравняю я ту радость, восхищенье,

Какъ если вкругъ себя увижу свой народъ

И въ лаврахъ средѣ торжествъ и пальмъ во-
стѣненъ?

Блажь смертнымъ выше сихъ и Небо не даетъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПОЖАРСКІЙ И ТРУБЕЦКОЙ.

(Встрѣаются.)

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Какъ, юный вождь! ты здѣсь?

П О Ж А Р С К І Й.

Чтобъ сну не предаваться,
Одумать жребій нашъ во предстоящій день,
Пришелъ сюда одинъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Вождамъ уединяться
И мыслить надобно.

П О Ж А Р С К І Й.

Сквозь лѣсъ и ночи тѣнь
Луна, своимъ лучемъ поверхъ воды сверкая,
Увеселяла мой вдали сіяньемъ взоръ,
Симъ славу нашихъ дѣлъ въ потомствѣ пред-
ставляя,
Я, такъ задумавшись, сюда зашелъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Сихъ горъ
И бора мрачна тѣнь лежала предо мною,
Какъ съ Хорошевскихъ я пошелъ сюда жъ лу-
говъ.
Храмъ вѣчности вдали, покрытый страшной
тмою,
Представился мнѣ въ нихъ. Ахъ! въ морѣ семь
гробовъ,
Я рекъ, потонетъ все. — Сей блескъ луча зла-
таго,

Какъ наши всѣ дѣла и слава, — всѣ поуремъ.
Лишь наше счастье днесъ....

ПОЖАРСКІЙ.

Нѣтъ счастья намъ инаго,
Какъ общее; и спедь со славой въ гробъ,
живемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вождь юный! ты еще во всемъ не искусился.
Знай: слава съ счастьемъ, царствъ лишь воле-
ныхъ входитъ въ кругъ:
Рабъ подъ владыкой рабъ, хотя бъ и отличился;
Способность, умъ ничто и сильный дремлетъ
духъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Свѣтлѣйшихъ предковъ сынъ, Монархами сіяв-
шихъ!

Какая чернота твой разумъ нынѣ тмить?

ТРУБЕЦКОЙ.

Нѣтъ, такъ я говорю. Когда бъ что предпріав-
шихъ

Насъ ожидалъ успѣхъ. Но какъ уже синклить
На царство пригласилъ изъ Польши Владислава:
То тщетно прилагать Москвы къ свободѣ трудъ;
А напротивъ того и скипетръ, и держава
Отъ нашихъ рукъ ему съ покорностью дойдутъ
И упадемъ предъ нимъ, какъ Дворъ весь рабо-
лѣпный;

Щедроты отъ него мы многи пожевемъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Предъ вихремъ дубъ падетъ скорѣе многолѣт-
ній,

Предъ чужероднымъ чѣмъ сей юный Россъ
Царемъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Кумиръ коль нуженъ, всякъ равенъ для покло-
нения.

П О Ж А Р С К І Й.

Отцевъ моихъ Отцу колъно лишь склоню.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Но Карла самъ ты звалъ отъ Готеовъ для пра-
вления:

То Шведъ, или Полякъ, равенъ для Русскихъ,
мню.

П О Ж А Р С К І Й.

Безгрѣшное сіе употребя коварство,
Россію я спасалъ другихъ племень враждой,
Не думая отдать нимаго Шведу царство.
Мнѣ всякій тотъ кумиръ, кто не почтенъ ду-
шей.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Кумиръ мой первый — я; отчизна мнѣ — гдѣ
благо.

О, юноша! собирай съ трудовъ и счастья плоды!
Безпечнымъ о себѣ пространство міра наго.
Раскаянье назадъ дней прошлыхъ не ведетъ.

П О Ж А Р С К І Й.

Гдѣ жъ честность, вѣра, Князь? Гдѣ слава, до-
бродѣтель?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Все въ насъ. Жить для себя.

(Отворачивается.)

П О Ж А Р С К І Й.

Прекрасный образъ думы!

(Въ сторону.)

Такъ деревомъ гнилымъ бываетъ идолъ свѣ-
тель.

(Слышно по лѣсу зовъ рога, лай псовъ и
порсканье охотниковъ.)

Р е ч и т а т и в ѣ (въ роцѣ).

Ступай!

Сзывай

Съ лѣсовъ

Всѣхъ псовъ

На край.

Ай, ай!

П О Ж А Р С К І Й.

Что слышу? — Не рога ль, лай псовъ, охоты
шумъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Не время, кажется, охотой забавляться.

П О Ж А Р С К І Й.

Подъ лунный развѣ блескъ, шутя....

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Быть можетъ, впрямъ.

Что царедворцы здѣсь съ Царицей веселятся,
Въ звѣринцѣ, въ домѣ семъ, она своимъ друзь-
ямъ

Веселье, говорятъ, вседневно вымышляетъ;
Въ различныхъ рѣзвостяхъ проводить часто
ночь

И, тѣша всѣхъ, сама въ любви и нѣгѣ тасть.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Показывается по Москвѣ рѣкѣ яхта, разноцвѣтными фонарями раздвѣченная, подъ польскимъ маршемъ, которая пристаётъ къ берегу по той сторонѣ моста и Марина, съ факелами, въ свитѣ мужчинъ и женщинъ, въ охотничьемъ платьѣ, сходитъ съ нея; а Заруцкій со стороны къ ней присоединяется.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ видно такъ, она!

ПОЖАРСКІЙ.

Не удалиться ль прочь?

ТРУБЕЦКОЙ.

Почто жъ? — Бояра къ ней московски пріѣзжаютъ.

Кто что ни говори, а звѣзды средь небесъ,
Которыя хотя минуту поблισταють,
Ужъ замѣчательны.

ПОЖАРСКІЙ.

Пусть такъ. *(Про себя.)* Ея ль очесъ
Свирѣпая стрѣла мнѣ сердце поразила?

(Трубецкому, глядя на Заруцкаго.)

Но кто же Русскій тамъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Товарищъ это мой,
Казачій атаманъ.

ПОЖАРСКІЙ *(взглянувъ на подходящую Марину, про себя.)*

Она меня плѣнила!

(Хочетъ уйти.)

МАРИНА.

Куда сей отъ меня бѣжить молодой герой?

(Трубецкому.)

Повѣдай, Князь, сму ты нашей Польши правы:
Во храбрости своей сумнѣться тотъ велить,
Кто отъ красотъ себѣ не свискиваетъ славы.
Безспорно, мужество въ сраженіяхъ васъ
льститъ;

Не меньше жъ надобно и между женъ герой-
ство,

Чтобы умѣть своимъ повелѣвать страстямъ.
Притомъ блаженныхъ душъ веселіе есть свой-
ство;

Есть часъ прискорбія, есть часъ отрады намъ;
Потѣшьтеся; — а тамъ Кремля летать на стѣны
Я не препятствую, платите долгу дань.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Извѣстенъ намъ твой нравъ привѣтливый и
нѣжный;

(Указывая на Пожарскаго.)

Но сей, Царица, вождь за кознь сочтетъ пріязнь.

П О Ж А Р С К И Й.

Я? Нѣтъ.

З А Р У Ц К И Й.

Порукой въ томъ моею головою.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Здѣсь не нужна она.

П О Ж А Р С К И Й.

Царица побѣждать

Гдѣ можетъ всѣхъ сердца умомъ и красотою...

М А Р И Н А.

Коль это истина....

П О Ж А Р С К І Й.

Не можно тамъ ласкать,
Гдѣ обожаютъ всѣ.

М А Р И Н А.

Весьма вамъ благодарна.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Позвольте жъ съ вами намъ утѣхи раздѣлить.

М А Р И Н А.

Съ удовольствіемъ. (*Громогласно.*) Будь роща лу-
чезарна!

Я В Л Е Н І Е V I I I .

Съ сямъ словомъ роща и замокъ освѣщаются, изъ коихъ послѣдній, подобно транспаранту, сквозь сіяетъ; посрединѣ рощи ели и сосны исчезаютъ, а появляется тутъ въ сторонѣ софа. По оставшимся деревьямъ кругомъ сидятъ амуры съ колчанами. Съ крыльца дома сходятъ Сильфы, Сильфиды, Нимфы, Сатиры и прочіе духи, которые въ балетѣ представляютъ увеселеніе Армиды съ Ринальдомъ.

Х О Р Ъ С И Л Ы Ф О В Ъ И П Р О Ч И Х Ъ .

Здѣсь храмъ любви и утѣшенья,
Суетъ забвенья и заботъ:
Вкушай, о смертный! наслажденья,
Доколѣ жизнь твоя цвѣтетъ.
Оглянешься и нѣтъ ужъ цвѣта;
Довольствуйся твоимъ часамъ.

П О Ж А Р С К І Й (*про себя*).

Какихъ красотъ соборъ!

З А Р У Ц К І Й (*къ Маринѣ*).

Царица утомить

Могла себя, пробывъ весь вечеръ на охотѣ.

МАРИНА.

Мы сядемъ лучше сей забавы посмотрѣть.

ТРУБЕЦКОЙ.

Когда угодно то....

ПОЖАРСКІЙ.

Богининой щедротѣ.

(Марина, взявъ Пожарскаго и Трубецкаго за руки, садится съ ними на софу, обращаясь къ тому и другому съ ласками своими; а Заруцкій въ сторону показываетъ ревность).

ЗАРУЦКІЙ *(въ сторону)*.

Ужъ слишкомъ ласково, нѣтъ больше силъ терпѣть!

МАРИНА *(по окончаніи балета, вставъ)*.

Вотъ древни витязи, искавшіе тожъ славы
Во браняхъ, какъ и вы, такъ провели ихъ дни:
Но если тѣшили подобны ихъ забавы,
Не забывали, мню, и яствъ притомъ они.

(Взявъ ихъ по прежнему, уводитъ въ замокъ подъ польскимъ маршемъ.)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Роца становится по прежнему. Освѣщеніе и всѣ являвшіяся существа исчезаютъ, а токмо сіяетъ въ дали замокъ и слышна музыка. Палицынъ показывается изъ-за деревъ съ трубою въ рукахъ.

ПАЛИЦЫНЪ *(одинъ)*.

И здѣсь его ужъ нѣтъ. Но, чу! гремитъ музыка, Ликуетъ юность средь забавъ своихъ, пріятствъ;

Полки въ слезахъ, а вождь между прелестницъ
лика:

О, роскошь! о, развратъ! сколь пало вами
царствъ.

(Уходитъ наки въ рошу.)

Я В Л Е Н І Е X.

З А Р У Ц К І Й *(выбывая съ безпо-
койствомъ).*

Мнѣ показалось, какъ будто кто здѣсь краля:
Не соглядатай ли какой ужъ насъ слѣдитъ?
Пожарскій божествомъ своимъ очаровался
И Трубецкой въ глаза ей безъ ума глядитъ;
Источница пріятствъ и милаго коварства,
Марина вдругъ на нихъ надѣтъ умѣла цѣпь;
Лежатъ у ногъ ея. — Но что-то блескъ боярства
Ей очень нравится. Прелестница! Я слѣпъ,
Но мнѣ коль предпочтешь своей ты ихъ лю-
бовью:

Свирѣпствомъ, местью желчь всклокочетъ какъ
смола,

По селамъ брошу огонь, улью Москву всю кровью,
Усю трупами я степь и вѣчна мгла
Во слѣдъ измѣнѣ сей, во слѣдъ убійству злomu,
Покроетъ всѣ мѣста. Но ужъ изъ тмы восшелъ
Свѣтъ солнечный: пора итти мнѣ къ Трубецкому,
Взять въ станъ его съ собой.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е Х І.

Театръ перемѣняется и представляетъ при восходѣ солнечномъ въ узорочномъ саду каменную пещеру, близъ которой шумитъ водометъ. На дерновой скамьѣ спитъ Пожарскій. Въ головахъ съ цитрою сидятъ Марина; Нимфы подъ деревьями дремлютъ; двѣ же изъ нихъ тонкою бѣлою кисеею, простертою надъ Пожарскимъ, помавая, защищаютъ его отъ яркихъ лучей солнечныхъ.

Д В Ъ Н И М Ф Ы (*тихо, сопровождая цитрою Марины, поютъ*).

Солнце, лучи

Тихо мечи;

Дай чуть, Зефиръ,

Сладкій сонъ, миръ;

Здѣсь, средь цвѣтовъ,

Царствуй, Любовь!

П Л Л И Ц Ы Н Ъ (*глядя на Пожарскаго изъ-за деревъ вдалекѣ*).

Виновица всѣхъ золь!

Бѣсъ въ свѣтломъ ангелъ! Какъ обольстить
столь можно!

Въ Иродіаднѣ садъ его ты скрѣла свой.

Вотъ сихъ-то лютыхъ стрѣлъ мужамъ бояться
должно;

Отъ женскихъ прелестей палъ не одинъ герой.

(*Трубитъ въ трубу. Пожарскій во снѣ
вздрагиваетъ.*)

Н И М Ф Ы (*повторяютъ*).

Солнце, лучи

Тихо мечи;

Дуй чуть, Зефиръ,

Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь, средь цвѣтовъ,
Царствуй, Любовь!

(Палицынъ трубитъ еще. Пожарскій пробуждается, а Нимфы сбѣгаютъ къ Маринѣ.)

П О Ж А Р С К І Й.

Я слышу гласъ трубы и солнце такъ высоко!
Но гдѣ товарищи? — Ахъ, ихъ со мной ужъ
нѣтъ!

М А Р И Н А.

Тебѣ мечтаетъ слухъ, обманываетъ око;
А день едва насталь.

П А Л И Ц Ы Н Ъ *(трубитъ третій
разъ и выходитъ на сцену).*

Отечество зоветъ!

П О Ж А Р С К І Й *(бросаясь къ нему).*

Аврамій! это ты! *(Закрываетъ глаза.)* Несносная
укора!

(Убѣгаетъ.)

П А Л И Ц Ы Н Ъ *(вслѣдъ ему).*

Такъ пути разорвавъ, летитъ къ звѣздамъ
орель.

(Уходитъ за Пожарскимъ.)

—

Я В Л Е Н І Е XII.

МАРИНА И НИМФЫ.

М А Р И Н А.

Не могъ снести моего, о малодушный, взора
И духу мнѣ сказать: прости! — онъ не имѣлъ.
Увы!

ХОРЪ НИМФЪ (*вслѣдъ Пожарскому*).

Остановися на минуту,
Младой, прекраснѣйшій герой!
Уйми Царицы скорбь ты люту,
Отри токь слезъ твоей рукой.
Быть можно ль такъ неблагодарнымъ,
Мертвить за нѣжность, за любовь?
О, красота! очамъ печальнымъ
Блескъ возврати скорѣй свой вновь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ Кремль между Троицкою и Боровицкою башнями съ наружности. Изъ Москвы выѣзжаетъ, съ одной стороны, обозъ осажденныхъ русскихъ бояръ и польскихъ вельможъ съ ихъ женами, дѣтьми и богатствомъ, подъ предводительствомъ двухъ польскихъ пословъ. Марина въ числѣ ихъ покрыта бѣлою кисейною фатою. Съ другой стороны войско Пожарскаго подъ ружьемъ, подъ командою Минина, съ бердышемъ стоящаго. Въ сторонѣ подъ деревомъ большой камень.

Я В Л Е Н І Е I.

Х О Р Ъ Ж Е Н Ъ И Д Ъ Т Е Й.

Великодушный мужъ! тронися
Невинныхъ женъ, дѣтей мольбой;
На слезы наши преклонися,
Будь нашъ покровъ, отецъ, герой;
Пусти изъ облежима града;
Отъ смерти насъ спаси и глада.

М И Н И Н Ъ.

Нѣтъ, безъ вождя я васъ пустить не смѣю.

П Е Р В Ы Й П О С О Л Ъ.

Намъ дозволеніе объявлено его.

М И Н И Н Ъ.

Могло то быть.

В Т О Р О Й П О С О Л Ъ.

Будь благъ, какъ Богъ.

МИНИНЪ.

Не разумѣю.

ПЕРВЫЙ ПОСОЛЪ.

Да слава возблеститъ всѣмъ сердца твоего.

ВТОРОЙ ПОСОЛЪ.

Почтенье воздастъ такимъ вождямъ вселенна,
Чьи нѣжны чувства и мужественъ чей духъ.

ПЕРВЫЙ ПОСОЛЪ.

И чья душа — къ врагамъ на милость обра-
щенна....

МАРИНА.

Чтить юность и красы.

МИНИНЪ (*отворачивается*).

Къ такимъ я баснямъ глухъ.

Я не привыкъ и лесть всегда презрѣнна мной.
Довольно, я сказалъ: безъ вождя не пушу.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ, ПОЖАРСКІЙ И ПАЛИЦЫНЪ.

МИНИНЪ (*увидя Пожарскаго*).

Гдѣ сынъ отечества, намъ избранный главою?

ПОЖАРСКІЙ.

Онъ здѣсь? — Сейчасъ его тебѣ я возвращу;
Къ побѣдѣ надъ собой признанье шагъ.

МИНИНЪ.

Дай, Боже!

ПОЖАРСКІЙ.

Что надобно тебѣ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Единый гласъ трубы
Духъ пылкій, юну кровь, потрясъ утѣхъ на
ложѣ.

МИНИНЪ (про себя).

Но лучше бѣ тамъ не быть.

(Къ Пожарскому.)

Мнѣ что на ихъ мольбы?

ПОЖАРСКІЙ.

Ужъ это рѣшено.

МИНИНЪ.

Но градъ симъ защищаться
Получить больше силъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Слабѣтъ духъ отъ женъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Мы не пришли сюда со слабыми сражаться.
Чѣмъ грознѣе враги, тѣмъ намъ славнѣй ихъ
плѣнъ.

МИНИНЪ.

Сокровище везуть.

ПОСЛЫ.

Мы жертвуемъ казною.

ПОЖАРСКІЙ.

Разбойникамъ, звѣрямъ, добычей лестенъ ловъ.
Я не хочу богатствъ: пускай везуть съ собою:
Неправедное — прахъ!

МИНИНЪ (къ Палицыну).

Онъ милуетъ враговъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Великодушіе за зло не признается.

ХОРЪ ТЪХЪ ЖЕ.

Прямой герой не жаденъ къ злату, —
Его богатство умъ и духъ;
Прійми въ сердцахъ ты нашу плату,
Враговъ великодушный другъ!

МАРИНА (*раскрывая фату, тихо*).

Неблагодарнѣйшій! — И, не простясь, ушелъ!
Минуту на себя хоть дай мнѣ наглядѣться.
Вотъ та рука, взойдешь которой на престолъ.

ПОЖАРСКІЙ (*увидя ее, содрогается, про себя*).

О, сила прелестей! (*Колѣблясь*) Увы, изнемогаю!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ ЖЕ И ГОНЕЦЪ (*съ письмомъ къ Палицыну*).

ПАЛИЦЫНЪ (*читаетъ*).

«Изъ Вязьмы третій день пошелъ въ москов-
скій край
«Съ Желтовскимъ Владиславъ.... Я васъ увѣ-
домляю.»

Вотъ вѣсть!

МИНИНЪ.

Напасть!

МАРИНА (*тихо Пожарскому*).

Они мои друзья....

ПОЖАРСКІЙ (*выхватя мечъ, къ войску*).

Ступай!

(*Войски ударяютъ походъ и подъ слѣдующимъ маршемъ движутся въ одну, а обозъ въ другую сторону.*)

ХОРЪ ВОЙСКЪ.

Кипи въ сердцахъ російскихъ кровь,
Ступайте, Вѣры, чести чада!
Зоветь къ отечеству любовь,
Престольнаго въ защиту града;
Природна ввѣсть Царя въ чертогъ,
Святыню въ храмы, блескъ престолу,
Смирить въ землѣ раздоръ, крамолу. —
Ступайте, Россы: съ вами Богъ!

(*Всѣ съ войсками уходятъ, кромѣ Марины и Палицына.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРИНА И ПАЛИЦЫНЪ.

МАРИНА.

Жестокій, варваръ, тигръ, никѣмъ неумолимый!
Нималой страстію ко мнѣ онъ не горѣлъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Къ чему, Царица, гнѣвъъ твой толь неукротимый!
Зачѣмъ ты здѣсь? — Желай, чтобъ онъ успѣхъ
имѣлъ,
Когда любимъ тобой.

МАРИНА.

О, старче, мнѣ зловредный!
Такъ ты-то у меня исторгъ его изъ рукъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На правый путь.

МАРИНА.

Но какъ же льститься, дерзновенный!
Чтобъ мой послѣ сего къ нему былъ склоненъ
духъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ты любишь ли его?

МАРИНА.

Пусть такъ.— Но что порфиру
Онъ днесъ надѣнетъ мнѣ, сѣдымъ твоимъ че-
ломъ

Ты мнѣ клянись.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не вѣмъ.

МАРИНА.

Такъ знай: всему я міру
Владычица и мнѣ послушны молнья, громъ.

*(Сдерживаетъ съ себя фату, машетъ и
улыбается, отъ чего поднимается вѣтеръ.)*

ПАЛИЦЫНЪ *(съ слѣдъ ея).*

Ахъ, сгинь, треклятая!

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАЛИЦЫНЪ И МИНИНЪ, а за послѣднимъ нѣсколько
воиновъ несутъ желѣзный сундукъ и кису.

МИНИНЪ.

Полкъ вражій опрокинулъ
Пожарскій, будто левъ, взбѣжавъ съ мечемъ на
валъ;
Но зря, что градскій вождь въ тылъ конницу
всю двинулъ,
Миѣ казаками ихъ отрѣзать приказалъ.
Да воръ Заруцкій намъ ихъ въ помощь не пу-
скаеть,
Сказавъ, что онъ безъ мзды не дастъ своихъ
полковъ;
И Трубецкой, не знаю, поджидаетъ,
Стоять, не движется.—О, горе! знать, что ковь
Какой у нихъ на насъ. Провѣдай, преподобный;
Тебя послушаютъ: сходи, уговори;
Вотъ я казну принесъ: Казаки къ злату склонны.

ПАЛИЦЫНЪ.

И миѣ сокровища свои монастыри
Съ усердемъ ввѣрилъ на случаи несчастны:
Коль мало вамъ казны, возьми къ себѣ ты ихъ.

МИНИНЪ.

Коль мы съ тобой душой и сердцемъ такъ со-
гласны,
То съшьлемъ вмѣстѣ кладъ мы и богатствъ
своихъ.

ПАЛИЦЫНЪ (*сдвигаетъ подъ дре-
ревоиъ лежащій камень и вынимаетъ
большую церковную кружку*).

Корвана церкви здѣсь.

МИНИНЪ.

Угодно ли то Небу?

Когда ее возьмемъ, не согрѣшимъ ли симъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На крайню ежели народную потребу

Ее мы праведно и свято обратимъ:

Пріятнѣй Богу то, чѣмъ оиміамъ курится.

*(Мининъ, вынимая мѣшекъ съ червонцами,
а Палицынъ жемчугъ, ссыпаютъ въ кассу;
остальное же и кружку заперши въ сун-
дукъ, уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗАРУЦКІЙ съ нѣсколькими казаками съ поспѣшно-
стію выбѣгаетъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Тутъ Мининъ казначей и съ нимъ съдой старикъ
Съ народною казною навѣрно должны крыться,
Ищите! — И отъ нихъ, платежъ какъ нѣ великъ,
Кто взять изъ васъ дерзнетъ, умретъ на мѣстѣ
казни.

(Грозъ булавою.)

Ищите и ко мнѣ представьте ихъ сейчасъ!

*(Казаки уходятъ съ поспѣшностію, а онъ
въ ярости.)*

О! если бѣ въ святости, въ личинѣ и пріязни

Попался мнѣ ханжа! *(Глядитъ вдаль.)* Когда не
лжетъ мой глазъ,
Казакъ врознь бѣгутъ: знать, взять кто ихъ
толпою.
(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е VII.

Съ другой стороны пробѣгаетъ черезъ театръ, предводителемъ казацкою дружиною, МЕЖАКОВЪ, изъ среды которой, въ трепетъ, задыхаясь, выходитъ
ПАЛИЦЫНЪ.

ПАЛИЦЫНЪ *(одинъ.)*

Отъ ищущаго здѣсь врага душа моей
Невидимой покрытъ Господней я рукою:
Намъ сила Божія всегда людской вѣрнѣй.
Надежда наша въ Немъ! — Послалъ намъ Межа-
кова:

Онъ скрылъ меня. *(Слышна вдали буря и гроза.)*
Но что за бурный слышу ревъ?
Неужель чары то Царицы, духа злова?
Или за бисеры церковны Неба гнѣвъ?

(Становясь на колѣни, вздымаетъ руки къ небу.)

О, Боже силъ! Тебѣ стихіи всѣ покорны,
Прости Свой свѣше перстъ, да сей ужасный
громъ
И молнии ниспадутъ на вражій сонмъ злотор-
ный
И возблеститъ Москва златымъ своимъ челомъ!
(Увидя Трубецкаго, встаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТОТЪ ЖЕ, ТРУБЕЦКОЙ И ЗАРУЦКІЙ бѣгутъ другъ за другомъ, сражаяся одинъ мечемъ, а другой булавою, въ преслѣдованіи воиновъ и казаковъ, сражающихся же; изъ нихъ первый, выбивая у втораго изъ рукъ его булаву, схватываетъ за воротъ и повергаетъ на землю. Казаки разбѣгаются.

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣй! Такъ это ты, изъ столь друзей мнѣ близкихъ,

Который тайною засадою казаковъ

Смялъ Минина въ распахъ и мнѣ въ долинахъ
низкихъ

Разставилъ было свой бездѣльническій ковъ?

Я на тебя давно смотрѣлъ; но Русскимъ Царствомъ

Съ Пожарскимъ чрезъ вражду тебѣ не завладѣть.

Скажи всю истину: зачѣмъ съ такимъ нахальствомъ

Меня съ опричными ты вокругъ сталъ объѣзжать?

(Замахиваясь мечемъ.)

Скажи мнѣ, извергъ! Смерть въ рукѣ моей готова.

ЗАРУЦКІЙ (сѣвши).

Что знать желаешь ты? Коль ты того не зналъ, Спроси то у себя, или у Годунова.

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ замысль свой куда онъ простирать держалъ!

ТРУБЕЦКОЙ (заминая речь).

Такъ и Пожарскаго заводчикъ ты убійства?

ЗАРУЦКІЙ (потупя глаза въ
землю).

Хотя бь....

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣйствомъ симъ готовилъ казнь себѣ.

(Въ сторону.)

Подъ стражу съ плѣнными!

(Воины, подиавъ Заруцкаго, уводятъ.)

ПАЛИЦЫНЪ (вслѣдъ ему).

О, демонъ кровопійства!

(Трубецкому.)

Но живъ ли Мининъ нашъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Благодарю судьбѣ,

Онъ бердышемъ своимъ, какъ межъ цвѣтовъ
косою,

Блисталъ, косилъ главы и ужасъ несъ врагамъ.

Но подъ мостъ было онъ незапною толпою

Едва не сверженъ былъ, какъ я.... Да вотъ онъ
самъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ТѢ ЖЕ И МИНИНЪ.

МИНИНЪ.

О, Князь! скажи скорѣй, чѣмъ конченъ бой
твой зельной?

Я за тебя дрожалъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты видишь, я здоровъ.

Но городъ что?

Мининъ.

Какъ понтъ во бури пребезмѣрной
Кипитъ, валы летятъ противъ другихъ валовъ.
Пойдемъ и подкрѣпимъ.

(Уходятъ. Молнія и громъ отчасу умножаются. Между ударами слышна пальба, гласъ тревожный трубъ и барабановъ и напоследокъ клики воинства; а знамена по стѣни движутся туда и сюда.)

Речитативъ войскъ (за кулисами).

Трясется гора,

Колеблются стѣны:

Сюда всѣ знамена.

Сюда всѣ! ура!

Ра, ра, ра, ра....

Палицынъ.

О, Боже, дай побѣду.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Сильный ударяет громъ и часть стѣны Кремлевской отъ Троицкихъ воротъ съ угломъ до Москвы рѣки разваливается. Театръ представляетъ во внутренности Ивановской площади налѣво Красное Крыльцо и Успенскій Соборъ, направо Архангельскій; а посреди прямо колокольню Ивана Великаго. Предъ ней круглый столъ, накрытый червленымъ бархатомъ съ золотою бахрамою. На немъ на златыхъ блюдахъ регалии царскія. Вкругъ его сидитъ Дума Бояръ. По стѣнамъ зданій на скамьяхъ сидятъ Жильцы Московскіе, какъ-то: Дворяне, Стряпчіе и Гости торговые, на башнѣ и по кровлямъ народъ. Марина въ царской одеждѣ, подъ багрянымъ покрываломъ, скрывается между вельможъ на Красномъ Крыльцѣ. На сценѣ по обѣ стороны стола Пожарскій, Трубецкой, Палицынъ и Мининъ, Заруцкій въ сторонѣ въ цѣпяхъ.

п о ж а р с к і й .

Благодарю Творца! Москва освобождена.

т р у б е ц к о й .

Врагъ прогнавъ изъ Кремля.

м и н и н ъ .

Ужъ нѣтъ его и слѣду.

п а л и ц ы н ъ .

Но безъ главы теперь отечества страна.

т р у б е ц к о й .

Сіяющій синклитъ! Сонмъ царственна совѣта!
Днесь нужно намъ рѣшить: какой правленья
родъ

Удобнѣй можетъ быть для блага полусвѣта?

Примѣры многіе вселенная даетъ.

Римъ славно чрезъ сенатъ владѣлъ надъ всею
вселенной:

Не сблизится ли намъ къ правленію сему?

П О Ж А Р С К І Й.

Въ ограду отъ толпы мятежной, разъяренной,
И тамо часто власть ввѣрялась одному.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Не токмо въ бурну ночь, какъ съ ревомъ страш-
ны волны

Восходятъ до небесъ и безднѣ падутъ во мглу,
Но плавать по морю въ дни ясны и покойны
Единъ искусный вождь потребенъ кораблю.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Такъ изберемъ царя.

М И Н И Н Ъ.

Съ согласія народа.

П О Ж А Р С К І Й.

И я....

Т Р У Б Е Ц К О Й (*громогласно къ на-
роду*).

Внемли, народъ! Царя вамъ, плъ вельможъ?

Н А Р О Д Ъ.

Речитативъ.

Не надобно барь:
Да царствуетъ царь.

Х О Р Ъ.

Да царствуетъ царь!
Царь, царь, царь!

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Кого же изберемъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Заслуги и порода ,

Кому на то даютъ все право.

ПОЖАРСКІЙ.

Мышлю то жъ.

ТРУБЕЦКОЙ (*Пожарскому*).

Повстинѣ намъ всѣ и недруги и други
Должны отдать ту честь, что въ рядъ другихъ
нейдутъ

Ни роды наши, князь, ни къ отчеству заслуги;
А паче о себѣ дерзну напомянуть:

Что если бѣ дружбой я гетманскіе обманы

Не вызналъ, не проникъ всѣхъ тайнъ его пути

И не изрылъ подъ нимъ самимъ глубокой ямы,

Погибнуть бы намъ всѣмъ, Россію не спасти.

Тебя я искушалъ и градъ держалъ въ осадѣ.

ПОЖАРСКІЙ.

Радъ честь тебѣ воздать.

ПАЛИЦЫНЪ (*Пожарскому*).

Тутъ воля не твоя.

МИНИНЪ (*Палицыну*).

Да нѣтъ. (*Трубецкому*) Ты спасъ мнѣ жизнь; но
не прійми къ досадѣ,

Ясневельможный Князь! не соглашуся я,

Чтобъ быть царемъ у насъ тебѣ, или другому,

Безъ выбора отъ всѣхъ.

ТРУБЕЦКОЙ (*съ досадою*).

По слову твоему

Я рекъ.

ПАЛИЦЫНЪ (*народу*).

Народъ! Царемъ Россіи быть кому

Изъ двухъ, Пожарскому, иль Князю

Трубецкому?

ДУМА И НАРОДЪ (за кулисами).

Речитативъ.

Пожарскій намъ любь,
Пожарскій намъ любь.

ХОРЪ НАРОДА (съ трубами).

О, любо! всѣмъ любо!
Воскликни гласъ трубъ!
Воскликни сугубо:
Пожарскій намъ любь!

(*Мининъ и Палицынъ, взявъ на блюдахъ регалии, подносятъ Пожарскому.*)

ПАЛИЦЫНЪ.

Прійми жъ, избранный мужъ! довлѣющи клей-
НОДЫ

МИНИНЪ.

Достоинствамъ твоимъ в буди намъ главой.

МАРИНА (*Вдругъ сшедши съ Краснаго Крыльца и спустя порфиру на плеча.*)

Прійми во власть свою безчисленны народы
И сердце нѣжное ты съ тою красотой,
Тобою что страстна и ты въ кого влюбился,
И коя ужъ давно Царица сей странѣ.

ПОЖАРСКІЙ (*въ смятеніи, по-
молчавъ.*)

Съ престола для тебя сойти бы я рѣшился;
А на престолъ взойти неправдой — низко мнѣ.

МАРИНА (*съ яростію.*)

Гордецъ!

ПОЖАРСКІЙ (поклонясь на все
стороны).

Россіяне! за даръ вашъ, толь усердный,
Позвольте мнѣ вамъ рѣчь признательну про-
стерть:

За подвиги мои, вамъ въ жертву принесенны,
Какихъ желалъ я благъ? — Покой въ Россіи
зрѣть.

Взявъ утвари сіи, тѣхъ благъ лишусь и славы;
Узря на мнѣ ихъ блескъ, народъ и ликъ бояръ,
Имѣющій на то важнѣй, быть можетъ, правы,
Не ощутитъ ли вдругъ въ душѣ своей тотъ
жаръ,

Что зависть въ насъ родитъ? — Возникнуть
вновь крамолы;

Я, усмиряя ихъ, могу тираномъ стать:

На что не соглашусь вселенной за престолы.

Съ потачкою жъ страстей тронъ бурный управ-
лять

Могу ль я сокрушить хищенья длинны руки,
Ввесть скорый, правый судъ, покоить шатки
дни?

Законы безъ грозы—безстрашнымъ эха звуки;

Примѣры хоть прошли, но памятны они. —

Лжедмитрій, какъ мячемъ, игралъ въ крови
державой;

А Шуйскій, только взялъ, въ тѣни ея исчезъ.

Не можетъ трона тать владѣть спокойно славою;

Великъ онъ, или малъ, но все онъ гнѣвъ Не-
бесъ,

Которыя ему, или поздно, или рано,

По правосудію навѣрно отомстятъ;
И въ пасмурной душѣ нѣтъ мира у тирана;
Тревога, злоба, грусть, безперестанный адъ.
Онъ козни новыя всечасно вымышляетъ,
Чтобъ скрыть свой мрачный нравъ иль тѣмъ,
или другимъ:

Сегодня лавровъ онъ, а завтра пальмъ желаетъ,
Курится чтобъ предъ нимъ подлѣйшей лести
дымъ.

Законы жъ Русскіе, обычай, власть ли Бога,
Повергли съ дѣтства насъ владычеству Царей;
Чтимъ Божій въ нихъ законъ, за храмъ ихъ
блескъ чертога:

Коснется ль въ ихъ вѣнцѣ чело мое лучей
И облекусь ли въ ихъ священну я порфиру;
Нѣтъ! нѣтъ! Наслѣдникъ лишь одинъ по крови
имъ

Спокойство можетъ дать и возвратитъ насъ къ
миру.

Добръ, мудръ, безъ зависти и всѣмъ будетъ
чтимъ;

Бояре ближніе, усердны общу благу,
Единодушіемъ безстрашно подкрѣпятъ,
Представятъ грудь ему въ своихъ совѣтахъ
нагу

И въ самыхъ слабостяхъ великимъ учинятъ.

м и н и н ъ и п а л и ц ы н ъ (полагая
регалии на столю).

Но гдѣ жъ наслѣдникъ есть?

п о ж а р с к і й.

Не можно ль Михаилу

Романову взойти на праотчій престолъ
По женскому родству?

Трубецкой.

Въ дни смутны не подь силу
Ему полсвѣта скиптръ.

Палицынъ.

Жизнь въ страхъ Божьемъ велъ.

Трубецкой.

Онъ младъ, неопытенъ.

Мининъ.

Душею чуждъ лукавства,
Благъ сердцемъ, справедливъ.

Палицынъ.

Премудръ его отецъ! (8)

Пожарскій.

Я лучше быть хочу слуга самодержавства,
Чѣмъ съ мрачной совѣстью носить его вѣнецъ.

Марина.

Нелѣпный умъ!

Трубецкой.

Великъ, когда совѣтъ сей можетъ
Тирану быть уздой, а парусомъ царю.

Мининъ.

На стогнь къ народу онъ свой взоръ и слухъ
приложитъ

И, изъ ковчега взявъ, разсмотритъ самъ } (9)
всѣхъ прю.

Палицынъ.

И истинъ къ себѣ не воспретитъ приходу,
Хотя бъ и въ рубищѣ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И будетъ образцемъ
Совѣтъ его бояръ всѣхъ доблестей народу.

ПОЖАРСКІЙ.

А онъ ихъ всѣхъ главой, владыкой и отцемъ.

ДУМА И НАРОДЪ.

Речитативъ.

Михайлу вѣнецъ!

Михайлу вѣнецъ!

ХОРЪ НАРОДА (*съ трубами*).

Михайлу вѣнецъ!

Онъ будетъ царь сердець,

Владыко и отецъ:

Михайлу вѣнецъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Сомнѣнья нѣтъ: себя, родъ праведный, возвы-
ситъ,

Прославится подъ нимъ россійская страна.

ЗАРУЦКІЙ (*Маринь, потрясая
цѣпями*).

Не отъ волшебствъ твоихъ, знать, быть царемъ
зависитъ.

МАРИНА.

У ада, у меня, у твоего ума

Еще есть способы, — пойдемъ!

(*Съ Заруцкаго цѣпи спадаютъ и они уходятъ.*)

ТРУБЕЦКОЙ.

На казнь!

(*Войска бросаются вслѣдъ за Заруцкимъ.*)

ПОЖАРСКІЙ. Оставимъ
Избранному царю сей судъ и долгъ свершить.

ПАЛЦЫНЪ.

Нѣтъ праведнѣй сего и тѣмъ законъ мы сла-
вимъ,
Когда мы и врагамъ не хотимъ сами мстить.
Пойдемъ теперь во храмъ усерднѣйшей моль-
бою
Хвалу Творцу воздать, что спасъ насъ отъ ко-
варствъ.
Надъ властолюбіемъ, надъ златомъ, надъ кра-
сою,
Побѣда выше есть, чѣмъ покоренье царствъ!

ХОРЪ ОБЩІЙ.

О, слава! возвѣсти вселенной,
На удивленіе вѣкамъ,
Духъ Росса бранный и усердный,
Благоговѣющій къ царямъ.
Онъ храбростью, умомъ, богатствомъ
И благочестіемъ прямымъ,
Не усташасъ всѣхъ золь препятствомъ,
Скиптръ возвратилъ царямъ своимъ;
И подъ наслѣдственнымъ жезломъ
Всѣ царства счастьемъ превышаетъ,
Какъ кедръ до неба достигаетъ:
Благословенъ Романовъ Домъ!

(¹) Сочинено на Званскѣ, въ 1803 году.

(²) Извѣстно, что келарь Аврамій Палицынъ разсыпалъ

грамоты и созывалъ изъ разныхъ городовъ войска подъ предводительство Пожарскаго; извѣстно и то, что когда Пожарскій былъ въ Троицкой Лаврѣ для принятія благословенія и былъ окропленъ съ войскомъ святою водою, противный вѣтеръ въ тотъ же часъ перемѣнился на попутный, что и истолковано было счастливымъ предвѣщаніемъ успѣховъ Пожарскому.

(⁵) Ходкевичъ, польскій полководецъ, не допускавшій до Москвы войска Пожарскаго.

(⁴) Дума Боярѣ дала-было повелѣніе Пожарскому не ходить къ Москвѣ, но Патріархъ Гермогенъ на то не согласился и пострадалъ отъ Поляковъ.

(⁵) Владиславъ, сынъ польскаго короля, былъ избранъ на русскій престолъ.

(⁶) На русскомъ театрѣ не дозволено представлять ипocкoвъ въ ихъ одѣяніи. Почему Палицынъ и выведенъ здѣсь въ простой одеждѣ.

(⁷) Другой вождь польскій, поспѣшавшій отрѣзать Пожарскаго отъ Москвы.

(⁸) Патріархъ Филаретъ Никитичъ, отецъ Михаила Феодоровича, управляя царствомъ, присутствовалъ въ совѣтѣ и въ приговорахъ того времени писали такимъ образомъ: «Патріархъ благословилъ, бояре приговорили, а Царь указалъ.»

(⁹) Извѣстно по исторіи, что Царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ выставлять всякій день подъ окнами Грановитой Палаты запечатанный ящикъ съ прорѣзомъ, въ который всѣ челобитчики могли класть свои прошенія и жалобы. Царь, самъ разсматривая ихъ, допускалъ къ себѣ людей всякаго состоянія, даже самыхъ бѣднѣйшихъ, и говорилъ съ ними лично, если обстоятельства того требовали. Притомъ установлено было, что когда въ Грановитой Палатѣ у Царя съ боярами происходила дума или совѣтъ по какому либо важному дѣлу, то положивъ намѣрѣ, давали знать о томъ чрезъ учрежденныхъ стряпчихъ собранныхъ на площади дворянамъ, гостямъ и жильцамъ московскимъ. Такимъ образомъ, если дѣло,

дошедшее до народнаго свѣдѣнія, признаваемо было полезнымъ, стряпчїе доводили народную благодарность до свѣдѣнія думы и приговоръ бояръ приводимъ былъ въ исполненіе; если же народъ просилъ какой милости или перемѣны, то боярскій приговоръ подвергаемъ былъ вторичному разсмотрѣнію въ Царской Думѣ.

СЛІШ.

КУТЕРЬМА

ОТЪ

КОНДРАТЬЕВЪ. (1)

ДВѢТСКАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ ХОРАМИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Миловидова, гостья, сестра хозяйки.

Колдунья, старуха въ маскѣ.

Варинька,

Вѣринька, { малолѣтныя дочери г-жи Миловидовой.

Пашинька,

1-й Кондратій, камердинеръ,

2-й Кондратій, садовникъ,

3-й Кондратій, музыкантъ,

Фвдосья, служанка въ домѣ. } служители.

Дѣйствіе въ селѣцѣ Званкѣ.

КУТЕРЬМА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ гостиную комнату, столъ съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Миловидова въ покоевомъ платьѣ и волосы у нея нѣсколько смяты. Варинька, Вѣринька и Пашинька, обнявшись между собою, выходятъ за нею.

МИЛОВИДОВА *(смотря на часы)*.

Почти четыре часа, — позаспались немного. Ну поскорѣе, дѣти, напьемся чаю: мнѣ недосугъ. Сестра бѣдная давеча за столомъ позавхворала. У ней мужъ имянинникъ: будутъ на вечеръ гости; а коли ей полегче станетъ, то будетъ ужинъ и балъ; и такъ она поручила мнѣ за себя похозяйничать. Надобно кое-что приказать изготовить для праздника.

(Разливаетъ чай.)

ВАРИНЬКА.

Ахъ, праздникъ, маменька! Какъ же я рада!

ВѢРИНЬКА.

Ахъ, праздникъ, праздникъ! То-то потанцуемъ!

ПАШИНЬКА.

Попрыгаемъ, попляшемъ!

ВѢРИНЬКА.

По-цыгански, по-русски.

ВАРИНЬКА.

Казачка, вальсенъ.

ПАШИНЬКА (подбодрившись).

И савоярку.

ВСЪ ТРИ ВМЪСТЪ.

Какъ намъ весело!

(Прыгаютъ и бьютъ въ ладоши.)

МИЛОВИДОВА.

Тише, тише, не разбудите тетеньку.

ВСЪ ТРИ (бросаясь къ матери и
цѣлуя у ней руку).

Какъ же быть; милая маменька? Намъ весело, очень весело!

(Продолжаютъ прыгать.)

МИЛОВИДОВА.

Дурочки! успѣете навеселиться; веселье хорошо во-время.—Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла.

ВЪРИНЬКА.

Какъ рано?

ВАРИНЬКА.

Что за пташечка?

ПАШИНЬКА.

Какая кошечка? — Мы не дадимъ ей съѣсть птички.

МИЛОВИДОВА.

Глупенькія! Это пословица и научаетъ насъ ничему прежде времени не радоваться.

ВАРИНЬКА.

Для чего жъ? Дяденька сегодня имявинникъ.

МИЛОВИДОВА.

Но тетенька нездорова.

ВЪРИНЬКА.

Боже, сохрани!

ПАШИНЬКА.

Да мы, слава Богу, здоровы; для чего жъ намъ не веселиться?

МИЛОВИДОВА (крестя ихъ).

Господь съ вами! Веселитесь, друзья мои: я этого сердечно вамъ желаю; но надобно быть сострадательнымъ: когда кто боленъ, то тутъ веселье не у мѣста.

ВАРИНЬКА.

Да вы сказали, что дяденька именинникъ.

ВЪРИНЬКА.

Что гости будутъ.

ПАШИНЬКА.

Что сегодня праздникъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, друзья мои, это все правда; однакожъ я сказала, когда сестрѣ будетъ полегче; и дополнить надо: когда дядя дозволить.

ВАРИНЬКА.

Для чего жъ?

МИЛОВИДОВА.

Онъ также недомогаетъ.

ВАРИНЬКА.

А чѣмъ?

МИЛОВИДОВА.

По большой части неосторожностью.

ПАШИНЬКА.

Да вѣдь онъ былъ за столомъ.

М И Л О В И Д О В А.

То-то и худо: тутъ-то и надобна осторожность. — Но я съ вами заговорилась. Варинька! вели послать ко мнѣ, мой другъ, поскорѣе Кондратьевъ: камердинера, садовника и музыканта.

ВАРИНЬКА.

Кондратьевъ, маменька?

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛОВИДОВА, ВЪРИНЬКА И ПАШИНЬКА.

ПАШИНЬКА.

Что такое, милая маменька, за неосторожность? И какъ быть отъ того больну? — Я этого не понимаю.

МИЛОВИДОВА.

Ой ты вострушка! обо всемъ любопытствуешь.

ВЪРИНЬКА.

А особливо за столомъ.

ПАШИНЬКА.

Гдѣ ничего нѣтъ, какъ только блюда, чашки, рюмки, стаканы.

МИЛОВИДОВА.

Они-то и кусаются. Изъ нихъ неосторожно покушаешь, разгорячишься, простудишься....

ВЪРИНЬКА И ПАШИНЬКА.

Ха, ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Что вы, дурочки? Чему смѣетесь?

ВЪРИНЬКА.

Какъ, маменька, не смѣяться? Мочи нѣтъ.
Ха, ха, ха!

ПАШИНЬКА.

Блюда не кусаются, — и какъ простужаться,
разгорячаться? — Ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Эй тише, рѣзвухи! Дядю и тетку безпокоите.

ВЪРИНЬКА.

Да вы шутите надъ нами.

МИЛОВИДОВА.

Какъ шучу?

ПАШИНЬКА.

Когда насъ кусали блюда?

ВЪРИНЬКА.

Когда мы разгорячались и простужались.

МИЛОВИДОВА.

Для того, что еще ваши лѣта не тѣ, какъ дя-
дины; да за вами пристально смотрять, наблю-
даютъ, васъ журуютъ.

ПАШИНЬКА.

Да развѣ вы съ тетенькой не наблюдаете за
дяденькой?

МИЛОВИДОВА.

Такъ, другъ мой; но онъ говоритъ, что вѣкъ
свой изжилъ; что подъ опекой ни у кого быть
не хочетъ: такъ что съ нимъ дѣлать? А вы еще
молоды и съ вами управиться можно.

ВЪРИНЬКА.

Мы, милая маменька, изъ вашей воли не вы-
ступаемъ.

М И Л О В И Д О В А .

Я очень довольна, сердечные друзья мои, что вы себя хорошо ведете.

Я В Л Е Н И Е III.

Т Ъ Ж Е И В А Р И Н Ъ К А .

В А Р И Н Ъ К А .

Кондратьи пришли.

М И Л О В И Д О В А .

Позови ихъ ко мнѣ. — Нѣтъ, постой; neodѣтою принять ихъ дурно: чужіе наемные люди. Подите и прикажите имъ, что я вамъ скажу, и пусть сюда прійдутъ: я послѣ посмотрю, что они сдѣлали.

В А Р И Н Ъ К А .

Извольте, маменька.

В Ъ Р И Н Ъ К А .

Мы все исполнимъ, что вы прикажете.

П А Ш И Н Ъ К А .

Точь въ точь, ни единаго словечка не упустимъ.

М И Л О В И Д О В А .

Хорошо: станьте рядомъ.

(Становятся.)

В А Р И Н Ъ К А (вытянувшись по-солдатски).

Вотъ и строй готовъ.

М И Л О В И Д О В А .

Ты все проказничаешь; но тутъ шутки не у

мѣста, гдѣ приказываютъ; вниманіе первый знакъ повиновенія.

В С Ъ В Д Р У Г Ъ .

Да приказывайте жъ, маменька; мы слушаемъ.

М И Л О В И Д О В А (*про себя*).

Какъ бы мнѣ не проступиться. Старикъ любить все попышнѣе, пожирнѣе и пошумнѣе, а сестра, — поскромнѣе, попростѣе и почистосердечнѣе. Не угоди имъ: она нахохлится, а онъ тотчасъ на отрѣзъ брякнетъ: «Спасибо, милостивыя государыни, поддобрехотали!» — Этого-то мнѣ слышать и не хочется; я ихъ право обоихъ люблю. — Но хорошо, слушайте. (*Приказываетъ дѣтямъ*). Ты, Варинька, скажи первому Кондратью, камердинеру, который, за отсутствіемъ управителя, надзираетъ за кухнею: чтобъ приготовилъ между прочимъ *куръ съ шампиньонами*; дяденька это блюдо любить. — Ты, Вѣринька, второму Кондратью, садовнику, вели припасти *вязъ съ повелицей*. Дубу и лавра здѣсь нѣтъ; не равно намъ вздумается отставному служивому поднести, по древнимъ обычаямъ, свойственный ему вѣнокъ. — А ты, Пашенька, скажи третьему Кондратью, музыканту, чтобъ онъ приготовилъ для огромности хоровъ *рогъ съ барабаномъ*. Смотрите же, не забудьте, а я пойду одѣваться.

(*Уходятъ, и тогда же два служителя выносятъ чайный приборъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ протисныя двери входитъ КОНДРАТІЙ, камердинеръ.

ВАРИНЬКА.

Ты, Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Кондратій.

ВАРИНЬКА.

Кондратій первый?

КОНДРАТІЙ.

Какъ нѣтъ здѣсь другаго, такъ первый.

ВАРИНЬКА.

Маменька тебѣ приказала, чтобъ ты между прочими блюдами велѣлъ изготовить куръ съ шампиньонами.

КОНДРАТІЙ.

Хорошо, сударыня.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотчасъ за нимъ входитъ КОНДРАТІЙ музыкантъ.

ВЪРИНЬКА.

Ты, второй Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Послѣ вышедшаго отсюда второй.

ВЪРИНЬКА *(принявъ его за садовника).*

Приготовь для праздника вязъ съ повелицей.

КОНДРАТІЙ.

Вязъ съ повелицей! — На что это!

ВЪРИНЬКА.

Не твое это дѣло.

КОНДРАТІЙ.

Слушаю.

—

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

За нѣмъ тотчасъ входитъ КОНДРАТІЙ садовникъ.

ПАШИНЬКА.

Ты, третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ (садовникъ).

Послѣ двоихъ я третій.

ПАШИНЬКА (принявъ его за музыканта).

Чтобъ былъ готовъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Ахти! кротовъ что ли отпуживать? Но у насъ ихъ нѣтъ.

ПАШИНЬКА.

Что велятъ, то и дѣлай.

КОНДРАТІЙ.

Быть такъ, когда господа приказываютъ.

(Уходитъ.)

ВАРИНЬКА И ВСѢ (вслѣдъ ему кричатъ).

Постой, постой, Кондратій. Когда изготовите, то приходите всѣ сюда, и покажите маменькѣ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЪ ЖЕ И МИЛОВИДОВА.

МИЛОВИДОВА.

Вы все-таки не унимаетесь шумѣть, что вамъ ни говори. (*Осматривается въ зеркало.*) Вотъ я и принарядилась. — Хорошо ли?

В С Ъ (*около ея прыгая, бьютъ въ ладоши.*)

Хорошо, маменька, очень хорошо. Кабы мы большія были такія!

МИЛОВИДОВА.

Не тужите, выростете; будьте только умны. Но пора и вамъ одѣваться: вечеръ на дворѣ, того и смотри, что гости нагрянутъ.

(*Дѣти уходятъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛОВИДОВА (*одна*).

Умненькія, миленькія дѣвочки! Хоть свое рожденье, но какъ не похвалить? — Да здѣсь, полно, никого нѣтъ; я бы при людяхъ этого не сказала; а то насмѣшники тотчасъ разнесутъ, просвищутъ, что я ихъ балую.

—

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

МИЛОВИДОВА И ѲЕДОСЬЯ.

МИЛОВИДОВА.

Что, ты, Ѳеша?

ѲЕДОСЬЯ.

Кондратьи пришли, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

Пусть ихъ войдутъ сюда.

—

ЯВЛЕНІЕ Х.

Три КОНДРАТЪЯ, держащіе въ рукахъ: 1-й туръ (или парикъ) и свернутое бѣлье; 2-й, горшокъ тюльпановъ, окладенный мохомъ; 3-й, басъ со скрипкою.

МИЛОВИДОВА.

Приготовили ль, друзья мои, что вамъ приказывали дѣти?

КОНДРАТЪИ *(всѣ трое вдругъ).*

Все готово, сударыня.

МИЛОВИДОВА *(къ Кондратію, камердинеру).*

Гдѣ жъ?

КОНДРАТІЙ.

Вотъ здѣсь.

МИЛОВИДОВА.

Да что это?

КОНДРАТІЙ.

Туръ съ панталонами.

(Кладетъ на столъ.)

М И Л О В И Д О В А .

Какъ? Тебѣ приказывали куръ съ шампиньонами.

К О Н Д Р А Т І Й .

Мнѣ такъ послышалось.

М И Л О В И Д О В А .

Какой вздоръ! (къ Кондратию садовнику.) У тебя что?

К О Н Д Р А Т І Й .

Мохъ съ тюльпаномъ.

(Ставитъ на столъ.)

М И Л О В И Д О В А .

Какая чепуха! Тебѣ приказанъ рогъ съ барабаномъ.

К О Н Д Р А Т І Й .

Я не музыкантъ.

М И Л О В И Д О В А (къ Кондратию, музыканту).

У тебя что? Вязъ съ повелицей?

К О Н Д Р А Т І Й .

Нѣтъ! Басъ со скрипичей.

(Кладетъ на столъ.)

М И Л О В И Д О В А .

Ха, ха, ха, ха! Сумасшедшіе! Откуда вамъ въ голову вошла такая нелѣпица?

К О Н Д Р А Т Ы И В С ъ Т Р О Е .

Намъ барышни такъ приказали.

М И Л О В И Д О В А .

Не можетъ быть. Позови сюда, Федосьюшка, барышень.

(Федосья уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЪ ЖЕ, КРОМЪ ѲЕДОСЬИ.

МИЛОВИДОВА.

Не вѣрю, не вѣрю, чтобъ барышни вамъ такой сумбуръ приказали. Я имъ на носъ нарубила, кому что приказать.

КОНДРАТІИ 1-й.

Я крѣпокъ на ухо и приготовилъ по своей должности, что баринъ всякій день носить.

КОНДРАТІИ 2-й и 3-й.

А мы точка въ точку то сдѣлали, что намъ велѣно.

МИЛОВИДОВА (*сердито*).

Что за безтолковщина? — Вотъ каково тамъ, гдѣ много Кондратьевъ! Смѣхъ отъ нихъ и горе! Тому прикажи, того спроси, и увидишь хоть Кондратья, да не Кондратья? Ѳедотъ, да не тотъ; одинъ на другаго сваливаетъ. Тфу какая пропастъ! Да вѣдь барышни васъ видѣли?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Видѣли.

МИЛОВИДОВА.

И сами съ вами говорили?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Говорили.

МИЛОВИДОВА.

И такъ онѣ что нибудь вамъ приказывали?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Для чего жъ вы не то сдѣлали, что вамъ приказывали?

КОНДРАТІЙ 1-й.

Отъ того, какъ я ужъ сказалъ....

КОНДРАТІЙ 2-й.

Мы позамялись было.

МИЛОВИДОВА.

Да что жъ?

КОНДРАТІЙ 3-й.

Но господамъ мало ли какія нескладицы въ голову приходятъ: то мы и исполнили.

МИЛОВИДОВА.

Да вотъ и дѣти идутъ: посмотримъ, кто изъ васъ правъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТЪ ЖЕ, ВАРИНЬКА, ВЪРИНЬКА И ПАШИНЬКА
въ нарядныхъ платьяхъ, и ѲЕДОСЬЯ.

ВАРИНЬКА.

Чего изволите, маменька?

МИЛОВИДОВА.

Что вы, проказницы, начудесили? Вертушки, вѣтреницы! — А я васъ еще хвалила.

ВЪРИНЬКА.

Мы ничего не сдѣлали дурнаго.

ПАШИНЬКА.

Кромѣ того, что вы приказывали.

М И Л О В И Д О В А .

Какъ ничего? Спросите ихъ сами, что они надѣлали. То ли вы приказывали?

ВАРИНЬКА (къ Кондратію,
каммердинеру).

Я тебѣ приказала приготовить куръ съ шам-
пиньонами.

1-й КОНДРАТІЙ.

Миѣ слышалось: туръ съ панталонами.

ВѢРИНЬКА (къ Кондратію, са-
довнику).

Тебѣ я велѣла вязъ съ повелицей.

2-й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, басъ со скръицей.

ПАШИНЬКА (къ Кондратію, му-
зыканту).

Тебѣ рогъ съ барабаномъ.

3-й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, мохъ съ тюльпаномъ.

МИЛОВИДОВА (Кондратьямъ).

Какая чертовщина! — Да кто изъ васъ пер-
вый, кто второй и кто третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ (каммердинеръ).

Я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ (садовникъ).

Нѣтъ: ты первый Кондратій по дому, а по
мастерству я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ (музыкантъ).

Нѣтъ: ты второй Кондратій по дому, а я пер-
вый былъ у барышень.

МИЛОВИДОВА.

Смотри, пожалуй, разбери между ими: кто у нихъ первый и кто послѣдній, и кто кому приказывалъ; найди виноватаго, найди тутъ толкъ! Но истину сказать, я сама не права. По склонности къ дѣтямъ, по лѣности моей, приказала имъ сдѣлать распоряженіе: вотъ и вышелъ болтунъ. Ахъ! да я ли первая, я ли послѣдняя? — У насъ на Руси въ дворянскихъ домахъ, по безчисленной сволочи людей, по барской изнѣженности господъ, нерѣдко случаются такія суматохи; а особливо, гдѣ много Кондратьевъ. Но какъ же быть? Свое все мило. — Что жъ вы молчите? Дайте мнѣ виноватаго.

(Дѣти и Кондратьи спорятъ, ссорятся, толкаютъ другъ друга, гоняютъ, бѣгая по комнатѣ; мужчины же шляпами замахиваются и поютъ.)

ХОРЪ.

КОНДРАТІЙ (каммердинеръ).

Я первый Кондратій,
Мой туръ съ панталоны.

ВАРИНЬКА.

Не могъ ты понять, —
Твой куръ съ шампиньоны.

КОНДРАТІЙ (садовникъ).

Второй я Кондратій,
Мой вязъ съ повелицей.

ВЪРИНЬКА.

Нѣтъ очень не кстати, —
Твой басъ со скрыпницей.

К О Н Д Р А Т І Й (музыкантъ).

Я третій Кондратій,
Мой рогъ съ барабаномъ.

П А Ш И Н Ъ К А.

Не долженъ ты лгати, —
Твой мохъ со тюльпаномъ.

Б А Р Ы Ш Н И К О Н Д Р А Т Ъ И (всѣ вообще).

Мой туръ съ панталоны,
Туръ, туръ, туръ.
Нѣтъ, куръ съ шампиньоны,
Куръ, куръ, куръ.
Мой вязъ съ повелицей,
Вязъ, вязъ, вязъ.
Нѣтъ! басъ со скрынницей,
Басъ, басъ, басъ.
Мой рогъ съ барабаномъ,
Рогъ, рогъ, рогъ.
Нѣтъ! мохъ со тюльпаномъ,
Мохъ, мохъ, мохъ.

М И Л О В И Д О В А.

Да долго ль вамъ орать и спорить! Сумасшедшіе! бѣшеные! Перестаньте, перестаньте, а не то я васъ всѣхъ уйму.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТЪ ЖЕ И КОЛДУНЬЯ. *Старуха въ черномъ платьѣ, сгорбившись, подъ маскою, съ посохомъ въ рукахъ. Увидя ее, всѣ умолкаютъ.*

КОЛДУНЬЯ.

Что за кутерьма? Что за жидовская школа? И слыхомъ не слыхано, видомъ не видано этакого содому. Господа наши живутъ тихо и смирно, ни колыхнуть, ни шелохнуть; а вы заварили такую кашу!

МИЛОВИДОВА.

Добро пожаловать, старушка! Ты, конечно, ворожеюшка? Угадай-ка, милая моя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ? — Однѣ говорили, а другіе слушали: но не то надѣлали. Ужъ никакъ, право, не спроста! — Перепутались такъ, что голова, право, вкругъ идетъ.

КОЛДУНЬЯ *(оглядывая вслѣдъ съ головы до ногъ)*.

О, милья мои! не безъ лихихъ людей. Похлестали, проклятые; завязали глазоньки, отняли красное солнышко. Правда, нынѣ много такихъ причинъ. Видно напущено. Всякой приказывать гораздъ, а исполнять никто. Но можно пособить этому. Я помаракую. Подите ко мнѣ, Кондратьюшки, и вы, любезныя дѣтушки, поближе. Я уже слѣпа, *(надѣвая очки)* худо вижу. *(Шепчетъ въ платокъ.)* Вотъ на! Безпорядица, безпорядица, мать моя! По дѣтскимъ приказамъ не въ очередь, не кстати, не благосло-

вась, не свои, а чужія дѣла, по пересказамъ, по переговорахъ, нѣсколько Кондратьевъ, не зная, кто первый, кто послѣдній, въ угожденіе прихотей вашей милости, должны были исполнить; а ты, мой свѣтъ! сама за ними не посмотрѣла: то чего тутъ добра ждать? Всталъ дымъ коромысломъ, и вся эта кутерьма отъ Кондратьевъ.

М И Л О В И Д О В А .

Такъ, бабушка, ты правду говоришь: я виновата. Какъ же быть? Но досаднѣе всего, что праздникъ не въ праздникъ. Хозяинъ разгорячится, хозяйка перетрусится; вмѣсто удовольствія, выйдетъ непріятность.

К О Л Д У Н Ъ Я *(сбрасывая съ себя черное платье и маску, открывается хозяйкою дома).*

Нѣтъ, любезная сестрица и милыя мои дѣвушки! *(всѣхъ ихъ цѣлуя.)* Вы непріятности мнѣ ни какой не сдѣлали. Все къ празднику готово. Я иногда слыхала, что вы роптали на безпрестанные мои хлопоты по хозяйству и винили меня за то, что я очень заботлива: то чтобъ доказать вамъ того необходимость и оправдать себя предъ вами, я вымыслила эту шутку и, притворяясь больною, сыграла комедію, чтобы вы сами видѣли: что не свой глазъ, не любой кусъ. — Кутерьма отъ Кондратьевъ!

О Б Щ І Й Х О Р Ъ .

Дома въ устройствѣ,
Духа въ спокойствѣ

Все счастье лежитъ.
Милы прохлады,
Гости гдѣ рады
Поѣсть и попить;
Оставя дѣлъ вздоры,
Попрыгать подъ хоры,
Въ деревнѣ пожить.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1806 году. Эта домашняя шутка сочинена для дѣтей, племянницъ автора, Львовыхъ, которыя пріѣхали погостить къ автору на его именины. Поводомъ къ сочиненію ея было частое столкновение трехъ Кондратьевъ, бывшихъ въ услугахъ у автора: одинъ изъ нихъ былъ камердинеръ, другой садовникъ, а третій музыкантъ, и когда одному давалось порученіе, нерѣдко каждый изъ нихъ исполненіе присвоивалъ себѣ.

СЛІІ.

ПРОДЪ И МАРИАМНА.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Угодно было сему почтенному сословию предложить въ Вѣдомостяхъ о сочиненіи трагедіи. Многія были представлены, изъ коихъ одна и увѣнчана награжденіемъ. Но я не съ тѣмъ, чтобъ состязаться съ изящными талантами, или получить награду, а единственно, чтобъ исполнить волю Академіи, рѣшившись испытать силъ своихъ въ семъ родѣ стихотворства, которымъ я никогда не занимался, сочинилъ трагедію, при семъ прилагаемую, подъ названіемъ *Иродъ и Маріамна*, посвящая оную Россійскому Парнаксу.

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Желая показать опытъ ничтожныхъ моихъ способностей въ драматическомъ искусствѣ, избралъ я, по мнѣнію моему, удобнѣйшей къ тому отрывокъ изъ Древней Исторіи оставленной намъ Іосифомъ Флавіемъ, писателемъ о войнѣ Іудейской, въ которомъ описываетъ онъ жизнь царя Ирода и его супруги такимъ образомъ, что могутъ они въ самыхъ твердыхъ душахъ произвести сожалѣніе и ужасъ. Вольтеръ сіе самое событіе обработывалъ въ трагедіи своей, названной имъ *Маріамною*. Онъ представилъ Ирода, кажется мнѣ, со стороны только ревности къ его супругѣ, а Маріамну со стороны привязанности къ ея дѣтямъ. Первая, по возвращеніи супруга изъ Рима, боясь суроваго его нрава, соглашается отъ него уѣхать подъ покровительство Августа съ княземъ Согемомъ, любовникомъ Соломін, сестры Ирода. Сія жестокая душа, мстя за то, оклеветываетъ ее въ любви къ Согему предъ Иродомъ. Онъ изъ ревности приказываетъ умертвить свою супругу; но послѣ, узнавъ ея невинность, раскаивается и сходитъ съ ума. Самый сей знаменитый писатель при первомъ изданіи помянутой своей трагедіи въ предисловіи говоритъ,

что содержаніе сіе, дабы представить его болѣе трагическимъ, требуетъ обширнѣйшаго поля, чѣмъ описанныя имъ только ревность мужа и сварливость жены по домашнимъ ихъ ссорамъ. Онъ объясняетъ, что съ одной стороны государь, названный народомъ своимъ великимъ, влюбленный страстно въ прекраснѣйшую жену въ свѣтѣ, терзаемый къ ней ревностію, борющійся между добродѣтелями и злодѣянїями, мучимый по минувшимъ и настоящимъ жестокостямъ своею совѣстію, преходящій быстро и безпрестанно отъ любви къ ненависти, а отъ ненависти къ любви, подстрекаемый честолюбіемъ сестры и хитростію министровъ; а съ другой стороны царица, его супруга, находящаяся въ жестокомъ, положенїи, что при всей добродѣтели, красотѣ и славѣ, видитъ супруга своего безпрестанно къ ней ревнующаго, самыхъ ближайшихъ ея родственниковъ преданныхъ имъ смерти, и при всемъ томъ долженствующая любить его, образуютъ въ себѣ важнѣйшіе предметы къ трагическому представленїю и къ большому писателей подвигу. Я, такое славнаго сего трагика примѣчаніе взявъ въ соображеніе, покусился, слѣдуя его совѣту, распространить мое поприще, сколько силъ моихъ и способностей достало; но не изъ однихъ моихъ вымысловъ, а большею частію изъ самой Исторїи, которую читатели ежели благоволятъ прочесть, то увидятъ, что не токмо дѣйствующія лица (кромѣ Кады), но и мимохо-

домъ упоминаемыя также происшествія и даже нѣкоторыя мысли, взяты оттуда. Впрочемъ, жестокія, кровожаждущія выраженія, а также и восточный слогъ употребилъ я нарочно, дабы сколько возможно ближе и изобразительнѣе представить характеръ еврейскаго народа, изъ коего суть всѣ почти дѣйствующія лица. Погрѣшилъ бы, кажется, и былъ бы подверженъ справедливому осужденію художниковъ благо-разумныхъ, ежели бы Палестинцевъ заставилъ я изъясняться чувствами и оборотами Французовъ. Главное правило писателей — слѣдовать природѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Иродъ, Царь Іудейскій, простаго Идумейскаго происхожденія.

Маріамна, его супруга, изъ царскаго поколѣнія Іудина или Асмонѣевъ.

Соломія, сестра его, названная Антипатру матерь.

Антипатръ, сынъ его отъ первой жены Дорисы, намѣстникъ Іерусалима.

Александръ, } дѣти его малолѣтнія отъ Маріамны, 12
Аристовулъ, } и 11 лѣтъ.

Архелай, внукъ его, воспитанный въ Римѣ.

Совернъ, сродникъ Маріамны, наперсникъ Иродовъ, приставъ у нея и у дѣтей.

Варръ, проконсулъ Римскій.

Када, наперсница Маріамны.

Юда, виночерпій.

Юноши и дѣвы, составляющіе хоры.

Сендаринъ или Сангедринъ,

сенатъ Іудейскій.

Придворные.

Воины римскіе и еврейскіе.

} Безъ рѣчей.

Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимъ, во дворцѣ Ирода.

ПРОДЪ И МАРИАМНА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Притворъ чертоговъ царскихъ, изъ аркъ коего видѣнъ городъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОЛОМІЯ И АНТИПАТРЪ.

СОЛОМІЯ.

Какъ, Антипатръ, ты здѣсь? Вы прибыли изъ
Рима?

А гдѣ же царь, мой братъ?

АНТИПАТРЪ.

Толпа необозрима
Гражданъ, стѣснивъ его среди градскихъ во-
ротъ,
Препятствуетъ итти. Онъ, радостный народъ
Зря вокругъ себя, стоитъ, внимаешь плесковъ
грому.

Я о прибытіи его свѣтлѣйшу дому
Далъ Маріамнѣ вѣсть, устроилъ въѣзда чинъ
И се пришелъ къ тебѣ.

СОЛОМІЯ.

Народа плескъ! — О, сыны!
И Маріамнѣ вѣсть! Такое изрѣченье

Кинжалъ во сердце мнѣ. Ахъ! прежде бѣ пору-
ченье

Какъ совершилъ мое, спѣшилъ ты мнѣ сказать,

Увеселяютъ ли такъ дѣти нѣжну мать?

Знавъ Соломію ту презрѣнну Маріамной,

Дерзнулъ ее ласкать мнѣ вѣстью нежеланной.

Но по внушеніямъ что сдѣлалъ ты моимъ

И письмамъ, посланнымъ къ тебѣ недавно въ
Римъ?

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Что можно было, — все.

С О Л О М І Я .

Но какъ же могъ явиться
Тиранъ обратно здѣсь? Сему не можно бѣ
сбыться,

Когда бѣ ты въ дѣйствіе совѣтъ мой произвелъ

И хитростью къ метѣ назначенной дошелъ.

Ужели подтверждать должна тебѣ я снова?

Что онъ, хотя мой братъ, но изверга столь злова

Не можетъ болѣе сносить уже народъ;

Что долгъ твой истребить весь Асмонѣевъ родъ;

Что быть счастливою не можетъ Палестина,

Поколь отцу его подобна властелина

Дѣлами, именемъ, со мной въ тебѣ не зрить.

Намъ къ цѣли сей дойти былъ необманчивъ
видъ.

Я, управляя здѣсь имъ порученнымъ цар-
ствомъ,

Щедротой, милостью и сладкихъ словъ ковар-
ствомъ

Умѣла чернь, вельможъ въ свою вовлечь такъ
сѣть,

Что мнила всѣхъ сердца въ рукѣ своей имѣть;
А доведя всѣ тѣ злодѣйствія до Рима,

Какими отъ нея страна сія томима,
Въ тѣ дни, какъ ужъ его, Антоніи, другъ и
богъ,

Ниспадшій съ высоты, помочь ему не могъ,
Какъ Августъ, всѣмъ друзьямъ Антонія мстя
злобно

И Ироду былъ врагъ: во время толь удобно
Могла ль я жребія себѣ такого ждать,
Чтобъ Маріамнѣ вновь рабынею мнѣ стать?

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Знать, рокъ такъ положилъ.

С О Л О М І Я .

Вотще винить судьбину:

Добра и зла содержимъ мы причину.

Нѣтъ, если бъ болѣе ты ревности имѣлъ, —

Препятства бы самой судьбы преодолѣлъ.

Но ты не чувствуешь къ отечеству любви,

Не тщишься унимать его потоковъ крови

И дѣда снисканный достоинствомъ вѣнецъ

Не хочешь, чтобъ взложилъ твой на тебя отецъ;

Но младшимъ братіямъ даришь его въ наслѣд-
ство.

Не трогаетъ тебя, знать, и мое ужъ бѣдство,

Что съ Селіемъ меня онъ разлучилъ драгимъ

И Маріамнинымъ насмѣшкамъ предалъ злымъ?

Но какъ же, Антипатръ, ахъ! какъ сіе случи-
лось,

Что сердце Августа ко Ироду смягчилось
И паки нашъ онъ царь?

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Зри опытъ въ немъ ума
И духа твердаго, — и удивись сама;
Потомъ скажи ты мнѣ, что дѣлать было можно?
Иной бы размышлять сталъ прежде осторожно,
Какъ къ повелителю вселенной подступить,
Какъ гнѣвъ того на милость преклонить,
Предъ трономъ коего патриціевъ соборы,
Сѣдой сенать царей, вокругъ ликторекіе взоры
Блестя съ сѣкирами, какъ молніи горять:
Предъ коимъ узники въ вѣздахъ у ногъ ле-
жатъ?

Но Иродъ, не смотря на все сіе, свободно
Предсталъ предъ сонмомъ симъ и важно, бла-
городно,

Какъ вѣщценосецъ самъ, такъ цезарю сказалъ:
«Познай, въ Антоніи я друга потерялъ.

«Угодно такъ судьбѣ. Но вѣрь, не мною стало,

«Что верхъ надъ нимъ твое оружие одержало.

«Отъ Клеопатры нѣгъ совѣтъ мой былъ отстать

«И вновь отважно вестъ на бой ея всю рать,

«Чтобъ твой оснорить лавръ противъ и рока
злова;

«На помощь грудь ему сія была готова.

«Я думалъ, нашъ союзъ и истинная честь

«Велѣли мнѣ себя противъ тебя такъ вестъ;

«Но какъ онъ пренебрегъ сей вѣрный опытъ
дружбы,

«То право далъ искать и у тебя мнѣ службы.

«Угодна ли она? — Прійми меня въ покровъ:
«Я раздѣлить съ тобой добро и зло готовъ.
«Всѣ пользы сохраню твои и въ Палестинѣ,
«Какъ для Антонія я ихъ хранилъ повинѣ;
«Сбиралъ богатство тамъ, могущихъ низилъ
часть;
«Но тѣмъ поддерживалъ я только Рима власть.»
Такъ рекъ. И послѣ столь великаго признанья
Тму привезенныхъ въ даръ сокровищей бли-
станья
Онъ въ Капитоліи, какъ бездны звѣздъ, от-
крылъ:

Октавія умомъ, Римъ златомъ побѣдилъ.

с о л о м і я .

О, дерзостный хитрецъ! — Но что жъ по пись-
мамъ тайнымъ?

а н т и п а т р ь .

Развратный Римъ не счелъ то чудомъ чрезвы-
чайнымъ,

Супругу что въ любви супруга невѣрна.

Но чтобъ была въ кого царица влюблена,

Не вѣрилъ я и самъ. Однако же искусно

Въ знатнѣйшихъ я домахъ пересказалъ изустно,

За тайну между женъ разсѣялъ подъ рукой,

Что мой отецъ не такъ счастливъ второй же-
ной;

Что ты ее, храня отъ общества дурнаго,

Страдалицей сама должна быть права злаго.

И въ семь-то я успѣлъ. До Ирода сей слухъ

Едва достигъ, смутилъ надменный, скрытый
духъ.

Однажды возвратясь съ любовныхъ игръ по-
зора,

Вздыхалъ и, на меня бросая стрѣлы взора,
Пытливо онъ спросилъ: не знаю ль я чего,
Происходящаго въ семействѣ у него?

Я — какъ бываетъ то съ придворными нерѣд-
ко —

Внималъ его словамъ и молча цѣлилъ мѣтко,
Въ котору сердца часть пустить ему стрѣлу;
Примѣтя жъ взоръ его, какъ огонь блестящъ
сквозь мглу,

Отъ ревности къ своей супругѣ несравненной,
Съ улыбкой хитрою, въ полслова рѣчью темной
Раздулъ пожаръ. Когда жъ твой съ перлами
ковчегъ

Черезъ Акму къ Юліи принесъ, то средь утѣхъ
Она, однажды съ нимъ занявшись Маріамной,
Рекла, что красоты сей образъ зрѣла славной
Въ вещахъ Антонія у Августа въ рукахъ.

Какъ громъ слова сіи его расшибли въ прахъ;
Какъ разума съ тѣхъ поръ неистово лишенный,
Въ молчаньи Рима онъ спѣшилъ оставить
стѣны;

Но на пути открылъ терзанія свои.
Днесъ восшиять въ сердцахъ супруговъ сихъ
змѣн.

СОЛОМІЯ.

Удаченъ подвигъ твой, довольна я тобою —
Здѣсь можемъ довершить. Пускай себя собою
Ревнующій духъ рветъ. (Слышны трубы.) Я слы-
шу трубный гласъ.

Будь скромень и поди, съ дворомъ соединясь.
Я встрѣчу здѣсь царя. (*Антипатръ уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е II.

С О Л О М І Я (*одна*).

Такъ много мнѣ послушенъ!

А я боялася, что онъ равнодушенъ
Къ соперницѣ моей. Но и на сей конецъ
Мой вымысль былъ бы вдругъ ударъ для двухъ
сердецъ:

Тому по ревности, сему по неудачѣ.

Да еслибъ весь Сіонъ погрязъ въ крови и плачѣ,
Что въ томъ? — а только бы мнѣ Антипатра
ввесть,

Какъ соучастника, свершить желанну мечь!

А тамъ, — о, вѣрно такъ! такими лишь путями
Изъ мглы кометы вдругъ блистаютъ со звѣз-
дами.

Я В Л Е Н І Е III.

Иродъ и Антипатръ съ одной стороны входятъ въ великолѣпномъ послѣдованіи римскихъ знаменосцевъ и ликторовъ подъ хоромъ юношей; а съ другой съ придворными Маріамна, Александръ, Аристокбуль, Совернь, Юда и Када, съ хоромъ дѣвъ, встрѣчая царя въ томъ же притворѣ, Соломія къ нимъ присоединяется. Юноши и дѣвы держатъ въ рукахъ оливныя и пальмовыя вѣтви.

Х О Р Ъ О Б Щ І Й.

Воскликните, врата Солима!
Плещи руками, Иорданъ:

Грядетъ Четверовластникъ Рима,
Владыка Палестинскихъ странъ;
Грядетъ мужъ равный Соломону —
Играй Эсфирь, ликуй Агарь!
Великолѣпье храму, дому
Ведетъ съ собою славы царь.

Х О Р Ъ Ц А Р И Ц Ы .

Какъ роза юна горь средь лона
Ждетъ майскія къ себѣ росы,
Царица нѣжная средь трона
Такъ ждетъ царя лобзать красы.

Х О Р Ъ Ц А Р Я .

Какъ горликъ съ высоты небесной
На горлицу глядитъ въ тѣни:
Супруги образъ такъ прелестной
Желалъ царь зрѣть разлуки въ дни.

Х О Р Ъ О Б Щ И Й .

Воскликните, врата Солима!
Плещи руками, Иорданъ:
Пришелъ Четверовластникъ Рима,
Владыка Палестинскихъ странъ;
Пришелъ мужъ равный Соломону —
Играй Эсфирь, ликуй Агарь!
Великолѣпье храму, дому
Привелъ съ собою славы царь.

И Р О Д Ъ .

О, какъ я восхищенъ и сердцемъ и душой,
Что вижу здоровыхъ васъ любезнѣйшихъ со
мной.

*(Обнимая цалуетъ Маріамну, Соломію
и дѣтей).*

МАРІАМНА.

Стократно счастлива, утѣшна я, блаженна,
Что предъ собою зрю супруга возвращенна.
Отсутственъ отъ меня и удаленъ ты былъ,
Но изъ души моеи на мигъ не исходилъ.

ПРОДЪ.

Пріятно, мило миѣ, любезная супруга,
Коль прежняго во миѣ и ты находишь друга.

МАРІАМНА.

Какъ! друга прежняго? — Когда тобой дышу,
То почему твое сомнѣніе вошу?

ПРОДЪ.

О! вѣрю, вѣрю я; ни въ чемъ не сомнѣваюсь:
На сладость лестныхъ словъ, какъ прежде, по-
лагаюсь.

МАРІАМНА.

Но не слова одни, ты видишь вздохи, взгляды;
Что я въ тебѣ одномъ моихъ ищу отрады;
Что я страдавья всѣ разлуки забываю,
И сердцемъ и душой любя тебя встрѣчаю.
Ты видишь....

СОЛОМІЯ (*перебивая рѣчь*).

Видишь ты, любезный братъ, какъ дворъ
Весь на тебя стремить съ восторгомъ жадный
взоръ;
Но наше искренно ль тебя теперь лобзанье,
Узнаешь лично самъ въ твоемъ здѣсь пребы-
ваньи.

ПРОДЪ (*съ пріязнію*).

Я цѣну дружескихъ твоихъ всѣхъ знаю словъ;
Съ тобою въ насъ течетъ одноутробна кровь;

И разлученіе тебя не прохладило;
Но паче опытомъ союзъ намъ утвердило.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ И А Р И С Т О Б У Л Ъ (*об-
нимая у Ирода колѣна*).

Какъ счастливы твоихъ лобзаньемъ мы колѣвъ!
А Р И С Т О Б У Л Ъ.

Какъ радостны, что къ намъ родитель возвра-
щенъ

М А Р І А М Н А (*съ ильжностію*).

Блаженство паки намъ!...

И Р О Д Ъ (*посмотря на нее съ по-
дозрѣніемъ, къ прочимъ*).

Великъ Господь въ Сіонѣ!

Въ первосвященничей и царской я коронѣ;
Столицей міра днесъ, какъ прежде, отличенъ;
Какъ былъ Антоніемъ, такъ Августомъ по-
чтенъ;

Сенать и весь народъ могущественна Рима
Союзника во мнѣ того неколебима

И друга вѣрнаго опять себѣ призналъ,
Который въ браняхъ съ нимъ враговъ его сра-
жалъ,

Кѣмъ Галль, и Парѣ, и Грекъ, Аравы, Си-
ріяны

И Цельты съ Мидяны, съ Египтяны поправы,
И словомъ, Римлянамъ кто столь стяжалъ по-
бѣдъ,

Колико на себѣ сія грудь ранъ несетъ.

Въ награду за сіе свою являя дружбу,

Повѣрили они мнѣ ихъ орловъ на службу,

Которыхъ быстрой громъ поможетъ скоро мнѣ

Иону съ Торіемъ увидѣть въ тишинѣ.
Съ Евфратомъ Иорданъ глаголь мой внять со
трона,
Съ береговъ ихъ смоютъ прахъ оставшій Анти-
гона.
Одинъ я странъ сихъ царь, симъ градомъ овла-
дѣвъ;
И горе, горе тѣмъ, (*взглядывая сурово на Маріамну*)
кто мой возбудитъ гнѣвъ.

МАРІАМНА.

Винять одни дѣла.

ИРОДЪ.

И мыслью ополчиться
Кто на меня дерзнетъ, тотъ съ смертью обру-
чится.
Народамъ покажу въ владычествѣ моемъ,
Какъ имъ благоговѣтъ надлежитъ предъ ца-
ремъ;
Какъ слово, взоръ его разить ихъ можетъ
грозно, —
Преступнымъ предо мной раскаяніе поздно,
И словомъ, кто мою потрясть предприметъ
власть,
Тѣхъ горестна, бѣдна и смертоносна часть;
Кровавыхъ рѣкъ слѣды за ними псы поли-
жутъ,
И домочадцы устъ своихъ къ нимъ не прибли-
жутъ,
Развѣю самый прахъ!

СОЛОМІЯ.

Гнѣвъ правды царской строгъ.

МАРІАМНА.

Царь мудрый праведенъ и милосердъ, какъ
Богъ.

и р о д ъ.

Потщусь представить я величье Бога въ славъ.
Судомъ и милостью въ подвластной мнѣ дер-
жавѣ

Коснется онъ горамъ, — и горы кроетъ дымъ;
Такъ на враговъ сверкну и я мечемъ своимъ.
Посмотритъ онъ на доль, — и доль въ цвѣтахъ
пестрится:

Такъ на моихъ друзьяхъ щедрота просвѣтится.
Пребудетъ скиптръ, мой жезлъ, неумолимъ для
злыхъ,

А осѣненіемъ смиренныхъ и благихъ.

Исполню я во всемъ законы Моисея

Въ сынахъ Вахидовыхъ, въ сынахъ и Асмонея:

За око, око я, за зубъ исторгну зубъ.

Внемли мнѣ, Антипатръ, завтра съ гласомъ
трубъ

Вели въ украшенномъ изящнѣй Соломона
Мной храмъ огнь возгнестъ, и жертвъ среди
амвона,

Да всесожженіемъ святая во святыхъ
Горѣ, какъ дымъ съ кадилъ, взойдетъ вздохъ
чувствъ моихъ

Къ Отцу моихъ отцовъ, ко Богу Авраама:

Сердечный жаръ Ему пріятнѣй еиміама.

Открой народу всѣхъ сокровищей корванъ,

Разсыпь предъ сонмъ вельможъ и злато и ли-
ванъ.

Но праздникъ чтобъ сей былъ днемъ свѣт-
лымъ, днемъ правдивымъ,
Вкругъ стѣнъ градскихъ воздвигнь кресты въ
позоръ кичливымъ,
Да распнутся на нихъ. — Главъ буйныхъ не
терплю.

Не пощажу и тѣхъ, которыхъ я люблю.

*(Грозно взглянувъ на Маріамну, уходитъ,
а за нимъ и прочіе, кромь Антипатра и
Соверна.)*

Я В Л Е Н І Е IV.

АНТИПАТРЪ И СОВЕРНЪ.

С О В Е Р Н Ъ.

Царь принялъ холодно привѣтствіе царицы
И гнѣвно, отходя, къ ней обращалъ зѣнцы.

А Н Т И П А Т Р Ъ.

Услужники двора сквозь сердце могутъ зрѣть.
Улыбка, слово, взглядъ имъ царскій — жизнь,
иль смерть.

Такъ, тонкій царедворъ, пловецъ въ морской
пучинѣ,

Близъ берега плыветъ и волнъ плыветъ въ
срединѣ;

Умѣетъ парусомъ попутный вѣтръ ловить,
Путями разными до пристани дойти.

Что мнѣ ты возвѣстишь о встрѣчѣ сей холод-
ной?

С О В Е Р Н Ъ.

Какъ знать?

АНТИПАТРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! скажи.

СОВЕРНЪ.

Въ душѣ сей честной, скромной,
Открыто все тебѣ. Увѣрить не могу;
А въ томъ, что знаю я, конечно, не солгу.
Единый изъ пѣвцовъ, искуснѣйшій въ музыкѣ,
Пѣвалъ нерѣдко съ ней духовны пѣсни къ ликѣ.

АНТИПАТРЪ.

И въ Римѣ былъ сей слухъ. — Но царь какъ
отъ тебя
Отчету спроситъ въ томъ, царицу столь любя,
Что скажешь ты тогда? Иль онъ внушенъ тобою?

СОВЕРНЪ.

Нѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Не хочу жъ я быть сей спутанъ новизною;
А дѣлайте, что вамъ вашъ тонкій умъ велитъ;
Но вѣдай, ревностью гнѣвъ яростиѣй кипитъ.
О, дѣти бѣдныя! несчастна Маріамна!
Какъ душу васъ люблю; но ваша жизнь печальна.

Совернъ, брегись сихъ тучъ!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

СОВЕРНЪ (одинъ).

Что сдѣлалъ я? Напасты!
О, пагубна къ вѣстямъ и пересказамъ страсть!

Но если свѣдалъ царь вселенныя въ столицѣ,
Что я предатель былъ и тайнъ его царицѣ:
Куда сокроюсь я? Чья защититъ пріязнь?
Неизбѣжима мнѣ позорна люта казнь! (*Подумавъ*)
Но тонкимъ ли я быть вельможей не умѣю?
О! хитрость! я къ тебѣ днесь обратиться смѣю.
(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренніе чертоги царицы.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРІАМНА И КАДА.

МАРІАМНА.

Хоть радуетъ меня супружескій пріѣздъ,
Но грусть какая-то уныло сердце ѣстъ.
Ужъ не еще ли что сплетаетъ Соломія?
Чего ждатель отъ жены столь гордыя, столь злыя?
Когда власть царскую должна съ себя сложить:
На мнѣ урокъ вѣнца не думаетъ ли мстить?
Препнувъ съ царемъ мнѣ рѣчь изъ тайныя до-
сады,
Бросая на меня презрительныя взгляды,
Дала мнѣ чувствовать всю ненависть свою:
А мой супругъ ласкалъ презорщицу мою!
Увы! что сдѣлалось? — Не вѣдаешь ли, Када,
Причины ты сему?

КАДА.

По общу слуху града,
До Юліи дошла отсель будто вѣсть,
Мрачащая твою предъ нею дружбу, честь.

МАРІАМНА.

Предъ Юліею честь мою? — Не понимаю.

КАДА.

Какой-то образъ твой въ даръ цезарю....

МАРІАМНА.

Не знаю!

КАДА.

И безъ супруга здѣсь въ забавахъ ты жила.

МАРІАМНА.

О! нестрашна сія ужъ для меня хула.
Отъ Соломіи баснь сія, знать, происходитъ.

КАДА.

Не менѣе она царя на гнѣвъ наводитъ.

МАРІАМНА.

Недивно, и легко сіе возможетъ быть:
Крутой, горячій нравъ нетрудно возмутить.
Ты знаешь Иродомъ владѣющія страсти:
Привязанъ женъ къ красѣ и блеску царской
власти,
Кипитъ и рвется въ немъ къ нимъ ревностію
духъ;
Наперсница сама и самый лучшій другъ
Противѣютъ ему, изъ сердца вонъ женутся,
Коль скоро слабостямъ симъ нѣжнымъ прикос-
нутся.

Опасенъ первый гнѣвъ.

К А Д А.

Не разъ онъ гроба дверь
Невиннымъ отверзалъ. — И милъ тебѣ сей
звѣрь?

М А Р І А М Н А.

Не сокрушай меня такимъ напоминавьемъ.

К А Д А.

Нельзя и не мерзить гнуснѣйшимъ злодѣяньемъ.

М А Р І А М Н А.

Молчи! не намъ судить дѣянiя царей.

Ихъ участь связана съ блаженствомъ ихъ
людей.

Пускай ихъ судить Богъ; а мы, благоговѣя,
Пороки, страсти ихъ оплачемъ сожалѣя.

Ты въ томъ свидѣтель мнѣ, я въ горестяхъ ка-
кихъ

Извѣстъя лютыя сама печалей злыхъ,

Близъ гроба будучи, не разъ переносила,

Какъ смерть насильственна моихъ родныхъ ко-
сила:

Ирканъ, мой добрый дѣдъ, изъ Паревовъ возвра-
тятся,

Несчастно кончилъ вѣкъ, въ темницѣ глазъ ли-
шась;

Священнаго сего защита бывъ Солима,

Мой дядя, Антигонъ, позорно палъ средъ Рима;

Мой братъ, Аристобуль, цвѣтъ истый, образъ
мой,

Въ купальнѣ задушенъ подкупленной толпой;

О матери моей сама ты мнѣ сказала,

Что съ кровію свой духъ отъ яду изліяла.
Но что мнѣ исчислять бѣды минувшихъ лѣтъ,
Когда и днесъ....

К А Д А.

Ужель Совернъ новѣйшіи вредъ
Какой тебѣ еще предвозвѣщаетъ нынѣ?
Въ смущеніи его я зрѣла наединѣ.
О тайнѣ, въ робости, какой-то онъ твердитъ.

М А Р І А М Н А.

А можетъ быть, о томъ раскаявшись грустить,
Что имъ открыто мнѣ двукратное велѣнье
Царево — умертвить меня здѣсь въ заточеньѣ,
Когда бы отъ него Римъ отнялъ царску власть,
Чтобъ мнѣ къ Антонію, или къ Августу не
впасть.

К А Д А.

Въ блестящій плѣнъ? — Страшась....

М А Р І А М Н А.

Се возблагодаренье
За дружбу, за любовь, за скиптра приношенье.
Какой же впредь судьбы должна себѣ я ждать?

(Плачетъ.)

К А Д А.

Такъ что жъ ты думаешь теиерь начать?

М А Р І А М Н А.

Страдать.

К А Д А.

Иль средствъ ужъ нѣтъ спастись?

М А Р І А М Н А.

Ихъ тма, и предъ очами:
На тронѣ, на одрѣ тиранъ межъ палачами;

Но промысль Вышняго помазанныхъ блюдетъ,
И царство Онъ кому восхощетъ, тѣмъ дастъ;
Я волю чту Его, законамъ покоряюсь
И на мою одну невинность полагаюсь.

К А Д А.

Скажи ты лучше, что твоя слѣпая страсть
Ревнивцу надъ тобой даетъ такую власть.

М А Р І А М Н А.

Ахъ! можетъ быть и такъ, любезнѣйшая Када;
Но сердцу пѣжнему какая бы-отрада
На свѣтѣ быть могла безъ дружбы, безъ любви?
Я ей живу одной, — она въ моей крови.

Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ къ великимъ даро-
ваньямъ.

Супруга приучась, къ пріятностямъ, къ по-
знавьямъ,

Къ геройскимъ качествамъ, къ побѣдамъ, тор-
жествамъ,

Къ нему, — и страсть сію не предпочту ль стра-
стямъ

Я всемъ? — И ревность та, опъ въ гнѣвъ отъ
коей входитъ,

Не отъ любви ль ко мнѣ единой происходитъ?

И самый страшный мечъ, кровь милую что
льетъ,

Намъ ненавистенъ ли, коль цѣлость царствъ
блюдетъ?

Благословлю я зло, творимое для правды.

К А Д А.

Тиранствамъ Ирода ты дѣлаешь пощады
И, мнится мнѣ, сама участница ты золь.

МАРІАМНА.

Нѣтъ! гнусенъ кровію облитый мнѣ престолъ.
Рѣшилась: мѣдное царя я сердце трону,
Иль съ радостью пойду ко Авраамлю лону.
Се слава въ чемъ моя, — и мнѣ помощникъ
Богъ!

ЯВЛЕНІЕ П.

МАРІАМНА, СОВЕРНЪ, АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЬ, *(изъ коихъ дѣти съ плачемъ входятъ, Када удаляется).*

АЛЕКСАНДРЪ.

Любезнѣйшая мать! оставя нашъ чертогъ,
Мы раздѣлить пришли съ тобою огорченье,
Что у родителя ты въ неблаговоленьѣ.

АРИСТОБУЛЬ.

Не можемъ мы унять текущихъ слезъ изъ глазъ.

МАРІАМНА.

Не плачьте, милые, Богъ милостивъ до насъ.
Невинности страдать Онъ въ бѣдствѣ не оставитъ:
Надѣйтесь на Него, отъ всѣхъ Онъ золь избавитъ.
Но кто же вамъ внушилъ, что царь суровъ ко мнѣ?
Напротивъ, благъ какъ былъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Молва по всей странѣ....

А Р И С Т О В У Л Ъ .

Весь шепчетъ дворъ, весь градъ о той вѣщаетъ
правдѣ,

Что въ крайней на тебя родитель нашъ досадѣ.

М А Р І А М Н А .

Не вѣрьте. Слышу плескъ прибытію царя.

С О В Е Р Н Ъ (указывая на дѣтей).

Усердіемъ къ тебѣ и къ симъ птенцамъ горя,

Хощу тебѣ внушить я вѣсти небезважны.

(Въ сторону.)

Замкну ей симъ уста—моей не вынести тайны.

М А Р І А М Н А .

Что хочешь ты сказать?

С О В Е Р Н Ъ (въ полголоса).

Хоть веселится чернь,

Но скоро радость ту затмитъ печали тѣнь.

Гласъ мудрыхъ книжниковъ не тако разсуж-
даетъ,

Какъ Иродъ говорить, какъ площадь подтвер-
ждаетъ:

Онъ проповѣдуетъ, что милости намъ льетъ;

Но милости ли то? — Послѣдній хлѣбъ беретъ.

Онъ разумомъ своимъ и мужествомъ кичится:

А наша кровь въ войнахъ не престаесть стру-
иться.

Онъ возвѣщаетъ, что союзникъ съ нами Римъ:

Но купленъ сей союзъ не золотомъ чужимъ.

Онъ хвалится, что другъ Мемфійской былъ Ца-
рицѣ:

Но не талантами ль съ Давыдовой гробницы?

Онъ благочестія примѣръ подать мнитъ намъ:

Но Богу опъ боговъ тогда исправилъ храмъ,
Какъ велелѣнные воздвигъ ужъ обелиски
Антонью, Августу и жертвенникъ пиѳійскій,
И олимпійскихъ игръ возобновляя съѣздъ,
Вкругъ мраморомъ облекъ тмы градовъ чуж-
дыхъ мѣсть,
Театровъ, пристаней, бань, стогновъ, водово-
довъ
И съ кровью содранныхъ съ отечества доходовъ
Разсыпалъ тмами тмы на роскоши дѣла,
Чтобъ лишь въ язычникахъ неслась о немъ
хвала:
Боговъ, чудовищъ ихъ, внесъ даже въ домъ
свой нынѣ.
Ахъ! симъ ли славиться владыкой Палестинѣ?

МАРІАМНА.

Рабъ долженъ ли давать царю толь мрачный
видъ?

С О В Е Р Н Ъ (возвыся голосъ и бія
себя съ грудь).

Кровь Асмонѣева, усердые говоритъ!

МАРІАМНА.

Но кто же былъ щитомъ ся у Месаиды?
Чье мужество и чьи все прозорливы виды
Отъ плѣна насъ Пароянъ блистательно спасли
И самого тебя на санъ сей вознесли?
Неблагодарнѣйшіи!

С О В Е Р Н Ъ (съ жаромъ).

Отечества подпора,
Сей самый санъ велить.

МАРІАМНА.

Отъ моего вмигъ взора
Исчезъ бы клеветникъ; но что въ тебѣ мой
родъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ ЖЕ И КАДА.

Царь возвѣститъ велѣлъ къ царицѣ своей при-
ходъ.

МАРІАМНА (*къ дѣтямъ*).

Друзья, градскихъ забавъ подите зрѣть къ на-
роду.

Оставьте мнѣ съ отцемъ поговорить свободу.
(*Про себя.*)

О, если бы снискать опять его любовь!

С О В Е Р Н Ъ (*отходя съ дѣтьми
въ сторону*).

Удержитесь теперь отъ откровенныхъ словъ.

(*Совернь, Александръ, Аристокбулъ и Када
уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРОДЪ И МАРІАМНА.

ПРОДЪ (*встрѣчаясь съ Совер-
номъ, указываетъ на комнату*).

Останься здѣсь, Совернь. (*Оборотясь къ Маріамнѣ.*)

Не скорбь ли ужъ какая?

Что такъ ты смущена, супруга дорогая?

МАРІАМНА.

Нѣтъ.

ИРОДЪ.

Что жъ?

МАРІАМНА.

Тринадцать лѣтъ, дражайшій мой
супругъ,

Какъ страстнымъ пламенемъ къ тебѣ возжесть
мой духъ;

Тринадцать лѣтъ, какъ я съ тобою сопряжена
И всякій часъ тобой, какъ въ первый разъ,
плѣненна.

Но что мнѣ изъяснить любви сей давность лѣтъ?
Не съ самыхъ ли тѣхъ поръ, какъ я познала
свѣтъ,

Какъ изъ пленъ моихъ во цвѣтѣ дѣвъ явилась,
Въ супруги я тебѣ судьбы опредѣлилась?

Такъ, вѣрь ты, вѣрь сему: едва я стала жить,
Ужъ мнѣ назначено судьбой тебя любить;

Лишь чувства нѣжныя во мнѣ скрываться стали,
Желанія мои лишь счастья взакали;

Ужъ нѣкій тайный гласъ въ груди моеи вѣ-
щаль,

Любовникомъ тебя, супругомъ называль.

Не знала я тебя, но я тебя искала;

Не зрѣла я тебя, но зрѣть тебя желала.

Вообразя красы вселенныя мечтой,

Средь дня подъ тѣнью дровъ, средь ночи подъ
луной,

Въ чертогахъ, во садахъ, гдѣ воды съ горъ ка-
тятся,

Съ Авессаломомъ духъ летѣлъ мой повстрѣ-
чаться,

Вирсавію ему, Сусанну чтобъ явить
И взоръ твой на меня незапно обратитьъ.

Ахъ! такъ, средь пышности и роскоши азійской,
Египетскихъ искусствъ и нѣги ассирійской,
Въ толпѣ блистающей поклонниковъ отца,
Гдѣ въ плѣнь брала князей, вождей влекла
сердца

И цѣпь безчувствіемъ я на царей метала,
Тебя мнѣ одного судьба не представляла;
Не доставало мнѣ лишь въ сердцѣ искры той,
Которая бъ весь духъ воспламенила мой,
Ни чьи достоинства, къ прельщенію удобны,
Съ предметомъ мысленнымъ мнѣ не казались
сходны:

Но ты предсталъ лишь мнѣ, — и се, какъ нѣкій
Богъ,

Единымъ взглядомъ мнѣ всѣ чувства возжегъ;
Супруга моего, котораго искала,
Въ рѣчахъ твоихъ, въ чертахъ, въ поступкахъ
я узнала

И сердце трепетомъ вѣщало мнѣ: се онъ!
Не воспротивился ни санъ, ни родъ, ни тронъ,
Ни власть родителейъ всемогущей сеи судьбинѣ,
Ты руку взялъ мою, — она твоя понышѣ.
О, какъ я счастлива!

и р о д ъ (умягченно).

И я счастливъ тобой....

М А Р І А М Н А.

Я мыслю, всѣмъ женамъ завиденъ жребій мой.

Мнѣ кажется, глядитъ вся на меня вселенна,
Что вознеслась я такъ, что такъ тобой блаженна!
Въ улыбкѣ, въ радости, въ восторгѣ внѣ себя,
Не насыщаяся смотрѣньемъ на тебя,
Мечтаю иногда противъ тебя сѣдяща
И взоръ мой на тебя, и душу всю стремяща,
Что если бъ не было положено судьбой
Быть сопряженною на вѣчность мнѣ съ тобой,
Чело бы я твое вѣнцемъ не увѣнчала,
Порфирию моею рамень не украшала
И ты на низкой бы степени исчезалъ,
Но личнымъ только бы достоинствомъ бли-
сталъ;

А я бы, зная тебя, твой умъ и сердце знала,
Но страстью не къ тебѣ, къ другому воспымала:
Какихъ бы благъ тогда лишила я себя,
Вообразя, что я живу не для тебя!
Презрѣнною себѣ самой бы я казалась,
Что именемъ твоимъ гордиться отказалась.
Но ты теперь мой царь, мой купно и супругъ,
И все что мило мнѣ, и все что свято вдругъ.
О! соберитесь всѣхъ красотъ лучи блестящи,
Какъ солнце на моряхъ зари златогорящи,
Но вы предъ мной ничто; а титло мнѣ, вѣнецъ,
Что ты любовникъ мой, другъ, царь, супругъ,
отецъ....

И Р О Д Ъ .

О! какъ возносишь ты меня теперь хвалами;
Но обливаешься и горькими слезами.
Ласкаешь и крушишь, — что сдѣлалось тебѣ?
Скажи!

МАРІАМНА *(бросясь къ нему и
шею съ плачемъ).*

Ахъ! возврати меня, мой другъ, себѣ.

ПРОДЪ *(обнимая).*

Я, Маріамна, твой! Тебя я лобызаю. *(Цѣлуетъ.)*
Твой! Если ты моя?

МАРІАМНА.

Увы! не довѣряю.

ПРОДЪ.

Откройся, изъяснись.

МАРІАМНА.

Зачѣмъ, ахъ! мнѣ твой взоръ
Въ собраньи днесъ явилъ холодность и презоръ!
Симъ самымъ я тебя ужъ мню быть отлученна.

ПРОДЪ.

Да не мрачить тебя такая мысль смущенна,
Когда не изгнанъ я изъ сердца твоего.

МАРІАМНА.

Тебя изъ существа исторгнуть моего,
Которымъ я живу, которымъ я сгараю,
Кто бъ могъ, того себѣ вообразить не знаю.

ПРОДЪ.

Такъ прежняго себѣ могу блаженства ждать?

МАРІАМНА.

Ахъ! нужно ли сіе вновь клятвой подтверждать,
Когда я грудь твою слезами печатлѣю.

ПРОДЪ *(обнимая нѣжно).*

Спокойся, — я уже сомнѣнья не имѣю.

МАРІАМНА.

Небесна ангеловъ румяна радость какъ
У Сарры и Агарь осіявала зракъ,

Такъ, вѣжнѣйшій мой супругъ, тобой я восхищенна;

Днесь по разлукѣ злой счастлива и блаженна!

и р о д ѣ .

Въ Итали, въ Греціи, въ Иберіи красныхъ
женъ

Я пренебрегъ любовь, всегда нося твой плѣнь,
И отъ владыкъ земныхъ столь сильнаго народу
Лишь вольность получилъ, то сердце и свободу
Къ тебѣ опять принесъ.

М А Р І А М Н А .

По прежнему любить?

и р о д ѣ .

Что жъ можетъ сладостнѣй сего союза быть?

М А Р І А М Н А .

Но въ блескѣ солнечномъ не видны ль черны
пятны?

и р о д ѣ (въ слущеніи).

Какой вопросъ! Есть. Нѣтъ, они невѣроятны.
Ахъ! что ты чрезъ сіе мнѣ мыслила сказать?
Или по вѣжностямъ чѣмъ хочешь упрекать?
Я признаюсь тебѣ, что въ Римѣ слухи злые
Едва не прервали тѣ цѣпи золотыя,
Которы вяжутъ насъ. Я мнилъ, ты невѣрна
И лютыхъ мукъ съ тѣхъ поръ душа моя полна.

М А Р І А М Н А .

Какъ быть то возмогло? — Уже ль ты не стыдился

Подозрѣвать меня къ кому и омрачился
До крайности такой? Ахъ! надъ собой коль даль
Поверхность царь рабу, — раба онъ ниже сталъ.

Но я до низости сойти сей неспособна;
Супруга я царю и — я царю подобна.

И Р О Д Ъ.

Такъ благородно ты союзъ и честь храня,
Стыдишь твоимъ умомъ и чувствами меня.
Я виненъ предъ тобой. *(Цѣлуетъ руку.)*

М А Р І А М Н А.

Передо мной? Ахъ, нѣтъ!
Кто любитъ, тотъ обидъ на сердце не беретъ.
Я даже въ томъ тебя, мой другъ, не упрекаю,
Въ чемъ оправданья нѣтъ. Молчу и забываю.

И Р О Д Ъ *(съ замѣшательствомъ,
въ сторону).*

Такъ тайна, знать, моя уже извѣстна ей!

(Оправясь бросается на колѣни, держа ее за руку.)

Не вѣрь ты никому, а вѣрь любви моей.

М А Р І А М Н А *(поднимая его).*

Ахъ! можно ль на твоихъ словахъ не увѣряться?
Супругъ возлюбленный!...

Я В Л Е Н І Е V.

Т Ъ Ж Е И С О Л О М І Я.

С О Л О М І Я *(съ стремительнымъ
бышествомъ).*

Царю такъ унижаться!

Не стыдно ль, государь, что властелинъ изъ
стѣвъ

Пріѣхавъ Рима днесъ, женѣ повергся въ плѣнъ?

Давно Совернь тамъ ждетъ и прочи власти
царства.

Ты все забылъ!

И Р О Д Ъ (въ неудовольствіи).

Вели войти.

С О Л О М І Я (съ злобною усмѣш-
кою взглянувъ на Маріамну).

Иль есть препятства?

И Р О Д Ъ (къ Маріамнѣ съ нѣж-
ностію).

Оставь меня теперь.

М А Р І А М Н А (обнимаясь съ Иро-
домъ).

Взаимная любовь

Хранитель ангелъ нашъ да будетъ мой покровъ.
(Проходя мимо Соломіи, въ сторону.)

Ехидна такъ въ цвѣтахъ бываетъ ухищренна.

И Р О Д Ъ (Соломіи).

Изыдь, сестра, и ты.

С О Л О М І Я (уходя съ досадою,
про себя).

Пожри васъ всѣхъ геенна!

—

Я В Л Е Н І Е VI.

И Р О Д Ъ И С О В Е Р Н Ъ .

И Р О Д Ъ (съ злобою).

Измѣнникъ царскихъ тайнъ, рабъ гнусный,
низкій лстець,

Какъ ты осмѣлился отравой быть сердцецъ

Супруговъ, нѣжною толь страстью сопряжен-
ныхъ,
И сталъ предатель думъ, тебѣ мной поручен-
ныхъ?

Вѣщай и трепещи!

(Замахиваясь кинжаломъ.)

С О В Е Р Н Ъ *(открывая грудь съ
твердостію).*

Пронзай, о государь!

Но прежде выслушай твою послѣднюю тварь.

И Р О Д Ъ.

Что скажешь, не внушилъ моею глубокой тайны
Ты вѣроломностью во уши Маріамны?

С О В Е Р Н Ъ *(упадиши на колѣни).*

Я думалъ, нѣтъ вины.

И Р О Д Ъ.

Какъ, нѣтъ?

С О В Е Р Н Ъ.

Чтобъ спасти тебя,

Ласкательно во всемъ я ей открылъ себя,
Дабы чрезъ то извлечь взаимну откровенность.
Се здѣсь прочти и зри ея къ себѣ ты вѣрность.

(Подаетъ изъ-за пазухи хартію.)

И Р О Д Ъ *(читаетъ).*

«Я въ царску ложницу введу...» *(Съ злобою.)* Ког-
да? кого?

С О В Е Р Н Ъ *(прерывчиво, съ тре-
петомъ).*

Пѣвца, — въ отсутствіе твое....

И Р О Д Ъ *(посмотря, бросаетъ
хартію съ бѣшенствомъ).*

Что злѣй сего?

Царицына рука! О, стыдъ! О, Маріамна!
Скорпіи можетъ ли болѣзненнѣй быть рана?
Бывалъ ли молніей такъ холмъ свирѣпо сжентъ,
Какъ лютой я твоей измѣной пораженъ?
(Отворя дверь.)
Намѣстникъ, Антипатръ! скорѣй войди сюды.

Я В Л Е Н І Е V II.

ТЪ ЖЕ И АНТИПАТРЪ *(съ ужасомъ вбѣгаетъ).*

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Какія, государы! грозятъ тебѣ бѣды?

П Р О Д Ъ .

Ужаснѣй для меня быть можно ль приключенью!
(Указываетъ на хартію.)

Внявъ, сынъ, родительску жестоку оскорбленью,
Скорѣе поспѣши мою обиду мстить,
Лютѣйшей смертію преступника казнить.

(Поднявъ хартію, Антипатръ и Соверисъ уходятъ).

Я В Л Е Н І Е V III.

П Р О Д Ъ *(одинъ).*

Се, сколько рѣчь ея обманчива и злобна,
Что къ низостямъ она постыднымъ неспособна!
Се изъ прекрасныхъ устъ какъ сладкій капаль
ялъ,
Что не примѣтенъ былъ ея миѣ и развратъ!

Кого же предпочла она мнѣ вѣроломно,
Что и судить того съ собою мнѣ позорно.
Но въ чемъ же виненъ онъ, коль завлеченъ же-
ной?

Ахъ! гдѣ и кто бывалъ не пораженъ красой?
Кто въ случаѣ такомъ не преступалъ границы?
Нѣтъ! мысль злодѣйство ужъ — о прелестяхъ
царицы!

Да совершится казнь и я узрю потомъ,
Какой и на кого еще мнѣ бросить громъ.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Садъ царскій съ изображеніемъ сфинксовъ, крокодиловъ,
львовъ и прочихъ животныхъ, между которыми нѣсколь-
ко кумировъ боговъ языческихъ; изъ первыхъ бьютъ во-
доскаты и водометы.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОЛОМІЯ И АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ.

Сейчасъ отъ цезаря съ безвѣстнымъ пове-
лѣніемъ
Къ намъ прибылъ Архелай и съ крайнимъ по-
спѣшеніемъ.

СОЛОМІЯ.

Что бъ значило сіе? Не къ нашимъ ли бѣдамъ?

АНТИПАТРЪ.

Намъ нужно мѣры взять приличны временамъ.

СОЛОМІЯ (*подумавъ*).

Безбѣденъ скрыть ударъ, стороннею рукою....

АНТИПАТРЪ.

Правдиво; то не кознь, кто дѣйствуетъ собою.

СОЛОМІЯ.

Втай должно пагубу царицѣ нанести.

АНТИПАТРЪ.

Чтобы самимъ спастись.

СОЛОМІЯ.

Пусть скажемъ лишь прости;
Мечтая быть къ себѣ супруга страстна, нѣжна,
И съ словомъ симъ однимъ ей смерть ужъ не-
избѣжна.

АНТИПАТРЪ.

Я слышу пѣніе.

(Слышится вдали низжесльдующій хоръ.)

СОЛОМІЯ.

Къ прохладѣ, знать, идутъ
Царица въ садъ, иль царь. Или, свершай свой
трудъ.

*(Удаляются за деревья въ разные стороны;
но Антипатръ остановясь смотритъ
вслѣдъ Соломіи.)*

АНТИПАТРЪ.

Такъ мною занята, что и глядитъ толь страстно;
Иль матерня любовь? — Нѣтъ! мщенье то
ужасно

Къ враждебной ей красѣ, котору зря горю.

(Смотря на входящую Маріамну.)

На что жъ рѣшусь? Взять скиптръ — обѣихъ
покорю.

— *(Скрывается.)*

Я В Л Е Н І Е П.

МАРІАМНА И КАДА.

Х О Р Ъ.

Цвѣты, благоухайте;
Древа, несите плодъ;
Зефиры, повѣвайте;
Блестя шумя, скать водъ:
Се идетъ голубица,
Прекрасная царица,
Любовію горя
Въ объятія царя.
Да въ виноградъ свой впадеть
Желанный ею царь,
Лобзанія пріиметь,
Какъ отъ весеннихъ зарь
Дыханье ароматно.
Да склабятся пріятно,
Какъ съ сладкаго сота
Червленныя уста.

МАРІАМНА.

Уныло пѣвіе душѣ моей природно.
Музыка тихая льетъ сладость въ сердце томно.
Въ спокойствіи себя подобномъ вижу я,
Какъ токъ, по бурѣ, спитъ при гласѣ соловья.
Я примирилася. Тоска духъ не тревожитъ.
Супружняя любовь вездѣ мнѣ радость множить.

КАДА.

Желаю зрѣть тебя въ блаженствѣ я такомъ,
Когда возможно то при нравѣ толь крутомъ
Супруга и царя.

МАРІАМНА.

Сколь пылокъ онъ, столь нѣженъ;
Въ мигу строгъ и благъ, онъ и врагамъ при-
бѣженъ.

КАДА.

Нравъ сносенъ, можетъ быть, сей у простыхъ
людей.

Но мысль и дѣйства вдругъ суть часто злы
царей;

А паче вокругъ кого совѣтники такіе,
Какъ злѣйшая змѣя, коварна Соломія;
Погрязнувъ, кажется, со Антипатромъ въ
страсть,

Пронырствуетъ, себѣ присвоивая власть.
Не тщетно въ ночь сію мнѣ зрѣлся сонъ ужас-
ный:

Что будто съ нимъ она цвѣты тебѣ прекрасны
Разсыпавъ подъ стопы, кровавою рукой
На Ирода хитонъ надѣла золотой,
Въ раздранной бивъ сама одеждѣ, гнусной,
черной,

И будто градъ течетъ къ царю волной смятен-
ной,

А онъ къ нему съ лицомъ смѣющимся идетъ.

МАРІАМНА.

Какъ суевѣрна ты! — Счастливъ владѣтель тотъ,
Котораго толпа народа окружаетъ.

КАДА.

Напротивъ, страшный сонъ меня сей накло-
няетъ

Къ предчувствамъ нѣкакимъ печальнѣйшимъ и
Злымъ.

И се ужъ къ намъ бѣгутъ.

МАРІАМНА.

Се знакъ: нашъ царь любимъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ ЖЕ, АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОВУЛЬ.

(Выбгая изъ толпы народа, остановившагося за воротами сада.)

АЛЕКСАНДРЪ *(трепеща)*.

О, ужасъ! о, позоръ!

АРИСТОВУЛЬ *(тоже)*.

О, злѣйшее свирѣнство!

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОВУЛЬ *(оба вдругъ)*

Любезнѣйшая мать!

МАРІАМНА *(обнимая ихъ)*.

Что сдѣлалось?— Иль бѣдство
Какое вамъ грозитъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Пѣвецъ, изящный тотъ,
Въ чертогахъ у тебя не рѣдко что поетъ....

АРИСТОВУЛЬ.

На древѣ пригвожденъ, по волѣ царской власти,
И тмою острыхъ стрѣлъ разсѣченъ въ мелки
части;

Жизнь съ сердцемъ у него изъ груди извлекли.
Слова и на тебя позорныя рекли.

КАДА.

Какъ?

МАРІАМНА.

Кто?

АЛЕКСАНДРЪ.

Злой Антипатръ.

МАРІАМНА.

Онъ.

АРИСТОБУЛЬ.

Такъ звѣроподобно!

МАРІАМНА.

Невинность погубить столь люто, столь без-
божно!...

Чудовище! Но какъ случиться то могло?
Спокоенъ Иродъ былъ. Но гдѣ же не могло
Коварство съ клеветой въ своей достигнуть метѣ?
О, добродѣтель! какъ страдаешь ты на свѣтѣ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Убійца жертву самъ при казни сожалѣлъ.

АРИСТОБУЛЬ.

И намъ являлъ, что спастъ съ собой и насъ хо-
тѣлъ.

МАРІАМНА.

А вы враждебныя, таинственныя такія
Внушенія внимать осмѣлилися злыя
Противъ державнаго родителя, царя
И матери своей?

АЛЕКСАНДРЪ.

Какъ съ братомъ говоря....

МАРІАМНА.

Такъ, Антипатръ вамъ братъ; но....

А Л Е К С А Н Д Р Ъ .

Дружбы зримъ въ немъ пламень.

М А Р І А М Н А .

Коварный, хитрый другъ — подводный, скры-
тый камень.

Какой онъ можетъ вамъ благой подать совѣтъ,
А развѣ въ сѣтъ свою какую васъ ведетъ.

На вашъ престолъ его вся цѣль и ухищренья.

О, дѣти юныя! страшитесь наущенья

Противъ родителей, кто бъ что ни говорилъ.

К А Д А (*въ сторону*).

Не неусердечъ, мню, рассказъ Соверновъ былъ.

Я В Л Е Н І Е І V .

Т Ъ Ж Е , И Р О Д Ъ И А Р Х Е Л А Й .

*(Послѣдній при входѣ въ садъ увидя Ма-
ріамну, возвращается; дѣти и Када уда-
ляются.)*

И Р О Д Ъ (*оглянувшись на Архелая*).

Вамъ, Архелай, дастъ знать часъ Антипатръ
съ Соверномъ....

(Подходя къ Маріамнѣ.)

О уваженіи Октавія отмѣнномъ,

Я мню, ты слышала?

М А Р І А М Н А .

Благодарю за честь.

И Р О Д Ъ .

И для меня сія весьма пріятна вѣсть.

Но на лицѣ твоёмъ печаль я обрѣтаю,

И вмѣсто радости, зрю грусть, — не понимаю,
Тревожусь безъ причинъ, тебя смущенну зря.
Не ужто смерть пѣвца?...

МАРІАМНА.

Жизнь, смерть, — въ рукѣ царя.
Поставленъ укрощать народа онъ строптивость.
Но, Иродъ! если царь творить несправедли-
вость,
Есть надъ царями Царь, сей Царь царей есть
Богъ,
Котораго перунъ крушить гордынь ихъ рогъ.
О! если Онъ бросать его на насъ возстанеть,
За слезы и за кровь Юдеи не достанеть.
Ахъ, трепещи, мой другъ, прогнѣвать ты Его!

ИРОДЪ.

Какія бы сего укора твоего
Причины важныя мнѣ были, Маріамна?
Ничтожна рабища кровь казнью проліянна
Не стѣить словъ твоихъ.

МАРІАМНА.

Иль рабъ не человекъ?
О, мой любезнѣйшій! еще ль твой славный вѣкъ
Ты тмить не престаешь такимъ поспѣшнымъ
гнѣвомъ?
Еще ли мало былъ за то разимъ ты Небомъ?
Не смѣю защищать; но смѣю говорить:
Царь долженъ миловать; законъ судя казнить.

ИРОДЪ.

Я думалъ, кротостью покрыта наша ссора;
Но ты еще винишь, зачѣмъ безъ приговора

Казненъ мой дерзкій врагъ. Такъ знай: цѣленье
ранъ
Владыкъ принадлежитъ къ числу глубокихъ
тайнъ.

Открытое суда въ семь случаѣ рѣшенъе
Монаршу было бы величю униженъе.
Симъ все тебѣ сказалъ, безмолвствуй, пони-
май, —

И трепещи меня....

МАРІАМНА.

Когда винна, карай!
Но прежде объяви мое ты преступленъе.

ПРОДЪ.

Не обличенна ль ты во царскомъ оскорбленъѣ?
Пѣвецъ былъ не вводимъ во ложницу мою?
Сейчасъ велю терзать измѣнницу свою.
Возьми, прочти свою сама ты здѣсь невѣрность.
И казни жди своей. (*Бросаетъ хартію.*)

МАРІАМНА (*поднявъ и прочтя
равнодушно*).

Какая легковѣрность!

Не Соломона ль пѣснь прибрачная сія,
Которою, твоей невѣстою бывъ я,
Своею для тебя рукой переписала,
И предъ тобой не разъ въ любви своей пѣвала,
Какъ нѣжна горлица съвысотъ вознойный день
Сзываетъ горлика къ себѣ древесъ подъ тѣнь,
Я пѣла пѣснь сію съ тобою и въ разлукѣ
Въ моей тебя всегда воображая скукѣ,
И повторялъ ее подъ арфой часто мнѣ
Пѣвецъ тотъ въликѣ дѣвъ. Сіе ли днесъ къ винѣ

Моей передъ тобой причислить ты желаешь,
И безпорочну жизнь въ порочную вмѣняешь?

и р о д ъ (съ удивленіемъ).
Ты права, можетъ быть. Однако жъ общій
слухъ

Мнѣ вѣроятностью колеблетъ сильно духъ.
Почто бы и сію знать безъ меня забаву
И въ сердце мнѣ вливать толь страшную отраву?
О, Маріамна! мнѣ колико ты мила,
Измѣнницею бы несноснѣе была.
Красы и прелести, безцѣнны сердца узы,
Перемѣнились бы въ страшилаща Медузы.

МАРІАМНА.

Льстецы малѣйшихъ чувствъ въ насъ склонно-
сти блюдутъ.
Какихъ они цѣпей твердѣйшихъ не прервутъ?

и р о д ъ.

На что жъ и подавать пронырствамъ ихъ при-
чины
И двигать тайныя души моей пружины?
Ты знаешь, я ревнивъ.

МАРІАМНА.

О, нѣжный мой супругъ!
Прійди, облобызай, сладчайшій сердца другъ!
Открытое твое признаніе такое
Мнѣ счастіемъ творить несчастье даже злое.
Что, дѣлать, золь сія тобой владѣеть страсть!
Но, ахъ, любящихся и въ ней завидна часть!
Не бурѣ коль она, а вѣтерку подобно,
Животворя огонь, не задушаетъ злобно
Въ сгарающихъ сердцахъ.

И Р О Д Ъ (*нѣжно*).

Такъ любишь ты меня?

М А Р І А М Н А.

Дай руку и коснись ей въ сердцѣ семь огня;
Измѣрь вздыханія, исчисль его біенье,
И, нѣжныхъ чувствъ моихъ вообрази волненье,
Познай, что нѣтъ сильнѣй моей къ тебѣ любви.

И Р О Д Ъ.

Ты весь мятешь мой умъ, жизнь гасишь во
крови.

Не знаю что начать; борюся я съ собою.
Виновна ты. Ахъ, нѣтъ! — я виненъ предъ
тобою.

Простишь ли ты меня, коль буду я просить,
Или презрѣніемъ захочешь отомстить?
Рѣши мою судьбу.

(Бросается на шею и обнимаетъ ее со слезами.)

М А Р І А М Н А.

Желаніе прощенья

Отъ горькихъ слезъ меня возноситъ въ восхи-
щенья.

Природа вокругъ меня беретъ едемскіи видъ,
Пресвѣтлыйи ангелъ мнѣ въ супругѣ предстоитъ.
Безсмертными его плѣненна красотами,
Дышу блаженствомъ я, ношуся небесами!
Не будь лишь ты таковъ, какъ передъ симъ
мнѣ рекъ,

Что недостойнъ быть судимымъ человекъ,
Подозрѣваемыйи царя во оскорбленѣхъ.
Нѣтъ, другъ мой! гордое такое изрѣченье,
Презрѣнье Высшему, что ты Его судомъ

Не уважая, мнишь собою быть царемъ.
Повѣрь, что сила всѣхъ владыкъ, вельможъ ко-
варства,
Надежда на себя — не сберегаютъ царства,
Когда Всевышняя Рука ихъ не хранитъ.

И Р О Д Ъ.

Святая истина твоя меня разитъ.
Отнынѣ никого не огорчу я гнѣвомъ.

МАРІАМНА (*увидя идущаго Антипатра*).

Да утвердишься въ томъ ты милосерднымъ Не-
бомъ!

Да будетъ за меня порукою оно
И непорочность лишь свидѣтельство одно!
(*Уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е V.

П Р О Д Ъ (*одинъ, не видя Антипатра, стороною вышедшаго*).

Что можетъ говорить святѣе добродѣтель?
Ея невинности я самъ теперь свидѣтель.
Но сердце царское подобно той метѣ,
Блестящей въ очи всѣмъ на горней высотѣ,
Котору тучи стрѣлъ отвсюду поражаютъ:
Такъ доблесть и моеи супруги помрачаютъ.
(*Оглядывается.*)

Какъ, Антипатръ, ты здѣсь?

А Н Т И П А Т Р Ъ.

Лишь ляжетъ солнце въ понтъ,
Предстанетъ Архелай.

И Р О Д Ъ.

Мое на горизонтъ
Взошло ужъ изъ-за тучъ. — О, сынъ, остере-
гайся

И на молву людей отнюдь не полагайся!
Мнѣ Маріамвина невинность такъ видна,
Какъ на небѣ въ нощи блистающа луна.

А Н Т И П А Т Р Ъ.

Царь рекъ....

И Р О Д Ъ.

То истина и вѣрь.

А Н Т И П А Т Р Ъ.

Благоговѣю.

Я В Л Е Н І Е VI.

ТЪ ЖЕ, ЮДА (*держащій въ одной рукѣ кубокъ, а въ другой мѣшокъ со златомъ, вышедъ вдругъ изъ лѣсу, упадаетъ на колѣни*).

Ю Д А.

Живъ Юды Богъ! живъ царь! Ихъ рабъ, пред-
ставить смѣю:

Здѣсь злато, а здѣсь ядъ. Царицыны они,
Чтобы пресѣчь твои ей ненавистны дни.

И Р О Д Ъ.

На жизнь мою тебѣ прислала Маріамна?
Вострепещи, злодѣй! — Ложь, кознь то нескан-
занна!

Ю Д А.

Всевышній сердце зрять!

ПРОДЪ (съ ужасомъ отступаетъ).

Ужели такъ сія

Сирена, сладостный свой гласъ въ мой слухъ
ля,

Въ ласкательствахъ своихъ была преухищрена,
Что не проникъ я ихъ? О, хитрость безпри-
мѣрна!

Скорѣе, Антипатръ, сіе мнѣ испытай.

Или теперь тутъ адъ, гдѣ зрѣлъ сейчасъ я рай?

Какъ бѣдень, жалокъ царь въ злодѣйскомъ
здѣшнемъ мѣрѣ!

Вьютъ гнѣзда у него скорпии и въ порфирѣ

Вблизи они, вдали, вездѣ расположены,

Ползуть, льютъ ядъ.— Ахъ! что лукавой злѣй
жены?

(Къ Антипатру.)

Иди, пускай весь градъ умретъ во истязаньѣ!

(Антипатръ съ Юдою хотятъ уйти.)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЪ ЖЕ И СОЛОМІЯ.

(Съ поспѣшностью изъ-за деревьевъ выбѣгаетъ.)

СОЛОМІЯ.

Твое ль, любезный братъ, толь страшно воскли-
цанье

Я слышала, древесъ сидя въ тѣни густой?

Что сдѣлалось тебѣ? Ахъ! что? вѣщай!

ПРОДЪ (Юды).

Постой!

Скажи ты ей, отколь, кому и что въ прохладу
Въ семь кубкѣ приносилъ?...

Ю д а.

Отъ Маріамны яду.

Когда возжаждеть царь, велѣла мнѣ подать.

С о л о м і я.

О, демонъ злой въ лучахъ! Прости, что такъ
назвать

Супругу я твою, любезный братъ, посмѣла.

Союзъ вашъ святъ; но тѣмъ сказать лишь я
хотѣла,

Что ты дороже мнѣ.

П р о д ѣ.

Погибъ весь разумъ мой!

Кто бы повѣрнуть могъ, что василискъ въ ней
злой?

На чью привязанность и вѣрность полагаться,

Коль должно женъ своихъ мужьямъ остере-
гаться?

О, я несчастнѣйшій! тяжка судьба моя!

(Облокачивается на стацию.)

С о л о м і я.

Хвала Всевышнему, спаслася жизнь твоя!

Хоть я оправдывать не смѣю Маріамну,

Но злобу такову отнести къ ней несказанну

По истинѣ сомнюсь. — Почтенна и славна

По мужѣ лишь жена. Прахъ безъ тебя она.

П р о д ѣ.

Супруга своего измѣнница, убійца!

С о л о м і я.

Не можетъ быть она свирѣпая столь львица.

Поколебаться ей лишь развѣ можно тѣмъ,
Въ благоволеніи коль цезарь бы своемъ
Ей на защиту знакъ явилъ своей десницы.
(Въ полголоса.)

Видъ нѣкіи есть тому....

И Р О Д Ъ (въ смятеніи).

Какъ?

С О Л О М І Я.

Всадники, возницы
Готовы тамъ и чернь вкругъ собралась туда.
Мнѣ странецъ сталъ сей скопъ; а здрабіе всегда
Какъ брата и царя всего мнѣ есть милѣя:
То я сквозь вѣтви дровъ, въ виду тебя имѣя,
Все примѣчала здѣсь.

И Р О Д Ъ (въ смятеніи Антипатру).

Не ковъ ли ужъ какой
Ты слышишь, Антипатръ, противъ меня то
злой?

С О Л О М І Я.

На возмутителей народного спокойства
Давно бы, государь, не кроткія ты свойства,
Но правосудіе и строгость обратилъ.

И Р О Д Ъ (ободрясь).

Сотру главы ехиднъ, лишь только бѣ ихъ от-
крылъ.

А Н Т И П А Т Р Ъ.

Коль есть гдѣ заговоръ, то вождь я въ немъ
верховный.
О! нѣтъ, родитель мой! Твой стражъ есть сынъ
твой кровный;

Предъ симъ хотя понесъ я твой упрекъ и гнѣвъ,
Но не воздремлетъ сей тебя хранящій левъ.
Изслѣдую я все и прииму все мѣры.
Коль есть гдѣ скопища, найду и средь пещеры;
А чтобъ они никакъ укрыться не могли,
Вручи мнѣ только власть и маніемъ вели.

И р о д ъ .

Се длань моя тебѣ: иди, твори что должно;
Но дѣломъ не считай, что по себѣ ничтожно;
А впрочемъ не смотря на возрастъ, санъ и полъ,
Имѣя лишь въ виду меня и мой престолъ.
Преслѣдуй всѣхъ, ищи и въ сендаринъ подъ
стражу
Въ оковахъ привлеки. Я тамъ рѣшу, уважу,
Какъ самодержецъ, самъ всѣхъ лица и вины.
(Антипатръ и Юда уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е VIII.

И р о д ъ и с о л о м і я .

Ужель сей точно бунтъ есть ковъ твоей жены?
О, государь и братъ! брегись въ минуту злую,
Будь Идумеянинъ!
(Плачетъ.)

И р о д ъ .

О, небо!

(Въ слущеніи уходитъ.)

с о л о м і я (съ злобною радостію
поглядывая въ слѣдъ его, къ зрителямъ).

Торжествую!

==

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Письмохранилище царское (кабинетъ); столъ, на которомъ множество папировъ въ свиткахъ и просто размѣтанныхъ.

Я ЛЕНІЕ I.

И Р О Д Ъ *(одинъ жодя въ задумчивости)*.

Не утвержденъ ли я теперь сестрою въ томъ,
Что мнѣ готовится женою скрытый громъ?
Какъ я ни думаю, какъ я ни разсуждаю,
А Маріамну все виновной обрѣтаю.
Положимъ, что пѣвецъ и не былъ ей прельщенъ;
Но вмѣсто быть его не могъ ли самъ Совернъ?
И съ тѣмъ внушилъ мою онъ тайну ей верховну,
Чтобъ симъ предательствомъ войти къ ней въ
связь любовну;
Но чтобъ сокрыть ему преступну страсть сію,
Вину онъ на пѣвца возвергъ и мечь мою.
А чтобъ не вышла въ свѣтъ, то къ общу избав-
ленью,
Чрезъ виночерпія прибѣгли къ отравленью.
Да и царицѣ толь отличнѣйшая честь
Въ письмѣ отъ цезаря; зачѣмъ? Тутъ скрыта
лечь;
Конечно, и лица ея изображенъе
Затѣмъ въ Римъ послано въ богатомъ укра-
шеньѣ,

И словомъ, вмѣстѣ все какъ то соображу,
Отъ Соломіи что я слышалъ, нахожу.
Въ смущенія себя различномъ, непонятномъ,
Въ честолюбивомъ столь и съ подлостью раз-
вратномъ

Народъ, Римъ каковъ, чего не можетъ быть?
Когда онъ ни во что супружній ставя стыдъ,
Для сластолюбія владыкъ роскошной власти
Въ сенатѣ женъ своихъ опредѣлялъ для стра-
сти:

То не пріѣхалъ ли и Архелай за тѣмъ,
Чтобъ Маріамнѣ быть ко Августу вождемъ?
Ахъ, въ лабиринтѣ я коварствъ и козней тем-
номъ,

Подобенъ страннику въ распутіи подземномъ,
Который предъ собою звѣрей зреть всюду зѣвъ;
Подземный ржущій огонь, со облакъ грома ревъ,
Бурь страшныхъ со сторонъ внимаетъ завыва-
ванье,

Распростирающихъ смертельно замерзанье;
И онъ какъ каменный, въ тмѣ стоя, смерти
ждеть:

Се образъ чувствъ моихъ и вокругъ грозящихъ
бѣдъ!

Причина жъ кто сему? — измѣнница коварна!
Сирена лютая! жена неблагодарна!...
Но я рѣшусь, пождемъ что екажетъ Архелай,
Что Юда подтвердитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРОДЪ И АРХЕЛАЙ.

АРХЕЛАЙ.

Монархъ! повелѣвай.

Я въ часъ къ тебѣ пришелъ, тобой опредѣлен-
ный.

ПРОДЪ.

Благодарю народъ, сенатъ, главу вселенны
За уваженіе присылкою тебя.

О, Архелай! въ тебѣ я сродника любя,
Доволенъ искренно твоимъ межъ насъ посред-
ствомъ.

Симъ Августъ мнѣ явилъ отличну честь при-
вѣтствомъ

И далъ народамъ знать, что онъ мнѣ вѣрный
другъ.

Но удивляюся, любезнѣйшій мой внукъ,
Теперь лишь я тому, что ты имъ былъ отпра-
вленъ

Въ тотъ самый день, когда и мною Тибръ остав-
ленъ.

Съ тобою присланно письмо сіе гласить.

(Показываетъ письмо.)

АРХЕЛАЙ.

Тебѣ я посланъ вслѣдъ.

ПРОДЪ.

Но какъ же не открыть
Самимъ мнѣ Августомъ тотъ вихрь, для ути-
шенья

Ты посланъ коего?

А Р Х Е Л А Й.

Отъ Юльи извѣщенья

О томъ онъ получилъ въ тотъ самый только
часть,
Какъ ты оставилъ Римъ; то, чтобъ народный
гласъ
Не предварилъ тебя, не ввергъ бы въ безпокой-
ство,
Знавъ къ Маріамнѣ страсть твою и пылко свой-
ство,
Велѣлъ мнѣ за тобой сколь можно поспѣшать
И васъ съ супругою всемѣрно примирять,
Поколь онъ не сберетъ отсель всѣхъ въ Римъ
писаній,
На домъ подавшихъ твой вину оклеветаній;
Собравши же, тотчасъ съ нарочнымъ ихъ при-
шлетъ,
Дабы тебѣ открыть въ злоумышленьяхъ свѣтъ.

И Р О Д ъ.

О, дружба рѣдкая! почти невѣроятна
И много бѣ мнѣ она была въ сей день пріятна,
Коль не открылся бы еще важнѣйшій вредъ
И умыслъ на меня. Внимай!

(Указывая на вошедшаго Антипатра.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ ЖЕ И АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ.

Доносчикъ твердь:

По страшнымъ мной ему чинимымъ истязаньямъ,

Послѣдуетъ своимъ онъ прежнимъ показаньямъ.

АРХЕЛАЙ.

Что сдѣлалось?

ПРОДЪ.

Языкъ не можетъ мой изрѣчь.

(Антипатру.)

Повѣдай, Антипатръ.

АНТИПАТРЪ.

Жизнь царскую пресѣчь

Прислужника жена коварна подкупила.

Терзающа его то совѣсть всѣмъ открыва.

АРХЕЛАЙ.

Не можетъ быть того.

ПРОДЪ.

Дивись, о юный другъ!

Какой и чрезъ кого ударъ разить мой духъ.

АНТИПАТРЪ.

Великая душа ничѣмъ неколебима

И истина вездѣ въ своемъ ей блескѣ зрима.

АРХЕЛАЙ.

Но люди съ слабостями.

АНТИПАТРЪ.

Себя кто не премогъ,

Не можетъ быть судья. Судья тѣлесный—Богъ:
Въ Его десницѣ мечъ.

И Р О Д Ъ *(уныло)*.

Ты грудь разишь печальну.
Не строгость звать теперь мнѣ въ помощь....

А Н Т И П А Т Р Ъ *(въ поголоса съ коварною улыбкой)*.

Маріамну.

И Р О Д Ъ *(съ гнѣвомъ)*.

Коль такъ, — иди, зови.

А Р Х Е Л А Й.

И какъ же обвинять
Возможно вамъ ее, когда предъ судъ не звать.
(Антипатръ уходитъ.)

—

Я В Л Е Н І Е IV.

И Р О Д Ъ И А Р Х Е Л А Й.

И Р О Д Ъ.

Между любовію и живота спасеньемъ
Обуреваюсь я ужаснѣйшимъ волненьемъ.
За Маріамну мнѣ здѣсь сердце говоритъ;
Мнѣ жизнь мою беречь отечество велитъ;
Но помощи ни въ комъ, ты зришь, не обрѣтаю.
Какъ быліе въ рѣкѣ ношуся съ краю къ краю.

А Р Х Е Л А Й.

Пристрастенъ, государь! кто въ дѣлѣ самъ чему
Необходимъ совѣтъ и мудрому уму.

И Р О Д Ъ.

Гдѣ жъ тотъ совѣтъ?

А Р Х Е Л А Й.

Я младъ еще сего къ рѣшенью.
Но по великаго сената разсужденью,
Царя есть первый долгъ, чтобы умѣть избрать
Совѣтниковъ себѣ и должности имъ дать.

И Р О Д Ъ.

Что на словахъ легко, не все на дѣлѣ можно:
Юлій былъ мой врагъ; но Брута хвалятъ ложно.

А Р Х Е Л А Й.

Довѣренность владыкъ родству не подлежитъ,
Ни сходству нравовъ, лѣтъ, никто умомъ бле-
ститъ;

Но въ благочестіи воспитанному духу
И многимъ опытамъ по всенародну слуху
Октавій ищущимъ не раздастъ честей.
По пользамъ зреть дѣла, а по дѣламъ людей.
Агриппа у него зачѣмъ въ чести толикой?
Агриппу Иродомъ, чтить Ирода Агриппой.

И Р О Д Ъ.

Но гдѣ же таковыхъ царямъ Агрипповъ взять?

А Р Х Е Л А Й.

Со славой царствъ безъ нихъ не можно управ-
лять.

Кто сколько бъ ни имѣлъ познаній, дарованій,
Противу тысящей стремящихся желаній, —
Безуменъ мыслящій одинъ всѣмъ угодить.
Межъ неба и земли посредникъ долженъ быть.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЪ ЖЕ, МАРІАМНА, СОВЕРНЪ, АНТИПАТРЪ И
СОЛОМІА.

МАРІАМНА (*важно*).

Я слышу, новому внимаешь ты навѣту,
О, Иродъ! что хочу тебя лишить я свѣту.
Страшна сія мнѣ кознь; но то еще страшнѣй,
Что съ разумомъ твоимъ ты могъ повѣрить ей.
За истину сего столь низкаго коварства
Я отрелась бы въ даръ принять всѣ міра цар-
ства.

Но не намѣрена я оправдать себя
И ни о чемъ теперь я не прошу тебя.
Въ обидѣ таковой пощадь, твоей пріязни
Я ужаснулась бы лютѣйшей паче казни.
Но еслибъ льстилася какихъ себѣ отрадъ,
То чтобъ на жизнь мою одинъ ты бросилъ
взглядъ

И, съ ней сравнивъ свою, не клеветою злобной,
А по дѣламъ самимъ нашелъ меня виновной.

Мой родъ и твой временъ еще не скрыла мгла:
Во прахѣ ползалъ ты, — царевна я была.

Когда Солимъ сей былъ Сосіемъ осажденнымъ,
Извѣстенъ ты мнѣ сталъ по подвигамъ воен-
нымъ;

Но взяли какъ его, спастъ плѣнныхъ ты при-
текъ

И, мечъ свой отвратя, Римлянамъ злобнымъ
рекъ,

Что капли крови ты пролить единоемной

За обладаніе не хочешь всей вселенной:
То сердце ты мое толико тѣмъ возжегъ,
Что путь себѣ отверзъ въ него и въ мой чер-
тогъ.

Достоинствамъ твоимъ я сдѣлала отлику;
Рукой сей сопричла тебя Монарховъ лику.
Забылъ въ тебѣ народъ мой идумейску кровь,
Но какъ природному — явилъ свою любовь;
Извѣстенъ чрезъ него ты сдѣлался вселенной
И дружбой цезаря украсился почтенной.
Но какъ узрѣлъ себя на высотѣ честей,
Ты Богомъ избранныхъ презрѣлъ моихъ людей,
Совѣты позабылъ супружеской пріязни,
Безъ винъ и безъ суда сколь многихъ предаль
казни,
Разграбилъ, разорилъ мнѣ ближнихъ и род-
ныхъ,
Презлбно уморилъ въ изгнаньяхъ, въ мукахъ
злыхъ.
Но варварства ль счислять? — Они извѣстны
свѣту.

Колѣна моего князей ужъ больше нѣту.
При всемъ томъ думала тебя я извинять,
Что цѣлость царства ты былъ долженъ поддер-
жать.

И даже, какъ меня два раза въ заключеньѣ
Ты оставлялъ на смерть, пребывъ тверда въ
терпѣньѣ,

Приписывала все я ревности одной,
Что дорожилъ любя моей ты красотой....
Но нынѣ, ахъ! за всѣ мои ты уваженьи,

За дружбу, за любовь, за опыты въ терпѣнны
Считаешь ты меня когда убійцей злой:
Стократно я умру, чѣмъ царствовать съ тобой;
Сто разъ мнѣ лучше смерть, чѣмъ стонъ. — О,
я несчастна!

Почто казалася сперва ему прекрасна?
Почто любовь къ себѣ я въ немъ могла воз-
жечь?

Безжалостно моимъ даетъ слезамъ онъ течь!

И Р О Д Ъ (съ принужденною хо-
лодностію).

Царей жизнь — жизнь есть царствъ, душа въ
нихъ правосудья.

А Н Т И П А Т Р Ъ (въ полголоса).

Царица! повинись.

М А Р І А М Н А (съ швомъ).

Въ чемъ? въ чемъ?—Иль что орудья
Вы съ Соломією всему? О, хитрый льстецъ!
Давно дѣтей моихъ манитъ тебя вѣнецъ,
И злобная душа (указывая на Соломію) съ тобой сія
сдружилась,

Чтобъ рода моего и память истребилась.

Отъ васъ мои текутъ всѣ скорби и бѣды.

Защита цезарь мнѣ!

А Н Т И П А Т Р Ъ (пожавъ плечами).

Гдѣ царственны бразды?

И Р О Д Ъ (вспыльчиво).

Ты цезаремъ грозишь?

С О Л О М І Я (упадала къ ногамъ со
слезами).

Избавь меня отъ злаго

Ругательства и грозъ, мой братъ! — Мнѣ нѣтъ
покрова.

У ней.... (Указавъ на Соверна.)

С О В Е Р Н Ъ.

Она ни въ чемъ....

И Р О Д Ъ (Соверну съ яростію).

И ты ползуща тварь,
Сталъ другъ днесъ ей, кому тобой твой преданъ
царь!

О, вижу я твое все ухищренье нынѣ;
Такъ оправдайтесь вы всѣ вмѣстѣ въ сандаринѣ.

(Антипатру.)

Сбери его сей часъ.

С О Л О М І Я (вставъ съ плачемъ).

Довольно ты терпѣль.

И Р О Д Ъ (съ крикомъ).

Суды! Суды!

М А Р І А М Н А (съ твердостію).

Зерцало душъ — судъ злыхъ и добрыхъ дѣлъ.
Я не боюсь его. Столь лютымъ восклицаньемъ
Льстецамъ бы ты грозилъ, чтобъ ихъ оклеветаньемъ

Невинность горькихъ слезъ на тронъ твой не
лила:

Рѣчь гнѣва царскаго убійственна стрѣла.

И Р О Д Ъ.

Довольно читаны ужъ мнѣ тобой уроки,
И обольстительныхъ видалъ я слезъ потоки,
Довольно, — и теперь не вѣрю ничему.

М А Р І А М Н А.

Не мнѣ, мучитель, вѣрь, — народу вѣрь всему.

ПРОДЪ.

Обманчивъ гласъ его для мудра властелина.
По видамъ всякъ своимъ, тотъ хочетъ сердца
львина,
Тотъ агнчей бротости. Но царь зреть на дѣла.

МАРІАМНА.

Какого жъ, гдѣ, скажи, виновница я зла?

ПРОДЪ.

На жизнь мою, на тронъ съ дѣтьми ты покуша-
лась.

МАРІАМНА.

Такъ хочешь ли, чтобъ я дѣтьми и оправдалась?

(Соверну.)

Поди, ихъ привози. (Соверихъ уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРОДЪ, МАРІАМНА, СОЛОМІЯ, АНТИПАТРЪ И
АРХЕЛАЙ.

АРХЕЛАЙ.

Невинность лучшей есть

Свидѣтель истины.

МАРІАМНА.

Хоть внутренняя честь

И добродѣтели всѣхъ золь превозможенъе
Возносятъ смертнаго въ чинъ звѣздъ и обо-
женъе.

Но очи царскія полны бываютъ тмы.

Гдѣ сѣтью науковъ покрыты ихъ умы,

Гдѣ стѣны все шипятъ враждой и клеветою,
Чтобъ только верхъ имъ взять надъ правдою
святою,

Тамъ тщетно ожидать невинности вѣнца;
Не будутъ правыми и дѣти у отца;
Ни въ дружбѣ, ни въ любви не встрѣтится пре-
пятства,

Коль властолюбіе, корысть и святотатства
На пагубу идутъ противниковъ своихъ.

(Увидя идущихъ дѣтей къ Проду.)

Спроси при мнѣ ты самъ и зри невинность ихъ.
п р о д ъ *(съ яростію).*

Такъ хитрая жена, пронырствами твоими
Еще мнишь обладать ты чувствами моими.
Но знай, сколь ни горитъ къ тебѣ въ груди сей
кровь,

Но побѣдить могу я и къ тебѣ любовь;
Не возвратишь своей ни воплемъ, ни слезами
Надъ мною власти ты. Судъ, судъ и надъ дѣ-
тями!

(Уходитъ въ бѣшенствѣ съ Антипатромъ и Архелаемъ.)

Я В Л Е Н І Е VII.

МАРІАМНА, СОВЕРНЪ, АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТО-
БУЛЪ И КАДА.

МАРІАМНА *(къ дѣтямъ).*

Какихъ взаимныхъ чувствъ пріязни и любви
Не охлаждаетъ лесть и клевета. — Увы!

Я мнила вами здѣсь духъ умилишь супруга,
И васъ къ стопамъ его, себя же къ сердцу друга,
А не царя, прижать; но онъ ушелъ отъ насъ.
(Обнимая, цалуетъ.)

Я не хочу стирать теперь слезъ съ вашихъ
глазъ;

Нѣтъ! плачьте по отцѣ, что полюбилъ онъ злобу,
И плачьте вы по мнѣ, что я гонима къ гробу.
Ахъ! плачьте сироты, что въ юность вашихъ
лѣтъ

Рукою хищною вашъ померкаетъ свѣтъ;
Что вы лишаетесь наслѣдственного трона
И въ васъ мой гибнетъ родъ!

А Л Е К С А Н Д Р Ъ (обнимая Ма-
риамну).

Ахъ, твоего мы стона,
Любезнѣйшая мать, не можемъ перенести.

А Р И С Т О Б У Л Ъ (тоже обнимая).

На что и царская безъ матери намъ честь?
Кто въ ней насъ ободритъ, совѣты дастъ благіе.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ.

Кто — кромѣ матери столь нѣжныя, драгія?
Что жизнь намъ безъ тебя?

А Р И С Т О Б У Л Ъ.

Умремъ съ тобой и мы.

М А Р І А М Н А (плачетъ).

Не лейте болѣе печальной въ сердце тмы.

О, чада милыя! надѣйтесь на Бога.

Предъ волею Его судьбина строга.

Онъ можетъ прекратить жестокость нашихъ
бѣдъ,

Вознестъ отъ смерти въ жизнь, создать изъ
мрака свѣтъ.

Пожду супруга здѣсь. — подите вы къ покою,
Облобызайте мать. Ахъ! можетъ быть, со мною
Вы не увидите.

(Обнимая ихъ, целуетъ и плачетъ.)

А Л Е К С А Н Д Р Ъ.

Увы!

А Р И С Т О Б У Л Ъ.

Какъ рокъ нашъ строгъ!

М А Р І А М Н А *(Соверну и Кады).*

Послѣдуйте и вы за ними въ ихъ чертогъ.

(Уходятъ, а на горизонтъ видна луна сквозь окошки.)

Я В Л Е Н І Е V I I I .

М А Р І А М Н А *(одна глядя иль
вслыдь).*

Подобно ангеламъ въ нѣжнѣйшемъ юность дѣт-
ствѣ,

Дремотой сладкою покоится и въ бѣдствѣ;

Но въ зрѣломъ возрастѣ весь вѣкъ нашъ, будто
челнѣ,

По безднамъ носится житейскихъ бурныхъ
волнѣ.

И къ дѣтямъ днесъ любовь, къ супругу, столь
святая,

Меня на части рветъ, какъ бы тигрица злая.

Къ однимъ влекусь какъ мать, другому какъ
жена.

Въ потокѣ Кедрскомъ такъ луна раздроблена,
Подъ осѣненіемъ вкругъ кипарисовъ темныхъ
Колеблется отъ бурь средь тѣней страшныхъ,
блѣдныхъ.

О, Ироды! сколько ты навлекъ мнѣ въ жизни
золъ!

Не можетъ быть съ тобой пріятель и престолъ,
Не лестны мнѣ вѣнца и скиптра камни честны,
Лишь сердца твоего мнѣ вздохи были лестны.

Они мнѣ царство все, весь замѣняли свѣтъ;
Но, ахъ! ужъ для меня теперь ихъ больше нѣтъ.

Уже предчувствіе мятетъ меня сердечно,
Что скоро кончу жизнь тобой безчеловѣчно;

Но я тебя люблю. — О, гробы праотцевъ!

Мой воспріймите прахъ, а духъ уже готовъ.

Такъ въ бездну вѣчности, какъ въ влагу Си-
лоамлю,

Низвергну брэнну плоть, съ ней скорби всѣ
оставлю,

Чтобъ жить невинности въ лучахъ.

(Увидя вошедшаго Антипатра.)

Мой врагъ пришелъ!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

МАРІАМНА И АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ *(подходя тихо)*.

Уединенную царицу здѣсь нашелъ

Въ безмолвной темнотѣ, задумчиву, печальну!

Ахъ! смѣю ль спросить прекрасну Маріамну,
Услужой не могу ль какой?...

МАРІАМНА.

Мнѣ нужды нѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Для отвращенія какихъ незапныхъ бѣдъ
Начальникъ града могъ тебѣ быть и полезенъ.

МАРІАМНА.

Отъ гнѣва царскаго хоть вѣкъ теперь мой сле-
зенъ,

Но въ распрю между насъ входить не можетъ
сынъ.

АНТИПАТРЪ.

Не оскорбляючи родительскихъ сѣдинъ,
Почтенная жена! я за тебя страдаю.

МАРІАМНА.

Стонъ для меня твой чуждъ.

АНТИПАТРЪ.

Невинность защищаю.

Не ты одна, а все отечество стenetъ.

Доколѣ намъ?...

МАРІАМНА.

Терпѣть, мой лучшій есть совѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Иль мужества въ женахъ не видѣла вселенна?
Юдиѳина рука сразила Олоферна.

МАРІАМНА (съ презрѣніемъ).

Не позабылъ ли ты продерзостный себя?

АНТИПАТРЪ.

Я, нѣтъ.

МАРІАМНА (*грозно*).

Умолкни, тигръ!

АНТИПАТРЪ (*съ ласкою*).

Давно тебя любя,

На вѣчно мщеніе, иль нѣжность посвящаю.

МАРІАМНА (*отходя къ двери
Ирода*).

Прочь, извергъ, прочь!... Злодѣевъ презираю.

ЯВЛЕНІЕ X.

СОЛОМІЯ И АНТИПАТРЪ.

СОЛОМІЯ (*встрѣтлсь въ двѣ-
ряхъ съ Маріамною*).

Братъ не велѣлъ тебя къ себѣ мнѣ допускать.

Покою хочетъ онъ.

(*Маріамна, взглянувъ съ презрѣніемъ, уxo-
дитъ въ другую сторону.*)

АНТИПАТРЪ (*съ торопливостію*).

Пришелъ тебѣ сказать:

Проконсулъ римскій, Варръ, пріѣхалъ съ пол-
ной мочью

Въ насъ распри разсудить. Прещу ему я ночью,
Отверсть врата во градъ.

СОЛОМІЯ.

Спѣшить должно, спѣшить,

Чтобы грозяція напасти отвратить.

И я тебѣ скажу опасную намъ новость:

Сколь ни старалась я продлить въ душѣ суро-
вость

Царя противъ жены; но онъ какъ тѣнь молчитъ,
И тихо слезы лья, показывается вилъ,
Что онъ во всѣхъ ее винахъ уже прощаетъ,
Зоветь къ себѣ, иль ждетъ, иль къ ней идти
мечтаетъ;

Иль чрезъ письмо себя ей хочетъ извинить.
На мигъ я отъ него не смѣла отходить,
Чтобъ какъ увидѣться не могъ онъ тайно съ
нею,

Я двери заперла, приставя кустодею,
И навлекла ему на вѣжды тяжкій сонъ.
Онъ въ содроганьяхъ спитъ, пуская страшный
стонъ.

Боюсь, чтобъ не вспянуль, не позвалъ Ма-
ріамну!

Бѣда, коль жертву мы оставимъ не закланну!

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Ужасныя теперь минуты предстоятъ.
Отважны мѣры вдругъ и быстры должно быть;
Повѣрься не страшась во всемъ ты сыну, другу.

С О Л О М І Я (въ полголоса).

Мнѣ мало ихъ однихъ.

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Кому жъ еще?

С О Л О М І Я (важно).

Супругу!

А Н Т И П А Т Р Ъ (съ удивленіемъ).

Какъ?

С О Л О М І Я .

Да, супруга зрѣть въ тебѣ я днесъ желаю:
Въ порфирѣ, иль гробу съ тобой себя вѣнчаю.

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Возможно ль то? Моя ты Соломія мать!

С О Л О М І Я .

Оставь теперь свое притворство продолжать.
Не могъ не вѣдать ты кто я, не знать той стра-
сти,

Котора жжетъ меня и сердце рветъ на части.

Ахъ! что я изрекла? несчастная жена!

Но тайна изъ души уже извлечена.

Такъ, Антипатръ! познай, давно тобой я стра-
стна,

И только лишь тобой счастлива и несчастна;

Прошу тебя, молю, не мучь, не погуби,

Какъ я тебя люблю, такъ ты меня люби.

И сопрягаючись своею со мной душою,

Умремъ, иль царствовать здѣсь будемъ мы съ
тобою.

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Ужасный, страшный гласъ!

С О Л О М І Я .

А для чего же я

Пеклася о тебѣ и въ замыслахъ твоихъ

Помощница была, и скиптра домогалась?

Безъ участья бы я царствомъ не ссужалась.

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Но столь сородная съ тобой, столь близка кровь
Въ насъ душъ не соединить.

С О Л О М І Я .

Соединить любовь.

Примѣры многіе въ народѣ нашемъ были.

А Н Т И П А Т Р Ъ .

И лѣта ужъ меня съ тобою не сравнили.

СОЛОМІЯ.

Пять лѣтъ межъ насъ ничто. — Со мной ты
вмѣстѣ взросъ.

Я только матери, ты имя сына несъ;
Но нѣжности мои вездѣ тебя искали,
Желанія твоя вездѣ предупреждали.

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Что скажетъ весь народъ? — Гласъ предразсуд-
ковъ что?

СОЛОМІЯ.

Нѣтъ Антипатръ! ты мнѣ скажи теперь не то;
И исповѣдай всю твою сердечну тайну,
Что страстенъ ты другой, что любишь Маріамну.
Не даромъ пощю зашли сюда съ ней вы,
Не даромъ ты обрекъ себя ея любви.
Поди же къ ней, поди, и обними прекрасну,
А я вамъ докажу любовь мою несчастну
Приличной жертвою: — все брату рассказавъ,
Умру въ крови моеи, васъ прежде растерзавъ.

(Уходитъ.)

А Н Т И П А Т Р Ъ (догнавъ).

Постой, жестокая — иль мать, или супруга!
Что пользы погубить тебѣ толь вѣрна друга?
Постой! (Выхватя мечъ съ намъреніемъ ее поразить,
но вдругъ удерживается.) И какъ сей мечъ бли-
стая вознесись

Межъ всѣхъ на свѣтѣ женъ, моею ставъ.

СОЛОМІЯ (грозно).

Клянись!

А Н Т И П А Т Р Ъ .

Клянусь сей сталию и громомъ Аввадона,
Что все я сдѣлаю *(въ сторону)* для достиженья
трона.

(Обнявшись, уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ сендаринъ, изъ коего въ арки, или большія окна, видѣнъ городъ, храмъ и кипарисная роща; тронъ подъ балдахиномъ о шести ступеняхъ, на седьмой кресла, столъ и на немъ регалии царскія; на фронтонѣ трона скрижали; по сторонамъ его двѣнадцать львовъ, по числу двѣнадцати колѣнъ Израильскихъ, т. е. на каждой по одному.

Я В Л Е Н І Е I.

ПРОДЪ въ послѣдованіи раввиновъ и двора своего, покрытый печальнымъ вѣтвищемъ и посыпанный по главамъ пепломъ, предшествуемый унылымъ хоромъ левитовъ, въ продолженіе котораго слышенъ иногда громъ.

А Н Т И П А Т Р Ъ *(съ обнаженнымъ мечемъ впереди).*

Х О Р Ъ Л Е В И Т О В Ъ .

Грядетъ Господь и мщенье,
Какъ ночь средь черныхъ тучъ,
Какъ молнья — быстро зрѣнье,
Какъ громъ — въ десницѣ лучъ.

Онъ обращаясь къ граду
Багрѣющимъ лицомъ,

Народамъ судить въ правду,
Какъ воскъ, Имъ таетъ холмъ.

Прахъ ногъ Его полижутъ
Нелюбящи Его;
На казнь себя приближутъ
Зло мнѣщи на Него.

Блаженъ, кого накажетъ
По милости Своей;
Блаженнѣе, кто скажетъ,
Что правъ предъ Нимъ душой.

п р о д ъ *(сидши на тронѣ).*

Соборъ Израиля двѣнадцати колѣнъ,
Надъ коимъ царствовать я Небомъ возведенъ,
О, кровь Иаковля! народъ избранный Богомъ,
Имѣющій Его щедротъ себѣ залогомъ
Скрижали, скинию, сей градъ святой и храмъ,
Лющій всюду свѣтъ, законы всѣмъ странамъ,
Изъ чреслъ чьихъ нѣкогда изыдетъ вождь ве-
ликій,
Предъ кѣмъ поклонятся подсолнечной языки,
О, Равви мудрости, маститыхъ старцевъ ликъ!
Доколѣ не пришелъ къ намъ оный день великъ,
О коемъ говорятъ Пророковъ древнихъ сѣни,
Что будемъ царствъ земныхъ на первой мы сте-
пени,
Вы знаете, какихъ не пренесли мы золь
Отъ внѣшнихъ супостатъ, отъ внутреннихъ
крамоль,
Десятословіе когда небесъ забыли
И Бога вышняго въ себѣ, въ кумирахъ чтили;

Со Антигономъ къ намъ рой варваръ устрем-
 ленный,
 Какъ волны отъ скалы, отбѣгли съ шумомъ
 блѣдны.
 Я спасъ сей градъ, сей храмъ исправилъ и воз-
 несъ,
 Изъ пепла жертвы огонь на алтарѣ воскресъ.
 А чтобъ упрочить вамъ сей даръ, мнѣ свыше
 данной,
 Дорису отлуча, сопрягся съ Маріамной,
 И симъ мою слія со Асмонѣемъ кровь,
 Народа я всего снискалъ къ себѣ любовь;
 Взаимныхъ чувствъ моихъ явя ему отплату,
 Хотѣлъ сей скиптръ вручить моеи супруги
 брату;
 Но Римъ для пользы своихъ иной давъ дѣлу
 сгибъ,
 Царемъ нарекъ меня, — Аристоклѣ погибъ.
 Подобныя съ тѣхъ поръ вражды и неприязни
 Межъ сродниковъ моихъ заслуживали казни.
 Но я союзъ любви царицы чти совѣтъ,
 Счастливице меня на свѣтѣ думалъ нѣтъ;
 Блаженство все мое дѣля съ моимъ народомъ,
 Усовершалъ его я выше каждымъ годомъ;
 Далъ въ безопасность всѣмъ судъ правый, ти-
 шину,
 На лонѣ мирныхъ дней приготавлиалъ войну.
 Что зря сосѣдственны цари простерли длани,
 И въ дружбѣ съ трепетомъ мнѣ предложили дани;
 Вопль жалобъ на меня, достигшій предъ сенатъ,
 Мой въ Седмисхолмін едиць покоилъ взглядъ;

Край Галилейскъ, Перей, Кесарью, Идумею,
Единственной почли всѣ областью моею;
Ельфирабыстрый токъ живымъ сталъ рубежемъ,
Въ Ерусалимѣ мой усредоточенъ домъ.

Черезъ Тиръ, Родоссъ, Сидонъ, степь Оивъ и
понтъ Офира,

Верблюды, корабли везуть труды мнѣ міра;
Вкругъ трона моего виссонъ, жемчугъ, сма-
рагдъ.

Съ сей свѣтлой высоты мой видитъ блящій
взглядъ,

Какъ скатистый Ермонъ и доль Иоасафата,
Отъ стады пестрясь, садовъ струится въ нивахъ
злата,

Внимаю зодчества въ градахъ, ваянья стукъ,
По селамъ, по домамъ музъ аѳинейскихъ звукъ.

И словомъ, обо мнѣ громка повсюду слава:
Великъ я, говорятъ. Но свѣтлая держава,
Столь блещущи дѣла спокойства не дарятъ!
Ехидны скрытыя грызетъ мнѣ сердце ядъ.

Взоръ вретницею моимъ печальнымъ закрываю
И сильнымъ бывъ царемъ, какъ человекъ
страдаю.

Жену, царицу вамъ....

(Плачетъ, облокотясь на кресла, и закрывается вретницею.)

А Н Т И П А Т Р Ъ.

Не ты, законъ велить.

И Р О Д Ъ.

Увы! — я рабъ его. Вели, да предстоитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АНТИПАТРЪ даетъ знакъ мечемъ, слышится печальный звукъ трубы. — МАРІАМНА, АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЬ съ растрепанными власами, окованные въ цѣпяхъ, вступаютъ въ сендаринъ, послѣдуемые молчащими хоромъ дѣвъ, СОВЕРНОМЪ, КАДОЮ И ВИНОЧЕРПІЕМЪ, изъ коихъ послѣдній изъясляетъ страдальческій видъ, неся кубокъ въ рукахъ. За ними стража еврейскихъ воиновъ.

ПРОДЪ (Антипатру томнымъ голосомъ, облокотясь на кресла).

Вѣщай вины.

АНТИПАТРЪ.

Едва минувшей полунощи
Изъ кипарисной сей луна вставъ черной рощи,
Бросала рдяный свѣтъ, сонмъ вспорхнулъ съ
крикомъ птицъ,
Я вставъ съ одра, узрѣлъ коней и колесницъ,
Въ безмолвыи тѣни шли ко стогну римска стана
Вдоль брега по водамъ блестяща Іордана.
Когорта римская ихъ прикрывала тыль.
Я подозрѣнье взялъ, что нѣкій тайный былъ
Тутъ умысль можетъ быть и на главу вѣнчанну,
Пошелъ. Что жъ зрю? — дѣтей, Соверна, Маріамну
Въ одеждѣ спальной сей, какъ здѣсь они стоятъ,
Молили вратника, чтобъ выпустилъ за градъ.
Я ихъ подъ стражу взялъ. Сообщники подробно

Открыли все мнѣ ихъ намѣреніе злобно,
Что къ вождю цесаря стремилися подъ кровъ.
Измѣной я то счелъ; ввергъ въ тягость ихъ
оковъ,
Тиронъ и Юкодомъ въ распросахъ показали,
Что свергнувши тебя съ престола, замышляли
Въ Себастру заключить.

МАРІАМНА:

Ужель мнѣ отвѣчать
На гнусную столь ложь?

АЛЕКСАНДРЪ (съ плачемъ).

Хотѣли....

АРИСТОБУЛЪ (тоже).

Мы бѣжать?

МАРІАМНА.

Молчи! Гдѣ гнѣвенъ царь, тамъ правда злу под-
гнета,
Невинность нашихъ душъ дойдетъ до поздня
свѣта,
И что намъ говорить, когда ужъ въ токахъ слезъ
Подъ бременъ страждемъ мы звучащихъ сихъ
желѣзъ.

АНТИПАТРЪ.

Но не въ прикрытѣ ль вы воинскомъ, въ ко-
лесницѣ
Привезены сюда?

ИРОДЪ (къ Маріаминъ).

Судьба твоя въ десницѣ
Старѣйшинъ сихъ. О! даждь мнѣ небо силъ
терпѣть!

(Сендарину.)

Вѣщайте рокъ ея.

(Члены сендарина на дощечкахъ, воскомъ
натертыхъ, пишутъ спицами приговоръ, и
каждый принося кладетъ предъ регалии на
столъ, становясь по прежнему въ рядокъ
подъ нижеслѣдующимъ хоромъ.)

Х О Р Ъ Д Ъ В Ъ .

Суди, о Боже! прю,
И отъ клеветъ избави,
Премудрость даждь царю
И судъ его прослави,
Чтобъ хитрый челоуѣкъ,
Лукавый, злобный, льстивый,
Дѣла его правдивы
Не помрачилъ навѣкъ.
Ты твердь моя и щитъ,
Почто меня отринулъ?
Когда мнѣ врагъ грозить,
Почто меня покинулъ?
Услышь мой скорбный вздохъ,
Къ тебѣ я прибѣгаю,
Зри плачу какъ, страдаю....
Спаси меня, мой Богъ!

И Р О Д Ъ (Антипатру).

Прочти.

А Н Т И П А Т Р Ъ (пересмотрѣвъ до-
щечки).

Судъ рекъ....

И Р О Д Ъ .

Что?

А Н Т И П А Т Р Ъ (громозласно).

Смерть!

(Маріамна съ словомъ силъ упадаетъ на колѣни.)

И Р О Д Ъ.

Увѣи!

К А Д А (воздѣвъ руки на небо).

О, ужасъ!

А Л Е К С А Н Д Р Ъ И А Р И С Т О Б У Л Ъ (упа-
дая на колѣна и прости-
рая руки къ Ироду).

Ахъ, родитель!

С О В Е Р Н Ъ.

Родъ несчастный!

М А Р І А М Н А (стоя на колѣняхъ
и воздѣвая руки къ
скрижаламъ).

Великій Господи! судьбы Твои всевластны,
Что хочешь, то твори съ рабою ты Своей;
Но въ сердцѣ зри моемъ, что я заповѣдей
Ни на черту Твоихъ святыхъ не преступила.
Виновна, что дѣтей, супруга я любила
Всѣхъ смертныхъ болѣе, и въ томъ Тебѣ ви-
нуюсь.

Прости ту слабость мнѣ; но если разлучусь
Я съ ними, то исполнь меня Своей Ты силой,
Чтобъ бывъ невинною, я не была унымой,
И мой пригробный стонъ чтобъ тѣхъ не вско-
лебалъ,

Кто только на Тебя, о Боже! уповалъ.

Прости враговъ моихъ, да гнѣвъ Твой ихъ не
срящетъ;

И царь отъ ихъ коварствъ золъ большихъ не
обрящетъ.

(Вставъ, къ дѣтямъ.)

Простите, сироты! — Ахъ! обнимите мать

Благословеніе себѣ отъ ней принять,
И знайте: счастливы ль, несчастны ль вы судь-
бою,

Но да возлюбите вы Бога всей душою!

А Л Е К С А Н Д Р Ъ.

Какого безъ тебя намъ счастья въ свѣтѣ ждатель?

А Р И С Т О В У Л Ъ.

Съ тобою готовы мы и жить, и умирать.

М А Р І А М Н А.

Въ родителѣ, въ царѣ вы мать свою найдете.

—

Я В Л Е Н І Е Ш.

Т Ъ Ж Е И А Р Х Е Л А Й *(съ поспѣшностію входитъ)*.

А Р Х Е Л А Й.

Не будь, о государь! предъ цесаремъ въ отвѣтѣ,
Что съ Варромъ не дождавъ уликъ къ развязкѣ
ссорь,

Въ семьѣ твоей изрекъ ты скоро приговоръ.

Варръ прибылъ въ ночь сію, но слышно предъ
вратами

Удержанъ и теперь; чрезъ что между полками,
Которые внутри и за стѣной стоятъ,

Произошелъ мятежъ.

П Р О Д Ъ *(Антипатру)*.

Зачѣмъ былъ запертъ градъ
Проконсулу? — Поди! вѣтъ, стой, — ключъ Ар-
хелаю

Отдай. (*Къ Архелаю.*) Ты объяви вождю, что ожидаю.

(*Антипатръ отдаетъ ключъ Архелаю, а сей уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е IV.

ТЪ ЖЕ, *кроль* АРХЕЛАЯ.

И Р О Д Ъ.

Да принесетъ онъ къ намъ пріятнѣйшую вѣсть,
Чтобъ я соблюлъ престоль, законъ, любовь и
честь.

А Н Т И П А Т Р Ъ.

Царицѣ средства нѣтъ въ проступкѣ оправ-
даться,
Прощенья лишь просить.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ, А Р И С Т О В У Л Ъ И К А Д А (*бро-
саясь предъ Маріамною на колѣни.*)

Проси!

М А Р І А М Н А (*колеблясь и помол-
чавъ нѣсколько.*)

Уничжаться.

И, безпорочной бывъ, покрыться ввѣкъ сты-
домъ?

Се не совѣтъ друзей; но ярый неба громъ
Сильнѣе поразить меня ужъ не возможетъ;
Не страшны казни тѣмъ, порокъ чьихъ душъ
не гложетъ.

Презрѣннѣй мнѣ блистать въ прощеньи при
царѣ,

Чѣмъ быть невинною на нищенскомъ одрѣ.
Ахъ! не сіяніе священной діадимы,
Но добродѣтели въ лицѣ вѣнчанномъ чтимы.

АНТИПАТРЪ (*притворно съ прекло-
ноніемъ главы*).

О, царь! гордыню ей оставь сію, — прости!
(*За нимъ и сепаринъ преклоняется.*)

МАРІАМНА.

Нѣтъ, Иродъ! не могу сей милости снести.
(*При семъ словъ встаютъ Када и дѣти.*)

Когда виновна я, да казнь меня караетъ;
Когда невинна, судъ меня да оправдаетъ.
Прощенье безъ суда лишь слабый царь даритъ;
Прощеньемъ по судѣ, какъ Богъ животворитъ.
Но отъ тебя сего не жду, не умоляю.
Порокъ пусть ползаетъ; а я предоставляю
Всевиdcу въ слабостяхъ моихъ меня простить.
А сей твой судъ есть сонмъ тирану только
льстить.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И СОЛОМІЯ (*вбѣгаетъ съ отчаяніемъ*).

СОЛОМІЯ.

Ужасная, мой братъ, грозитъ тебѣ судьбина;
Колѣблется твой тронъ, мятется Палестина.
Съ тобой и съ Варромъ днесъ пришедшій ле-
гіонъ,
Смѣшавшись съ чернію, какъ сонмы бурныхъ
волвъ,

Во ярости своей врата повергли града
И, волчьи какъ стада остервенясь отъ глада,
Бѣгутъ по улицамъ, всѣхъ ловятъ, рвутъ, мер-
твятъ

И Маріамну взвестъ на тронъ съдѣтьми хотятъ,
Глася, что будто бы по цесарску велѣнью
Проконсулъ присланъ къ намъ сего ко испол-
ненью.

Уже твоя никѣмъ не чтится больше власть,
Разграблена твоихъ сокровищъ знатна часть,
Кумиры божески, ваянія звѣрины
И позлащенные подобія орлины,
На храмъ, на дому взнесенны Риму въ честь,
Низверженны съ высотъ и сокрушенны въ
персть.

Едва сюда могла пройти я сквозь народа.
Се Асмонеянъ какъ вѣрна тебѣ порода?
Весь дворъ твой окруженъ, во взорахъ пылъ
сердецъ.

И Р О Д Ѣ (въ бѣшенствѣ вскаки-
вая съ трона, къ Маріамнѣ).

Не льстись, измѣнница, похитить мой вѣнецъ.
Нѣтъ! прежде укажу дорогу къ мрачну аду.
Поди! и встрѣть меня твоихъ злодѣйствъ въ на-
граду;

Тамъ торжествуй надъ мной побѣду ты свою.
(Антипатру, указывая на дѣтей и Маріамну.)

Въ Себастру ихъ; а еѣ мой кубокъ яду.

(Виночерпій подноситъ кубокъ.)

МАРІАМНА.

Пью!

Невинность никакой не вострепещетъ казни;

(Тутъ вдругъ, оборотясь, объекаетъ дѣтей.)

Но умертви и ихъ въ знакъ прежней мнѣ при-
язни.

ПРОДЪ *(топая ногами).*

Нѣтъ, прочь!

МАРІАМНА.

Жестокій!

ПРОДЪ.

Прочь!

*(Антипатръ даетъ знакъ воинамъ, которые
разлучаютъ Маріамну отъ дѣтей.)*

АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТОБУЛЪ И КАДА *(съ вс-
племъ).*

Не разлучайте насъ!

МАРІАМНА.

Ахъ! дайте вдругъ намъ смерть. Увы! *(оглядыва-
ясь на дѣтей)* лишаюсь васъ!

*(Воины уводятъ ихъ въ разные стороны. Ви-
ночерпій съ кубкомъ уходитъ за Маріамною).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНИЕ, АРХЕЛАЙ И ВАРРЪ *(сопровождаемые
римскими воинами, а СОЛОМІЯ, при чтеніи свитка,
тихо удаляется).*

ВАРРЪ.

Народъ, сенатъ и вождь верховный мощна Рима,
Котораго рукой подсолнечна держима,
Царю Израяля желаетъ всякихъ благъ

И споспѣшенія во всѣхъ его дѣлахъ!
По дружбѣ съ нимъ твоей пріемля онъ участие
Въ враждѣ твоихъ родныхъ, прислалъ меня
согласье
И миръ въ васъ водворить.

П Р О Д Ъ.

Благодарю за трудъ
Тебя и Цесаря. Въ моемъ народѣ чтутъ
За особливу честь сіе благоволенье;
Но мышлю, что мое семейное смятенье
Не стоило того, чтобъ онъ на насъ воззрѣлъ;
Вселенной брань, иль миръ — есть цесаря
удѣлъ.

В А Р Р Ъ.

Ты правъ; но и въ одной странѣ гражданъ раз-
стройство.

Бываетъ всѣхъ державъ на свѣтѣ безпокойство.

П Р О Д Ъ.

Опасности мнѣ нѣтъ.

В А Р Р Ъ.

Однакожъ никогда
Остереженіе не дѣлаетъ вреда.

П Р О Д Ъ (принимая отъ Варра
свитокъ).

Отъ Августа?

В А Р Р Ъ.

Такъ. Сей, мнѣ отъ него врученный,
Откроетъ свитокъ ковъ противъ тебя враждеб-
ный.

Къ рабѣ Юліи во свиткѣ семъ врочти
Ты сына своего, сестры своей черты,

И зри въ нихъ умыслы и злость на Маріамну,
На юныхъ чадъ твоихъ, на власть твою державну;

И какъ чрезъ образъ сей (*показывая портретъ Маріамны*) хотѣли развратить
Юлю съ Августомъ. Но онъ велѣлъ казнить
Уже сію рабу, вошелшу въ связь столь злостну.

П Р О Д Ѣ.

Какую тайну мнѣ толь люту, толь поносну
Ты открываешь, Варръ?—Но чтобъ прельстить
Собою,

Ликъ Маріамна въ Римъ препровождала свой.

В А Р Р Ѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! — прочти.

П Р О Д Ѣ (*прочтя свитокъ, съ торпливостію Архелая*).

Бѣги, спѣши скорѣе,
Спасай, о Архелай! чего мнѣ нѣтъ милѣ:
Отъ смерти ты мою супругу и дѣтей,
Невинность ихъ признай, часъ дорогъ, страшенъ сей.

А Р Х Е Л А Й.

Въ минуту, Государь! (*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, *кромя* АРХЕЛАЯ.

П Р О Д Ѣ (*въ ужасъ и удивленіи*).

Такъ ты, коварна Соломія!
Жестокая душа, чрезъ происки столь злые

Супруги и дѣтей клялась меня лишить?

(Къ Антипатру.)

И ты, искидокъ злой, съ ней могъ согласенъ
быть,

О, Антипатръ! на то, чтобъ зрѣть мое сверженье
Чрезъ Маріамнино со Августомъ сдруженье?

И чтобы въ столбъ мени Стратоновъ запереть,
Невинныхъ чадъ моихъ предать на тайну смерть
И съ злой моею сестрой сѣсть на моемъ здѣсь
tronъ?

О, адскій умыселъ, рожденный мрака въ лонѣ!
Внутрь бездны тартара, преступныхъ тайнъ въ
тиши.

Что жъ медлю казнями? Змія моею души,
Гдѣ, Соломія, ты? *(Ищетъ глазами Соломію.)* Сюда
ее влеките

И съ злобнымъ аспидомъ *(указывая на Антипа-
тра)* цѣпями ее свяжите.

Да пестрый ящеръ сей со черной жабой той
Въ единъ согбенны клубъ, повергнутся предъ
мною

И мерзкая чета, мученьемъ разорванна,
Ослабитъ смерть мою, мертва коль Маріамна!

ВАРРЪ *(римскимъ воинамъ).*

За Соломією!

ПРОДЪ *(смотря на Антипа-
тра и Соверна).*

О, подлыя сердца!

Туманы смрадные вокругъ царскаго вѣнца!
Какой умъ бдительный, какая прозорливость
Отъ васъ остережетъ гонимую невинность?

Когда коварство сътъ гдѣ на кого плететь,
Безсильна мощь царя, — онъ жертвы не спасеть;
Часъ къ пагубѣ найдуть.

Я В Л Е Н І Е VІІІ.

Т В Ж Е И К А Д А (*расплаканная, а нѣсколько погодя съ другой стороны АРХЕЛАЙ И ЮДА съ печальномъ видѣ*).

К А Д А.

Почти ужъ бездыханна
Услыша твой указъ, о Иродъ! Маріамна,
Что о невинности ея ты все узналъ,
Что жизнь ея спасти врачамъ ты приказалъ,
Рѣшилась вмигъ принять противна зелья яду
И отъ терзанья лишь почувствовавъ отраду,
Веселый вокругъ себя на всѣхъ кидая взглядъ,
Вставала, силилась итти тебя обнять,
Но вдругъ свирѣпая вступаетъ Соломія,
Кинжалъ въ рукѣ держа, какъ угли, взоры злые
На Маріамнинъ одръ бросаючи бѣжить,
Заноситъ остріе и ужъ почти разить;
Но я, ударъ сдержавъ ее, такъ отразила,
Что ста очами змѣй мнѣ взоры озарила
И пала предо мной, вонзя себѣ сталь въ грудь.
«Пусть такъ,» рекла: «умру, но ты не позабудь,
«О, Маріамна! коль останешься живою,
«Что я тебя съ пѣвцемъ покрыла клеветою;
«Что образъ твой къ вождямъ въ Римъ посы-
лала съ тѣмъ,

«Да распалю къ тебѣ любовныхъ ихъ огнемъ;
«Оговорить тебя и Юдѣ я велѣла
«И, брата умертвя....» сказавъ то, заскрыпѣла
Зубами на меня, — и въ смѣхѣ рану зломъ
Руками разорвавъ, разсталась съ животомъ.
Багрова кровь текла изъ чреслъ ея рѣкою.
Царица въ слабости сей фурією злою
Такъ утрашилася, что бывъ едва жива,
Безчувственна, блѣдна лежала, какъ мертва;
Но лишь опомнилась, то о тебѣ мечтала,
Съ тобою какъ рѣчь вела, тебя какъ призывала,
Желая зрѣть дѣтей.

А Р Х Е Л А Й *(впадалъ въ рѣчь)*.

Увы! исчезъ ихъ слѣдъ.

Коринѣ съ сообщники миѣ подали извѣтъ,
Что Антипатрово свершая повелѣнье,
Едва ль ужъ ихъ живыхъ послали въ заточенье.

С О В Е Р Н Ъ *(повергшись на колѣни)*.

Я, я къ прогулкѣ ихъ въ полночь съ царицей
въ садъ

Уговоря, хотѣлъ оставить съ ними градъ,
Чтобъ тѣмъ себя спасти отъ предстоящей казни.
Но какъ они, моей не слѣдуя пріязни,
Не захотѣли въ бѣгъ отважиться со мною,
То града сей глава *(указывая на Антипатра)* воен-
ной вдругъ рукой

Схватя и посадя ихъ всѣхъ на колесницу,
Хотѣлъ усиленно везть предмѣстья за границу
Проконсула во станъ; но вдругъ то отмѣня,
Не знаю почему, крамолой ихъ виня,
Привезъ предъ сендаринъ.

*(Антипатръ и Юда, повергшись на землю и
стуча объ одну лбами.)*

АНТИПАТРЪ.

Я виненъ! — Мысли злыя
На смерть ихъ мнѣ дала....

ЮДА.

И злато, Соломія.

АНТИПАТРЪ И ЮДА *(вмѣстѣ)*.

Мы винны злу всему.

ИРОДЪ *(съ страшнымъ крикомъ)*.

Во узы въ Ерихонъ!

Разсѣкши въ части ихъ, сжечь мелкимъ въ
прахъ огнемъ,

Да черной вранъ не зря на кости ихъ не вскрятъ
четь

И лишь по мнѣ о нихъ Юдея вся восплачетъ.

Гробъ будетъ ихъ и мой за Маріамны смерть.

ВАРРЪ *(къ римскимъ воинамъ)*.

Исполните приказъ.

*(Антипатръ, Соверизъ и Юда схватываются
воинами и, отягощаясь щельми, уводятся
вдалѣ театра.)*

КАДА.

Еще надежда есть.

ИРОДЪ *(воздѣетъ руки на небо)*.

Будь милосердъ, мой Богъ!

ВАРРЪ.

Октавья повелѣнье:

Чтобъ у нея просить торжественно прощенье;
Когда жъ не такъ, престолъ оставить долженъ ты.

(Када уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е IX.

ТЪ ЖЕ, *кромя* КАДЫ.

П Р О Д Ѣ.

Оставить даже свѣтъ я чту ужъ за мечты.
Что мнѣ величество, порфира и корона,
Коль буду жизнь влачить средь плача и средь
стопа?

Сознавъ мою вину внутри совѣсти моей,
Спокойства получить я не могу безъ ней;
Я не могу дышать, зрѣть свѣтъ безъ Маріамны.
Всѣ жилы, мышцы всѣ я чувствую раздранны,
Сляченъ мой весь составъ, хладѣеть, мерзнетъ
кровь.

О! коль ты жестока, несчастная любовь!
Всеvyšній! посылалъ къ Давиду Ты Наѡана
Изобличить въ грѣхѣ, — пошла... Нѣтъ! нѣтъ!
тирана

И безъ улыкъ я зрю въ самомъ уже себѣ.
Въ терзаніи моемъ мнѣ помощь лишь въ Тебѣ.
О, помоги, Творецъ! Сокровище безцѣнно
Отъ самого меня, самымъ мной похищенно,
Мнѣ въ нѣдро возврати; (*указывая на сердце*) хра-
нилось тутъ оно! ..

Я В Л Е Н І Е X.

МАРІАМНА *приносится, лежащая въ креслахъ, сопровождаемая КАДОЮ и прочими придворными.*

И Р О Д Ъ (*увидя издали.*)

Что за мечтаніе, недвижимо, блѣдно?

Чья тѣнь безчувственна, безгласна, бездыханна?

Се мертвая жена? Увы! се Маріамна!

Ты представляешься, о, ангель въ плоти!

Мнѣ въ образѣ такомъ? (*Упадши на колѣни, обнимаетъ.*) Прости меня, прости!

МАРІАМНА (*тихо.*)

Чей гласъ? — Супругъ мой, ты? облобызай, —
прощаю.

Но дѣти гдѣ?

КАДА (*поддерживая, тихо.*)

Ихъ нѣтъ.

МАРІАМНА.

О, Боже! у—ми—ра—ю.
(*Кончается.*)

КАДА (*поддерживая Маріамну сзади креселъ.*)

Ахъ!

И Р О Д Ъ (*обнимая Маріамну.*)

Маріамна! ты безъ чувства, безъ огня,

Ты охладѣла вся, оставила меня!

Супруга нѣжная! злосчастлива Маріамна!

Взгляни, услышь меня! О, горесть несказанна!

Гесина внутрь палить, вкругъ всюду страшна
мгла, —

Ужасная змѣя на грудь мою легла,

Рветъ лютый сердце звѣрь. Нѣтъ силъ — осла-
бѣваю.

*(Упадаетъ на кресла и почувствовавшись въ
сумасшествіи.)*

Гдѣ, Маріамна, гдѣ тебя я обрѣтаю?

Межъ чистыхъ, свѣтлыхъ водъ, въ лугахъ
между цвѣтовъ,

Межъ ангеловъ, въ тѣни маврійскихъ рощъ ду-
бовъ

Поешь съ пѣвцемъ, съ дѣтьми; эдемски слышу
пѣсни,

Манишь меня къ себѣ. Но путь претитъ мнѣ
тѣсный!

(Вскакиваетъ въ бѣшенствѣ.)

Нѣтъ! мрачныхъ предъ собою я вижу море волнъ,

На колесницѣ въ нихъ погрязнулъ Фараонъ;

Разверстая земля пожрала Аввирона,

Гулъ слышу жалобный изъ преисподня стона;

Младенцевъ тысячи плывутъ ко мнѣ въ крови;

Несчетны остовы, толпы тѣней безмолвны

Съ окостенѣлыми очами вокругъ идутъ

И кровь свою мнѣ пить пригорщами подаютъ;

Побѣдъ моихъ трубы ревутъ мнѣ въ слухъ от-
всюды,

Передо мной лежатъ и позади тѣль груди....

Раскаяніе рветъ, воображенье жжетъ....

Ужасный полкъ духовъ отрады не даетъ!...

Змѣистыхъ молніевъ стрѣлъ туча вокругъ ба-
грова

Летитъ, разитъ!... *(Закрываетъ голову руками.)*

Ахъ! гдѣ укроюсь? Нѣтъ покрывала!

(Бѣжитъ и упадаетъ къ Маріамнинымъ ногамъ.)

— 610 — А Р Х Е Л А Й (*и вст. вдругъ съ ужа-*
сомъ).

О, Боже! Ахъ! онъ мертвъ!

В А Р Р Ъ.

Се блескъ великихъ дѣлъ!
Какъ трудно царствовать! (*Къ Архелая, подавая*
скиптръ.) Прійми наслѣдныи жезлъ.

А Р Х Е Л А Й.

Я не возьму его безъ гласа ихъ (*показывая на сен-*
даринъ), безъ Рима.

По зрѣлищъ такомъ ужасна діадима!

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ,

или

ОБЪ ОДЪ.

—

Хотя еще въ 1752 году покойный профессоръ Тредьяковскій писалъ о семь предметъ, но весьма кратко, показавъ только слегка свойство, назначеніе и главныя черты Оды; а о красотахъ ея, или о прямомъ достоинствѣ, равно и о противномъ тому, не изъяснилъ въ подробности. Здѣсь сочинитель, почерпнувъ изъ лучшихъ писателей и изъ собственныхъ своихъ долговременныхъ въ семь родъ поэзіи опытовъ, показываетъ всѣ принадлежности изящной лиры. Но чтобы представить съ одной стороны обиліе и силу, а съ другой гибкость и способность російскаго языка къ изображенію ясно и сладкозвучно всѣхъ чувствъ сердца человѣческаго, привелъ въ примѣры нѣсколько въ переводахъ изъ древнихъ, а болѣе изъ подлинныхъ произведеній отечественныхъ лириковъ, избѣгая притомъ елико возможно собственныхъ. Въ необходимыхъ же только случаяхъ, когда не зналъ въ чужеземныхъ и не находилъ въ рус-

скихъ, или думалъ, что они вполнѣ не объясняютъ его мыслей, употребилъ свои. Слово *одѣ*, по-Гречески пою, происходитъ отъ мѣста, называемаго *одѣион*, гдѣ въ Аѣинахъ пѣвали рапсодіи или отрывки Гомерової Иліады и Одиссея.

Ода, слово греческое, равно какъ и псалмъ, знаменуетъ на нашемъ языкѣ пѣснь. По нѣкоторымъ отличіямъ въ Древности носила на себѣ имя Гимна, Пеана, Диѣирамба, Сколіи, а въ новѣйшихъ временахъ иногда она то же, что Кантата, Ораторія, Романсъ, Баллада, Стансъ и даже простая пѣсня. Составляется строфами, куплетами, мѣрнымъ слогомъ разнаго рода, и числомъ стиховъ; но въ глубокомъ отдаленіи вѣковъ единообразныхъ въ ней строфъ не примѣчается. Въ древнѣйшія времена препровождается была простою мелодією; пѣвалась съ лирою, съ псалтирью, съ гусями, съ арфою, съ цитрою, а въ новѣйшія и съ прочими инструментами, но болѣе, кажется, со струнными. По лирѣ, или поставу, къ музыкѣ способному, называется Ода лирическою поэзією.

Лирическая поэзія показывается отъ самыхъ цепенъ міра. Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ; это отливъ разгоряченнаго духа; отголосокъ растроганныхъ чувствъ; упоеніе, или изліяніе восторженнаго сердца. Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности долженъ былъ произнести

лирическимъ восклицаніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки, напоили живымъ чувствомъ и исторгали его гласы. Вотъ истинный и печальный источникъ Оды; а потому она не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной, чѣмъ и отличается отъ прочей поэзіи. Она не наука, но огонь, жаръ, чувство.

Кто первый ввелъ ее въ употребленіе, опредѣлить трудно. Нѣкоторые по Священному Писанію присвоютъ то Іувалу сыну Ламехову, показателю гуслей и пѣвницы (*); язычники Аполлону, научившему пастырей играть на свирѣли и сочинившему, послѣ пораженія Тифона, хоръ, называемый Номосъ. Иные же Меркурію, сдѣлавшему изъ черепахи лиру. Новѣйшіе писатели полагаютъ корень вообще поэзіи въ совокупномъ составѣ челоѵка духовнаго и тѣлеснаго, снабженнаго творческою силою воображенія и гармоніи. Въ самомъ дѣлѣ, челоѵкъ, а особливо ума пылкаго, наполненный мыслями, будучи въ удивленіи и въ полной свободѣ, обыкновенно въ задумчивости своей предавшись мечтанію, говоритъ съ собою, напеваетъ, или напѣваетъ что нибудь. Самые грубые народы, во всѣхъ временахъ и во всѣхъ странахъ свѣта, даже не знавшіе употребленія огня, въ Мексикѣ, въ Перу, въ Брази-

---

(*) Въ Книгѣ Бытія глава 4, стихъ 21.

ли, въ Канадѣ, въ Камчаткѣ, въ Якутскѣ и въ другихъ почти необитаемыхъ мѣстахъ, носили и носятъ на себѣ сіе отраженіе лучей Премудраго Создателя. Они самую дикость свою оставили и начали собираться въ общества не чрезъ что другое, какъ чрезъ пѣніе и лиру, подъ которою разумѣю всякое музыкальное орудіе. Впрочемъ какъ бы то ни было, но поелику не знаемъ мы старѣе лирической поэзіи еврейской, видимой нами въ боговдохновенныхъ пѣсняхъ Пророковъ, то и должно отдать въ изобрѣтеніи Оды преимущество сему народу, не токмо по древности его сочиненія, но и по высокому образу мыслей, каковыхъ въ самыхъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ языческихъ лирикахъ не встрѣчаемъ. Но положимъ, что всякаго другаго низшаго рода пѣснопѣнія могутъ источникомъ своимъ имѣть страсти, обстоятельства, природу; однако высокіе, священные псалмы (*) не что иное суть, какъ вдохновеніе Божіе.

Таковая первостепенная, священная Ода есть самое выпреннее, пламенное твореніе. Она быстрою, блескомъ и силою своею, подобно молніи объемля въ единый мигъ вселенную, образуетъ величіе Творца. Когда сверкаетъ въ небесахъ, тогда же низвергается и въ преисподнюю; извивается, чтобы скорѣе цѣли своей до-

---

(*) Псалмъ происходитъ отъ глагола греческаго *ψαλλο*, «бряцаю, слегка ударяю по струнамъ,» по-еврейски «небелъ».

стигнуть; скрывается, чтобы ярче обласкать; прерывается и умолкает, дабы вновь незапно и съ вящимъ явившись устремленіемъ, болѣе звукомъ и свѣтомъ своимъ удивить, ужаснуть, поразить земнородныхъ. Вотъ примѣръ:

«Освѣтиша молнія Твоя вселенную, подви-
жеся и трепетна бысть земля.»

Псаломъ 76, стихъ 19.

или:

«Тогда во все предѣлы свѣта
«Какъ молнія достигнулъ слухъ,
«Что царствуетъ Елисавета,
«Петровъ въ себѣ имѣя духъ.»

Ломоносовъ.

Гимнъ пареніемъ своимъ нѣсколько ниже Оды. Хотя и можно бы сей послѣдней предоста-
вить въ отличительное свойство ужасъ и удивленіе могуществу, а первому благодарность и славословіе за благодѣяніе и покровитель-
ство; но по всегдашнему ихъ смѣшенію опредѣ-
лить прямую черту между ними трудно. Гимна-
ми Еврей въ разныхъ случаяхъ воспѣвали истиннаго Бога и чудеса Его, а язычники — поклоняемыхъ ими боговъ и человѣковъ, про-
славившихся знаменитыми подвигами. Возно-
сили ихъ при жизни, славословили и по смер-
ти. Гробы ихъ, когда умолкала зависть, дѣла-
лись у язычниковъ алтарями, а пѣсни гимнами. Сіе находимъ у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣ-
кахъ. Гимны содержали въ себѣ часть религіи

и нравоученія. Они пѣвались при Богослуженіи, ими объясняемы были оракулы, возвѣщаемы законоположенія, преподаваемы, до изобрѣтенія письменъ, славныя дѣла потомству и проч.

Ли́ра, или псалтирь, согласовалась ихъ предметамъ. Пѣли Гимны при восхожденіи солнца, при наступленіи ноши, при новомѣсячии и ущербѣ луны, при собираніи жатвы и винограда, при заключеніи мира и при наслажденіи всякаго рода благополучіемъ, а равно и при появленіи войны, мороваго повѣтрія и какого либо инаго бѣдствія, не отъ одного, или нѣсколькихъ молебщиковъ, но отъ лица всего народа. Черезъ Гимны возносились благодаренія, славословія, моленія и жалобы божествамъ. Гласы ихъ были гласы благоговѣнія, наставленія, торжественности, радости, великолѣпія; или вопли негодованія, сѣтованія, мщенія, унынія, плача и печали. Вотъ что были въ глубокой древности Оды и Гимны, и что въ храмахъ, на театрахъ, въ чертогахъ и на стогнахъ народныхъ ими воспѣвалось. Онѣ были иногда подсказываемы конархистомъ (декламаторомъ), какъ у насъ стихири, или провозглашаемы самимъ поэтомъ при звукѣ струнномъ. Видно сіе изъ многихъ псалмовъ Давида:

«Исповѣдайтеся Господеви въ гуслехъ: въ псалтири десятиструниѣмъ пойте Ему.»

Псал. 52, стр. 2.

изъ одъ пиндара:

«Златая арфа Аполлона,
«Подруга чернокудыхъ Музы!
«Твоимъ въ молчаньи звукамъ вниметь
«Монархъ веселья — пляска, ликъ.
«Когда же хоромъ управляя,
«Даешь къ совосклицанью знакъ:
«Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій,
«Ты можешь молнии потушить!»

изъ пѣсни игоря:

«Едва Баянъ вѣщяе персты на струны вкладаше, и абіе они сами славу Князей рокотаху.»

Наконецъ при распространившемся общежитіи, изъ собраній народныхъ перешло пѣснопѣніе и въ круги семействъ. Тамъ воспѣвалось имъ все житейское: любовь, ненависть, дружба, вражда, всякая охота, сельскія упражненія, жизнь пастушья и тому подобное, изъ коихъ послѣдняя, по нѣкоторымъ писателямъ, беретъ у всѣхъ первенство. Сочинители ихъ, и купно пѣвцы, были у Египтянъ, Финикіянь, Индійцевъ, Грековъ, Римлянъ, Аравитянъ и прочихъ народовъ, которые въ Южной Европѣ назывались бардами (*), а на Сѣверѣ скальдами. Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ и друидовъ; но другіе называютъ ихъ только провѣщателями

(*) Бардъ, пѣвецъ, собственно Галламъ и Британцамъ принадлежащій.

при жертвоприношеніяхъ (*). — То же ли, по дару вдохновенія, были у Евреевъ пророки, а у Славянороссовъ, по глаголу баю, баяны? — оставляю на разсужденіе искуснѣйшихъ въ древности; но скажу только, что всѣ ихъ пѣсни, по содержанию своему, были почти у всѣхъ одинаковы; а по свойству (характеру) ихъ, или выраженіямъ чувствъ, совсѣмъ различны. Климатъ, мѣстоположеніе, вѣра, обычай, степень просвѣщенія и даже темпераменты имѣли надъ всякимъ свое вліяніе. Но вообще примѣчается, что чѣмъ народъ былъ дичѣе, тѣмъ пламеннѣе было его воображеніе, отрывистѣе и короче слогъ, менѣе связи распространенія и послѣдствій въ идеяхъ, но болѣе живописной природы въ картинахъ и болѣе вдохновенія. Напротивъ того, у образованныхъ обществъ болѣе разнообразія, распространенія, пріятности, блеску въ мысляхъ и мягкости въ языкѣ. Израильскій пророкъ, проповѣдуя единство Божіе, движетъ силою Его холмы, обращаетъ рѣки къ вершинамъ, касается горамъ и дымится. Греческій бардъ, восхищенный славою своихъ витязей, гремитъ на ипподромѣ съ бѣгомъ колесницъ, мчится съ преспѣваніемъ коней, увеличивая или украшая о нихъ свои понятія блескомъ двусоставныхъ словъ, называя Юпитера громовержцемъ, Нептуна землепрепоясателемъ, Венеру

(*) И неугрюмые друиды

Даютъ глазимъ вытьемъ отвѣтъ.

голубокою, Диаву быстроногою и пр. Скальдь Шкотовъ видитъ на облакахъ летающія тѣни своихъ предковъ, мечи на ихъ бедрахъ изъ сѣвернаго сіянія, мрачную, безмолвную природу и кровавыя брани. Славянороссійскій баянъ изображаетъ ратное воспитаніе и ревность свою къ службѣ князя, что на концѣ копья онъ взмелѣянъ, досиѣхами повить и вычерпаетъ шлемомъ своимъ быстрыя рѣки. Словомъ, всякій древній народъ, а особливо сѣверные, воспѣвая свои подвиги и свои упражненія, изъяснялись, относительно чувствъ своихъ, въ ихъ гимнахъ и одахъ своимъ образомъ; ставили славу свою въ героическихъ своихъ пѣсняхъ, гордились ими и, не имѣя ихъ, почитали себя несчастливыми.

Но Ода, или Гимнъ, изображаютъ только чувства сердца въ разсужденіи какого либо предмета, а не дѣйствіе его. Гдѣ же останавливаются на дѣйствіи, тутъ уже сближаются къ эпопеѣ. Слогъ имѣютъ твердый, громкій, возвышенный, благородный, однако сходственный всегда съ предметомъ; въ противномъ случаѣ теряютъ свою изящность. Доказывается сіе одою «На счастье» Жанъ-Баптиста Руссо, переведенною Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Послѣдняго слогъ не соотвѣтствуетъ высокому содержанію подлинника. И такъ Гимнъ и Ода заимствуютъ свое нарѣчіе, свои краски, свою силу отъ воспѣваемаго ими предмета; но никогда площадныхъ, или простонародныхъ словъ

себѣ не дозволяютъ, развѣ въ такомъ родѣ будутъ писаны; но здѣсь таковыя не имѣютъ мѣста. Впрочемъ качество или достоинство высокихъ одъ и гимновъ составляютъ: вдохновеніе, смѣлый приступъ, высокость, беспорядокъ, единство, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новостъ чувствъ и выраженій, олицетвореніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія или уклоненія, перескоки, обороты, околичности, сомнѣнія и вопрошенія, противоположности, заимословія, иносказанія, сравненія и уподобленія, усугубленія или усилія и прочія витійственныя украшенія, не рѣдко правоученіе, но всегда сладкогласіе и вкусъ.

Хотя изъ вышеупомянутыхъ украшеній многія въ особенности принадлежатъ риторикѣ и объяснены тамъ подъ именами разныхъ троповъ и фигуръ, но покажемъ, что такое они у лирика и какъ онъ ихъ употребляетъ.

Вдохновеніе не что иное есть, какъ живое ощущеніе, даръ Неба, лучъ Божества. Поэтъ въ полномъ упоеніи чувствъ своихъ разгорается высшимъ онымъ пламенемъ, или простѣе сказать, воображеніемъ, приходитъ въ восторгъ, схватываетъ лиру и поетъ, что ему велитъ его сердце. Не разгораясь и не чувствуя себя восхищеннымъ, и приниматься онъ за лиру не долженъ. Вдохновеніе рождается прикосновеніемъ случая къ страсти поэта, какъ искра въ пеплѣ, оживляясь дуновеніемъ вѣтра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободреніемъ, поддер-

живается окружными видами, согласными съ страстью, которая его трогаетъ, и обнаруживается впечатлѣніемъ, или изліяніемъ мыслей о той страсти, или ея предметахъ, которые воспѣваются. Въ прямомъ вдохновеніи нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсужденія; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высокомъ пареніи своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представлений. Отъ того-то въ превосходныхъ лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выраженіе, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющее. Но вдохновеніе можетъ быть не всегда высокое, а чаще между порывнымъ и громкимъ посредственное, заемлемое отъ воспѣваемаго предмета, обстоятельствъ, или собственнаго состава и расположенія поэта; а потому и можетъ быть у всякаго свое и по временамъ отличное вдохновеніе по настроенію лиры, или по наитію генія. Исчислять всѣ его виды было бы весьма пространно. Но вотъ нѣкоторые примѣры:

ГРОЗНАГО:

«Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
«Что море въ ярости своей
«Съ предѣлами небесъ сражалось,
«Земля стенала отъ зыбей;
«Что вихри въ вихри ударялись,
«И тучи съ тучами спирались,
«И устремлялся громъ на громъ,

«И что надуты волнъ громады
«Текли покрыть пространны грады,
«Сравнять хребты горъ съ влажнымъ
дномъ.»

Ломоносовъ.

ГНѢВНАГО:

«О, ты, что въ горести напрасно
«На Бога ропщешь, человекъ!
«Внимай, коль въ ревности ужасно
«Онъ къ Юву изъ тучи рекъ!
«Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ
блистая

«И гласомъ грома прерывая,
«Словами небо колебалъ,
«И такъ его на распрю звалъ.
«Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною:
«Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ
«Моей возженныхъ вдругъ рукою
«Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
«Мое величество вѣщали?» — и проч.

Ломоносовъ.

или:

«Претящимъ окомъ Вседержитель,
«Возрѣвъ на полкъ вечерній рекъ:
«О, дерзкій мира нарушитель,
«Ты мечъ противъ Меня извлекъ!
«Я правлю солнце, землю, море,
«Кто можетъ стать со Мною въ спорѣ?»

Ломоносовъ.

ТОРЖЕСТВЕННАГО:

«Уже со многими народы
«Гласитъ эфиръ, земля и воды,

«И камни вопіють теперь!
«Къ намъ щедро Небо преклонилось
«И счастье наше обновилось:
«На тронъ взошла П е т р о в а Дщерь.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Тогда отъ радостной Полтавы
«Побѣды Росской звукъ гремѣлъ;
«Тогда не могъ П е т р о в о й славы
«Вмѣстить вселенныя предѣлъ;
«Тогда Вандалы побѣжденны
«Главы имѣли преклоненны,
«Еще при пеленахъ Твоихъ;
«Тогда предъявлено судьбою,
«Что съ трепетомъ передъ Тобою
«Падуть полки потомковъ ихъ.»

Ломоносовъ.

РАДОСТНАГО:

«Коликой славой днесъ блистаетъ
«Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
«Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
«Въ пространномъ зданіи своемъ:
«Но воздухъ наполняетъ плескомъ.
«И нощи тму отъемлетъ блескомъ.
«Ахъ, если бъ нынѣ Россовъ всѣхъ
«Къ Тебѣ горяща мысль открылась;
«То бъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
«На вѣчный день перемѣнилась!»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Геройскихъ подвиговъ хранитель
«И проповѣдатель Парнассъ,

«Временъ и рока побѣдитель,
«Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ;
«Приблѣжи къ небесамъ вершины,
«И для похвалъ Е к а т е р и н ы,
«Какъ наша радость, расцвѣтай,
«Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
«Бореи преврати въ Зефиры,
«Представь зимой въ полнощи рай.»

Ломоносовъ.

СПОКОЙНАГО:

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
«Возлюбленная тишина!
«Блаженство селъ, градовъ ограда,
«Коль ты полезна и красна!
«Вокругъ тебя цвѣты нестрѣютъ
«И класы на поляхъ желтѣютъ;
«Сокровищъ полны корабли
«Дерзаютъ въ море за тобою;
«Ты сыплешь щедрою рукою
«Свое богатство по земли,» и проч.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Въ долину онъ стоитъ обширной,
«Гдѣ вѣчная цвѣтетъ весна:
«Стада гуляютъ въ паствѣ жирной,
«Всегдашня тамо тишина:
«Ни слезъ, ни стона тамъ не знаютъ;
«Другъ друга жители лобзаютъ;
«Щитъ Марсовъ, шлемъ и копіе
«Лежатъ увитые цвѣтами;

«Возлегши миръ на нихъ локтями.
«Стрежетъ оружіе сіе.»

Херасковъ.

или:

«Сонъ сладостный не презираетъ
«Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
«Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
«Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ,
«На коихъ по колосьямъ нивы
«Подъ тѣнью облаковъ игривый
«Перебирается Зефиръ,
«Гдѣ царствуетъ покой и миръ.»

Изъ Горация.

тихаго:

«Россійско солнце на восходѣ
«Въ сей обще вождельный день
«Прогнало въ ревностномъ народѣ
«И ночи и печали тѣнь.
«Вспомянувъ часы веселы,
«Красуйтесь, счастливы предѣлы,
«Въ сердцахъ усугубляйте жары!»

Ломоносовъ.

или:

«Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
«Иль лучше льешь на насъ щедроты;
«Монархиня! коль благъ совѣтъ
«Для Россовъ вышнія доброты!»

Ломоносовъ.

или:

«Такъ вскрикнувъ, я повергся долу:
«Заглохнулъ стонъ болота дна,
«Замолкло лѣса бушеванье,

«Затихла тише тишина.
«Лежалъ простертымъ, чуть дыхая,
«Въ цвѣтахъ на берегу ручья,
«Надъ коимъ мѣсяць серпозлатый
«Блисталъ, блѣднѣлъ, темнѣлъ, — исчезъ.»

Изъ Козегартена.

СТРАСТНАГО:

«Увижу ль съ нимъ тебя, — и вмигъ
«Трепещеть сердце, грудь тѣснится,
«Нѣмѣеть рѣчь въ устахъ моихъ
«И молнія по мнѣ стремится;
«По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
«По жиламъ хладъ я ощущаю;
«Дрожу, блѣднѣю, — и какъ злакъ
«Упадши, вяну, — умираю.»

Изъ Сафы.

или:

«Жизнь во мнѣ тобой хранится,
«Казнь и благо дней моихъ;
«Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
«Буду живъ безъ связи ихъ.
«Тѣнь моя всегда съ тобою
«Неразлучно будетъ жить;
«Окружать тебя собою,
«Взглядъ твой, вздохъ и мысль ловить.»

Нелединскій.

или:

«Небеса, цари, вселенна,
«Все мнѣ милая моя.
«Лишь взглянула — я любовникъ;
«Пожелала — я поэтъ.»

Князь Горчаковъ.

ИЗЪЖНАГО:

«Какъ мать стенаньемъ и слезами
«Крушится о сынѣ своемъ,
«Что онъ противными вѣтрами
«Отгнанъ, живетъ въ краю чужомъ, —
«Она минуты всѣ считаетъ,
«На брегъ во всякій часъ взираетъ,
«И просить щедры Небеса.»

Ломоносовъ.

или:

«Не видя пламенной Беллоны,
«Въ Едемскихъ жили бы садахъ,
«Имѣли бы свои законы
«Написанны въ твоихъ очахъ.»

Херасковъ.

или:

«Въ бесѣдѣ ли съ тобой бываю,
«Тебя одну въ ней вижу я,
«Шаги твои все замѣчаю;
«Гдѣ взоръ твой, тамъ душа моя,
«И съ кѣмъ ни молвила бѣ ты слово,
«Читая въ милыхъ мнѣ очахъ,
«Тебѣ отвѣтствовать готово
«Мое все сердце на устахъ.»

Нелѣдинскій.

или:

«Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ.
«Лавры, васъ я не ищу:
«Я и мирточкой доволенъ,
«Коль отъ милой получу.»

Дмитріевъ.

ПРІЯТНАГО:

«Млеко́мъ и медомъ напоены,
«Тучи́ють влажны берега,
«И яснымъ солнцемъ освѣщенны,
«Смѣются злачны луга.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
«Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
«Межъ бисерными облаками
«Сіяетъ злато и лазурь.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Я слышу нимфъ поющихъ гласы,
«Носящихъ сладкіе плоды;
«Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы;
«Шумятъ огромныя скирды;
«Среди охотничей тревоги
«Лѣсами раздаются роги,
«Въ покоѣ представляя брань.
«Сіе богинѣ несравненной
«Въ избытокъ принесутъ осенной
«Земля, вода, лѣсъ, воздухъ въ дань.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Какіе радостные плески,
«Огней торжественные блески,
«Куренія отъ алтарей? —
«Мольбы! — се для царей!»

Херасковъ.

УМПИТЕЛЬНОГО:

«Ты судъ и милость сопрягаешь,
«Повинныхъ съ кротостью казнишь,
«Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
«Ты осужденныхъ кровь щадишь:
«Такъ Нилъ смиренно протекаетъ,
«Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
«Но пользой выше прочихъ рѣкъ,
«Своею сладкою водою,
«Въ лугахъ зеленыхъ пролитою,
«Златой даетъ Египту вѣкъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Иль мало смертны мы родились
«И должны удвоять свой тлѣнь?
«Еще ль мы мало утомились
«Житейскихъ тягостью бремень?
«Воззри на плачъ осиротѣвшихъ,
«Воззри на слезы престарѣвшихъ,
«Воззри на кровь рабовъ твоихъ.
«Къ тебѣ любовь и радость свѣта,
«Въ сей день зоветъ Елисавета:
«Низвергни брань съ концевъ земныхъ.»

Ломоносовъ.

или:

«А Ты, Который обладаешь
«Единъ подсолнечною всей,
«На милость души преклоняешь
«Возлюбленныхъ Тобой царей,
«Хранишь отъ злаго ихъ навѣта!
«Содѣлай, да владыки свѣта

«Внушать мою нелестну рѣчь;
«Да гласу правды кротко внемлютъ,
«И на злодѣевъ лишь подъемлютъ
«Тобою имъ врученый мечъ!»

Капиистъ.

УНЫЛАГО:

«Но, ахъ, жестокая судьбина!
«Безсмертія достойный мужъ,
«Блаженства нашего причина,
«Къ несносной скорби нашихъ душъ,
«Завистливымъ отторженъ рокомъ,
«Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ,
«Внушивъ рыданій нашихъ слухъ;
«Верхи Парнаски возстали,
«И музы воплемъ провождали
«Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Что такъ смущаешься, вознуешь,
«Безсмертная душа моя?
«Отколѣ пламенны желанья?
«Отколѣ тоска и грусть твоя?
«Се холмы синіе мерцаньемъ,
«Дугъ запахомъ спокойство льетъ;
«Но, ахъ! ничто не утоляетъ
«Унынья томна твоего!»

Изъ Козегартена.

ИЛИ:

«Лѣса, влекушіе къ покою,
«Чертогъ любви и тихихъ дней!
«Куда вы съ прежней красотою

«Сокрылись отъ моихъ очей?
«Васъ та же зелень украшаетъ;
«Но мнѣ того ужъ не являетъ,
«Чѣмъ духъ бывалъ прельщаемъ мой:
«Вездѣ меня тягчатъ печали, —
«Вездѣ, гдѣ прежде восхищали,
«Утѣхи, счастье и покой.»

Капнисть.

или:

«Безъ друга и безъ милой
«Брожу я по лугамъ;
«Брожу съ душой унылой
«Одинъ по берегамъ.
«Тамъ тѣ же все встрѣчаю
«Кусточки и цвѣтки:
«Но, ахъ! не облегчаю
«Ничѣмъ моеи тоски!»

Дмитріевъ.

или:

«Гдѣ найду я выраженья
«Все, что чувствую, сказать?
«Не достанетъ вображенья
«Чувствъ души моеи обнять.
«Только два ихъ понимаю:
«Время на двое дѣлю,
«При тебѣ — все забываю,
«Иль безъ тебя — терплю.»

Нелединскій.

печальнаго:

«Безгласна видя на одрѣ
«Защитника, отца, героя,

«Рыдали Россы о П е т р ѣ;
«Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
«И сѣтовали всѣ мѣста:
«Земля казалася пуста:
«Взглянуть на небо — не сіяетъ,
«Взглянуть на рѣки — не текутъ,
«И горъ высокость осѣдаетъ;
«Натуры всей пресѣкся трудъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Россы! се Е л и с а в е т а,
«Се Она во гробѣ здѣсь,
«И лучей лишена свѣта,
«Предается тлѣну днесь;
«Се конецъ Ея судьбинѣ.
«Плачьте, Россы! плачьте нынѣ
«О Монархинѣ своей.»

Сумароковъ.

или:

«Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
«Ходитъ милаго вокругъ;
«Но, увы, прелестна Хлоя!
«Ужъ не встанетъ милый другъ!»

Дмитріевъ.

утѣшительнаго:

«Сіе, о, смертный! разсуждая,
«Представь Зиждителю власть;
«Святую волю почитая,
«Имѣй свою въ терпѣньи часть.
«Онъ все на пользу нашу строитъ,
«Казнить кого или поконитъ.»

«Но въ объятіяхъ твоихъ
«Меньше ль счастливъ я владыки?»

Дмитріевъ.

ЗАБАВНАГО:

«Зевестъ быкамъ далъ роги,
«Копыты лошадямъ,
«Проворны зайцамъ ноги,
«Зубасты зѣвы львамъ,
«Способность плавать рыбамъ,
«Пареніе орламъ,
«Безстрашный духъ"мужчинамъ;
«Но что жъ онъ далъ женамъ?
«Чѣмъ все то замѣнить? —
«Красой ихъ надѣляетъ:
«Огонь и мечъ и щитъ
«Красавица сражаетъ.»

Изъ Анокреона.

ИЛИ:

«Други! время скоротечно
«И не видишь какъ летитъ;
«Молодыми быть не вѣчно;
«Старость вмигъ насъ посѣтитъ.
«Что же дѣлать? — такъ и быть!
«Въ ожиданьи будемъ пить.»

Дмитріевъ.

ИЛИ:

«Ребята, намъ въ полѣ
«Отъ солнца сгорѣть,
«Дня жарка миѣ болѣ
«Нѣтъ мочи терпѣть.
«Мы можемъ собраться

«Въ другой разъ сюда;

«Купаться, купаться

«Теперь череда!

Шушковъ.

ШУТЛИВАГО:

П., Европѣ ужъ извѣстно,

Что силъ донскихъ ты страшный вождь.

Въ раслохъ, какъ-бы колдунъ всемѣстно

Ты съ тучъ падешь, какъ снѣгъ, какъ дождь,

По черныхъ вороновъ полету,

По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,

По рыску волчью, видя мѣту,

Подходишь къ вражьи́мъ вдругъ носамъ

И, зря на тускъ, на блескъ червонца,

По солнцу, иль противу солнца

Свой учреждаешь ертауль

И тайный ставишь карауль.

Въ травѣ идешь — съ травою равенъ;

Въ лѣсу — и равенъ лѣсъ съ главою;

На конь вскогнешь — конь тихъ, не нравенъ,

Но вихремъ мчится подъ тобой.

По камню ль черну змѣемъ чернымъ

Ползешь ты въ ночь, — и слѣду нѣтъ;

Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной, —

Стрѣлу съчешь ей въ слѣдъ пущенной

И, бросаю петли вокругъ шей,

Фаззновъ удишь, какъ ершей.

Смѣлый приступъ, или громкое вступленіе, бываетъ отъ накопленія мыслей, которыя, подобно водѣ, стѣснившейся при плотинѣ, или скалѣ, вдругъ прорываясь сквозь оныя, съ шу-

момъ начинается свое стремленіе. Едва ли можно воспарять выше такового начала! Имѣющій вкусъ тотчасъ остановится тутъ, гдѣ примѣтитъ себя упадающимъ. Но находятся однако оды, которыя начинаются тихо и отчасу выше восходятъ своимъ пареніемъ. Бываютъ и такія, которыя имѣютъ ровное и прямое направленіе; а другія мѣстами порывны и извивисты, какъ-вы всѣ Ломоносова, смотря по предметамъ, какіе они описываютъ. Вотъ примѣры громкаго, тихаго и вдругъ возвышающагося вступленія:

ГРОМКАГО:

«Вонми, о Небо! что реку.
«Земля! услышь мои глаголы:
«Какъ дождь на нивы потеку
«И какъ роса на злчны доли,
«Прольюсь и въ бездны преисподни
«Пѣть имя, чудеса Господни.»

Второзаконія глава 52.

ИЛИ:

«Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
«И вѣдайте, что можетъ Богъ!
«Воскресла намъ Елисавета:
«Ликуетъ Церковь и чертогы!»

Ломоносовъ.

ТИХАГО:

«Заря багряною рукою
«Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
«Выводитъ съ солнцемъ за собою
«Твоей державы новый годъ.
*Благословенное начало

«Тебѣ, богиня, возсіяло.
«И нашихъ искренность сердець
«Предъ трономъ Вышняго пылаеть,
«Да счастиемъ Твоимъ вѣнчаетъ
«Его средину и конецъ!»

Домоносовъ.

ТИХАГО И ВДРУГЪ ВОЗВЫШАЮЩАГОСЯ:

«Сквозь тучи вокругъ лежащи, черны,
«Твой горній кроючи полеть,
«Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,
«Ты грянулъ наконецъ! — и свѣтъ
«Отъ молніи твоей горячей,
«Сердца Альпійскихъ горъ потрясшей,
«Струей вселенну пролетѣлъ;
«Черезъ неприступны переправы
«На высотѣ ты новой славы
«Явился, сѣверный Орелъ!»

Изъ оды: «На переходъ Альпійскихъ горъ».

Высокость, или выспренность лрическая, есть не что иное, какъ полеть пылаго, высокаго воображенія, которое возноситъ поэта выше понятія обыкновенныхъ людей и заставляетъ ихъ сильными выраженіями своими то живо чувствовать, чего они не знали и что имъ прежде на мысль не приходило. Но высокаясть бываетъ двоякаго рода: одна, *чувственная*, состоитъ въ живомъ представленіи веществъ; другая, *умственная*, состоитъ въ показаніи дѣйствія высокаго духа. Первая принадлежитъ къ

лирѣ, а другая къ драмѣ. Посему-то иногда живое чувственное не можетъ быть высокимъ умственнымъ; ни самое высокое умное не можетъ быть живымъ чувствомъ. Словомъ, что живо, то не есть еще высоко; а что высоко, то не есть еще живо. И такъ по сему понятію лирическое высокое заключается въ быстромъ пареніи мыслей, въ безпрерывномъ представленіи множества картинъ и чувствъ блестящихъ, громкимъ, высокопарнымъ, цвѣтущимъ слогомъ выраженное, который приводитъ въ восторгъ и удивленіе. Высокое же драматическое содержится въ тихомъ и спокойномъ дѣйствіи души великой, которая, бывъ выше другихъ, и въ слабостяхъ человѣка, твердостію и мужествомъ его, а не блескомъ однимъ воображенія и громомъ словъ, показываетъ въ немъ высокое существо и заставляетъ разумъ почитать его, или благоговѣть предъ нимъ. Кратко, прямая высота состоитъ въ силѣ духа, или въ истинѣ, обитающей въ Богѣ. Одно справедливо изящное въ томъ и другомъ случаѣ есть только высоко. Въ одѣ, которая изображаетъ, какъ пѣснь лирическая, превосходныя чувства и тутъ же, какъ эпопея или драма, описываетъ дѣйствіе великодушія, могутъ быть помещаемы и та и другая высота, но только поэтому, вкусь имѣющимъ, чтобы не распространить дѣйствія и тѣмъ не охладить чувствъ. Вотъ примѣры и той, и другой высоты и вообще ихъ обѣихъ:

чувственной:

«Отверзлась дверь, не видѣнъ край,
«Въ пространствѣ заблуждаетъ око.»

Ломоносовъ.

или:

«Лице любви толь прекрасно,
«Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно
«И проникаютъ тихій понть;
«Подобно сей царицы взгляды
«Сквозь души и сердца идутъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Люди съ солнцемъ — людямъ ясно,
«А со мною — все туманъ.»

Московский Журналь.

умственной:

«Онъ тигровъ челюсти терзаетъ,
«Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ
«Велитъ лунѣ и солнцу стать.»

Ломоносовъ.

или:

«Взглянувъ въ Россію кроткимъ окомъ
«И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
«Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ, —
«И бысть!...»

Ломоносовъ.

или (въ пѣжномъ слогѣ):

«О, души моеѣ веселье,
«Для кого мнѣ жизнь мила!
«И послѣдне ожерелье
«За тебя бы отдала!»

Московский Журналь.

вообще чувственной и умственной:

«О, вы, не дремлющія очи,
«Стрегущія небесный градъ!
«Вы, бодрствуя во время ночи,
«Когда, покоясь, смертны спятъ,
«Взираете сквозь тѣнь густую
«На цѣлу широту земную.
«Но чаю, что вы въ оный часъ,
«Впротивъ естественному чину,
«Петрову зрѣли Дщерь едину,
«Когда пошла избавить насъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Умреть иль побѣдить здѣсь должно:
«Умремъ! — кликъ вторить по горамъ.»

Безпорядокъ лирическій значитъ то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстротекущихъ мыслей расположить логически. Поэтому ода плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ, или безпорядокъ правильный. Между періодовъ, или строфъ, находится тайная связь, какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣнъ перуна неудобозримая нить горючей матеріи. Лирикъ въ пространномъ кругу своего свѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ, отъ которыхъ, чрезъ которыя и при которыхъ достигъ ему предмета, имъ преслѣдуемаго; но ихъ нарочно пропускаетъ или, такъ сказать, совмѣщаетъ въ одну совокупность, чтобъ скорѣе до

него долетѣть. При всемъ томъ, если не предводитъ его разумъ, то хотя препровождать долженъ. Иначе сей мнимый безпорядокъ будетъ въ самомъ дѣлѣ безпорядокъ, горячка, бредъ. Вотъ примѣръ лирическаго безпорядка, въ которомъ поэтъ, какъ изступленный, мечется отъ одной мысли къ другой, кажется безъ всякой связи, но сколько тутъ ума и сколько красоты!

«Восторгъ внезапный умъ плѣвилъ,
«Ведетъ на верхъ горы высокой,
«Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣтъ забыль,
«Въ долину тишина глубокой.
«Внимая нѣчто ключъ, молчитъ,
«Который завсегда журчитъ
«И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
«Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
«Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
«Далече дымъ въ поляхъ курится.»

Ломоносовъ.

Единство страсти, или одно главное чувство, въ лирической пѣснѣ, какъ въ эпопеѣ и драмѣ единство дѣйствія, господствовать долженствуетъ; ибо разсѣяніе за многими предметами отнимаетъ силу и быстроту у лиры. А для того, посвящая се радости, можно теряться въ восхищеніяхъ и даже дерзать почти на сумасбродство, но отнюдь не переходить къ печали. Начиная ненавистью, не надлежитъ оканчивать любовью. Иначе любовь не будетъ уже противницею ненависти, или останется тою же самою

«И онъ, коль не отдашь, грозилъ; но стрѣль
вмигъ въ тулѣ

«Не взвидѣвъ, — разсмѣялся.

«Ты щедрого въ пути Пріама

«Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ и
сквозь стана

«Прошедъ враговъ Троянъ, избѣгнулъ лютыхъ
стражей

«Фесальскихъ и Атридовъ.

«Вчиняя души благочестны

«Въ селеньяхъ радости и легкія ихъ стаи

«Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ пріятель

«Богамъ небесъ и ада.»

ГИМНЪ КРОТОСТИ.

«Сіянье радужныхъ небесъ,

«Души чистѣйшее спокойство,

«Блескъ тихихъ водъ, Эдемъ очесъ,

«О, кротость! ангельское свойство!

«Отливъ отъ Бога самого!

«Тебѣ, тобою восхищенный,

«Настроиваю, вдохновенный,

«Я струны сердца моего.

«Когда среди усердна жара

«Другихъ пѣнговъ лирный звукъ

«Царя земнаго полушара

«Гремитъ, — и онъ изъ щедрыхъ рукъ

«Имъ сыплеть бисеръ многоцѣнный —

«Его наградъ я не прошу;

«Но послѣ всѣхъ лентъ чувствій бранный
«Тебѣ я, кротость, приношу;

«Тебѣ! и ты того достойна,
«Ты ожерелье красоты,
«Ты сану мудрости пристойна,
«Все лучшимъ сотворяешь ты,
«И добродѣтели святыя
«Усовершенствуются тобой,
«У зависти и стрѣлы злыя
«Отъемлетъ милый образъ твой.

«Подруга ль гдѣ ты дѣвъ прекрасныхъ, —
«Ихъ скромный взглядъ — магнитъ сердець.
«Наперсница ль въ любви женъ страстныхъ, —
«Въ семействахъ счастья ты вѣнецъ.
«Идутъ ли за твоей рукою
«Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ? —
«Плѣняютъ и враговъ тобою
«Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.

«А если царская порфира
«И скиптръ украсятся тобой, —
«Монархъ тотъ, благодѣтель міра,
«Не солнцу ль равенъ онъ красой?
«На высотѣ блистая трона,
«Онъ освѣщаетъ и живить;
«Въ предѣлахъ своего закона
«Течетъ и всѣмъ благодѣлать.

«Не совмѣщаяся съ звѣздами,
«Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
«Но равными для всѣхъ лучами

«Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ.
«Проходить взоръ его сквозь бездны —
«И чела узниковъ златить;
«Чертоги наполняя звѣздны,
«Сіяньемъ въ хижины летить.

«Куда свой путь ни обращаетъ,
«Въ село, въ обитель, или градъ:
«Народъ его волной встрѣчаетъ
«И дѣти на него такъ зрятъ,
«Какъ бы на бога лучезарна.
«Преклоншись старцы на клюкахъ,
«Движеньемъ сердца благодарна
«Сверкаютъ радостью въ очахъ.

«Такъ, кротость! такъ, ты привлекаешь
«Народныя къ себѣ сердца;
«Всѣхъ паче качествъ составляешь
«Въ царѣ отечества отца
«Ты милосерда и снисходишь
«Въ людскія страсти, суеты;
«Надломленные не преломишь
«Былинки, по неправдѣ, ты.

«Сквозь вратъ проходитъ сокровенныхъ
«Всеобщая къ тебѣ любовь;
«Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
«Проливаю слезу и кровь;
«И какъ елень въ жаръ къ току водну
«Стремится жажду утолять,
«Такъ челоуѣчества ты къ стону
«Спѣшишь, чтобъ скорбь скорѣй унять.

«Ты не тщеславна, не спѣсива,
«Пріятельница тихихъ музъ;
«Привѣтлива и молчалива,
«Во всемъ умѣренность — твой вкусъ;
«Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
«Нигдѣ, никакъ и никого;
«О, если бы тебя не видѣлъ,
«Не написалъ бы я сего!»

Разнообразіе бываетъ тройкое: одно въ картинахъ и чувствахъ, другое въ слогѣ и украшеніяхъ, третіе въ механизмѣ стиховъ, словоудареніи или рѣчѣ. Въ первомъ поэтъ, имѣющій вкусъ, старается выставить разныя картины, одну послѣ другой противоположныя, какъ то: ужасныя и пріятныя, и проч. Во второмъ согласуетъ слогъ свой съ описаніемъ предметовъ, или природы, понижая или возвышая оный, громкими или тихими выраженіями. Въ третьемъ перемѣняетъ стопосложеніе, мѣры и паденія созвучно дѣйствию описываемому, медленнымъ или быстрымъ теченіемъ стиха. Все сіе весьма поражаетъ и удивляетъ слушателей. Но таковое разнообразіе должно всегда усиливать единство, дѣлать главный предметъ привлекательнѣйшимъ, богатѣйшимъ, блистательнѣйшимъ тѣмъ самымъ, когда разные лучи его, какъ отраженія солнечныя, видомъ или качествомъ своимъ подобныя ему, отъ всѣхъ его окружающихъ картинъ, дѣйствиій, звуковъ, побочныхъ чувствъ и извицій обращаются на ли-

де единства и, въ немъ одномъ сливаясь, распространяють, украшаютъ и усугубляютъ его великолѣпіе. Но тутъ надобно великое искусство, чтобъ всѣ сіи разнообразія постепенно сами по себѣ возвышались; картины становились блистательнѣе, чувства живѣе, звуки поразительнѣе, извитія перепутанностію своею болѣе любопытства возбуждали и наконецъ всѣ бы они какою неожиданною нечаянностію, приводящею въ восторгъ и удивленіе, съ громомъ и блескомъ, или пріятнымъ чувствомъ вдругъ разрѣшались. Надобно однако, чтобъ при всѣхъ тѣхъ разнообразіяхъ не было ничего натяну- таго, темнаго, замѣшаннаго, непостепеннаго, излишняго, или — какъ Пиндаръ говоритъ — такой несоразмѣрной нагрузки, которая отягощаетъ воображеніе; но все бѣ было ясно, все дѣльно, все естественно и необходимо, такъ чтобы, перешагнувъ рѣку, не говорить уже о переходѣ ручья. Впрочемъ всякая другая неприличная разнообразность будетъ пестрый шут- товской нарядъ, смѣхъ въ благоразумномъ чи- тателѣ произвести могущій. Образцы разно- образія относительно картинъ можно видѣть въ одахъ Пиндара и Горація. Ломоносовъ ими на- полненъ. Прочіе наши поэты, а особливо Пе- тровъ, показываютъ его довольно. Касательно же другихъ разнообразій, какъ то: возвышенія и пониженія слога, перемѣны звуковъ отъ сто- посложенія; то не знающему чужеземныхъ язы- ковъ, а особливо греческаго и латискаго, ни

изъяснить, ни понять того не можно; но чтобъ читающіе только по-русски могли имѣть о нихъ нѣкоторое понятіе, смѣю предложить въ моихъ сочиненіяхъ оды: *Къ любителю художествъ, На взятіе Варшавы, Персея и Андромеду*. Наконецъ разнообразіе бываетъ и въ планѣ. Иные при самомъ началѣ объявляютъ цѣль свою, другіе скрываютъ ту до конца, третьи такъ утаиваютъ, что и угадать трудно. Примѣръ перваго: у Ломоносова въ одѣ 19, *На новый 1764 годъ*; втораго: у меня въ одѣ *Павлинъ*; третьяго: у Горация во II книгѣ, въ одѣ IV, *Къ Калліопъ*, которой переводъ здѣсь слѣдуетъ и о коей понынѣ толкователи не согласны, съ какимъ намѣреніемъ она написана. Для показанія же разнообразія въ картинахъ, приведемъ въ примѣръ отрывки изъ *Пиндара, Ломоносова* и цѣлую мою небольшую оду *На шествіе по Волхову Россійской Амфитриты*.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Къ Калліопъ.

«Сойди ко мнѣ съ небесъ, царица Калліоп!
 «И громкою трубой, иль нѣжнымъ звономъ
 струнь
 «Отъ цитры Феба, иль когда предпочитаешь
 «Ты голосъ свой всему, — воспой безсмертну
 пѣснь.

«Уже мнѣ слышится! — иль обаяся
 «Прелестною мечтой, брожу въ густой чашѣ

«Священныхъ рощъ и шумъ прохладнаго Зе-
фира.

«И тихій внемлю токъ журчащаго ручья.

«Такъ, на горѣ Велькуръ еще въ младенствѣ
сущій,

«За рубежемъ родной Апуліи моей,

«Игрою утомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣненный

«Таинственно вѣтвymi я былъ отъ голубей.

«Всѣмъ населяющимъ вершины Ахероній,

«Навѣсисты скалы лѣсныхъ бантискихъ дебрь

«И тучны пажити долинъ нискоферейскихъ,

«Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ, что

«Неуязвляемый ни отъ медвѣдей лютыхъ,

«Ни чернойдныхъ змѣй, подъ значнымъ лав-
ромъ я

«И миртовой въ тѣни почилъ священной рощи.

«Не безъ покрова, звать, боговъ былъ отрокъ
смѣлъ!

«Меня, любящаго струи и ваши пѣсни,

«Ни съ филиппинскихъ рать бѣжавшая полей,

«Ни древо адское, ни волны Полинура

«Не погубили морь сицильскихъ въ хлябихъ
ихъ.

«Я вашъ, Камены, вашъ! — На холмы ли са-
бински,

«Въ прохладный ли Принестъ, въ пологіи ли
Тибуръ,

«Или въ приморскіе вхожу вертепы байски,

«Нигдѣ и ничего, бывъ съ вами, не страшусь.

«Доколѣ вы со мной, пловцемъ пушусь охотно
«Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски пѣть;
«Британовъ къ странникамъ и Коноканъ сви-
рѣпныхъ,
«Піющихъ конску кровь, Донъ скиѣскій посѣщу.

«Вы, подвигъ Цезаря Великаго окончить,
«Какъ размышляетъ онъ въ пещерѣ Піеридъ
«И воинство свое шлетъ въ браняхъ утомленно
«Во грады на покой, — прохладою щедрите,

«И днесъ блаженные ему совѣты, кротки
«Вдохнувъ, ликуете. — Мы знаемъ страшный
громъ
«Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и моремъ
бурнымъ
«Кто правитъ царствами и смертныхъ, и боговъ.

«Немалымъ ужасомъ Юпитера смутила
«Самонадѣянна та буѣна, юна рать,
«Что силась, мышцами подъявъ брато содружно,
«Лѣсистый на Олимпъ вскатить вверхъ Пеліонъ.

«Но что возмогъ Піеѣй? что Мимъ ужасно-
мочный?
«Что Реть и Энцеладъ, надменно съ корней
рвавши
«И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

«Противъ эгида что гремящаго Паллады?
«И пламенный Вулканъ, царица и небесъ
«Стояла, Хера (*) гдѣ, и не слагающій

(*) Юнона.

«Съ раменъ своихъ стрѣлогремящій свѣтлый
туль,

«И моющій власы разсыпанны златые,
«Струящися въ ключахъ кастальскихъ чистыхъ
водъ

«И въ отчихъ родшихся витающій дубровахъ
«Ликійскихъ, патернскій и дельскій Аполлонъ!

«Лишенна падаетъ благоразумья сила
«Подъ бременемъ своимъ. — Благоразумьемъ
мощь

«Соразмѣряему возводятъ боги выше.
«Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.

«Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ сто-
рукій

«И непорочныя Діаны Оріонъ,
«Помнившій на соблазнъ. Онъ скоро укрощен-
нымъ

«Сталь въ дерзости своей дѣвической стрѣлой.

«На собственныхъ своихъ визверженна чу-
довищъ,

«Земля стена скорбитъ о чадахъ тѣхъ ея,
«Что сдхнуты молніей во мрачны бездны ада
«И Этна брошена на нихъ — еще горитъ.

«Нечестіе стрещи опредѣленна птица
«Рвать невоздержнаго не престаеъ доднесъ;
«Титія печени, и влюбчива связуютъ
«Пиритоя еще трехсотны склепы узъ.»

ИЗЪ ПИИДАРА.

«Сидить на скипетръ Зевеса
«Орель, пернатыхъ царь, и, внизъ
«Спустя высокопарны крылья,
«Во сладостномъ забвеньи спить.
«Пріятна мгла, смежая вѣжди,
«Главу его на перси гнетъ;
«Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
«Чуть зыблется хребетъ его.

«Но тотъ, кого Зевесъ не любить,
«Дрожить отъ звонкихъ пѣсней музъ;
«Трепещетъ на землѣ и морѣ
«Вся груба, суца тварь отъ нихъ;
«Трепещетъ и Тисей стоглавый,
«Воитель бывый на боговъ;
«Низверженъ страшною горою,
«Оцъ въ мрачномъ тартарѣ лежитъ.

«Изъ челюстей своихъ извержетъ
«Потоками всежрущій огонь,
«Который днемъ сквозь тучи дыма
«Сверкаетъ искрами въ Аэръ:
«А ночью, вихрями крутяся,
«Горящимъ, каменнымъ дождемъ,
«Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
«Въ морскую глубину падеть.»

ИЗЪ ЛОМОНОСОВА.

«Тамъ твою острововъ посѣянь,
«Рѣкѣ подобенъ океанъ,

« Небесной синевою одѣянь,
« Павлина посрамляетъ врань.
« Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
« Что пестротою превышаютъ
« Одежду вѣжныя весны;
« Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
« И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
« Не знаютъ строгія зимы.

« И се Минерва ударяетъ
« Въ верхи рифейски копіемъ:
« Сребро и золото истекаетъ
« Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
« Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
« Что Россамъ въ руки передается
« Драгой его металлъ изъ горъ,
« Который тамъ натура скрыла;
« Отъ блеска дневнаго свѣтила
« Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.»

ШЕСТВИЕ ПО ВОЛХОВУ
РОССІЙСКОЙ АМФИТРИТЫ.

« Что сіяетъ отъ заката
« Въ полночь полудневный свѣтъ?
« Средь багряна стклянна злата
« Кто по Волхову плыветъ?
« Полкъ тритоновъ трубить въ трубы;
« Рыбъ на днѣ струится бѣгъ;
« Пляшутъ холмы, скачутъ дубы,
« Съ плескомъ рукъ бѣжитъ вслѣдъ брегъ
« И шумятъ струи жемчужны!

«Посидонъ ли съ Амфитритой
«Озираетъ ходъ то рѣкъ,
«Чтобъ судами ставъ покрытой
«Онъ довольство всюду влекъ?
«Иль Прекраса перевозитъ
«Въ Выбудцкѣ Игоря въ ладѣ,
«Огнь къ себѣ любви въ немъ множитъ,
«Жжетъ и сердце имъ свое?
«Красота съ геройствомъ дружны!

«Нѣтъ, не древнихъ дивъ картина
«Удивляетъ смертныхъ взглядъ;
«Шествуетъ Е к а т е р и н а
«Со Георгомъ въ Петроградъ!
«Ладогана зрю сурова —
«Снѣго блещущи власы
«Онъ взбугря чела сѣдова,
«Изъ-подъ длани на красы
«Взоръ стремить звѣзды полночной.

«Какъ — гласить — Е к а т е р и н а!
«Вновь миѣ блещетъ Божество?
«Имя, вѣсть о Ней едина
«Миѣ восторгъ и торжество!
«Рекъ — и взоръ къ прекрасной дщери
«Ослабляя — подалъ знакъ,
«Чтобъ Ее вестъ Понта въ двери....
«И Нева, преклонши зракъ,
«Въ градъ ведетъ преузорочный.

«Петрополь встаетъ на встрѣчу,
«Башни всходятъ изъ-подъ волнъ.
«Не Славенска внемлю вѣчу,

«Слышу музъ аѳинскихъ звонъ.
«Вижу, мраморы, граниты
«Богу возносятся на храмъ;
«За заслуги знамениты
«Въ память вождямъ и царямъ
«Зрю кумиры изваянны.

«Вижу, — Сѣвера столица
«Какъ цвѣтникъ межъ рѣкъ цвѣтетъ,
«Въ свѣтѣ всѣхъ градовъ царица
«И ее прекраснѣй нѣтъ!
«Бельтъ въ безмолвіи зеркало
«Держитъ предъ ея лицомъ,
«Чтобы прелестями блистало
«И вдали народамъ всѣмъ,
«Какъ румяный отблескъ зарьный.

«Вижу лентіи летучи
«Разноцвѣтны по судамъ;
«Лѣсъ пришелъ изъ мачтъ дремучій
«Къ камнетесаннымъ брегамъ.
«Вижу пристаней, цѣпь зданій,
«Торжищъ, стогновъ чистоту,
«Злачныхъ рощъ, путей, гуляній
«Блескъ, богатство, красоту, —
«Красотѣ Царя подобну!

«Межъ народа тамъ Онъ зрится
«Какъ отецъ между дѣтей;
«Но здѣсь молнія стремится
«Отъ Его въ строяхъ мечей —
«И отзывъ Его перуна
«Ужъ трясеть средѣ земну.

«Онъ, избравъ днесъ вождя юна,
«На рогатую луну
«Повелѣлъ вести брань злобну.

«Фениксъ сей, изъ праха отча
«Вставъ, парить во звѣздный кругъ;
«Гордость, зависть, злоба, молча
«Въ немъ признавъ воинскій духъ,
«Защищать Стамбуль престануть,
«Въ Азію Магметъ уйдетъ;
«Вновь Эллады лиры грянуть
«И почтитъ тогда весь свѣтъ
«А лекс ан д р а алтарями.

«Но доколѣ совершится
«Древній сей пророчій гласъ,
«Норда Царь тѣмъ веселится,
«Что межъ льдовъ растеть Парнассъ,
«Что художества, науки
«Расцвѣтавъ въ Его тѣни,
«На Него простерши руки,
«Славословятъ щедры дни
«И вѣнецъ сулятъ съ звѣздами.

«Но всѣхъ лучше украшеній
«Милосердыя алтари;
«Духъ мой полнъ тамъ восхищеній,
«Гдѣ равны богамъ цари. —
«Вижу вдовъ, сиротъ притворы,
«Рукодѣляя юношъ, дѣвъ,
«За болящими призоры
«И всѣхъ нивъ благихъ посявъ
«Зрю М а р и н о й рукою!

«Вижу домъ весь благодатный,
«Братьевъ, Сестръ, — Божествъ соборъ, —
«Тихій нравъ и какъ пріятный
«Лучъ — Е л и с а в е т и н ъ взоръ!
«Поспѣшай къ намъ, Амфитрита!
«Россовъ всѣхъ утѣшь сердца;
«Да душой Орла повита
«Будеть юнаго птенца,
«Намъ рожденнаго Тобою!»

Краткость. Извѣстно, что пламенное чувство изъясняется кратко, но сильно. Поелику высокая ода наполняется горячимъ, сильнымъ чувствомъ, то и разумѣется, что ода должна быть кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна; ибо предполагается, что возбуждена мгновеннымъ чувствомъ какого либо предмета; а потому и не можетъ то чувство долго продолжаться въ равной силѣ. Если же кому превосходное вдохновеніе, или даръ, позволить распространяться, то надобно, чтобы онъ пламени своему умѣлъ придавать непрестанно новую пищу; чтобы все продолженіе было такъ напитано душою, какъ цѣпь электрическою силою, которая при малѣйшемъ къ ней прикосновеніи ока, или слуха, издавала бы отъ каждаго звена своего блескъ и трескъ. Повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей, одѣтыхъ только другими словами безъ чувствъ, не токмо бываетъ не нужно, но и непріятно. Въ томъ великая тайна, чтобъ проницательную, быструю душу умѣть занимать

всегда новымъ любопытствомъ. По сей-то причинѣ всѣ лучшіе лирики предметъ свой показывали только съ той стороны, которая болѣе поражаетъ, и едва сдѣлавъ ею впечатлѣніе, столь же стремительно оставляли, какъ за нее принимались. Впрочемъ краткость не въ томъ одномъ состоитъ, чтобъ сочиненіе было недлинно, но въ тѣсномъ совмѣщеніи мыслей, чтобы въ немногомъ было сказано много и пустыхъ словъ не было. Вотъ примѣры краткости въ цѣломъ твореніи и въ слогѣ возвышенномъ и простомъ.

въ цѣломъ возвышенномъ:

«Коль зрѣлице красно, пріятно,
«Гдѣ вкупѣ братія живетъ!
«Благоуханье ароматно
«Какъ на браду съ главы течетъ,
«Браду священну Аарона,
«Струящусь на ометы ризъ;
«Или Синая и Ермона,
«Когда верхи, преклоншись внизъ,
«Багрянымъ серебромъ сверкаютъ
«И каплетъ на цвѣты роса:
«Такъ ввѣкъ на домъ ихъ изливаютъ
«Благословенье Небеса.»

Псалм. 152.

въ цѣломъ простомъ:

«Сабинскаго вина, простова,
«Немного изъ большихъ кувшиновъ
«Днесь выпьемъ у меня Меценъ!

«Что самъ на греческихъ винъ гнѣзда
«Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день —

«Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
«Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
«Со плескомъ рукъ — и громъ отъ хвалъ
«Твоихъ съ береговъ родимыхъ Тибра
«Звучалъ сверхъ Ватиканскихъ горъ,

«Ты у себя вино Секубско
«И сладки пьешь Калески соки;
«Но у меня ихъ нѣтъ — и гроздь
«Ни Форміанскій, ни Фалерскій
«Моихъ не благовонить чашь.»

Изъ Горация.

въ слогъ возвышенномъ:

«Идетъ ли къ трону — всѣмъ любима!
«Зажглась война — непобѣдима!
«Желаешь мира — миръ цвѣтеть!»

Херасковъ.

или:

«Ты дхнешь — дубовъ столбній лѣсъ
«Косматымъ корнемъ вверхъ ложится;
«Гремишь — и каменный утесъ
«..... падеть, крушится.»

Боброевъ.

въ слогъ простомъ:

«Простое сердца чувство
»Для свѣта ничего;
«Тамъ надобно искусство.
«А я — не зналъ его.»

Моск. Журн.

Правдоподобіе во всякомъ сочиненіи, а болѣе въ одѣ, или гимнѣ, нужно, потому что лира издревле посвящена на сохраненіе дѣлъ народа, или, лучше, на расширеніе славы его. Послику же истина одна даетъ вымысламъ вѣроятіе, а вымыслы истину только украшаютъ, то и надобно, чтобъ лирическая пѣснь содержала въ себѣ нѣкоторую правду, или быль, а безъ того она не достигнетъ своего значенія. Правдоподобіе состоитъ въ томъ, чтобъ собраны были всѣ приличія и принадлежности къ воспѣваемому предмету въ пособіе, дабы ему чрезъ нихъ казаться болѣе вѣроятнымъ. Безъ сего не возбудить онъ вниманія, не затвердится въ памяти у современниковъ и не перейдетъ чрезъ преда-ніе къ потомству. Напримѣръ: ежели лирикъ говоритъ, что *тотъ вельмъ волнамъ*, — и *волны отступили*, то должно, чтобы *тотъ* былъ Богъ, или по крайней мѣрѣ человекъ, снабженный Божескою силою, дабы возмогъ творить такіа чудеса; чтобы былъ Юпитеръ, когда двумя шагами претекъ вселенную; чтобы былъ Россъ, обладатель полсвѣта, когда полсвѣта очертилъ блестящій его мечъ. Безъ сей осторожности всякое подобное кичливое изреченіе предъ прямымъ знатокомъ будетъ не золото, а шумиха, могущая забавлять только дѣтей. Вотъ примѣры правдоподобія:

«Но если гордость ослѣплена

«Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;

«Тебѣ, въ женахъ благословенна,
«Противъ ея помощникъ Богъ.
«Онъ верхъ небесъ къ Тебѣ преклонить,
«И тучи страшныя нагонить
«Во срѣтенъе врагамъ Твоимъ.
«Лишь только ополчишься къ бою, —
«Предъидеть ужась предъ Тобою,
«И слѣдомъ воскурится дымъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
«Кто ходъ Его остановитъ?
«Какъ океанскихъ водъ разливу
«На встрѣчу кто поставитъ щитъ?»

Ломоносовъ.

или:

«Колоссъ Россійскій! свой смири прегордый
видъ,
«И Нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ
«Престаньте болѣе считаться чудесами!
«Вы смертныхъ бранными содѣланы руками:
«Нерукотворная здѣсь русская гора,
«Внявъ гласу Божію изъ устъ Е к а т е р и н ы,
«Пришла во градъ Петровъ чрезъ невскія пу-
чины
«И пала подъ стопы Великаго П е т р а.»

Рубанъ.

Новость, или необыкновенность чувствъ и
выраженій заключается въ томъ, что когда по-
этъ неслыханными прежде на его языкѣ изре-

ченіями, подобіями, чувствами, или картинами поражаетъ и восхищаетъ слушателей, излагая мысли свои въ прямомъ, или переносномъ смыслѣ, такъ, чтобы онѣ по сходству съ употребительными, извѣстными картинами, или самою природою, по тѣмъ или другимъ качествамъ, не взирая на свою новостъ, тотчасъ ясны становились и плѣняли разумъ. Витійственныя сѣти сіи не потому нравятся знатокамъ, что онѣ остро выдуманы; но что ласкаютъ ихъ самолюбію, когда настоящей оныхъ разумъ скорѣе, чѣмъ простой народъ, понимаютъ. Напримѣръ: они гордятся тѣмъ, что въ стрѣлахъ Пиндара слышатъ поразительные звуки арфы, сердца ихъ услаждающіе; а въ стрѣлахъ Гомера видятъ лучи Аполлона, или солнца, смертельную язву Грекамъ наносящіе, чего другіе не видятъ и не слышатъ. Вотъ примѣры новыхъ чувствъ и выраженій:

«Не мѣдъ ли въ чревѣ Этны ржетъ

«И съ сѣрою кипя клокочетъ?

«Не адъ ли тяжки узы рветъ

«И челюсти разинуть хочетъ?»

Домоносовъ.

или:

«Цѣлуйтесь громы съ тишиною,

«Упейся молнія рососою;

«Стань рядъ планетъ въ счастливый
знакъ.»

Домоносовъ.

или:

«Я зрю плывущихъ Этно побѣдоносный строй.
«Ихъ парусы — крылѣ; ихъ мачты — лѣсъ
дремучій!»

Петровъ.

или:

«Хорошо въ теремахъ изукрашено:
«На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
«На небѣ мѣсяць — въ теремѣ мѣсяць,
«На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,
«На небѣ заря — въ теремѣ заря
«И вся красота поднебесная.

Изъ древн. русск. стихотвореній.

или:

«Онъ жаждъ твоихъ всѣхъ утоленье,
«Онъ чуденъ именемъ Своимъ,
«Любовь и свѣтъ — Его есть сущность;
«Его — *когда* — всегда есть съ нимъ;
«Его — *идь* — здѣсь и повсемѣстно;
«Его подобіе — есть ты;
«Его отсвѣтъ — въ тебѣ блистаетъ.
«Гордись, мой братъ, величьемъ симъ!»

Изъ Козегартена.

Олицетвореніе и оживленіе суть главнѣйшія свойства поэзіи. Она всѣ существа моральныя и духовныя, не имѣющія образа, а равно вещественныя, лишеныя видимыхъ нами чувствъ, гласа и движенія, олицетворяетъ и оживляетъ, дабы понятнѣе представить чрезъ то сотворяемый ею, такъ сказать, новый волшебный, оча-

ровательный міръ и имъ удобнѣе удивляя и убѣждая простой умъ, привлечь его на свою сторону. Лирической поэты къ возвышенію своего предмета не рѣдко пользуется такими вымыслами. Вотъ примѣры олицетворенія и оживленія:

ОЛИЦЕТВОРЕНІЯ:

«Европа утомленна въ брани,
«Изъ пламени поднявъ главу,
«Къ тебѣ свои простерла длани
«Сквозь дымъ, куреніе и мглу.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Москва едина, на колѣни
«Упавъ, передъ Тобой стоитъ,
«Власы сѣдые простираетъ,
«Тебя, богиня, ожидаетъ.»

Ломоносовъ.

ОЖИВЛЕНІЯ:

«Тамъ холмы и древа взываютъ
«И громкимъ гласомъ возвышаютъ
«До самыхъ звѣздъ Е л и с а в е т ъ.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Встаютъ верхи ривейски выше:
«Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
«Желая Твой увидѣть свѣтъ.»

Ломоносовъ.

Блестящія живыя картины, то есть, съ природою сходственные виды, которые мгновенно

мягкихъ или чувствительныхъ людей поражаютъ воображеніе и производятъ заочно въ нихъ фантазію (мечты), или фантастическія чувства. Картины сіи въ лирической поэзіи (не говоря о эпической) должны быть кратки, огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно, или пріятно начертаны. Излишнее распространеніе у нихъ отнимаетъ цѣну. Здѣсь болѣе всего идутъ иперболы (или увеличиванія). Одного, или нѣсколькихъ членовъ довольно, чтобы представить страшнаго великана, остальное дополнить воображеніе. Вотъ примѣры величественныхъ, ужасныхъ и пріятныхъ картинъ:

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫХЪ:

«Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
«Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
«Своими чистыми струями
«Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
«Сидитъ и ноги простираетъ
«На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
«Пространная стѣна отъ насъ;
«Веселый взоръ свой обращаетъ,
«И вдругъ довольства исчисляетъ,
«Возлегли локтемъ на Кавказъ.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Уже изъ свѣтлыхъ вратъ сапфирныхъ
«Направилъ коней ты эфирныхъ,
«Ржутъ, топчутъ твердь, спѣшатъ летѣть.»

Ломоносовъ.

или:

«Вѣпоры вынималъ Казарянинъ
«Вотъ изъ палушна свой тугой лукъ,
«Изъ калчана калену стрѣлу,
«Хочетъ застрѣлить черна ворона —
«А и тугой лукъ свой потягиваетъ;
«Калену стрѣлу поправливаетъ;
«И натянулъ свой тугой лукъ за ухо,
«Калену стрѣлу — семи четвертей —
«И завыми рога у туга лука,
«Заскрыпѣли полосы булатныя.»

Изъ древн. русск. стихотвореній.

УЖАСНЫХЪ:

«Бѣжить въ свой путь съ весельемъ многимъ
«По холмамъ грозный исполинъ,
«Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
«Презрѣвъ глубоко дно долины,
«Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
«Подъ сильною его пятою
«Кремнистые бугры трещать
«И слѣдомъ дерева лежать.»

Домоносовъ.

или:

«Тамъ кони бурными ногами
«Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
«Тамъ смерть межъ готѣскими полками,
«Бѣжить, ярясь изъ строя въ строй,
«И алчну челюсть отверзаетъ
«И хладны руки простираетъ,

«Ихъ гордый исторгая духъ,
«Тамъ тысячи валятся вдругъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Червь кровоглавый точитъ умершихъ;
«Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣзятся,
«Змии въ крапивѣ шипятъ.»

Карамзинъ.

пріятныхъ:

«Бѣлѣйшей мрамора рукою
«Любовь несетъ передъ собою
«Младыхъ супруговъ свѣтлый ликъ.
«Сама смотря на Нихъ дивится
«И полкъ всѣхъ нѣжностей тѣснится,
«И къ онымъ тщательно приникъ.
«Кругомъ ея умильны смѣхи
«Взирающихъ плѣняютъ грудь,
«Пріятности и всѣ утѣхи
«Цвѣтами устилаютъ путь.»

Ломоносовъ.

или:

«Зелену ризу по лугамъ
«И по долинамъ расширяя,
«Изъ устъ зефирами дыхая,
«Съ веселіемъ вѣщаетъ къ намъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Какъ сводъ небесъ яснѣетъ синей,
«По немъ звѣздъ бездна разстлана;
«Древа блестящъ кудрявить иней
«И свѣтитъ полная луна;

«Далече выстрѣль раздается,
«И дымъ, какъ облакъ, къверху вьется.»

Петровъ.

Отступленіе, или уклоненіе отъ главнаго предмета дѣлается съ умысломъ, чтобъ сперва болѣе возбудить вниманіе, по какой причинѣ онъ оставленъ, а потомъ, представя его съ вящимъ громомъ, или блескомъ, увеличить чье либо мужество, добродѣтель, премудрость, невинность и пр., а тѣмъ привести въ восторгъ и удивленіе слушателей. Вотъ примѣры отступленія:

«Позволь, — мнѣ жаръ велитъ сердечный,
«Монархиня, въ сей свѣтлый день,
«Какъ въ имени Твоемъ Предвѣчный
«Поставилъ намъ покоя сѣнь,
«Безмолвно предвѣщая царство,
«Чтобъ миромъ свергла Ты коварство, —
«Позволь мнѣ духа взоръ простерть
«На брань и сродство милосердо,
«Гдѣ кротости жилище твердо,
«Жалка и сопостатовъ смерть.

«О, коль мечтанія противны!
«Объемлютъ совокупно умъ!
«Доброты вижу здѣсь предивны!
«Тамъ пламень, звукъ, и вопль, и шумъ!
«Здѣсь полдень милости и лѣто,
«Щедротой общество нагрѣто;
«Тамъ смертну хлябь разинулъ адъ!
«Но Промысль мракъ сей разговяетъ,

«И волны въ мысляхъ укрощаетъ,
«Отверзся въ славѣ Божіи градъ.

«Эфиръ, земля и преисподня
«Зиждителя со страхомъ ждуть!
«Я вижу Отрока Господня
«Приемлюща небесный судъ.
«Всесильный властію Своею
«Вѣщаетъ свѣше къ Моисею:
«— Я въ ярости ожесточу
«Египту сердце вознесенно;
«Израиля неодоѣнно
«Пресвѣтлой силой ополчу. —

«Сіе жъ явилъ Богъ въ наши лѣта,
«Неистову воздвигнувъ рать,
«Дабы Тебѣ, Елисавета,
«Вѣнцы побѣдъ преславныхъ дать.»

Ломоносовъ.

или:

«Се внемлю новой славы звуки!
«Меня видѣнія влекутъ: —
«Младенцы, простирая руки,
«Раждаются и такъ рекутъ....»

Херасковъ.

или:

«Не драгоценностей алканье,
«Не слава, не хвала людей
«И не предметъ тобой избранный
«Волнуютъ во груди твоей;
«Но тотъ, — прочь отъ очесъ повязка!
«Запона и отъ слуха прочь!»

Изъ Козегартена.

Перескокомъ называется то, что показываетъ выпускъ, или промежутокъ между понятіями, когда не видно между ими надлежащаго сопряженія. Духъ нашъ самъ по себѣ быстръ; но когда еще разгоряченъ какою страстію, то стремительнѣе бываетъ. Въ жару мысли тѣсняются, летятъ и какъ всѣхъ ихъ вдругъ высказать не можно, то нѣкоторыя изъ нихъ не договариваются, или пропускаются; а важнѣйшія токмо какъ-бы выпорхиваютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находились въ кругу нашего воображенія, оставляя прочія безъ примѣчанія, кои могли бы служить имъ связью. Отъ того-то мысли иногда кажутся оторванными, неполными, но какъ онѣ, хотя отдаленно, однако другъ за другомъ слѣдуютъ, то сіе отдаленіе и кажется промежуткомъ или выпускомъ, которое читатель, имѣющій проницательный умъ и могущій слѣдовать за полетомъ пѣнтя, легко самъ своею догадкою дополнить можетъ. Сіе положеніе лирика прекрасно изображаетъ наша древняя русская прибаутка:

«Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ.

«Конь его поднимается

«Выше дерева стоячаго,

«Ниже облака ходячаго;

«Горы и доли между ногъ пускаетъ,

«Быстрыя рѣки хвостомъ покрываетъ.»

Но примѣтитъ должно, что таковыя перескоки пристойны только въ чрезвычайно важныхъ

стремительныхъ ощущеніяхъ страстей. Вотъ примѣры:

«Азъ рекъ, — во гнѣвѣ ко врагамъ моимъ,
«Вы свидѣтели), и гдѣ они?»

Бытія книга.

или:

«Сокровищъ полны корабли
«Дерзаютъ (плыть) въ море за Тобою.»

Ломоносовъ.

или:

Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ Тебѣ всѣхъ трудъ»
(обращены),

Ломоносовъ.

или:

«Нечестіемъ законъ поправъ,
«Порокомъ долгъ и судъ изгнанъ;
«Моря и острова въ неволѣ:
«И Ты, о Господи, доколѣ?—» (терпишь).

Петровъ.

Оборотъ или обращеніе. Когда поэтъ средь выпренняго своего полета, будто задумавшись, опомнивается вдругъ и обращается къ чему либо занимательнѣйшему, дабы придать тѣмъ болѣе блеска, важности и величества своему предмету. Или, неожиданно перервавъ свою матерію, начинаетъ другую, однако сходственную, или поддерживающую прежнее его содержаніе; или вызываетъ когонибудь себѣ въ помощь, въ свидѣтели, и проч. Это мастерская уловка, чтобы таковымъ образомъ владѣть, или лучше,

на всемъ скаку умѣть обращать пламеннаго Пегаса. Надобенъ тутъ сильный, искусный ѣздокъ, или, просто сказать, необыкновенный восторгъ. Чѣмъ круче и быстрѣе будетъ оборотъ, тѣмъ болѣе заслужить удивленія. Но при всемъ томъ, чтобъ оборотъ былъ, какъ выше сказано, къ чему либо важнѣйшему, или превосходнѣйшему, а иначе исчезнетъ его блескъ. По сему самому требуется въ семъ извѣтїи большаго дарованія. Кажется, принадлежитъ онъ въ особенности Ломоносову. Онъ таковыми великолѣпными оборотами наполненъ и никто изъ нашихъ пѣнцовъ съ нимъ въ таковыхъ не сравняется. Вотъ примѣры:

«Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы
«И отъ Меня вліянный духъ;
«Въ безчисленны промчится роды
«Добротъ твоихъ не ложный слухъ.
«Тобой поставлю судъ правдивый,
«Тобой сочту сердца кичливы,
«Тобой Я буду злость казнить,
«Тобой заслугамъ мзду дарить;
«Господствуй утверждена Мною,
«Я буду всегда съ тобою.

«Но что страны вечерни тмятся
«И дождь кровавыхъ капель льютъ?
«Что финскихъ рѣкъ струи дымятся,
«И доли съ влагой пламень льютъ?
«Тамъ видя выше горизонта
«Входяща готеска Фаетонта

«Противъ теченія небесъ,
«И вокругъ себя горящій лѣсъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Какая бодрая дремота
«Открыла мысли ясный сонъ?
«Еще горитъ во мнѣ охота
«Торжественный возвыситъ тонъ.
«Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ
«И купно ясный день сіяетъ!»

Ломоносовъ.

или:

«Но кая страшна рѣчь приходитъ
«Въ мой полный трубныхъ гласовъ слухъ?
«Къ любезной кротости преводитъ
«Въ сурову брань вперенный духъ?
«Вы, яры волны, укротитесь;
«Вы, бури, въ тихость превратитесь;
«Внимай со страхомъ смертныхъ умъ;
«Умолкни лютой брани шумъ;
«Престаньте смерть родящи звуки;
«Почійте, копыя, мечъ и луки!»

Петровъ.

или: (когда вызываетъ).

«О, вы, которыхъ ожидаютъ
«Отечество изъ нѣдръ своихъ
«И видѣтъ таковыхъ желаетъ,
«Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
«О, ваши дни благословенны! —
«Держайте, нынѣ ободренны,
«Раченьемъ вашимъ показать,

«Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
«Россійская земля раждать.»

Ломоносовъ.

или:

«О, Тѣнь великая, покойся!
«Мы помнимъ тмы Твоихъ заслугъ;
«Безмолвна въ вѣчности устройся —
«Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.

Ломоносовъ.

или:

«Возстань, Платонъ, и посмотри,
«У насъ Минерва на престолѣ.»

Петровъ.

Околичности, вмѣщенія, или переходы къ какой либо другой матеріи, сходственной качествомъ своимъ воспѣваемому предмету. Они употребляются въ такомъ случаѣ, когда изящность побочнаго содержанія, вдругъ встрѣчая, увлекаетъ поэта; или неплодовитость своего собственнаго побуждаетъ его искать въ другомъ мѣстѣ обогащенія ему. Околичностей, или вводовъ таковыхъ эстетики полагаютъ два рода: первый въ текстахъ Священнаго Писанія, или какихъ либо премудрыхъ изреченій людей великихъ (апофѳегмахъ), или общихъ истинахъ (аксіомахъ); другой историческій, или басенный. Можно бы, кажется, прибавить астрономическій, или астрологическій, заимствуя оный изъ небесныхъ знаковъ, или явленій, которыми поэтъ мнѣніе свое подкрѣпляетъ. Послѣднія

приличествуютъ болѣе лирику, потому что поэзія вѣще украшается вымыслами. Околичностями болѣе всѣхъ изобилуетъ Пиндаръ. Вотъ примѣры:

ПРЕМУДРЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЙ:

«Цвѣтутъ во славѣ Мною царства

«И пишутъ правый судъ Цари.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Отецъ духовъ не есть Богъ мертвыхъ;

«Онъ Богъ, — но Богъ есть вѣчной жизни.»

Бобровъ.

ИЛИ:

«Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.»

ИСТОРИЧЕСКОЙ:

«Супружню, Ольга, смерть отмщая,

«Казнить искусствомъ Искорестъ;

«И тмы невѣрства избѣгая,

«Спѣшитъ до просвѣщенныхъ мѣсть.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Въ своихъ увидишь въ предкахъ явны

«Дѣла велики и преславны,

«Что могутъ духъ природѣ дать.

«Уже младаго М и х а и л а

«Была къ тому довольна сила

«Упадшую Москву поднять.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Се новый А л е к с а н д р ъ родился

«И берегъ невскій возгордился,

«Что Росскія Минервы внукъ
«Умножить древней славы звукъ.»

Херасковъ.

БАСЕННОЙ:

«Что дымъ и пепель отрыгая,
«Мрачилъ вселенну Энциладъ;
«Реветь подь Этною рыдая
«И тѣломъ наполняетъ адъ;
«Зевесовымъ пронзень ударомъ
«Въ отчаяннѣ трясется яромъ,
«Безсиленъ тяготу поднять.»

Ломоносовъ.

или:

«Тамъ Мемель въ видѣ Фаестонта
«Стремглавъ летя, Нимфъ прослезизъ,
«Въ янтарнаго заливахъ понта
«Мечтанье въ правду превратилъ.»

Ломоносовъ.

АСТРОНОМИЧЕСКОЙ, или АСТРОЛОГИЧЕСКОЙ:

«Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
«Рукою Отрока держащу.»

Ломоносовъ.

или:

«Тамъ мужъ, звѣздами испещренный,
«Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
«Діана стрѣлы позлащенны
«Съ нимъ мечетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
«Се небо показываетъ ясно,
«Коль то съ добротами согласно
«Рожденныя въ признакахъ сихъ:

«Отъ ней геройство съ красотою
«Повсюду миромъ и войною
«Лучи пускають дней златыхъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Что се! — средь дня въ эфиръ блещеть
«Сложенный изъ созвѣздій Крестъ,
«И очи края, Туркъ трепещеть.
«Ты, муза! чтуща книгу звѣздъ,
«Миѣ знаменія рцы причину. —
«Тезоименный Исполину,
«Максентій коимъ побѣжденъ,
«Защитникъ вѣры, славы Россовъ,
«Гроза и ужасъ чалмоносцевъ,
«Великій Константинъ рожденъ.»

Петровъ.

или:

«На темный вижу шаръ подлунный
«Съ равницъ небесныхъ горныхъ мѣсть
«Овенъ молодой, золоторунный
«Незапно вшелъ и всталъ средь звѣздъ.
«Не кротости ль символъ въ немъ зрится?»

Сомнѣнія и вопрошенія. Когда поэтъ, въ упоеніи своего восторга, представляетъ себѣ, будто въ чемъ сомнѣвается и, дѣлая себѣ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчаетъ, дабы тѣмъ усугубить красоту, или силу своего предмета, или страсти. Разрѣшенія такихъ сомнѣній чрезвычайно поражаютъ слушателей. Вотъ примѣры:

вопрошеній:

«Что такъ тѣснить боязнь мой духъ?
«Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ.
«Что бьетъ за страшный шумъ въ мой слухъ?
«Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ.
«Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
«Небесная отверзлась дверь;
«Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
«Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ,
«Умытымъ кровію мечемъ
«Гоня враговъ, герой открылся.»

Ломоносовъ.

или:

«Но что за громы ударяютъ?
«Се гласъ мой звучно повторяютъ
«Земля, и вѣтры, и валы!»

Ломоносовъ.

или:

«Кто въ громѣ радостные клики
«И огонь отъ многихъ водъ даетъ?
«И кто ведетъ въ перунахъ лики? —
«Великая Елисаветъ!»

Ломоносовъ.

сомнѣній:

«Не сей ли при Донскихъ струяхъ
«Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
«И Персы въ жаждущихъ степяхъ
«Не симъ ли пали пораженны?»

Ломоносовъ.

или:

«Что жъ се? — Діянѣ я прекрасной
«Уже послѣдую въ лѣсахъ,

«Отъ коей хитростью напрасной
«Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!»

Ломоносовъ.

Противуположности весьма усиливаютъ и украшаютъ предметы, когда поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ пристойномъ мѣстѣ. Вотъ примѣры:

«Тамъ степи, кровью напоенны,
«Взрастили лавры намъ зелены.»

Ломоносовъ.

или:

«Въ войну кипить съ землею кровь
«И суша съ моремъ негодуетъ;
«Владѣетъ въ мирны дни любовь
«И вся натура торжествуетъ.
«Тамъ заглушаетъ мысли шумъ;
«Здѣсь краситъ всѣ довольства умъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Ты вѣѣ гроза, ты внутрь покровъ.
«Полки сражая, вѣѣ воюешь;
«Но внутрь безъ крови торжествуешь.
«Ты буря тамъ, здѣсь тишина.»

Ломоносовъ.

или:

«Съ Бореемъ вшелъ въ союзъ Зефиръ.

Херасковъ.

или:

«Я ласкалась, ты чуждался;
«Утѣшала, ты скучалъ;
«Я стонала, ты смѣялся:

«Я лобзала, ты терзалъ;
«Я сердилась и рвалась,
«Что въ обманъ тебѣ далася,
«И хотѣла цѣпь прервать;
«Но лишь только что смягчалась,
«Пуще я въ тебя влюблялась
«И гналась тебя искать.»

Поповъ.

Заимословіе, или рѣчь займообразно, такъ сказать, какому либо существу одушевленному, или неодушевленному поэтомъ данная, должна быть въ лирическомъ твореніи весьма краткою; иначе длинный посторонній разговоръ сообщаетъ лирѣ нѣкоторую холодность и сухость, дѣлая сочиненіе не только драматическимъ, но вялымъ, скучнымъ и непріятнымъ. Вотъ примѣръ заимословія:

«Благословенна вѣчно буди,
«Вѣщаетъ Вѣтхій деньми къ ней,
«И всѣ твои съ тобою люди,
«Что ввѣрилъ власти Я твоей.»

Ломоносовъ.

или:

«Исполненъ я веселья нынѣ,
«Что вновь дѣла Мои растутъ:
«Вѣщаетъ ПЕТРЪ ЕКАТЕРИНЪ;
«Твои совѣты всѣ цвѣтутъ. —
«Блаженны Дщерью Мы Своею
«Рука Господня буди съ нею.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Тогда Божественны науки
«Черезъ горы, рѣки и моря
«Въ Россію простирали руки
«Къ сему Монарху, говоря:
«Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
«Подать въ россійскомъ родѣ новы
«Чистѣйшаго ума плоды.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Сіяющъ звѣздными очами,
«Странѣ Россійской говоритъ:
«Ликуй!... дошли въ предѣлы вѣчны
«Твои желанія сердечны,
«И милующій Россовъ Богъ
«Младенца далъ Тебѣ въ залогъ.»

Херасковъ.

Иносказаніе (*), иносреченіе (аллегорія), или остроумное прикрытіе прямого смысла, когда поэтъ, не хотя назвать вещь по какой либо извѣстной ему причинѣ прямымъ ея именемъ, называетъ въ переносномъ или настоящемъ смыслѣ другою вещью и чрезъ то придаетъ возвышеніе или пониженіе своему предмету; или когда, скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностями его, какъ-бы подъ рукою, истинныя его доброты, или пороки, лаская тонкимъ образомъ чьему либо самолюбію, или издѣваясь надъ онымъ, изъ коихъ

(*) Въ простонарѣчій — отверница.

последній случай называется пронию, или насмѣшкою. Вотъ примѣры важной и насмѣшливой аллегоріи:

важной:

«Тамъ вдругъ облегъ драконъ ужасный
«Мѣста святы, мѣста прекрасны,
«И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
«Весь свѣтъ чудовища страшится,
«Единъ лишь смѣло устремиться
«Россійскій можетъ Геркулесъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Парящій слышу шумъ орлицы,
«Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ!»

Ломоносовъ.

насмѣшливой:

«Орлы на тое не взирають,
«Что львовы челюсти зіяють.»

Ломоносовъ.

или:

«Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
«Политика и правосудье,
«Умъ, совѣсть и законъ святой
«И логика пиры пируютъ;
«На карты ставятъ вѣкъ златой —
«Судьбами смертныхъ пунктируютъ.
«Вселенну въ трантелево гнутъ:
«Какъ полюсы, меридіаны,
«Науки, музы, боги — пьяны
«Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ.»

Сравненія и уподобленія суть іероглифы, или нѣмой языкъ поэзіи. Поелику она по подражательной своей способности не что иное есть, какъ говорящая живопись: то и сравниваетъ два предмета чувственнымъ образомъ между собою, или вдругъ рѣшительно ихъ другъ другу уподобляетъ, дабы чрезъ то, не говоря много, изобразить о нихъ яснѣ свои понятія, или, лучше сказать, чтобы неизвѣстный или невидимый предметъ представить чрезъ видимый въявь, или на лице; и тому изъ нихъ, которому поэтъ желаетъ придать болѣе совершенствъ, занявъ ихъ отъ другаго. Въ сихъ украшеніяхъ нужно: въ первомъ быстрый и пронизательный умъ, чтобъ скоро умѣть схватить и вѣрно сличить разность и сходство; а въ другомъ живое, сильное воображеніе, чтобъ спечаткомъ, или спискомъ замѣнить подлинникъ. Таковыя сравненія и уподобленія чрезвычайно оживляютъ и украшаютъ лиру. Вотъ примѣры:

СРАВНЕНІЙ:

«Какъ лютый мразъ весна прогнавши

«Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;

«Туманы, бури, снѣгъ поправши,

«Являетъ ясны дни странамъ,

«Вселенну паки воскрешаетъ,

«Натуру намъ возобновляетъ,

«Поля цвѣтами красить вновь:

«Такъ нынѣ милость и любовь,

«И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
«Насъ жизнью оживляетъ новой.»

Ломоносовъ.

или:

«Да возрастетъ Ея Держава,
«Богатство, счастье и полки,
«И купно дѣль геройскихъ слава.
«Какъ токъ великія рѣки
«Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
«Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
«И множество градовъ поить,
«Разлившись на поля восходитъ;
«Обильный тукъ на нихъ наводитъ
«И жатвы щедро богатить.»

Ломоносовъ.

или:

«Прекрасно солнце на восходѣ
«Приноситъ нову жизнь природѣ:
«Аврора тако вашихъ дней,
«Любовь и качества душевны
«Сулятъ намъ радости подневны
«И вѣкъ златой Россіи всей.»

Херасковъ.

или:

«Увивается тутъ родная матушка:
«Она плачетъ такъ, какъ рѣка льется:
«А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
«Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ;
«Красно солнышко взойдетъ, росу высушить.»

Изъ русской пѣсни.

уподоблений:

«Въ луга усыпаны цвѣтами
«Царица трудолюбныхъ пчель,
«Блестящими шумя крылами,
«Летитъ между прохладныхъ селъ;
«Стекается, оставивъ розы
«И сотомъ напоенны лозы,
«Со тщаніемъ отвсюду рой,
«Свою царицу окружаетъ!
«И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
«Усердіемъ вперенный строй.

«Подобнымъ жаромъ воспаленный,
«Стекался здѣсь російскій родъ
«И радостію восхищенный,
«Тѣснясь, взиралъ на Твой приходъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Подобно граду онъ густому
«Летяще воинство тѣснилъ,
«Искалъ со стороны пролому
«И рвался въ сердце нашихъ силъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Едемску подобна саду,
«Россія въ наши дни цвѣтетъ:
«Всеобщую сердець отраду
«Мой стихъ усердно воспоетъ.»

Херасковъ.

Усугубленія, или усилія, могутъ быть употреблены съ успѣхомъ, когда поэтъ, желая съ одной стороны распространиться, а съ другой,

опасаясь быть растянутымъ, единообразнымъ, или, такъ сказать, одноцвѣтнымъ, а потому самому и скучнымъ, напрягаетъ, или усиливаетъ предвѣдущія свои мысли и чувства повтореніемъ какого либо одного слова, усугубляя тѣмъ быстроту своего паренія и дая себѣ тѣмъ способъ къ перемѣнѣ и къ накопленію другими картинами и чувствами своего содержанія, главный предметъ его обогащающими. Вотъ примѣры:

«Здѣсь Нимфы невской Инокрены,
«Видѣнія Ея лишены,
«Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за Ней.
«Сердцами пойдутъ и устами
«Въ восторгъ сладкомъ возгласятъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Ея и бодрость и восходъ
«Златой наукамъ вѣкъ доставить
«И отъ призрѣнія избавить
«Возлюбленный *Россійскій родъ.*

«*Россійскій родъ!* коль ты ужасенъ
«Въ поляхъ противъ своихъ враговъ,
«Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасенъ.
«Ты внѣ гроза, ты внутри покровъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Глаголь временъ! металла звонъ!
«Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
«Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
«Зоветъ, — и къ гробу приближаетъ....»

«А тамъ — израненный герой,
«Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій;...
«А тамъ — вдова стѣитъ въ сѣняхъ;...
«А тамъ — на лѣстничный восходъ
«Прибрелъ ни костьюляхъ согбенный,
«Безстрашный, старый воинъ тотъ
«Тремя медальми украшенный,
«Котораго въ бою рука
«Избавила тебя отъ смерти, —
«Онъ хочеть руку ту простерти
«Для хлѣба отъ тебя куска.
«А тамъ...»

Нравоученіе. — По той ли причинѣ, что поэзія языкъ боговъ, голосъ истины, проліявшей свѣтъ на человѣковъ, что всѣ почти древніе вожди и законодатели, какъ то: Божественный Моисей, языческіе Орфей, Бахусъ, Озиридъ, Зороастръ, Брамго, Солонъ, Оденъ, наконецъ Магометъ и многіе другіе были поэты и законы свои изрекали стихами, или по чему другому; но только извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и понынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтують они въ словесности всякаго рода проповѣдывать благочестіе, или науки нравовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способною лирическую поэзію, въ разсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она затверживается въ памяти и, забавляя, такъ сказать, просвѣщаетъ

царства. Китайцы и нѣкоторые другіе народы начинаютъ тѣмъ воспитаніе дѣтей, что заставляютъ ихъ затверживать наизусть стихотворные отрывки, или краткія наставительныя пѣсни. Индѣйцы браминской секты до того довели сіе употребленіе, что знатнаго поколѣнія беременнымъ женщинамъ напѣвають набожные, или нравоучительные стихи, увѣряя, что яко бы души младенцевъ, въ утробѣ еще сущихъ, напояются благочестіемъ посредствомъ душъ материнскихъ. Подлинно ли это такъ, не утверждаю; но вижу и въ сколіяхъ (о коихъ ниже объяснится) древнихъ Грековъ, что и при самыхъ ихъ забавахъ и веселыхъ пиршествахъ наставленія изъ виду выпускаемы не были. Первобытныя славныя лирики, до насъ дошедшіе, то свидѣтельствуютъ. Дикіе даже, бѣдность и угнетеніе терпѣвшіе скальды, не смотря на лица сильныхъ, пѣли ихъ народамъ и обладателямъ разительныя, но полезныя истины. Ихъ иногда гнали, потому ли, что правды міръ не терпитъ, или непріятель пророкъ въ отечествѣ? — Эдуардъ I, король англійскій, даже истреблялъ ихъ. Но, напротивъ того, добрые государи, отцы отечества, любившіе доблесть и благочестіе, ихъ при себѣ содержали, уважали ихъ пѣсни, хвалились ими. Пѣснопѣвцы вездѣ при нихъ бывали, даже въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ. Они ободряли ихъ самихъ и воинство къ мужественнымъ подвигамъ и къ презрѣнію смерти. Словомъ, древній вдохновен-

ный сѣверный скальдъ былъ изступленникъ вѣры, законовъ, вольности, славы, чести, любви къ отечеству и вѣрности своему государю. Держа въ рукахъ лиру и воспѣвая пѣсни, метался онъ между ужасами и опасностями, какъ полоумный, проповѣдывая добродѣтель. Полу-денный бардъ былъ то же. Псалтирь наполнена благочестіемъ. Самый первый псалмъ не что иное, какъ нравоученіе. Пророкъ вдохновенный (Vates), или древній лирикъ былъ одно и то же. Онъ былъ герольдъ Неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ, славословіе Всевышнему пребываетъ и пребудетъ вѣки! Посему-то, думаю я болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. Въ разсужденіи чего нравоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но даже ихъ и украшаетъ. Вотъ примѣры:

изъ пиндара:

- «Такъ милостью боговъ единыхъ
- «И въ добродѣтеляхъ своихъ
- «Всѣ процвѣтають человекѣки!
- «Блаженства лишь они дождятъ:
- «Чрезъ нихъ премудрые — премудрость;
- «Краснорѣчивы — сладость усть;

«Могущіе — ихъ силу стяжутъ
«И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

«Межъ тѣмъ рождаютъ пріятнѣй зависть,
«Чѣмъ сожалѣнье намъ. И ты
«Не преставай итти въ слѣдъ славы:
«Рулемъ довѣрья правь народъ,
«Судъ искушай въ горнилѣ правды,
«Малѣйшу искру отъ царя
«Свѣтъ за большой пожаръ считаетъ:
«Тмы вокругъ свидѣтелей тебя.

«Ревнуешь ли потомства къ чести? —
«Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ
«И щедрымъ быть не отрекайся;
«Но паче вѣтромъ парусъ твой
«Вздувай подобно мореходцамъ;
«Лишь никогда, любезный мой,
«Не обольщайся царедворцевъ
«Лукавой сладостью словесъ.»

ИЗЪ ГОРАЦІЯ:

«Кто хочетъ только, что лишь нужно,
«Тотъ не заботится никакъ,
«Что море взволновалось бурно,
«Что огненный вращая зракъ,
«Медвѣдица нисходитъ въ бездны.»

ИЗЪ ЛОМОНОСОВА:

«Услышьте, судіи земные
«И всѣ державныя главы,
«Законы нарушать святыя
«Отъ буйности блюдитесь вы

«И подданныхъ не презирайте,
«Но ихъ пороки исправляйте
«Ученьемъ, милостью, трудомъ.
«Вмѣстите съ правдою щедроту,
«Народну наблюдайте льготы;
«То Богъ благословитъ вашъ домъ.»

или:

«О, коль Монархъ благополученъ,
«Кто знаетъ Россами владѣть!
«Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
«И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.»

изъ хераскова:

«О, смертные! не истребляйте
«Своей надежды на Творца;
«И гордостью не отравляйте
«Во благоденствіи сердца.
«Хотя земные суть владыки
«Предъ смертными у насъ велики,
«Но Богъ и надъ царями Царь.
«Какъ хочетъ, всѣми управляетъ,
«Престолы рушить, возставляетъ,
«Однимъ всю движетъ перстомъ тварь.»

изъ петрова:

«Ты обществу своимъ примѣромъ показалъ,
«Что истинный герой безъ зависти родится
«И качествомъ своимъ во другѣ веселится.»

Сладкогласіе или сладкозвучіе. Любителямъ изящныхъ художествъ извѣстно, что поэзія и музыка есть разговоръ сердца; что ищутъ онѣ

побѣдъ единственно надъ сердцами такимъ образомъ, когда вѣжныя струны ихъ созвучностию своею въ нихъ отзываются. Греки, достигая до сего, такъ обработали и одоброгласили свой языкъ, что, при слышаніи гимновъ, препровождаемыхъ лирою, почитали ухо свое душою и дополняли имъ недостатокъ ихъ разума. У сѣверныхъ скальдовъ столь утонченъ былъ слухъ, что признавался отливомъ картинъ живущаго свѣта, до чего ни древніе, ни нынѣшніе полуденные народы не достигли. Я подъ симъ понимаю, что они были совершенные мастера звукоподражательнаго стихотворенія. Знатокъ въ томъ и другомъ искусствѣ тотчасъ примѣтитъ, согласна ли поэзія съ музыкою въ своихъ понятіяхъ, въ своихъ чувствахъ, въ своихъ картинахъ и, наконецъ, въ подражаніи природѣ. Напримѣръ: свиститъ ли выговоръ стиха и тонъ музыки при изображеніи свистящаго, или шипящаго змѣя, подобно ему; грохочетъ ли громъ, журчитъ ли источникъ, бушуетъ ли лѣсъ, смѣется ли роца — при описаніи раздающагося гула перваго, тихо бормочущаго теченія втораго, мрачноунылаго завыванія третьяго и веселыхъ отголосковъ четвертой; словомъ: одѣта ли каждая мысль, каждое чувство, каждое слово имъ приличнымъ тономъ; поражается ли ими сердце; узнается ли въ нихъ дѣйствіе или образъ естества. Въ разсужденіи чего, сколь нужно поэту пещися о чистомъ и гладкотекущемъ слогѣ, чтобъ онъ легокъ былъ

къ выговору, удобецъ къ положенію на музыку и къ изображенію всѣхъ вышеписанныхъ прелестей. Малая шероховатость, малая темнота досаждаютъ вниманію и разсѣваютъ мысли. Знаю я, сколь трудно до сего достигнуть, чтобъ соединить плавность Хераскова съ силою стиховъ Петрова. Но до чего не доможеться истинный даръ и неутомимое прилежаніе? — Вотъ примѣры сладкогласія и звукоподражанія (опоматорее):

сладкогласія:

«Поля, лѣса густые,
«Спокойствія удѣлъ,
«Гдѣ дни мои златые,
«Гдѣ я Лизету пѣлъ!» (*)

Капнисть.

звукоподражанія:

«И устремлялся громъ на громъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,
«Ядро жужжа сшибается съ ядромъ.»

Петровъ.

или:

«Стуча съ крыльца ступень съ ступени
«И скатится въ древесны тѣни.»

(*) Подобнаго сладкогласія исполнены всѣ сочиненія Хераскова, Богдановича, Нелединскаго, Дмитріева, Карабанова и проч., превосходише же Ломоносова, въ разсужденіи его великолѣпна и громкаго слога. Но дабы

Вкусъ есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель въ разсужденіи чувствъ красоты, а въ разсужденіи разума, истины. О немъ, какъ о счастіи (Фортушѣ), какъ о сострастіи (симпатіи), какъ о высшемъ умѣ (геніи), говорить много можно, а опредѣлить его съ ясностію, для всѣхъ понятною, едва ли кто возьмется. Но безъ его печати, какъ безъ клейма досмотрщика, ни какія искусственныя произведенія безсмертія не достигаютъ. Онъ ничего не терпитъ несвойственнаго природѣ: отъ развратнаго бѣжитъ, отъ гнуснаго отвращается, но бываетъ иногда такимъ волшебникомъ, который страннымъ и дикимъ существамъ придаетъ неизъяснимую прелесть и ведетъ великана паутиною въ свой плѣнъ. Иногда у современниковъ въ туманѣ, но въ потомствѣ, просвѣтаясь, заслуживаетъ статуи и алтари. Гомеръ и Мильтонъ сіе доказываютъ. Безъ него ни громогласная арфа, ни тихозвонящая свирѣль власти надъ сердцами не сыщутъ. Онъ знаетъ всему мѣру, гдѣ тонъ возвыситъ, гдѣ понизитъ, гдѣ остановится и гдѣ продолжатъ.

ясиѣе мысль мою сказать, въ чемъ состоитъ *сладогласіе*: если въ искусномъ наборѣ словъ, къ выговору удобнѣйшихъ, слуху пріятнѣйшихъ и приличнѣйшихъ описываемому предмету и обстоятельствамъ, то въ вышеприведенномъ въ примѣръ четверостишіи, изображающемъ тишину, осмѣлился я отмѣнить рѣзкую букву (Р), дѣлающую нѣкоторую громкость, помѣстя, вмѣсто *предль*, — *удль*.

На вѣсахъ его лежитъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, до человѣка касающихся, времени, обычаевъ, религій и проч. Онъ умѣетъ распредѣлять тѣни красокъ, звуковъ, понятій и изъ разногласія творить согласіе. Опъ, какъ говорятъ нѣкоторые эстетики, есть сосредоточенный свѣтъ и жаръ, то есть умъ и чувство, между холодною геометриею и пылкою музыкою. Я оставляю сію высокую метафизику ихъ учености, но говорю просто, что безъ вдохновенія на струнахъ лиры нѣтъ жизни, а безъ вкуса — пріятности. Словомъ, какъ въ области прочихъ искусствъ, такъ и въ лирическомъ стихотворствѣ, по приличію единственно обстоятельствъ, предметовъ и свойствъ ихъ, когда они естественно, ясно и сладкозвучно выражены, вкусъ познаваемъ быть можетъ. Приведемъ въ примѣры на нашемъ языкѣ нѣчто въ великолѣпномъ и нѣчто въ простомъ слогѣ, а потомъ въ переводѣ изъ греческой антологіи, Анакреона, Горация, какъ образцевъ изящнаго вкуса, подражательно и у насъ написанное:

ВЪ ВЕЛИКОЛѢПНОМЪ.

«Щедротъ источникъ, ангелъ мира,
«Богиня радостныхъ сердець,
«На коей какъ заря порфира,
«Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ:
«О, мыслей нашихъ рай прекрасный,
«Небесъ безмрачныхъ, образъ ясный,
«Гдѣ видимъ кроткую весну,

«Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
«Возможно ль при Твоей державѣ
«Въ Европѣ страшну зрѣть войну?»

Ломоносовъ.

ВЪ ПРОСТОМЪ:

«Ахъ! когда бъ я предузнала
«Страсти бѣдственны плоды,
«Я бъ съ восторгомъ не встрѣчала
«Полуночныя звѣзды!
«Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
«Золотаго я кольца;
«Не была бъ въ надеждѣ сладкой
«Видѣть милаго льстеца.
«Къ отвращенію удара
«Въ горестной моей судьбѣ,
«Я слила бъ изъ воска яра
«Легки крылышки себѣ
«И на родину вспорхнула
«Мила друга моего;
«Нѣжно, нѣжно бы взглянула
«Хоть однажды на него!
«А потомъ бы улетѣла
«Со слезами и тоской;
«Подгорюнившись бы сѣла
«Среди площади какой;
«Возрыдала бъ, возопила:
«Добры люди! какъ мнѣ быть?
«Я невѣрнаго любила:
«Научите — не любить.»

Московск. Журналъ.

или:

«Какъ прійти къ ней смѣетъ скука? —

«На часахъ у ней любовь.»

Н. Львовъ.

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ:

Изъ Греческой Антологіи:

«Лиза голову чесала

«Скромно гребнемъ золотымъ;

«Взявши волосъ, привязала

«Къ красотамъ меня своимъ.

«Бывъ окованъ цѣпью нѣжной,

«Я шутилъ — прервать хотѣлъ;

«Попытался — и желѣзной

«Тверже цѣпь сію нашель.

«Съ той поры я самой въ скукѣ,

«Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь;

«Не могу ужъ быть въ разлукѣ,

«Волоскомъ за ней влекусь.

«И лишь тѣмъ я облегчаюсь,

«Успокоиваю грусть,

«Что къ ней ближе прививаюсь

«И касаюсь сладкихъ усть.»

ИЗЪ АНАКРЕОНА:

«Опутавъ Леля музы

«Въ цвѣточномъ тенетѣ,

«Стеречь, повергши въ узы,

«Вручили красотѣ.

«Ужъ Лада ходитъ, проситъ,

«Чтобъ ей сыскать его

«И выкупъ знатный носить
«Съ собою за него.
«Но плѣнникову долю
«Пусть выкупъ перерветъ:
«Онъ сладкую неволю
«Свободѣ предпочтетъ.»

ИЗЪ ГОРАЦІЯ:

«О, ты, бландузскій ключъ кипящій,
«Въ блистанѣ спорящій съ стекломъ,
«Струи цѣлебныя точащій,
«Достойный смѣшанъ быть съ виномъ!
«Ты будешь славенъ, ключъ счастливый!
«Въ числѣ естественныхъ чудесъ,
«Какъ воспую тѣнистыя нвы,
«Обросши тотъ пустой утесъ,
«Отколь твои струи прозрачны,
«Склонясь серебряной дугой,
«Отважно скачутъ въ доли злачны
«И говорятъ между собой.»

Бобровъ.

Наконецъ любители словесности не будутъ ли довольными, относительно вкуса, нѣкоторыми изъ моихъ одъ въ духѣ сихъ лириковъ: *Къ сосѣду, Хариты*, и проч.

Засимъ, когда показалъ и объяснилъ я принадлежности лирической поэзіи, не подумалъ бы кто, что я совѣтую ихъ всѣ вдругъ помѣщать во всякомъ гимнѣ или одѣ. Нѣтъ, это бы было то же, что, вмѣсто посѣва, бросать кучею сѣмена на одномъ мѣстѣ, какъ сказала Коринна

Пиндару. Но что надобно ихъ при случаѣ и пристойно употреблять, то необходимо. Они отнимаютъ сухость и одноцвѣтность; дѣлаютъ предметъ разнообразнымъ, обильнымъ, сильнымъ; въ нихъ познается богатство мыслей и превосходство таланта; они составляютъ изящество и существо прямой оды, ежели истекаютъ только отъ истиннаго вдохновенія. Напротивъ, безъ вышняго сего дара не красотами они бываютъ, а раскрашенными, неоживленными призраками. Всякій наборъ пустыхъ, гремучихъ словъ, скропанный по школьнымъ однимъ правиламъ, или нанизанность надутыхъ неодушевленныхъ подобій, всякій, говорю, длинный рассказъ, холодное поученіе, газетныя подробности, неточная оболочка реченіями мыслей, принужденное, безстрастное восклицаніе, нагроможденная высококость, или тяжело ползущее пареніе, никому непонятное глубокомысліе, или лучше сказать, бессмыслица и слухъ раздражающая музыка, стыдятъ и унижаютъ лиру. Звуки ея тогда какъ стрѣлы тупыя отъ стѣнъ отскакиваютъ и какъ стукъ въ свинцовый тимпанъ до сердца не доходятъ. Поистинѣ, вдохновеніе есть одинъ источникъ всѣхъ вышесказанныхъ лирическихъ принадлежностей, душа всѣхъ ея красотъ и достоинствъ: все, все и самое сладкогласіе отъ него происходитъ, — даже вкусъ, хотя даетъ ему дружескіе свои совѣты и онъ отъ него принимаетъ ихъ, но не прежде, какъ тогда уже, когда успокоится; а во время пыл-

каго его паренія едва только издали смѣтъ приближаться къ нему и надзирать за нимъ. Если поэтъ за первымъ безъ всякаго разсужденія быстро послѣдуетъ, а за вторымъ не торопясь, съ благоразуміемъ, и за справою уже сего послѣдняго, а не прежде, выдаетъ въ свѣтъ свои сочиненія: то безъ всякаго сомнѣнія рано или поздно получаетъ плески; чувствуи, и будутъ чувствовать; проливай слезы, и будутъ плакать. Отъ восклицанія токмо сердца раздаются громаы. Вдохновеніе, вдохновеніе, повторю, а не что иное, наполняетъ душу лирика огнемъ небеснымъ. Оно напрягаетъ всѣ ея силы, окриляетъ, возноситъ и исторгаетъ, такъ сказать, ея бытіе изъ пеленъ плоти, или изъ всѣхъ земныхъ предѣловъ, дабы лучше выразить и изъяснить изступленное ея положеніе. Отъ вдохновенія происходятъ бурные порывы, пламенные восторги, высокія Божественныя мысли, выспреннія паренія, многоеодержація изреченія, таинственныя предвѣщанія, живыя лицеподобія, отважные переносы и прочія риторскія украшенія, о коихъ было уже говорено. Отъ него, или приличнѣе здѣсь сказать, отъ Духа Божія, подъ струнами вѣнценоснаго іудейскаго лирика и царя скакали холмы, двигалась земля, преклонялось небо предъ лицомъ Вседержителя; солнце престоломъ, а луна подножіемъ ногъ Его становились. Отъ него, смѣю сказать, но лишь по подражанію токмо святымъ пророкамъ, Орфей водилъ лѣса и рѣки за собою;

Гомеръ, помаваніемъ Юпитеровой главы, колебалъ вселенную. Не зная истиннаго Бога, языческіе поэты не могли воспарять до такой высоты, чтобы славословить Невидимаго, Непостижимаго; ибо ихъ понятія болѣе были тѣлесныя, нежели духовныя и раздѣлялись на многія божества. Но о семъ буду говорить ниже, а теперь довольно о гимнахъ и одахъ, которыхъ множество примѣровъ можно видѣть въ Псалтири. Изъ языческихъ всѣхъ ближе подходитъ къ нимъ, по очищеннымъ мыслямъ отъ идолопоклонства и по высокому своему содержанію, гимнъ греческаго стоическаго философа *Клеанта*, напечатанный въ моихъ сочиненіяхъ. Въ Христіанской Церкви, не говоря о новыхъ, славнѣйшіе въ древности гимны суть: *Тебе Бога хвалимъ, Свѣте тихій Святыхъ славы*. Впрочемъ, для примѣра помѣщаю здѣсь одинъ переведенный гимнъ изъ Гомера и приступаю къ объясненію другихъ низшихъ степеней древнихъ лирическихъ пѣсней.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ МИНЕРВЪ.

«Пою великую, безсмертную Аѳину,
«Голубоокою, божественною дѣву,
«Богиню мудрости, богиню грозныхъ силъ,
«Необоримую защитницу градовъ,
«Эгидоносную, всемогущу Тритогену,
«Которую родилъ самъ Дій многосовѣтныи,
«Покрытую златой сіяющей броней.
«Оцѣпецѣніе объяло всѣхъ боговъ,

«Когда изъ Зевсовой главы она священной
«Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
«Во основаніяхъ вострепеталъ Олимпъ
«Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
«Стонъ тяжкій издала, весь понтъ поколебался,
«Смятенъ до червыхъ безднъ, на брегъ побѣг-
ли воды.
«Гипперіоновъ сынъ средь дня остановилъ
«Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ рамень
своихъ
«Оружье совлекла божественная дѣва.
«Возрадовался Дій рожденіемъ Аѳины.
«О, Громовержцева эгидоносна дщерь!
«Привѣтствую тебя. Услышь ты голосъ мой
«И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благо-
пріятный,
«Когда я воспою тебѣ хвалебны пѣсни.»

Переводъ Гиподима.

Пеанъ заимствовалъ содержаніе свое наипаче отъ мифологіи и особливо относился къ похва-ламъ, молитвамъ и побѣднымъ пѣснямъ Аполлона. Были они воспѣваемы въ честь и другихъ боговъ, а равно и челоуѣковъ; но всѣ пропали. Полагаютъ, что болѣе сочинялъ ихъ Пиндаръ. Они суть пѣсни, выражающія кроткія чувства, вліянные единственно религіею. Въ нихъ нѣтъ ни высокихъ замысловъ, ни паренія, ни изви-тій, ни глубокомыслія, происходящаго отъ разсудка. Они просты. Предметы ихъ одни благо-дѣтельные вліянія вѣры, истекающія отъ души

чистой, спокойной, исполненной благочестія. Достоинство ихъ: усердіе, ясность и плавность. Впрочемъ, могутъ пеаны быть и другаго содержанія, въ которыхъ любовь къ отечеству, воинскіе подвиги и всякія гражданскія добродѣтели воспѣваются и ободряются. Для примѣра отъ древности намъ пеановъ не осталось; но одинъ похожій на нихъ, помѣщенный у Гагедорна между сколіями, прилагаю:

«О, ты, что у рѣки Тритона
«Узрѣвшая впервые свѣтъ,
«Аѳинъ владычица, Паллада!
«Храни сей градъ, гражданъ его
«Отъ бѣдъ, крамоль и ранней смерти,
«И ты, отецъ сея богини!

«Коль днесъ побѣдой увѣячанный
«Хочу тебя, о мать! воспѣть
«Плутона и Цереру пѣсню.
«Благословенна будь и ты,
«О, дочь великаго Зевеса,
«Богиня мрака, Прозерпина!
«И обѣ сей блюдите градъ.

«Въ Делосѣ нѣкогда Латона
«Двухъ чадъ произвела на свѣтъ:
«Еленегонную Діану
«И златовласа свѣтла Оива.

«О, ты, Аркады покровитель,
«Хорегъ! и самъ плясавецъ, богъ
«Хохочущихъ, гонецъ бѣгущихъ

«Вслѣдъ Нимфъ и обрѣтатель ихъ
«Въ сокрытіи отъ тебя — являйся,
«О, Павъ! средь нашихъ ты здѣсь пѣсней
«И бодръ всегда будь, свѣтль лицемъ.

«Враговъ своихъ мы побѣдили
«И по желанью торжество
«Намъ нынѣ даровали боги.
«Такъ, такъ, Аѳины боги вамъ
«Отечество днесъ Пандролены
«Приобрѣли въ безцѣнный даръ.»

Диѳирамбъ, пѣснь, посвященная Бахусу. Она есть высокое пареніе искусства, происшедшаго въ Греціи отъ празднествъ, въ честь Бахуса учрежденныхъ, подавшихъ поводъ къ сочиненію оныхъ. Диѳирамбъ занимаетъ мѣсто между одою и гимномъ. Диѳирамбъ содержитъ въ себѣ пламенныя чувства, въ которыя входитъ поэтъ упоеніемъ вина, или удивленіемъ первоначальному насадителю винограда. Въ диѳирамбахъ господствуетъ во всемъ пространствѣ лирической безпорядокъ, смѣлыя картины, новость изреченій. Чтобъ сочинять диѳирамбы, надобно имѣть чрезмѣрно живое чувство, необузданное воображеніе, или родъ изступленія, для того, что выраженія его должны возбуждать къ неистовымъ движеніямъ и круговымъ пляскамъ. Въ диѳирамбѣ позволяется, для живѣйшаго представленія предметовъ, присовокуплять нѣсколько словъ къ одному какому либо часто хоромъ повторяемому слову, дабы чрезъ то сила

чувствъ отчасу болѣе возрастала и продолжалась до того, пока шумомъ вниманіе не оглушится и не воспламенится воображеніе. Наипаче свойство диѳирамба состоитъ въ томъ, чтобъ картины, которыя, кажется, никакого сношенія между собою не имѣютъ, толпами тѣснились, но не слѣдовали другъ за другомъ. Чтобъ сочинитель, дѣлая непрестанно скачки, хотя бы и зналъ связь своихъ мыслей, но ни какъ бы того не обнаруживалъ. Будучи разрѣшенъ отъ всѣхъ правилъ искусства, употреблялъ бы разныя мѣры и роды стиховъ, но только бы удобныя для музыки. Имѣя средствомъ всю свободу, обладая истиннымъ пѣническимъ духомъ и богатствомъ мыслей, умѣлъ бы все сіе такъ скрывать, чтобъ подражатели его, не имѣя подобнаго огня и таковаго, какъ онъ, буйнаго восторга, думая быть глубокомысленными и таинственными, высокопарною надутостію своею показывали бы только на обыкновенныхъ чувствахъ обыкновенныя краски. Вотъ въ чемъ изящество диѳирамбовъ. И для того мелкіе въ Греціи писатели, желая въ семь родѣ отличиться, начинали ихъ пышными картинами, заимствованными отъ небесныхъ знаковъ и воздушныхъ явленій: но славнымъ комикомъ Аристофаномъ были осмѣяны. Онъ въ одной изъ своихъ комедій представилъ человека, сшедшаго съ небесъ: его спрашиваютъ, что тамъ видѣлъ? — Отвѣтствуетъ: сочинителей диѳирамбовъ, которые бѣгають межъ облаковъ и

«Съ радости дикой. — Эванъ! щади, о, щади!
«Отъ грознаго тирса я трясусь цѣненѣя.

«Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіадахъ,
«О быстротекущемъ винѣ, млечныхъ потокахъ
«И медь какъ изъ утлыхъ древесныхъ, дупля-
стыхъ
«Пней каплетъ на землю, извиваясь струями.

«Такъ, позволь мнѣ воспѣть и о свѣтломъ
вѣнцѣ,
«Блестящемъ межъ звѣздъ твоей блаженной су-
пруги,
«О страшномъ паденьѣ жилища Пентея
«И о Фракійска Ликурга пагубѣ лютой.

«Ты волны далекихъ кротишь океановъ
«И шумный вокругъ холмовъ обтекая пустын-
нымъ,
«Женъ бостонискихъ переплетше безвредно,
«Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

«Ты, буйна гигантовъ крамола когда
«Верхъ на верхъ по горамъ взгроможденнымъ
взмостяся,
«Къ отчему царству взнеслась, съ зѣвомъ ужа-
снымъ
«И съ львиными Рета когтями вспять испро-
вергъ.

«Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусный пляса-
вецъ,
«Въ шуткахъ и играхъ любви, способнымъ былъ
призванъ;

«Въ браняхъ не меньше потомъ примѣръ далъ
собой

«И великъ ты равно какъ въ бояхъ, такъ и въ
мірѣ.

«Церберъ въ рогахъ золотыхъ зрѣлъ тебя
тихо

«И ничуть не взревѣлъ, лишь хвостомъ обвивая,

«Съ кротостью ластясь, трехъ языками зѣвовъ

«Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедра.»

Сколія; Греки, не упоминая здѣсь о ихъ эподахъ, пріомахъ, номахъ, просодіяхъ, пеаняхъ, диѳирамбахъ, партеніяхъ, гимнопедіяхъ, эндиминиціяхъ, гипорхемахъ, ортическихъ и другихъ пѣсняхъ, имѣли многія на разные случаи (*); но пѣвали болѣе и чаще всѣхъ въ дружескихъ своихъ пиршествахъ за столомъ, а нѣкоторые, говорятъ, и въ мистеріяхъ съ разными обрядами, изобрѣтенныя Терпандромъ при карнейскихъ праздникахъ во время XXXVI олимпіады, введенныя же въ Аѳины Аѳинсеємъ, такъ названныя Аристотелемъ *сколіи*, или за-

---

(*) *Эподъ*, или хоръ, слѣдующій въ Одѣ послѣ антистрофы. У Горация вся пятая книга составлена изъ эподовъ. *Пріомъ*: предѣніе, или прелюдія. *Номъ*: настоящая пѣснь. *Просодія*: созвучное повтореніе. *Пеанъ*: пѣснь Аполлону. *Диѳирамбъ*: пѣснь Бахусу. *Партенія*: пѣснь одною дѣвою воспѣваемая, изобрѣтенная Партеніемъ. *Гимнопедія*: пѣснь во время игранія мячомъ и битвы на мечяхъ поющая. *Эндиминиція*: пѣснь спать идущаго. *Гипорхема*: пѣснь плясовая. — *Артическая* пѣснь, поющая возвышеннымъ голосомъ.

стольныя пѣсни. Сіи сколіи раздѣлялись на мифологическія, историческія и на общественныя, изъ коихъ мифологическія были почти то же, что пеаны, да и самыя пеаны пѣвались за столомъ между прочими сколіями. Обычай былъ у Грековъ, возсѣвши за трапезу, прежде всего единогласно возглашать похвалы богамъ, потомъ пѣли на разные случаи съ разными обрядами, по приличію содержанія, сказанныя сколіи, — иные съ миртовыми, иные съ лавровыми вѣтвями, а иные съ кубкомъ вина, держа ихъ въ рукахъ и передавая изъ рукъ въ руки по сосѣдству, или наискось другъ другу, поочередно. Когда же усовершенствовалась музыка и начали въ бесѣдахъ употреблять арфу, то неискусные въ пѣснопѣніи, по пришедшей къ нимъ очереди, должны были просить пѣть за себя славныхъ пѣвцевъ, давая имъ за то подарки. И такъ было у Грековъ въ разсужденіи пѣнія застольныхъ пѣсень три обряда: первый, пѣть единогласно боговъ; второй, по очереди съ вѣтвями; третій, чрезъ пѣвца съ препровожденіемъ арфы. Сей послѣдній, будучи хорошо превосходнымъ пѣвцемъ исполняемъ, сильно трогалъ души пирующихъ, когда прославлялись добродѣтели и подвиги народа, предковъ и ихъ самихъ. Но было также у Грековъ безчисленное множество народныхъ, или площадныхъ пѣсень. У всякаго состоянія людей свои, какъ то: у воиновъ, пастуховъ, земледѣльцевъ, молотильщиковъ, мельниковъ, водоносцовъ и про-

чихъ разнаго состоянія жителей; а равно и на всякіе случаи: свадебныя, погребальныя, забавныя, издѣвочныя и другія. Для примѣра нѣсколько древнихъ сколій здѣсь прилагаю. Отъ нихъ, мнѣ кажется, произошли застольныя и масонскія пѣсни.

НА БОГАТСТВО:

«Ты, богатство, смертныхъ горе!
«Ни земля твоихъ, ни море
«Троновъ не должны сносить.
«Удалися въ мрачны бездны!
«Адскія тебя желѣзны
«Двери должны заключить.»

НА ДРУЖБУ.

«Схватывай змію рукою —
«Храбрымъ страха нѣтъ сердцамъ.
«Съ хитростью коварство злою
«Чуждо истиннымъ друзьямъ.»

ИЛИ:

«Прошу тебя, стрегись, мой другъ:
«Подъ каждымъ мшистымъ камнемъ тайно
«Здѣсь ползаютъ зміи вокругъ,
«И часто, гдѣ необычайно
«Бываетъ тихо и темно,
«Тамъ кроется лишь зло одно.»

ИЛИ:

«Когда бъ намъ можно умудриться
«И знать, кто подлинно каковъ,
«Въ грудяхъ душами раскрываться,

«Читать сердца на мѣсто словъ;
«То безъ ошибки бѣ избирали
«Мы истинныхъ себѣ друзей.»

НА ЗДРАВІЕ.

«О, здравіе! изящный даръ,
«Ты мило смертнымъ и желанно.
«Правдиво предсѣдишь ты всѣмъ
«И красота съ тобой пусть сядетъ;
«Но третье мѣсто я даю
«Богатству, честностью стяжанну;
«Четвертое жъ — кому отдать?
«Извѣстно, — дамъ его я счастью:
«Быть младу у младой подруги.»

ГАРМОДИОНУ.

«Ты долженъ миртъ вѣтвями
«Украшенъ быть, мой мечъ,
«Какъ и Гармодіона,
«И Аристоклена былъ,
«Что имъ тиранъ низверженъ
«И равенство законовъ
«Отечеству дано.
«Нѣтъ! ты еще никакъ не умеръ,
«Дражайшій нашъ Гармодіонъ;
«Но живъ на островахъ блаженныхъ,
«Гдѣ быстроногій Ахиллесъ
«И сынъ прехрабрый гдѣ Ѳетиды
«Ликуетъ свѣтло Діомидъ, —
«И ты, какъ говорятъ, днесь тамъ.»

Вотъ четыре главныя, въ глубокой древности
бывшія и намъ извѣстныя лирическія произве-

денія , которыя съ приличностію уподобить можно первую оду, или гимнъ, быстрой рѣкѣ, все съ собою увлекающей, выходящей иногда изъ береговъ своихъ, иногда между лѣсовъ и горъ чрезъ пороги съ шумомъ скачущей и разными кривизнами стремящейся, иногда прямымъ направленіемъ тихо между полей и рощъ по долинамъ и лугамъ ллющейся, иногда принимающей въ себя побочные источники, иногда уединенно, глубоко одною стезею текущей, по которой плаватель видитъ мгновенно предъ собою мелькающіе разные виды, то въ ужасъ, то въ уныніе, то въ радость, то въ восторгъ его приводящіе. Второй, пеанъ: тихопрозрачному потоку, сквозь который чистыя воды и въ самой глубинѣ самомалѣйшіе цвѣтные камни и песокъ видны. Третій, дионрамбъ: ужасному, яростному водопаду, который въ бурномъ, бѣшеномъ стремленіи своемъ ломаетъ скалы и деревья, мететь вокругъ себя бугры пѣны, брызги, какъ дымъ, столпомъ высоко подымаетъ и на далекое разстояніе заставляеть внимать страшные грохочущіе гулы, такъ что у путника, вблизи стоящаго, голова кружится, а вдали обвиняетъ его трепеть. Четвертое, сколія: небольшому источнику безъ всякихъ кривизнъ, прямою чертою къ одному предмету своему текущему, не принимающему въ себя никакихъ побочныхъ ручьевъ; иногда мрачностію и тихостію, а иногда веселостію своею мимо ходящихъ слухъ и взоръ занимающему.

Но перейдемъ теперь отъ древней лирической поэзіи къ новѣйшей.

Въ Римѣ мало было изящныхъ лириковъ. Квинтиліанъ (*) говоритъ, что Гораціи изъ нихъ одинъ достоинъ чтенія; но онъ и самъ, по скромности можетъ быть своей, признаетъ (**) себя не болѣе, какъ только слабымъ отголоскомъ древнихъ Грековъ. Если жъ пройти мимоходомъ современно и послѣ него жившихъ, не столько знаменитыхъ: Цезія, Басса, Стація и Катулла (***), то можно сказать, что по смерти сего любимца Августова лира умолкла. По нашествіи на Италію варварскихъ полчищъ, гласа ея долгое время вовсе слышно не было. Она, казалось, возвратилась паки на Геликонъ и нѣсколько вѣковъ не восхищала смертныхъ. На Сѣверѣ только у скальдовъ раздавались ея звуки. Но когда изъ сей суровой страны свѣта наводнили Западъ дикіе народы, отъ коихъ древній Римъ палъ, то науки и художества ушли на востокъ и на полдень, въ Азію и Африку, къ Арабамъ и Сарацинамъ, которымъ особливо покровительствовали калифы. Наконецъ, въ IX столѣтіи, хотя нѣсколько поддерживалъ просвѣщеніе Карлъ Великій, собравъ нѣсни Цельтовъ и заведя при дворѣ своемъ училища; но и послѣ его, съ нашествіемъ Норманновъ, покры-

---

(*) Глава X, книга 1.

(**) Ода II, книга 4.

(***) Лирика, при Августѣ, Неронѣ и Домиціанѣ жившіе.

лась Европа сугубымъ мракомъ невѣжества. Если гдѣ и проблескивали слабыя искры словесности, то не иной, какъ варварской, составленной изъ грубыхъ нарѣчій побѣдителей, вліяніемъ своимъ испортившихъ языкъ побѣжденныхъ Римлянъ. Стихотворство тогда безъ вдохновенія и вкуса, ежели можно его таковымъ назвать, было суровое сотканіе словъ силлабическою просодією, которое по вторженіи Готовъ *руннымъ* называлось. Если справедливо недавнее открытіе одного славено-руннаго стихотворнаго свитка І вѣка и нѣсколькихъ произреченій V столѣтія новгородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія. Я представляю при семъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но за подлинность оныхъ не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ (*).

ЧТЕНІЕ ПОДЛИННИКА.

Гмъ послухи Бояна.

Умочи Боянъ сновъ удычъ
 А комъ плъ блгъ тому
 Суди Всеси не убѣгти
 Слвы Словенси не умети
 Памети Злгоръ Волхви глоти

(*) Они оказались поддѣльные, почему здѣсь и не помѣщаются; подлинникъ ихъ — нелѣпыя крючки позднѣйшаго неудачнаго изобрѣтенія.

Одину памяти Скифу гамъ
Злымъ пески тризны сыпи.

ПЕРЕВОДЪ:

Не умолчи, Боянъ, — снова воспой;
О комъ пѣль, благо тому.
Суда Велесова не убѣжать:
Славы Славяновъ не умалить.
Мечи Бояновы на языкѣ остались;
Память Злогора Волхвы поглотили.
Одину воспомнание, Скиѳу пѣснь.
Златымъ пескомъ тризны посыплемъ.

Изреченія, или отвѣты новгородскихъ жрецовъ:

УГЛИ.

Жрицу говоръ Еролку.

Пакоща свада
Дюжу убой
Тяжа нагата
Тощъ перелой.

ПЕРЕВОДЪ.

По злобѣ свара —
Сильному смерть:
Тяжба съ богатствомъ —
Худъ передѣль.

Въ продолженіе тѣхъ среднихъ вѣковъ западные ученые, кои едва ли не были одни только духовные, писали важныя сочиненія на вульгарномъ, или простонародномъ языкѣ (lingua

vulgarē), придерживаясь, до VII столѣтія, древняго римскаго, а послѣ латинскаго со смѣсю иноплеменныхъ словъ. Но свѣтскіе, ежели гдѣ и упражнялись въ письменахъ, то въ провинціальныхъ только нарѣчіяхъ: басскомъ, галиканскомъ, провансальномъ, португальскомъ, лимоническомъ, или смѣшанномъ съ испанскимъ, италіянскимъ и французскимъ, который вообще именовался *lingua rustica Romana*, или римское деревенское нарѣчіе. Правда, въ IV столѣтіи, какъ говоритъ Бровиѣ, по изгнаніи на Западъ бардовъ, а на Востокъ по истребленіи Феодосіемъ Великимъ идольскихъ жертвенниковъ, сочиняли еще въ монастыряхъ монахи (*), по древнимъ образцамъ, оды и трагедіи, но единственно для препровожденія времени чтеніемъ ихъ въ кельяхъ, а не для пѣнія въ храмахъ, или игры на театрахъ; и съ тѣхъ уже темныхъ и неблагопріятныхъ для художествъ и наукъ временъ общественная свѣтская поэзія отъ музыки отдѣлилась. Древнее достоинство ихъ пало потому, что не токмо въ народныхъ собраніяхъ, но и нигдѣ почти въ обществахъ онѣ вовсе не употреблялись. Тогда ничего уже изящнаго не являлось. Важность, чистота, сладкозвучіе и пріятность древнихъ языковъ греческаго и латинскаго исчезли.

Однако жъ съ другой стороны возникъ новый родъ пѣснословной поэзіи въ Христіанской

(*) Бровиѣ: «О раздѣленіи музыки съ поэзіею».

Церкви. Первыя христіанскія тайныя общества отправляли сначала свое богослуженіе въ подземельяхъ и на гробахъ мучениковъ еврейскимъ псалмопѣніемъ въ подражаніе тому, что и Самъ основатель священной вѣры, Христосъ Спаситель, послѣднюю Свою вечерю съ учениками Своими окончилъ пѣніемъ (*). Просвѣщеннѣйшіе Христіане сочиняли потомъ и приносили въ свои собранія для пѣнія собственныя свои *Оды* и *Имны* въ честь Христу и мученикамъ. О семъ свидѣтельствуеть Апостоль Павелъ (**) и самъ увѣщаетъ вѣрныхъ воспѣвать Псалмы, Имны и Оды духовныя въ своихъ собраніяхъ (***). Плиній въ письмѣ своемъ къ Траяну о Христіанахъ упоминаеть также о *Пьсняхъ*, у нихъ воспѣваемыхъ Христу, яко Богу (****). Игнатій Богоносець во II вѣкѣ изобрѣлъ новый родъ переключнаго по клиросамъ пѣнія, именуемаго *Антифонами*. Амвросій Ме-

---

(*) Матѳея главы XXVII стихъ 30. *Воспѣше изыдоша съ гору Елеонску.*

(**) Апостоль Павелъ въ 1 Посланіи къ Коринѳянамъ гл. XIV, ст. 26, говоритъ: *Что убо есть, братіе, егда сходитесь, кійждо васъ псаломъ имать?*

(***) Въ посланіи къ Ефесеємъ гл. V ст. 19: *Глаголюще себе во псалмьхъ и пльнїихъ* (на греческомъ Имнахъ) и *пьсняхъ* (на греч. одахъ) *духовныхъ*. — Къ Колоссаемъ гл. III ст. 16: *Во псалмьхъ* (имнахъ) и *пьсняхъ* (одахъ) *духоеныхъ*. Слово *Пьсь* и въ Апокалипсисѣ, гл. V ст. 9 и гл. XIV ст. 3, на греческомъ именуется *Одою*; и въ в. XV ст. 3 пѣсь Моисея названа также *Одою Моисеевою*.

(****) Плиній въ письмахъ, книга X, письмо 97.

діолянскій (*) въ IV столѣтіи, на мѣсто витіеватаго, или фигурнаго, заимствованнаго отъ греческаго языческаго и еврейскаго (**) пѣснопѣнія, ввелъ столповое, или степенное пѣніе по примѣру первыхъ Апостольскихъ временъ, въ кои оно было еще просто, безъ всякаго искусства и украшенія. Въ стихотвореніяхъ первыхъ Христіанъ не видно ни отдѣльныхъ одинакихъ строфъ, ни паденія слоговъ греческой и римской поэзіи, ни сочетанія созвучныхъ рѣмъ среднихъ и новыхъ вѣковъ стихотворства; не истекали они изъ восторговъ какой либо страсти, или витійства поэта, ожидавшаго себѣ отъ кого либо награжденія, или ограни-

---

(*) Броввъ, въ сочиненіи своемъ: «О раздѣленіи поэзіи и музыки» въ XII отдѣленіи говоритъ: «Во II столѣтіи употребляема еще была въ христіанскихъ церковныхъ пѣсняхъ музыка язычниковъ съ пѣкоторымъ только ограниченіемъ ихъ своевольства и непристойностей; но какъ и та сладострастными женскими голосами своими приводила слушателей въ соблазнъ, то въ Константинопольской Церкви Константиномъ Великимъ, а въ Александріи епископомъ Аванасіемъ сдѣлано о ней новое учрежденіе. Августинъ намѣренъ былъ совсѣмъ изгнать ее изъ западнаго христіанскаго богослуженія, но Амвросій Медиолянскій ввелъ особаго рода голосовую чрезвычайной важности.

(**) Древняя еврейская торжественная инструментальная музыка описана въ 1-й книгѣ Паралипоменонъ гл. 13 и 15 и во 2-й кн. Царствъ гл. 6. У Давида было учреждено въ храмѣ 288 пѣвцовъ, которые между собою очердовались чрезъ каждый часъ въ сутки по 24 человекъ для безпрестаннаго пѣснопѣнія.

ченной, земной и тлѣнной, человѣческой славы: главное ихъ содержаніе и свойство было духовное, пламенное воспареніе чистой, живой вѣры, основанной на надеждѣ воскресенія и чаянія небесныхъ наградъ, или вѣнцевъ безсмертія за мученическія страданія, или подвиги благочестія. Въ V вѣкѣ Пруденцій и Ниль писали уже мѣрными стихами. Въ VII и VIII появились многіе знаменитые церковные пѣснописцы и въ Восточной Церкви, между которыми знаменитѣе всѣхъ Іоаннъ Дамаскинъ, коего Ирмолобій и Октѣихъ, или Осмигласникъ, ежедневно поются и въ нашей Славено-Россійской Церкви съ душевнымъ умиленіемъ. Но въ напѣвахъ сихъ пѣсней видно уже возвратившееся раздражаніе витіеватымъ греческимъ восьми тонамъ, извѣстнымъ подъ названіями Дорическаго, Фригическаго, Лидійскаго, Іонійскаго, Іолійскаго и другихъ. Нѣкоторыя изъ оныхъ писаны на греческомъ стихами, по большей части ямбами и равномѣрными строфами. Хотя сего въ славянскомъ переводѣ и непримѣтно, однако жъ разстановки напѣва дѣлають для насъ нѣсколько ощутительнымъ и мѣрность подлинника. Другія изъ сихъ пѣсней сочинены и въ подлинникѣ прозою, но почти равномѣрнымъ числомъ слоговъ въ каждомъ гласѣ, или напѣвѣ, дабы по распѣвѣ перваго подлежащаго стиха пѣть и нижеслѣдующіе. Въ славянскихъ нашихъ переводахъ сіе нѣсколько затруднительно по несоотвѣтствію числа слоговъ съ под-

линникомъ; и потому-то въ нашей Церкви, на-
примѣръ въ канонахъ, только ирмосъ поется,
а прочіе подъ нимъ лежащіе стихи, назначен-
ные также для пѣнія, читаются. Съ таковымъ
новымъ христіанскимъ стихотвореніемъ роди-
лись новые роды и названія пѣсней, которыя
неизвѣстны были древнимъ, какъ на примѣръ:
Октѡихъ, Трїодъ, Ирмосъ, Канонъ, Антифонъ,
Стихира, Тропарь, Кондакъ, Икосъ, Акаѡистъ
и другіе (*). Пѣснописцы церковные на изобре-
теніе сихъ родовъ и на названіе оныхъ выше-
сказанными именами имѣли такое же право, ка-
кое новѣйшіе италіянскіе и французскіе стихо-
творцы на Кантаты, Сонеты, Стансы, Ронды,
Романсы, Баллады и другіе, которыя также не-
извѣстны были въ древней поэзіи. Впрочемъ
напрасно нѣкоторые иностранные новѣйшіе
словесники винятъ первыхъ Христіанъ въ
упадкѣ сей послѣдней. Упадокъ ея должно при-
писать переворотамъ государствъ и измѣненію
языковъ отъ варварскихъ нашествій, а не Хри-

(*) Они значатъ на нашемъ языкѣ: *октоихъ*, осьми-
гласникъ; *трїодъ*, трипѣснецъ; *ирмосъ*, связь, или звено
пѣни, на коемъ висятъ другія звенья; *антифонъ*, пере-
ключка двухъ клиросовъ; *стихира*, длиносложный
стихъ; *тропарь*, оборотъ напѣва; *кондакъ*, перечень по-
хвалъ; *икосъ*, исчислительное славословіе добродѣтелей;
акаѡистъ, пѣснопѣніе, въ продолженіе котораго сидѣтъ
возбраняется; *трисагїонъ-имносъ*, трисвята, пѣснь (Свя-
тый Боже); *евоиносъ-имносъ*, утренняя пѣснь (Слава въ
вышнихъ Богу); *евираносъ-имносъ*, вечерняя пѣснь
(Свѣте тихій), и такъ далѣе.

стіанамъ. Первые Отцы Церкви не пренебрегали чтеніемъ и древнихъ языческихъ стихотворцевъ. Видны и въ святомъ Апостолѣ Павлѣ Аратъ и Енитенидъ (*), на коихъ онъ ссылался. Оригенъ, Климентъ Александрійскій, Минуцій Феликсъ, Василій Великій и многіе Отцы часто приводили во свидѣтельство Омира, Гезіода и прочихъ стихотворцевъ. Въ христіанскихъ монастыряхъ переписывали всѣхъ древнихъ греческихъ и римскихъ писателей и тѣмъ сохранили ихъ отъ потери. Правда, что Христіане первыхъ вѣковъ не имѣли поэмъ подобныхъ Омировой и Виргиліевой, и одъ равныхъ Пиндаровымъ и Гораціевымъ; но образцы оныхъ чрезъ благочестивыхъ пѣснопѣвцевъ остались не недосязаемы и для нашихъ временъ. Что же касается до высокихъ и величественныхъ изображеній Божества и духовныхъ отвлеченныхъ ощущеній, то ни Орфеевы, ни Пиндаровы, ни Гораціевы Имны не могутъ сравняться съ христіанскими; и потому ихъ краткость, животворную выразительность, высоту мыслей, нельзя не признать образцами лирическими. Напримѣръ:

«Его же воинства небесная славятъ и трепещутъ Херувимы и Серафимы, всякое дыханіе «и тварь, пойте, благословите и превозносите «во вся вѣки!»

(*) Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и въ посланіи къ Титу.

или.

«Тебѣ на водахъ повѣсившаго всю землю не-
«одержимо, тварь видѣвши на лобнемъ висима,
«ужасомъ многимъ содрогашеся: нѣсть святѣ
«паче тебе, Господи, взывающи!»

Какая, въ первомъ Ирмосѣ въ начальныхъ
словахъ, таинственная и заманчивая загадка,
возбуждающая вниманіе слушателя, а въ по-
слѣднихъ разрѣшеніе величественною картиною
богопочитанія всей твари!

Во второмъ: какой поэтъ могъ толь кратко и
сильно совмѣстить выразительность неизмѣри-
мыхъ противоположностей всемогущества и ни-
чтожества, поношенія и благоговѣнія?

Но исчислять подобныя красоты въ церков-
ныхъ нашихъ пѣсняхъ было бы безконечное
покушеніе. Довольно, что мы ими восхищаемся
съ X вѣка, то есть, со временъ Великой Княги-
ни Ольги, или паче съ крещенія всей Россіи
внукомъ ея, Великимъ Княземъ Владиміромъ.

Но обратимся къ свѣтской поэзи. Она, такъ
какъ и прочія науки, съ X уже столѣтія по
Рождествѣ Христовѣ начала возражаться въ
Европѣ. Ежели и не признать за справедливое
вышеупомянутое руническое стихотвореніе и
за ничтожную счесть народныя пѣсни о бога-
тырскихъ подвигахъ временъ Владиміровыхъ,
то достигшая до насъ и одна въ цѣлости дре-
вняя пѣснь о походѣ Игоревѣ, въ которой ви-
дѣнъ духъ Оссіяновъ и выраженія, подобныя

въ извѣстныхъ Гаральдовой (*) и Скандинавской, показывающая сколокъ болѣе сѣверныхъ скальдовъ, нежели западныхъ бардовъ, едва ли не оспаривала бы предвареніе наше въ словесности у всей Европы, ежели бы только не остановило ходъ ея бѣдственное нашествіе съ Востока на Россію Кипчакскихъ ордъ въ XII вѣкѣ, то есть въ то самое время, когда въ Парижѣ учрежденъ университетъ. Съ тѣхъ только поръ на Западѣ занялась истинная заря просвѣщенія. Науки и искусства съ разныхъ странъ свѣта начали собираться въ прежнее ихъ жилище, Италію. Крестовые рыцари, бывшіе въ Палестинѣ, при возвращеніи ихъ во свояси, принесли съ собою поэзію, заимствованную отъ восточныхъ Арабовъ, владѣвшихъ Испанію; оттуда же перешла она въ Италію, Францію, Германію (**) и другія сосмежныя имъ области. Трубадуры (***) , прованскіе стихо-

---

(*) Напечатана въ Шведской Исторіи Маллета; по-русски переведена Тайнымъ Совѣтникомъ Львовымъ.

(**) Во время поколѣнія Швабскихъ Государей перешли въ Нѣмецкую Землю пѣсни трубадуровъ. Гердлеръ въ 87 отдѣл. книги: «О подкрѣпленіи просвѣщенія», стр. 109.

(***) Названіе трубадуровъ производятъ одни отъ *троба*, итальянскаго слова; другіе отъ русскаго *труба*, потому что якобы при Генрихѣ I великая княжна Анна Ярославовна, вступивъ съ симъ королемъ въ бракъ, привезла во Францію кievскія увеселенія и пѣсни съ рѣзками, наигрываемыя на семь инструментъ, и что будто съ тѣхъ поръ только появились во Франціи трубадуры и рѣзмы. Дубровскій доказываетъ то привезеннымъ имъ рисун-

творцы, распространили оную. Стихи свои писали они на вышеупомянутомъ провансальномъ, или романскомъ языкѣ, воспѣвая въ нихъ свои рыцарскіе романическіе подвиги, волокитства и всякую общежительную смѣсь. Главные характеры содержанія ихъ пѣсень были набожность, храбрость и любовь. Для усмотрѣнія сего прилагаю пѣснь XIII столѣтія, сочиненія трубадура Годье де Коанси (*).

COUPLET I.

«Qui que fasse Rotruenge nouvelle pastorelle Son connet ne chonçon, je chanterai de la Sainte Pucelle. Es cui Sains flance lifix Dieu devint hom. Il m'est avis certes quand je la nom Gotès de miel degoutent de son Nom. Je ne veuil mais chanter le de li nom d'autre Dame ne d'autre Demoiselle ne ferai mais Se Dieu plait dit ne Son.»

ТО ЕСТЬ:

«Хотя Ротрюенжъ, молодая пастушка,
«Сонеты сочиняетъ и пишетъ пѣсенки;
«Я буду воспѣвать святую Богоматерь,
«Во чревѣ Коя сынь Божій воплотился.
«Мнѣ кажется, Ее когда я именую,
«То съ имени Ея въ уста мнѣ каплетъ медь;

комъ, яко бы того времени, находящимся въ Императорской Библіотекѣ, на коемъ изображень трубадуръ, сопровождаемый игрою на трубахъ.

(*) Взята изъ библіотеки Дубровскаго.

«А для того не буду именъ пѣть недостой-
ныхъ

«Виредь женщинъ я другихъ, а также и дѣ-
вицъ;

«Грѣшно бы было то и негодно Богу (*).»

Трубадуры первые зачали употреблять ри-
мы, хотя нѣкоторые въ томъ и несогласны (**).
Въ ихъ время стихотворство получило въ Ита-
ліи названіе веселой науки (*gaia sciencia*) отъ
вопросовъ и отвѣтовъ любовнаго, или пріятна-
го содержанія. Князья, графы и всякаго состо-
янія знаменитые люди за честь себѣ поставляя-

(*) Послѣдній стихъ очень теменъ, а потому переве-
денъ наугадъ, по связи смысла.

(**) Одни говорятъ, что Греки и Римляне въ лучшія
времена ихъ поэзіи избѣгали сколько можно рима, ста-
раясь только объ одномъ безостановочномъ стопопаве-
ніи. Другіе, напротивъ, приводятъ въ доказательство
Анакреона и Овидія, что и у нихъ какъ будто бы непа-
рочно прибранныя встрѣчаются римы. Сіе-де можно ви-
дѣть у перваго, въ изданіи Львова на стран. 6, 12, 38,
98, 108 и проч. — У втораго въ книгахъ Печалей, напри-
мѣръ: элег. 31, кн. II, стихъ 4, 6, 8, 12, 18, 20, 28, 42, 44,
60 и далѣе. Впрочемъ, иные ищутъ начала рима у Ара-
бовъ, другіе на Сѣверѣ, какъ выше сказано. Гердеръ же
въ книгѣ своей «О подкрѣпленіи просвѣщенія» въ VII
части, на стран. 74 говоритъ, что рима не что иное
есть, какъ игра словъ, которая видна издревле у всѣхъ
народовъ: у Евреевъ, Арабовъ, Нѣмцевъ и прочихъ. —
Трубадуры не могли послѣдовать внутреннему составу
высокой поэзіи Мавровъ; они послѣдовали духу своего
времени, языку и образцамъ вышесказанной простона-
родной поэзіи монаховъ, которые писали на испорчен-
номъ латинскомъ съ римами.

ли въ сеі наукѣ упражняться. Благородныя женщины принимали участіе не токмо въ слушаніи и чтеніи стиховъ, но въ разсужденіяхъ объ оныхъ и даже въ самомъ ихъ сочиненіи. Рѣшительно сказать, что въ сіе время поэзія трубадуровъ, въ отношеніи разнообразія мыслей и изъясненія страстей, слѣлалась душой наилучшихъ обществъ, какъ въ обхожденіи, разговорахъ, такъ и въ перепискѣ. Въ теченіе XII столѣтія, при дворѣ Барселонскомъ, Аквитанскій графъ Пойтонъ ознаменовалъ себя главою трубадуровъ. Въ 1324 году, въ Тулузѣ, учредились такъ называемыя *Цвѣточныя Игры*, на которыхъ отличившіеся стихотворцы вознаграждались золотою фіялкою, или розою, или ноготками. Первое награжденіе фіялки получилъ Кастельнодарскій гражданинъ Арнольдъ Видалъ за поэму въ честь Пресвятой Дѣвы. Покровительница сихъ игръ была Графиня Клеменція Изаура, отказавшая въ пользу сего общества знатное имѣніе и великолѣпный домъ. Съ сего времени разлился свѣтъ новѣйшей поэзіи, появившейся сначала отъ Арабскихъ, Испанскихъ и Сицилійскихъ границъ и часть отъ часу потомъ болѣе распространявшейся и процвѣтавшей. Въ исходѣ того же столѣтія въ Италіи возстали славные поэты: *Дантъ*, *Петраркъ* и *Бокацій*. Они, подражая Древнимъ, образовали свои лирическія произведенія по ихъ примѣрамъ и могутъ безпрекословно назваться возродителями древней и отцами новой

поэзиі въ такъ ими названныхъ: Канціонахъ, Сонетахъ, Балладахъ, Стансахъ, Мадригалахъ и другихъ пѣсняхъ, извѣстныхъ въ Европѣ.

Хотя сіи славные поэты, въ отношеніи вкуса, благородства, выеокости мыслей и прочихъ украшеній, съ успѣхомъ подражали древнимъ; но будучи, можетъ быть, увлечены господствовавшими тогда примѣрами трубадууровъ, или потому, что при краткости словъ и множествѣ буквъ согласныхъ, въ итальянскомъ языкѣ употребляемыхъ, легче было имъ писать съ риѣмами, нежели безъ риѣмъ, подобно какъ импровизаторамъ ихъ, не думая тотчасъ находить риѣмы. Не могли они рѣшительно послѣдовать тоническому стопосложенію Грековъ и Римлянъ, а писали болѣе съ риѣмами силлабическою просодією, однако же и подъ иго риѣмы не вовсе подверглись, ибо есть у нихъ стихи и безъ оныхъ. Подобно сему и у насъ приняли риѣму отъ Нѣмцевъ и Французовъ и Ломоносовъ, и Сумароковъ. Хотя и прокладывалъ путь къ древнему тоническому стихосложенію Тредіаковскій, но ему не удалось превозмочь ихъ и никто ему въ томъ до нынѣшняго времени не послѣдовалъ, не смотря на то, что народныя наши пѣсни подражательны древнимъ греческимъ, какъ ниже о томъ усмотрится, и что славяно-россійскій языкъ, по свидѣтельству самихъ иностранныхъ эстетиковъ (*), не усту-

---

(*) Гердеръ въ книгѣ «О подкрѣпленіи просвѣщенія», въ VII части, страи. 115.

пасть ни въ мужествѣ латинскому, ни въ плавности греческому, превосходя все европейскіе: италіянскій, французскій и испанскій, колыма паче нѣмецкій, хотя нѣкоторые изъ новѣйшихъ ихъ писателей и въ сладкозвучіи нарочитые успѣхи показали. Гердеръ (*) сравниваетъ древнюю и новую поэзію такимъ образомъ: первая, говоритъ онъ, подобна шуму большаго лѣса, которыйи бушеваніемъ наитончайшихъ своихъ лѣтораслей, самъ собою вдохновенъ и священъ. Вторая: волшебному Гесперійскому саду, въ которомъ искусствомъ все деревья поютъ и каждая вѣтвь звонитъ колокольчикомъ. Я предлагаю, для сравненія той и другой, небольшой отрывокъ стиховъ, мною сочиненныхъ. Знатки разсудятъ, которая изъ нихъ способнѣе для нашего языка.

новый.

«Отливъ отъ творческаго духа,
«Спечатокъ съ мудрости лучей,
«Ума согласье, о́ка, слуха,
«Эмпирной сладости ручей,
«Поэзія, глаголь небесный!
«Коль плоти бы органы тѣсны
«Могли издать твой полный строй, —
«Я бь создалъ новый міръ тобой.»

древній.

«Духа отливъ, иль спечатлѣнье,
«Творческой мудрости, свѣта,

(*) У него же въ VII части «О подкрѣпленіи просвѣщенія», страи. 111.

«Ока, ума, слуха согласье,
«Сладости райской источникъ,
«Неба глаголь, о стихотворство!
«Если бы плоти тѣсный органъ
«Полный твой строй могъ изліять, —
«Новый бы міръ создалъ тобой.»

Кажется мнѣ, если я не ошибаюсь, онѣ обѣ хороши, всякая въ своемъ родѣ, по различнымъ вкусамъ; но думаю, что въ послѣдней больше свободы, больше измѣненія жара, когда гармонія, на римахъ не запинаясь, течетъ непрерывно, подобно быстрой рѣкѣ, струя за струею. Но надобно къ сему болѣе природнаго дара, нежели искусства. Наконецъ, приступимъ къ объясненію всѣхъ вышеупомянутыхъ новѣйшихъ лирическихъ пѣсней.

Почтенные посѣтители благоволили слышать разсужденія мои о древней и среднихъ вѣковъ лирической поэзіи. По порядку теперь должно бы говорить о новѣйшей, то есть, *Кантатѣ, Ораторіи, Сонетѣ, Мадригалѣ, Триолетѣ, Рондо, Серенадѣ, Оперѣ, Балладѣ, Стансѣ, Романсѣ* и *простой Пьси*, въ чемъ они различествуютъ между собою и что въ нихъ сочинители наблюдать должны; но какъ это болѣе относится къ классическому наставленію учениковъ и навело бы, можетъ быть, скуку: то предоставляя себѣ такое разсужденіе напечатать вообще въ особой книжкѣ, здѣсь скажется только обѣ *Оперѣ*, а паче героической, каковыхъ природ-

ныхъ еще почти у насъ нѣтъ, и также о самомъ послѣднемъ степени лиры, т. е. о *простой Пьсни*, въ чемъ она разнится съ Одою; ибо о сихъ обоихъ родахъ нигдѣ и ничего не случилось мнѣ читать на отечественномъ языкѣ.

О ВЪ О П Е Р Ъ.

Опера не есть изобрѣтеніе одной Италіи, какъ многіе думаютъ; но она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть не что иное, какъ подражаніе древней греческой трагедіи. Тамъ также разговоры препровождались музыкою, какъ и въ ней речитативы, только извѣстными тонами (*); равно лирическіе стихи пѣлись хорами, но тоже уставными. Съ другой стороны извѣстно, что въ новѣйшія времена у разныхъ народовъ къ увеселенію государей и знатныхъ особъ изобрѣтены и введены въ нее новыя перемѣны, которыя соединены и смѣшаны съ разнотонною музыкою, различными представленіями, чего прежде не было. Долгое время опера была забавою только дворовъ, и то единственно при торжественныхъ случаяхъ; но какъ бы то ни было, нынѣ уже стала народною. Поелику же въ ней большая часть есть лирическая, или лучше прямая важная опера, по образцамъ Метастазія, должна быть вся писана краткими лирическими стихами, или, по крайней мѣрѣ,

---

(*) У Грековъ были уставныя, или узаконенныя тоны, какъ выше явствуетъ, фригическій и прочіе.

скандированною прозою, чтобъ удобно было ее сопровождать музыкаю; а потому и скажемъ нѣчто объ ней.

Нѣмецкіе эстетики (*) италіянскую оперу и хвалятъ и хулятъ. Они говорятъ: «Въ семь «чрезвычайномъ зрѣлищѣ господствуетъ уди- «вительная смѣсь великаго и малаго, прекрас- «наго и нелѣпаго. — Въ лучшихъ-де операхъ «видишь и слышишь такія вещи, которыя или «по ничтожности или по несообразности своей, «подумаешь, для того только припутаны, дабы «подурачить зрителей, поужать дѣтей и легко- «мысленную чернь. Между тѣмъ посреди сихъ «бездѣлицъ, мелочей и даже обидныхъ для хо- «рошаго вкуса представлений, встрѣчаешь такія «дѣйствія, которыя глубоко проникаютъ серд- «це, наполняютъ душу восхищеніемъ, нѣжнѣй- «шимъ состраданіемъ, сладостнымъ удоволь- «ствіемъ, или ужасомъ и содроганіемъ. Въ одной «сценѣ негодуешь на дурачество, въ другой, поза- «бывая себя, берешь участіе въ дѣйствующихъ, «и не вѣришь, какимъ образомъ случилось, что «тѣ же, которые удивляли великодушіемъ, бла- «городною осанкою, вѣжливымъ обхожденіемъ «вдругъ, какъ шуты или сумасброды, смѣшною «надутостію, уродливымъ кривляньемъ и всяки- «ми непристойностями морятъ со смѣху дѣтей «и народъ, досаждавая благомыслящимъ, кото-

---

(*) Зюльцеръ въ словарѣ «О словесныхъ наукахъ» подъ словомъ *Опера*.

«рые для того иногда отъ нихъ отвращаются.
«Кромѣ сихъ противоположностей, несоотвѣт-
«ственности и несвязностей въ игрѣ ихъ, бла-
«го разумію и хорошему вкусу противныхъ,
«усматриваются неудобства и почти невозмож-
«ности имѣть совершенную оперу по самымъ
«ея правиламъ. Въ ней требуется разнообразно-
«сти, чудесности, безпрестанныхъ перемѣнъ и
«самой чрезъестественности въ отношеніи при-
«роды. Для сего необходимы не токмо всѣ ху-
«дожества, но и многія науки: Поэзія, Зодче-
«ство, Музыка, Живопись, Перспектива, Меха-
«ника, Химія, Оптика, Гимнастика и самая Фи-
«лософія для познанія и изъясненія всѣхъ
«страстей и тайныхъ изгибовъ сердца человѣ-
«ческаго, какими средствами удобнѣе его рас-
«трогать и привести въ желаемое положеніе.
«Сего же безъ превосходныхъ дарованій вир-
«туозовъ сдѣлать не можно. Таланты рѣдки, а
«ежели и найдутся, то наивеличайшая въ томъ
«состоитъ трудность, чтобъ по самолюбію, по
«самонравію и по неисчислимымъ ихъ прихо-
«тямъ привести ихъ къ искреннему единоду-
«шію, дабы всѣ дѣйствовали согласно и къ еди-
«ной цѣли. Всякій изъ нихъ своимъ искус-
«ствомъ хочетъ отличаться, не смотря на то,
«хотя бы на счетъ другаго, а иногда и на свой
«собственный, лишь бы, на примѣръ, поэту
«исполинскимъ воображеніемъ, пѣвцу чрезмѣр-
«ною вытяжкою голоса, музыканту непонятны-
«ми прыжками перстовъ, при громкомъ руко-

«плесканіи заставить выпучить глаза и протя-
«нуть уши такого же вкуса людей, каковы они
«сами. Отъ того то бываетъ, что они въ тако-
«выхъ случаяхъ уподобляются тѣмъ канат-
«нымъ прыгунамъ, которые руки свои принуж-
«даютъ ходить, а ноги вкладывать въ ножны
«шпагу, думая, что это чрезвычайно хорошо.
«Отъ таковыхъ-то усилій и несообразностей съ
«прямымъ вкусомъ выходитъ въ италіянскихъ
«операхъ нелѣпица. вмѣсто пріятнаго зрѣли-
«ща — игрище, вмѣсто восхитительной гармо-
«ніи — козлоглашеніе. Наконецъ, г-да нѣмец-
«кіе эстетики говорятъ, что великолѣпное сіе
«представленіе со всѣмъ превосходствомъ его
«изобрѣтенія, наилучшимъ изъ всѣхъ предста-
«вленій быть долженствующее, вымышлено
«больше по легкомыслію, нежели благоразумію,
«потому что оно съ одной стороны совершен-
«нымъ почти быть не можетъ, а съ другой, въ
«странныхъ его и шутовскихъ явленіяхъ уни-
«жаетъ самыя превосходныя дарованія и дѣ-
«лаетъ изящныя художества презрительными.
«Самые Италіяны признаются, что навели-
«колѣпнѣйшая опера нерѣдко бываетъ скуч-
«ною, даже и несносною, оттого что уклонилась
«отъ природы и не удерживаетъ въ себѣ даже
«и тѣни вѣроятія. Если же и доставляетъ нѣ-
«которое удовольствіе, то только минутное для
«того, что увеселяя зрѣніе и слухъ, не питаетъ
«души. Здравомысліе рѣдко въ операхъ проска-
«киваетъ. Въ разсужденіи чего, по великимъ

«на нее издержкамъ, по безчисленнымъ въ пей трудамъ и по многообразнымъ сдѣпленіямъ вещей, она подобна той многосложной машинѣ, которая безпрестанно портится. Это, по изрѣченію Августа (*), есть та рыба, которая не стоитъ золотой уды, или игра свѣчи. — Если жъ что и имѣеть въ себѣ хорошаго, могоущаго принести нѣкоторую пользу, то единственно то, что подала случай соединить поэзію съ музыкаю, какъ водилось то у Древнихъ.» — Но всѣмъ таковымъ причинамъ, эстетика желаютъ ея исправленія, дабы возвысить къ той благородной цѣли, какова была греческая трагедія, отъ которой она происходитъ.

Я не вовсе намѣренъ соглашаться съ такимъ строгимъ судомъ, ниже смѣю защищать оперу. Любимецъ Музъ, имѣющій доступъ къ Государю, уваженіе отъ своихъ подчиненныхъ и благорасположеніе къ себѣ публики, которому бы поручено было въ управленіе сіе важное зрѣлище, и посредственностію онаго можетъ заслужить благодарность. Тонкихъ знатоковъ мало, вкусы различны и мигъ удовольствія — шагъ къ блаженству. А сего уже и много, когда доставится случай нѣкоторымъ и нѣсколько часовъ провести съ пріятностію. Какое же другое зрѣлище къ сему способнѣе, какъ опера?—Она,

---

(*) Светоній, римскій историкъ, въ жизни сего Императора при случаѣ разсужденія о войнѣ.

миѣ кажется, перечень, или сокращеніе всего зримаго міра. Скажу болѣе: она есть живое царство поэзій; образчикъ (идеаль), или тѣнь того удовольствія, которое ни оку не видится, ни уху не слышится, ни на сердцѣ не восходитъ, по крайней мѣрѣ простолюдиму. Въ ней представляются сраженія, побѣды, торжества, великолѣпныя зданія, хижины, пещеры, бури, молніи, громы, волнующіяся моря, кораблекрушенія, бездны, пламень изрыгающія. Или въ противоположность тому: пріятныя рощи, долины, журчащіе источники, цвѣтушіе луга, класы, зэфиромъ колеблемые, зари, радуги, дожди, луна, въ нощи блистающая, сіяющее полуденное солнце; въ ней низходятъ на землю облака, сидятъ на нихъ боги, летаютъ геніи, являются привидѣнія, чудовища, звѣри, рыкаютъ львы, ходятъ деревья, возвышаются и исчезаютъ холмы, поютъ птицы, раздается эхо. Словомъ, видишь передъ собою волшебный, очаровательный міръ, въ которомъ взоръ объемлетъ блескомъ, слухъ гармонією, умъ непонятностію, и всю сію чудесность видишь искусствомъ сотворенну, а притомъ въ уменьшительномъ видѣ, и человѣкъ познаетъ тутъ все свое величіе и владычество надъ вселенной. Подлинно, послѣ великолѣпной оперы находишься въ нѣкоемъ сладкомъ упоеніи, какъ бы послѣ пріятнаго сна, забываешь всякую непріятность въ жизни. Чего же желать? Касательно же моральной ея цѣли, то что препятствуетъ возвести ее на ту

же степень достоинства и уваженія, въ коемъ была греческая трагедія? — Извѣстно, что въ Аѳинахъ театръ былъ политическое учрежденіе. Имъ Греція поддерживала долгое время великодушныя чувствованія своего народа, превосходство ея надъ варварами доказывающія. Много говорено и писано, что слава есть страсть душъ благородныхъ; что ничѣмъ другимъ героевъ раждать и сердцами ихъ располагать не можно, какъ ею одною. Великій Суворовъ развѣдывалъ, что о немъ говорятъ ямщики на подставахъ, крестьяне на сходкахъ. Отъ гражданъ они получаютъ извѣстіе о городскихъ потѣхахъ, если въ нихъ сами не случатся. Ничѣмъ такъ не поражается умъ народа и не направляется къ одной мѣтѣ правительства своего, какъ таковыми приманчивыми зрѣлищами. Вотъ тонкость политики Ареопага и истинное поприще оперы. Нигдѣ не можно лучше и пристойнѣе воспѣвать высокія сильныя оды, препровожденныя арфою, въ безсмертную память героевъ отечества и въ славу добрыхъ государей, какъ въ оперѣ на театрѣ. Екатерина Великая знала это совершенно. Мы видѣли и слышали, какое дѣйствіе имѣло героическое музыкальное представленіе, сочиненное Ею въ военное время подъ названіемъ *Олеги*, въ которомъ одна строфа изъ 16-й оды Ломоносова была воспѣваема:

«Необходимая судьба

«Во всѣ народы положила,

«Дабы военная труба
«Унылыхъ къ бодрости будила.»

Одинъ стихъ въ такомъ представленіи можетъ произвести слѣдствія, подобныя извѣстному слову, сказанному Александромъ Великимъ (*) Кассандру.

Но оставимъ политику; сообщимъ нужныя замѣчанія для желающихъ сочинять оперы.

По принятому издревле обыкновенію, ради своей чудесности, опера — разумѣется трагическая — почерпаетъ свое содержаніе изъ языческой мифологій, древней и средней исторіи. Лица ея боги, герои, рыцари, богатыри, феи, волшебники и волшебницы.

У насъ изъ славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсень, древнихъ и народныхъ, писанныхъ и собранныхъ господами Поповымъ, Чулковымъ, Ключаревымъ и прочими въ такъ названныхъ книгахъ: Досугахъ, Славянскихъ сказкахъ и пѣсенникахъ, много заимствовать можно чудесныхъ происшествій. Сочинитель оперъ и трагикъ могутъ одно и то же содержаніе обрабатывать, представляя знаменитыя дѣйствія, запутанныя противоборующимися страстями, которыя оканчиваются какими либо по-

---

(*) Плутархъ въ жизни Александра Великаго говоритъ Кассандру: *«Ты со временемъ почувствуешь, ежели умещенъ народъ.»* Сей выговоръ во всю жизнь пребывалъ въ его памяти, такъ что онъ по его смерти, увидя въ первый разъ статую сего Моцарха, вострепеталъ отъ ужаса.

разительными развязками торжественныхъ или плачевныхъ приключеній. Сочинитель оперы отличается тѣмъ только отъ трагика, что смѣло уклоняется отъ естественнаго пути и даже совсѣмъ его выпускаетъ изъ виду; ослѣпляетъ зрителей частыми переменами, разнообразіемъ, великолѣпіемъ и чудесностію приводитъ въ удивленіе, не смотря на то, естественно ли то, или не естественно, вѣроятно или не вѣроятно. Въ трагическомъ родѣ предпочитаетъ всѣмъ другимъ высокое трогательное, и изъясняется сильнымъ чувствомъ, а не словами одними; въ планѣ и въ дѣйствіяхъ избѣгаетъ умничества, держится простоты, въ ходѣ не спѣшитъ чрезъ мѣру, зная, что противно то свойству пѣнія, еще того болѣе бережется отъ продолжительной и трудной развязки, почитая, что это дѣло ума, и нужно въ трагедіи, а не въ оперѣ, гдѣ надобно болѣе чувства, въ продолженіе котораго, что говоритъ, что дѣлаетъ, то и выражаетъ языкомъ краткимъ, чистымъ. Пѣсни, или самыя оды для хоровъ, когда бы пристойность и случай позволили пѣть ихъ, должны быть ненадуты, просты, сильны, живымъ наполнены чувствованіемъ. Самой первой степени поэтъ, ежели онъ въ слогѣ своемъ нечистъ, тяжелъ, единообразенъ, единозвученъ, не умѣетъ изгибаться по страстямъ и облекать ихъ въ сердечныя чувствованія, — къ сочиненію оперы не годится. Не позаимствуютъ отъ него ни выразительности, ни пріятности лицедѣй и устав-

щикъ музыки. Сочинитель оперъ непременно долженъ знать ихъ дарованія и примѣняться къ нимъ, или они къ нему, дабы во всѣхъ частяхъ оперы соблюдена была гармонія. Комическій оперистъ, примѣняясь къ сему, заимствуетъ содержанія свои изъ романовъ, изъ общежитія, шутить благородно, болѣе мыслями нежели словами, избѣгая площадныхъ, а паче перековеркиванія ихъ по выговору иностранцевъ. Италіяпцы обильны и тѣми и другими, а Французы болѣе комическими операми, особливо маленькими, называемыми у нихъ оперетками. У насъ важныхъ оперъ, сколько я знаю, только двѣ, сочиненныя Сумароковымъ: *Цефалъ и Прокрисъ*, *Пирамъ и Тизбе*. Есть переведенныя изъ Метастазія и другихъ иностранныхъ; но онѣ играны на тѣхъ языкахъ, а не на русскомъ. Находится нѣсколько забавныхъ, сочиненія двухъ Княжнинныхъ, Хераскова, Князя Горчакова, Князя Шаховскаго, Попова и прочихъ; но всѣмъ предпочитается Аблесимова *Мельникъ*, по естественному его плану, завязкѣ и языку простому. Выше видно, что покойная Императрица удостоивала сей родъ поэзіи Своимъ занятіемъ. Она любила русскій народъ и желала пріучить его и на театрѣ къ собственной его идиомѣ (*).

(*) Черта характера, нрава, или обыкновенія частнаго человѣка, или цѣлаго народа.

О ПѢСНѢ.

Пѣсня родилась вмѣстѣ съ человѣкомъ прежде нежели лепеталъ, издавалъ онъ гласъ. О семъ уже сказано въ самомъ началѣ сего лирическаго разсужденія. Россійскія старинныя пѣсни раздѣляются на три статьи: на протяжныя, плясовыя и среднія. О характерѣ, мелодіи и сходствѣ ихъ съ древними греческими видно въ предисловіи покойнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера Львова, при книгѣ, изданной имъ въ 1790 году «О народномъ русскомъ пѣніи», гдѣ всякаго содержанія пѣсни, собранныя стараніемъ его, положены на ноты придворнымъ капельмейстеромъ Прачемъ (*). — Здѣсь скажемъ нѣчто о ихъ стихотвореніи; оно просто, ближе къ природѣ, нежели къ искусству; отличается большею частію въ началахъ пѣсень, едва ли не отъ всѣхъ иностранныхъ, отрицательными сравненіями и сокращенными прилагательными именами, какъ-то: *не ясенъ соколъ по поднебесью, чернъ воронъ*, вмѣсто черній, что придаетъ ему нѣкоторую особенную загадку, важ-

---

(*) Нѣкто Матвѣй Гутри, заимствуя отъ Львова, написалъ и напечаталъ на французскомъ языкѣ разсужденіе о русскихъ пѣсняхъ, сказавъ, что взялъ оное отъ Прача; а какъ Прачъ совсѣмъ не зналъ русскаго языка и не могъ разумѣть ни характера, ни красотъ тѣхъ пѣсень, а клалъ только слова на ноты, по объявленію Львова, то изъ сего только то можетъ намъ служить къ замѣчанію, какъ иностранцы въ самыхъ бездѣлицахъ затмѣваютъ вездѣ способности и славу Русскихъ.

ность и силу; не во всѣхъ есть связь; большая часть безъ рѣмъ; разнаго рода и мѣръ стиховъ; а не тахъ, какъ нынѣ пишутся съ рѣмаме, одними почти трехъ-стопными ямбами и хорейми. Вотъ ихъ спечатокъ, или подобіе древнимъ: цыганскія, по быстротѣ слога и по приговоркѣ какой нибудь одной рѣчи точно суть дионирамбы; подблюдныя по гаданіямъ, ихъ клиноды; святочныя, по игрѣ (*), какъ нашъ: *живъ, живъ курилко*, и такъ далѣе. Нельзя сказать, чтобъ въ нихъ и поэзіи не было, хотя не во всѣхъ. Находятся такія, въ которыхъ видно не только живое воображеніе дикой природы, точное означеніе времени, трогательныя, нѣжныя чувства, но и философическое познаніе сердца человѣческаго. Такова есть пѣсня въ сказанной книгѣ подъ № 3. Находятся такія, кои веселую фантазію въ веселыхъ видахъ изъясляютъ, напимѣръ, подъ № 15. Есть показывающія естественное вѣрное подобіе, какъ подъ № 34. Наконецъ не недостаетъ и такихъ, въ которыхъ показывается сравненіями нѣжнѣйшая въ своемъ родѣ высокоость мыслей, проникающая душу; также и такихъ, которыя мрачными картинами и мужествомъ во вкусѣ Оссіана возбуждаютъ къ героизму. Первая изъ сихъ двухъ послѣднихъ подъ № 29. Скажемъ

(*) Игра древняя греческая, учрежденная въ память похищенія Прозерцины Плутономъ, гдѣ съ зажженными лучинами или головнями бѣгали и искали похищенной.

ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъясняющее. А какъ рассказы таковыхъ побѣдъ почти всегда оканчиваются надъ Татарами, то и должно заключить изъ сего, что по освобожденіи уже отъ ига ихъ онѣ сочинены какимъ нибудь однимъ человекомъ, а не многими, чѣмъ и доказывается некусъ цѣлаго народа. Примѣчанія жъ въ нихъ только то достойно, что видно при нѣкоторыхъ случаяхъ повтореніе, какъ въ Гомеровыхъ пѣсняхъ, того же самаго и тѣми же точными словами, что уже выше было сказано. Но теперь станемъ говорить о нынѣшнихъ пѣсняхъ: онѣ заимствованы отъ Европейцевъ. Ежели не взять появленія ихъ со времени Тредьяковскаго, когда онъ перевелъ нѣсколько французскихъ и небольшую поэму, называемую: *Ѣзда въ островъ любви*, также сочинилъ нѣсколько своихъ пѣсень, будучи еще въ Гамбургѣ 1730 года, какова на примѣръ:

«Весна катитъ,

«Зиму валитъ,

«Поютъ птички

«Со синички,

«Хвостомъ машутъ и лисички,»

то и нельзя, кажется, происхожденіе новыхъ нашихъ пѣсень отнести далѣе времени Петра Великаго, когда сблизилъ онъ насъ съ Евро-

пою. Царствованіе Императрицы Елисаветы вѣкъ былъ пѣсень. Она сама благоволила снисходить на сію забаву. Для показанія тогдашняго вкуса прилагаю ниже сего пѣсню, сколько по преданію извѣстно, сочиненную собственною Ея Особою. Таковыя вообще пѣсни, разумѣется изящныя, или лучшаго разбора людей, по разсужденію эстетиковъ, не что иное, какъ мгновенный взглядъ на природу пріятную, нѣжную, веселую, игривую, въ которой наслаждается человѣкъ блаженствомъ жизни; или вопреки тому, въ несчастныхъ случаяхъ сокрушается горестію, уныніемъ, тоскою, печалію и далѣе. Предлогъ пѣсни, выраженіе и ходъ ея приличенъ ея содержанію. Онъ легокъ, естественъ, простъ. Въ пѣсни господствуетъ полное, живое чувство, какъ и въ одѣ; но только гораздо тише, не съ такимъ возвышеніемъ и распространеніемъ. Пѣсня назначена природою для пѣнія, то и должна она быть сладкозвучною, способною къ музыкѣ и къ повторенію какимъ либо инструментомъ. Въ пѣсни ни радостное, ни горестное, ни забавное, ни издѣвочное ощущеніе не преступаетъ правилъ благопристойности и границъ общежитія. Знатоки говорятъ, что между пѣснею и одою трудно положить черту различія. Но если оно и существуетъ, то основывается не на чемъ другомъ, какъ на постепенности. Для разбора же подобныхъ степеней въ сочиненіяхъ надобенъ весьма пронизательный умъ и крайне тонкое чув-

ство, чтобъ опредѣлить ихъ рѣшительную разность. Въ одѣ и пѣснѣ столь много общаго, что та и другая имѣютъ право на присвоеніе себѣ обоюднаго названія; однакоже не невозможно указать и между ими нѣкоторыхъ оттѣнокъ, какъ по внутреннему, такъ и по внѣшнему ихъ расположенію. По внутреннему: пѣсня держится всегда одного прямого направленія, а ода извивчиво удаляется къ околичнымъ и побочнымъ идеямъ. Пѣсня изъясняетъ одну какую либо страсть, а ода перелетаетъ и къ другимъ. Пѣсня имѣетъ слогъ простой, тонкій, тихій, сладкій, легкій, чистый, а ода смѣлый, громкій, возвышенный, цвѣтущій, блестящій и не столько иногда обработанный. Пѣсня долгое время иногда удерживаетъ одно ощущеніе, дабы продолженіемъ онаго болѣе напечатлѣться въ памяти; а ода разнообразіемъ своимъ приводитъ умъ въ восторгъ и скоро забывается. Пѣсня сколько возможно удаляетъ отъ себя картины и витійство, а ода, напротивъ того, украшается ими. Пѣсня чувство, а ода жаръ. По внѣшнему составу пѣсня имѣетъ сходные съ первымъ, одинакіе и ровные куплеты; а ода иногда разномѣрныя и неравнострочныя строфы. Пѣсня во всякомъ куплетѣ содержитъ полный смыслъ и окончательные періоды; а въ одѣ верѣлко летитъ мысль не токмо въ сосѣдственныя, но и въ послѣдующія строфы. Пѣсни у насъ пишутся по большей части хорееми, или другими метрами, но только трехъ-стопными, или двухъ-

стопными стихами, удобными полагаться на музыку; а оды для чтенія, наиболѣе четырехъ-стопными ямбами, громогласные звуки издающими, по крайней мѣрѣ такъ почти всегда писали Ломоносовъ и Сумароковъ, послѣдуя Нѣмцамъ и Французамъ. Пѣсня имѣеть одинъ напѣвъ, или мелодію, въ разсужденіи единообразнаго ея куплетовъ расположенія и мѣры стиховъ, которые легко могутъ затверживаться наизусть и вновь возражаться въ памяти своимъ голосомъ; а ода, по неравнымъ своимъ строфамъ и разносильнымъ выраженіямъ, въ разсужденіи разныхъ своихъ предметовъ, разною гармонією препровождаться долженствуетъ и не легко затверживается въ памяти. Пѣсня должна украшаться неискусственною простотою, гладко-текущими стихами и богатыми приемами; а ода довольствуется однимъ механическимъ движеніемъ и просодією, небрежа слишкомъ о звонкихъ приемахъ, или вовсе пишется безъ оныхъ; но печется только о богатствѣ, высотности мысли и яркой выразительности. Въ пѣснѣ царствуетъ пріятность, а въ одѣ пареніе. Пѣсня никакой шероховатости, никакой погрѣшности не терпитъ; а въ одѣ иногда, какъ въ солнцѣ, небольшія пятна извиняются. Пѣсня вообще убѣгаетъ важныхъ, славянскихъ словъ, смѣлыхъ оборотовъ и всякихъ лирическихъ украшеній, довольствуясь одною только ясностію и искусственною простотою; а ода безъ славянскаго языка, извитій и глубокомыслія почти

обойтись не можетъ. Наконецъ въ пѣсни все должно быть естественно, легко, кратко, трогательно, страстно, игриво и ясно, безъ всякаго умничества и натяжекъ. Превосходный лирикъ долженъ иногда уступить въ сочиненіи пѣсни вѣтряной, веселоправной дамѣ. Французы въ семь родѣ поэзіи признаются во всей Европѣ лучшими искусниками. Особливо ихъ любовныя, забавныя, застольныя пѣсни, по вкусу пріятности своей, едва ли не достигли совершенства. Множество и у насъ подобныхъ, иныя можетъ быть и не хуже, что можно видѣть во всѣхъ нашихъ пѣсенникахъ, гдѣ находятся пѣсни на всякіе случаи. Лучшіе пѣсней сочинители у насъ почитаются: Нелединскій, Дмитріевъ, Поповъ, Богдановичъ, Капнистъ, Карамзинъ, Князь Горчаковъ и другіе, которыхъ имена предоставляю себѣ показать, а особливо отличныхъ лириковъ, въ номенклатурѣ. Въ заключеніе вотъ та пасторальная пѣсня, которая относится преданіемъ къ помянутой Высочайшей Сочинительницѣ:

«Чистый источникъ всѣхъ цвѣтовъ красивѣй,

«Всѣхъ пріятнѣй мнѣ луговъ,

«Ты и роцъ всѣхъ, ахъ! и меня счастливѣй,

«Горъ, долинокъ и кустовъ;

«Но не тѣмъ, что лишь струйки тихо льются

«По сыпучему песку

«И что птичекъ въ слухъ пѣсни раздаются

«По зеленому лѣску.

- «Нѣтъ, не тѣмъ; но прекрасно умывала
    «Нимфа что лице тобой,
«Съ брегу бѣлыя ноги опускала
    «И токъ украшала твой.
«Туть и алыя розы устыдились,
    «Зря ланиты и уста,
«И лилеи къ ней на грудь преклонились,
    «Что бѣлѣй ихъ красота.
«О, коль счастливы желтыя песчинки,
    «Тронуты ея стопой!
«О, коль пріятны легкія травинки,
    «Смятыя ея красой!
«Тише жъ нынѣ, тише протекайте
    «Чисты струйки по песку
«И слѣдовъ съ моихъ глазъ вы не смывайте,—
    «Смойте лишь мою тоску.»
-

CLVI.

ОДЫ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ И СОЧИНЕННЫЯ

ПРИ ГОРѢ ЧИТАЛАГАРѢ,

1774 ГОДА.

—

ОДА НА ЛАСКАТЕЛЬСТВО.

—

Какое священное пореваніе, кое божество меня одушевляетъ и коль сильнѣйшій огонь разжигаетъ мои мысли? Прииди ко мнѣ, о Муза! да паки тобой приму я лиру и послѣдую твоимъ красотамъ. Поборствуй мнѣ, добльственный Алкидъ! ты, котораго безстрашная бодрость низлагала ужаснѣйшихъ чудовищъ! Въ подобіе тебѣ, яко отмститель вселенной, еще съ опаснѣйшимъ чудовищемъ и я долженствую браться.

Вихри, разящіе жестокостію своею корабли о каменя, моря, покрытыя въ кораблекрушеніе тысящами дерзновенныхъ мореходцевъ, вѣтры, творящіе тлетворнымъ своимъ дыханіемъ изъ земли опустошенной гнусное позорище Атропы, не такъ страшны, какъ стрѣлы ласкательства, которыя вредятъ сердца героевъ.

Нравное ласкательство есть чадо собственнаго своего прибытка. Притворство, воспитавшее

оное, даровало ему убранство добродѣтелей. Оно, присѣдя непрестанно при подножіяхъ трона, ѳиміамомъ тщеты окружаетъ оный и упоеваетъ имъ мужей и царей великихъ. Личиною учтивости прикрывается пресмыкающаяся подлость лживыхъ его потаканій.

Тако клубящаяся змія, лежащая сокровенно во злакѣ, приуклоняетъ кичливую главу свою предъ безопаснымъ Африканцемъ. Она ползетъ, дабы напасть, и вредъ желающей угрызть несется подъ сѣннолистіемъ и подъ цвѣтами, или тако жъ неосторожнаго путника, вмѣсто истиннаго свѣта, прельщаютъ огни блудящія, мгновеннымъ своимъ блистаніемъ.

Коварный льстецъ скрываетъ подъ обманчивою сладостію своихъ безпрестанныхъ хвалъ навреднѣйшій ядъ. Уста его лживы и обманчивы; языкъ его стрѣла изошренноубійственная, внезапно прилетающая, попадающая и пронзающая, подобно яко лютѣе пѣніе сирень, съ удовольствіемъ смерть приноситъ.

Небо! какое преобращеніе дѣлаетъ изъ трости кедръ, изъ тернія розу, изъ Минотавра красавца! Мевій тотчасъ сдѣлался Виргиліемъ, Терситъ явился соперникъ Ахиллесовъ и все стало одно съ другимъ смѣшенно. Государи! научайтесь познавать ласкательство: оно есть то, котораго обоженія пороки ваши творятъ добродѣтелями.

Часто его низкость благоговѣтъ предъ отвращенія достойнымъ тираномъ и, славослова

его мерзости, продаетъ за дорогую цѣну свое
ему благоуханіе. Высоковѣйное счастье, измѣ-
на и благополучная дерзость находятъ себѣ по-
читателей. Ежели бы Картуша украсила коро-
на, или Катилина былъ на престолѣ, то не имѣ-
ли ли бѣ и они своихъ ласкателей.

Когда разгоряченная кровь моя, изъ жилъ въ
жилы стремящаяся, изъ скнипа воспаляется
и скоропостижный огонь приноситъ біюще-
муся моему сердцу, когда потемненный мой ра-
зумъ уже оставляетъ меня моему бѣснованію,
вотще тогда безстыдный льстецъ обманчивымъ
своимъ краснорѣчіемъ будетъ выхвалять и
цвѣтъ лица моего, и совершенство моего здра-
вія.

Вмѣсто того, чтобъ скаредное ласкательство
благообразило наши пороки, то искажатъ сіе
преступное богопочтеніе у витязей славу. Люди
могутъ насъ хвалить, или хулить; но мы оста-
емся таковы, каковы есмы: немощны, или
здравы; откровенны, или скрытны. Нѣтъ, не
витійство человѣковъ, но гласъ совѣсти моей
одобряетъ мои добродѣтели.

Людовикъ, который потрясъ землю, котораго
руки сильно ужасалися, былъ очень великъ на
войнѣ, но весьма малъ на театрѣ. Всѣ знаки
чести, посвященные государями собственной
ихъ памяти, дѣлаютъ тріумфы ихъ ненавист-
ными и я не познаю уже гордаго разорителя
Вавилона на его престолѣ, когда онъ велѣлъ
себя нарещи сыномъ Божіимъ.

Возстаните отъ упіенія вашего, государи, князи, мудрецы и герои, и побѣдите слабость вашу, владычественные лавры ваши дѣлающую поблекшими. Воззрите на море заблужденія, въ которое изъ суеты самолюбіе ваше васъ низвергаетъ. Мужайтесь, бодрствуйте противъ ласкателей и разбейте невѣрное зеркало, сокрывшее предъ вами правду.

О! ясноблещущая истина, дочь безсмертная Неба! снесися къ симъ мѣстамъ изъ лучезарнаго твоего жилища. Свѣтъ твое наслѣдіе; разсыпь туманныя облака, чѣмъ гордость помрачаетъ нашъ разумъ; да преидетъ она яко мгла густая, исчезающая отъ тихихъ лучей грядущаго на горизонтъ утренняго солнца.

Вельможи, послѣдующіе примѣрамъ Циней и Морней! вы единственно заслуживаете храмъ, посвященный именамъ великимъ. Ваши тонкія укоризны при напоминовеніи умѣютъ нравиться и вы суть одни друзья справедливые. Ласкатели! не употребляйте теперь болѣе вашей лести, не думайте, чтобъ вы меня обмануть могли. Я познаю уже ваши непріязненныя стрѣлы.

Цезаріонъ, другъ истинный и нѣжнѣйшій нежели Пирилъ! въ тебѣ нахожу я примѣръ изъ первыхъ всѣхъ добродѣтелей. Обличай дерзновенною дружбою твоею безослабленно мои заблужденія и пороки. Такъ очищаетъ и раздѣляетъ злато въ горнилѣ огонь отъ прочихъ низкихъ металловъ.

ОДА НА ПОРИЦАНІЕ.

Какое привидѣніе, какое страшилище непрестанно меня преслѣдуетъ! Оно убѣждало отъ рубежа царства тѣней и взоръ его грозить погубленіемъ. Рѣки горести и желчи текутъ изъ оскорбительнаго рта сего блѣднаго и свирѣпаго чудовища. Оно не имѣетъ другія плоти, кромѣ лжи, обмана, клеветы, лести и вѣроломства.

Я познаю тебя по подлымъ изворотамъ лица твоего, варварское порожденіе зависти! Я познаю тебя по неуголимой никогда алчбѣ безстыдства и предательства твоего, по зміямъ твоимъ и скорпіямъ, воздоеннымъ твоею лютостію, по покрывалу твоему, по ложному гласу трубы твоей, сему твоему орудію недоброхотства!

Между тѣмъ, какъ угасшій фіялъ мрачнаго твоего подозненія раздуваешь ты вновь и отрясаешь его близъ престоловъ, то въ куреніи семь исчезаютъ оныя. Уже къ облежимымъ къ нимъ тобою не доходятъ болѣе жалобы невинности, коея были они покровители. Тотчасъ сами они становятся тебѣ въ порокахъ сопреступниками, тебѣ служатъ и угнетаютъ все, что только гонитъ твоя ненависть.

Личиною притворства прикрываешь ты свое сквернообразіе. Продерзость скареднаго твоего языка возстаетъ даже на самихъ государей. Съ ужаснымъ ревомъ во всѣхъ чертогахъ цар-

скихъ слышно рыканіе твоей наказанія достойной зависти. Ты есть единственная душа притворныхъ, преобразующая смѣющіеся ихъ дни въ печальныя ночи.

И такъ наполненный твоими поношеніями быстротекущій слухъ заражаетъ своею лютостію всю вселенную. Европа, жадная къ новостямъ, глотаетъ дымъ, изрыгаемый твоимъ ядовитымъ дыханіемъ. Вверженная тобою въ заблужденіе, почитаетъ она прорицалище лжи за излагателя правды.

Ржа твоя обыкновенно пристаётъ болѣе къ именамъ славою великимъ. Сіяніе ихъ вящей красоты неудобосносно твоимъ мрачнымъ взорамъ. Демонъ ужаса, которымъ ты одержима, очерняетъ Цесареву славу у Никомеда и не щадитъ Сципіона. Ты изгоняешь Велисарія въ бѣдность и преобразуешь его лавры своимъ волшебствомъ въ глазахъ народа въ терніе.

Гдѣ были великія заслуги, на которыхъ ты когда не зіяла? Не гонишь ты Терсита, но Ахилеса заглушаетъ твой ревъ. Свирѣпыя твои сообщники вооружались въ Греціи острацизмомъ, истребити всѣхъ героевъ. Великіе только люди суть твоя жертва и еще дымится кровь оныхъ на темныхъ олтаряхъ твоихъ, пролитая твоими беззаконіями.

Въ безумномъ упоеніи твоёмъ Люксембургъ былъ обвиненъ чарованіемъ. Евгенийъ въ младости своей носилъ знаки зубовъ твоихъ. Колбертъ, сей достопочтенный мужъ совѣта, и те-

перь еще стыдитъ тѣмъ Францію, чѣмъ ты его поклепала. Тобою даже статуя великаго Людовика въ минуту послѣ его смерти была обезчещена.

Кинжалъ твой, прободая честь, возставляетъ бранниковъ. Болѣе нежели одинъ приводитъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ. Преодоля всѣ препятствія по многимъ дивамъ, имя его наконецъ будетъ яду твоему противный ядъ. Но какъ ты ни на кого болѣе не прегорченна, лишь на людей великихъ, то въ твоёмъ мракѣ чрезмѣрное ихъ сіяніе ослѣпляетъ паче глаза смертныхъ.

Потому, претерпѣвъ твою лютость, не боюся я болѣе твоихъ намущеній, для того, что пускаемая тобою стрѣлы всегда попадаютъ въ добродѣтель. Напрасно ставить противъ тебя споны: сама Минерва, вооруженная Медузой, не могла обратить тебя въ камень. Одно благодѣяніе времени откроетъ твою злость и оправдаетъ насъ передъ свѣтомъ.

Вы же, которыхъ чудовище сіе воскормило и воспитало, излившіе пагубными языками своими злость его, соустроивайте свой хулительный гласъ, органъ подлѣйшаго обмана, тонкимъ клеветамъ его, возмущайте паче, ежели можете и всѣ бездны моря, ничто не разрушить глубокаго моего покою.

Между тѣмъ какъ въ прекрасныхъ вертоградахъ нашихъ, съ цвѣтовъ перелетая на цвѣты, для своего нектару собираетъ пчела сладость,

то въ то же время безплодный рой шерстневъ, для собиранія своего яду, высасываетъ со вредныхъ травъ горечь. Когда къ трудолюбивому царству пчель припалзываютъ ненавистные шерстни, тогда царица оныхъ взвивается къ облакамъ.

Всегда полезная невинность, тако счастливая и спокойная, довольная своею судьбиною, трудится для блага человѣческаго рода и видитъ въ варварскихъ рукахъ твоихъ остріе желѣза, подстрекаемое до послѣдняго слѣда, разрушить новые памятники, поставленные премудростію и блаженствомъ.

Стократно видѣлъ я, что твои неблагодарныя руки, дабы тѣмъ болѣе повредить живущихъ, ласкаютъ умершихъ. Пороки твои обитаютъ въ нощи, ибо ты отвращаешься дня, который ихъ изобличить можетъ. Подобно печальнымъ вранамъ, кои на кладбищахъ мертвыхъ собираются въ кипарисныхъ дебряхъ и своимъ крикомъ пугаютъ тѣней.

Ядовитая гидра! ты, которой угрызеніе змѣнно жалитъ для общаго добра рожденнаго принца, о, дикій, кровожаждущій тигръ! я отказываюсь труда, не заслуживающаго благодарности, умягчить твои свирѣпыя нравы: прежде Аравитянинъ подъ горящимъ поясомъ укротить всѣхъ африканскихъ чудовищъ.

Будь кто соревнитель Виргиліевъ и царствуй на горѣ двухолмистой, но Зоиль тебя перехулитъ и сопхнетъ съ Геликона. Дерзостный

орель, вознесшій свое пареніе до чертоговъ божества свѣта, понижаетъ свой полетъ и скоро преобращенъ будетъ въ хищную, или трупы жрущую птицу.

Между тѣмъ какъ разгорячившееся отъ яду порицанія сердце занимается объ ономъ слагать стихи, безчеститъ оно свой даръ и божественное согласіе своя пѣсни. Да не употребимъ во зло вашего восторга; желчь порицанія отравляетъ источникъ Иппокрены. Я предпочитаю краснорѣчію твоему мудрое и добродѣтельное Бернардово молчаніе, который опѣвалъ божество любви.

Тако стоитъ безъ утѣшенія Наяда, когда возьмутъ буйствующіе вихри тихія ея воды, изъ нѣдръ глубокаго ея жилища поднимаются камни, песокъ мѣшается съ волною и помрачаетъ кристалловидныя ея струи. Но ежели наступитъ тишина, источникъ становится прозраченъ, бѣжитъ свѣтло въ тихое его теченіе, то уже ничто не возмущаетъ чистаго ея потока.

Подобны сему и разславленные повошенія, между тѣмъ, какъ они еще и новы, касаются только воздуха, потомъ презираютъ ихъ, забываютъ и пасквили ихъ съѣдаются червями. Однѣ только справедливыя заслуги находятъ сами въ себѣ непрестанное покровительство.

Напоследокъ возставленная истина торжествуетъ надъ заблужденіемъ. Іуліанъ находитъ противъ священнаго порицанія защитника. Ежели ненависть и ея подружіе зависть лежатъ

въ пыли, то безъ дальняго предстательства добродѣтель сама показывается собою. Мы видимъ въ почтеніи достойныхъ повѣстяхъ, что лавры славы зеленѣютъ паки, которые было-обезлистила ненависть.

ОДА НА ПОСТОЯНСТВО.

Ослѣпленная алчба крови, губительница смертныхъ, не твоему мрачному неистовству посвящаю я здѣсь алтарь, но той мужественной, постоянной, твердой и долготерпѣливой добродѣтели, которая, презирая обуреваніе судьбины, непреклонна отъ гласа ненависти, полна любви къ своей жизни, изъ великодушія токмо пренебрегаетъ смерть.

Низведенный Гіевъ боговъ преступкомъ дерзкаго Прометея, похитившаго у нихъ небесный огонь, велѣлъ распространиться изъ вреднаго сосуда Пандоры по всей землѣ адскому отроищу зла, только единственная частица ихъ милости осталася на днѣ пагубнаго сего сосуда въ надеждѣ.

На страшномъ позорѣ ономъ, гдѣ люди яко на игрищѣ представляютъ свои лица, природа, утѣшающаяся нашими несчастіями, кажется намъ мачиха: заслуги, достоинства, порода и ничто не освобождаетъ насъ отъ страданія. Во

всѣхъ нашихъ участяхъ бѣды съ нами: я вижу Галилея въ узахъ, Медицисъ въ заточеніи и Карла на мѣстѣ лобномъ.

Здѣсь похищенное у тебя счастье возжигаетъ въ тебѣ отмщеніе; тамо неповинное твое сердце прободають стрѣлы зависти; тутъ изнуряющая скорбь разливаетъ свои страхи на цвѣтущее твое здравіе. Сегодня больна жена, завтра мать, или братъ, или смерть вѣрнаго твоего друга заставляютъ тебя проливать слезы.

Тако, не взирая на усильственную лютость свирѣпствующей хляби, носится утлое судно по ярящемуся морю. Воздвигаемыя бурнымъ дыханіемъ волны, то возносятся къ облакамъ, то низвергають его въ тартаръ. Небо возвѣщаетъ ему его сокрушеніе, но оно, — подкрѣпляемое своею бодростію, противится и волнамъ, и вихрямъ, и безднамъ.

Итакъ въ смущенныхъ дняхъ противу всѣхъ навѣтовъ твердость щитъ и непоколебимость оружія. Судбина можетъ гнать и изготавлять паденіе и ускорять погибель, но никакая опасность не сотрясетъ постоянства. Когда боязливая подлость исчезаетъ безъ надежды, тогда духъ крѣпкій мужаться долженъ.

Божество времени скорыми своими крылами лежитъ и не возвращается къ намъ паки. Хотя не можетъ оно отмѣнить судьбины, но, кажется, въ его отдаленіи самимъ своимъ полетомъ уже даетъ намъ благо, ибо все имъ причиняемое, и все истребляемое, даже до малѣйшаго

слѣда, уносить оно съ собою. Для чего жъ вздыхать въ краткое несчастіе, которое пройдетъ въ минуту, и для чего безпрестанно намъ жаловаться?

Чуждуся я Овидія: печалень, грустенъ, боязливъ, даже въ самой бѣдности ползущій льстець своего тирана не имѣетъ ничего мужественнаго въ своемъ сердцѣ. Должно ли заключить изъ его жалобъ, что кромѣ пышныхъ стѣнъ Рима нѣтъ нигдѣ надежды смертнымъ? Блаженъ бы онъ былъ, когда бы въ своемъ заключеніи, какъ Горацій, сказать могъ: «Счастіе мое со мною!»

Крѣпкіе философскіе духи, жители на земли неба, звѣзды стоическаго ученія! вы будете изъ смертныхъ боги. Ваши мудрованія, ваши непоколебимыя души надъ человѣчествомъ торжествуютъ. Что могутъ налоги несчастія мужественному сдѣлать сердцу, которое унывать неспособно?

Регулъ оставляетъ друзей, отечество, идетъ въ Карфагену, предается въ неволю укротить дикую суровость своихъ мучителей. Велизарія болѣе чту въ его презрѣніи и въ нищетѣ, нежели на лонѣ его благополучія. Если я удивляюся великому Лудовику, то это тогда, какъ его угнетаютъ въ несчастіи, и онъ лишается своего потомства.

Малый духъ покоится безъ труда въ нѣдрѣ своего благополучія; человѣкъ наслаждается своимъ счастлиемъ, которое ему даруетъ случай;

душа благородная не токмо отличается въ благопріятномъ времени, но ежели и обстоятельства смѣшаны. Сіе же опытъ совершенной добродѣтели, когда сердце въ жестокостяхъ рока растеть и возвышается.

Вѣчное предопредѣленіе неупросимо; напрасно хотять преобратить его; который смертный дерзнулъ противоборствовать его узаконеніямъ? Нѣтъ! всѣ силы Алцидовы въ крутизнахъ стремленія его слабы. Постоянною душею только надлежитъ сносить свирѣпость несчастія, которое никакъ премѣнить не можно.

ОДА КЪ МОВТЕРПІЮ.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОНЪ.

О! Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ мала есть наша жизнь! Цвѣтъ сей, сегодня блистающій, едва только успѣлъ расцвѣсть, завтра увядаетъ. Все проходитъ, все проходитъ строго необходимостію неизбѣжимыя судьбины и все уносится. Твои добродѣтели, твои великіе таланты не могутъ для одного получить отсрочки отъ времени.

Лучшихъ дней моихъ нѣтъ. Какъ шумящія волны, удовольствія мои улетѣли; никакая сила оныхъ не удерживаетъ, и я слѣдую уже стопче-

скому поученію хладнаго моего разума. Между тѣмъ, какъ я удручаюся, онъ восходитъ, настоящее летитъ, будущее неизвѣстно, а прошедшее менѣе какъ сонъ.

Гордый смертный, ты, который толь суетенъ въ слабыхъ помышленіяхъ духа твоего! познай твою крушиму ю судьбину и умѣрь твою спѣсь; кратокъ есть конецъ и въ томъ предѣль твой: лишь только ты родился, уже рокъ дня того влечетъ тебя къ разрушающей ноци, гдѣ Мевій и Виргилій во множествѣ смѣшенны и имѣють единственную участь.

Прельщенные ложнымъ блескомъ добра недостойнаго, дѣлающіе себѣ идола изъ металла брэннаго и преходящаго, къ чему вы его жалѣете? Видите, о, смертныя! на свѣтѣ семъ все яко цвѣтъ сельный упадетъ; такъ лучше пожалѣйте о своемъ заблужденіи! Ваши сокровища, ваши богатства послѣдуютъ ли за вами въ могилу вашу?

Какъ можно толикое множество суетныхъ предметовъ пожертвовать нашей жизни! Для чего такое великое пространство замысловъ пути столь ограниченному? Герои! готовящіе узы несчастливой вселенной, воззовите витязей начертанныхъ въ лѣтописцахъ, достигаете ли всѣхъ оныхъ вы славы?

Пусть подсолнечная дѣлами вашими придетъ во изступленіе, пусть тріумфы ваши превознесутъ васъ въ санъ Монарха, но миръ окончатъ брани; вы будете жертва смерти и едва только

выговорятся о васъ одно слово, уже все загладится рушущими вѣками. Человѣкъ умретъ и героя позабудутъ.

Какое множество было мужей великихъ и время еще усугубить оныхъ. Станьте съ нимъ рядомъ, но тѣнь ихъ помрачитъ васъ. Ежели ваше невѣжественное бѣшенство почитало славолюбіе за истинную славу, то, ахъ! какая будетъ судьба ваша? Часто свирѣпствующій кровопивецъ думаетъ въ то время прославляться дѣлами своими, когда свѣтъ весь наполненъ къ нему омерзѣнія.

Сколько прошло вѣковъ, какъ щедродарная десница мятежныя устроила стихіи и изъ хаоса сотворила свѣтъ. Время все захватываетъ въ свое владычество, такъ что настоящее бѣжитъ, а будущее скоропостижно ему же послѣдуетъ. Человѣкъ! область дней твоихъ въ вѣчности точка: быть одну минуту, сіе называется жить.

Когда бы люди по крайней мѣрѣ двойственное число дней своихъ жить могли, то бы можно было иногда поласкать ихъ гордости. Смертные! дерзкія желанія ваши возносятъ васъ сравняться богамъ, но что вы? — вы рождены пресмыкаться въ пыли, жить и умереть. Это вы, которые существуете на то, чтобы исчезнуть, — это вы стараетесь о славѣ?

Для чего искать счастія? Для чего бояться ударовъ Неба? Доброе есть пріятный, а злое худой сонъ. Всѣ сіи случаи для того, кому бытіе наше извѣстно, суть предметы равнодушные.

Прочь печали, утѣхи и вы, любовныя восхищенія! я вижу нить дней моихъ въ рукахъ уже смерти.

Имѣнія, достоинства, чести, власти, вы обманчивы и яко дымъ. Отъ единого взгляда истины исчезаетъ весь блескъ проходящей красоты вашей. Нѣтъ на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игралице непостоянства.

Познаемъ слѣпоту нашу, предразсужденія наши и наши слабости: тогда все кажущееся великимъ будетъ куча бездѣлицъ. Вознесемъ на небеса и ниспустимъ отъ величественной высоты оной взоръ свой на Парижъ, на Пекинъ и на Римъ, то въ отдаленности всѣ сія великости исчезнутъ. Вся земля уподобится точкѣ; что же будетъ человѣкъ.

Наполнены суетности, носимся мы между прошедшею и будущею бездною вѣковъ, которые бѣгутъ непрестанно. Всегда упражнены ничѣмъ, яко дѣйствительные Тавталы ложнаго блага, погруженны въ обавающій сонъ, терзаемъ безпрестанно хотѣніемъ и теряемъ въ ничтожествѣ: сей есть предѣлъ нашей жизни!

ОДА НА ВЕЛИКОСТЬ.

Живущая въ кругахъ небесъ,
У существа существъ всѣхъ сущихъ,

Кто свѣтъ изъ вѣчной тмы вознесъ
И твердь воздвигъ изъ безднѣ борющихся,
Дщерь мудрости, душа боговъ!
На гласъ моей звенящей лиры
Оставь гремящіе ээиры
И стань среди моихъ стиховъ!

Возлегши на твоихъ персяхъ,
Наполнясь твоего паренья,
Я зрю, блистаетъ свѣтъ въ очахъ;
Я мню, перо творить велѣнья!
Восторгся духъ зарей въ чертогъ!
Страны вселенныя, взирайте,
Божественъ образъ познавайте:
Великость въ человѣкѣ — Богъ!

Свѣтили красныя небесъ,
Теперь ко мнѣ не наклоняйтесь;
Дубравы, птицы, звѣри, лѣсъ,
Теперь на гласъ мой не собирайтесь:
Для васъ высокъ сей пѣсни тонъ.
Народы! васъ къ себѣ собираю,
Великость вамъ внушить желаю,
И вы, цари! оставьте тронъ.

Ногою ставъ на чернѣйшій понтъ,
Черезъ мракъ и черезъ цары стремящи,
Тавръ всходитъ въ вышній горизонтъ;
Не можетъ вихрь его ярящій
Нимало сердце колебнуть:
Онъ бурей трескъ уничтожаетъ,
Онъ молній блескъ пренебрегаетъ,
Безсиленъ громъ его тряхнуть.

Высокій духъ, чрезъ все высокъ,
Всегда онъ твердъ, что ни случится:
На западъ, югъ, полнощъ, востокъ
Готовъ онъ въ правдѣ ополчиться.
Пускай самъ Богъ ему грозитъ, (*)
Хотя въ пыли, хоть на престолѣ,
Въ благой Своей Онъ крѣпокъ волѣ,
И въ ней по смерть, какъ холмъ, стоитъ.

Изъ мрачной древности временъ,
Великій духъ, мнѣ въ слухъ разится,
Алкидъ, геройствомъ возбужденъ,
Прогнать изъ свѣта злобу тщится.
Онъ въ путь течетъ средь безднъ, средьблатъ,
Изъ корней горы исторгаетъ,
Горами страшными бросаетъ,
Шагами потрясаетъ адъ.

Когда богамъ не можно быть
Никакъ со слабостями людскими,
То долженъ человекъ сравнить
Себя дѣлами имъ своими.
На что вноситься въ звѣздный тронъ?
Петра Великаго лишь зрѣти,
Его кто можетъ духъ имѣти,
Богамъ подобенъ будетъ онъ.

Востока Царь, полсвѣта страхъ,
Подсолнечной желатель трона,

(*) Когда на Юва праведнаго ниспосланы были бѣдства, то Самъ Богъ, искушая его, призвалъ духа и велѣлъ коснуться плоти его.

Не тѣмъ великъ въ моихъ глазахъ
Попратель града Вавилона,
Что скипетры подъ нимъ лежатъ,
Но что, быть мнивши кубокъ съ ядомъ,
Пріялъ, не возмутился взглядомъ,
Яко божественный Сократъ.

Судьбина если не дала
Кому престоломъ обладати,
Творити Титовы дѣла,
Щедроты смертнымъ изливати,
И въ нижней части можно быть
Пресвыше, какъ носить корону:
Чѣмъ быть подобному Нерону,
То лучше Епиктетомъ слыть.

Терпѣть, страдать и умереть
Съ неколебимою душою,
Такою ревностью горѣть,
Мужался Регулъ каковою, —
Преславно тако кончить дни!
Бездушные Сарданапалы
Сто разъ предъ Велизаромъ малы,
Хотя блаженствуютъ они.

Небесный даръ, краса вѣковъ,
Къ тебѣ, великость лучезарна,
Когда средь сихъ моихъ стиховъ
Восходитъ мысль высокопарна,
Подай и сердцу столько силъ,
Чтобъ я тобой одной былъ явентъ,
Тобой въ несчастьи, въ счастьи равентъ,
Одну бы добродѣтель чтить.

Луны у насъ въ полудни нѣтъ,
Она средь ночи намъ блистаетъ.
А если солнце день даетъ,
По буряхъ краше намъ сіяетъ.
Великъ напастями человѣкъ!
Въ горнилѣ злато какъ ражжено,
Отъ праха зрится очищено,
Такъ нашъ бѣдами бранный вѣкъ.

Услышите, всѣ земны владыки,
И всѣ державныя главы!
Еще совсѣмъ вы не велики,
Коль бѣдъ не претерпѣли вы!
Надлежитъ зло претерть пятой,
Противъ перуновъ ополчиться,
Самихъ Небесъ не утрашиться
Со добродѣтельной душой.

Богини радости сердець
Помыслить кто, что былъ я льстець,
Затѣмъ потомкамъ оставляю,
Гремящу, пышну ону честь:
Россія чувствуетъ налоги,
Судьбы Небесъ какъ были строги,
Монархини сей духъ вознестъ.

Она пожары, язвы, гладъ,
Свирѣпы бунты укротила;
Всѣхъ золь зіялъ на насъ какъ адъ, —
Она бѣды всѣ отвратила:
Магмету стерла гордый рогъ;
Превыше смертныхъ щедрой власти,

Была покровъ намъ въ лютой части,
Какъ былъ на насъ Самъ въ гнѣвѣ Богъ.

Уже дымятся алтари,
Душѣ превыспренней, парящей;
Среди побѣдъ, торжествъ зари,
Своимъ величествомъ свѣтящей,
Россія празднуетъ жену.
Но что за громъ мнѣ ударяетъ?
Екатеринѣ мнѣ взываетъ:
Ты свергла змія и луну!

ОДА НА ЗНАТНОСТЬ.

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сѣдящій за кристаломъ
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

На стогнъ поставленъ, на позоръ
Кумирь безумну чернь прельщаетъ,
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!

Внемлите, связи всей вселенной!
Статуй, безъ достоинствъ, вы!

При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ,
Калигула быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ?
И ты, вельможа, въ блескѣ многомъ
Не такъ ли твой какъ пышенъ цугъ?
Не только ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?

Творящъ въ Ареопагѣ судъ,
Подъ кровомъ злата и виссона,
Оемиды свято мѣсто тутъ,
Бѣги изъ зазерцальна трона,
Коль ты неправеденъ, Катонъ!
На что и правосудье въ свѣтѣ,
Когда есть стольникъ въ той примѣтѣ,
Что стальъ другой (*) Шемякинъ онъ?

Къ чему способности и умъ,
Коль духъ наполненъ весь коварства?
Къ чему послужить вождя шумъ,
Когда не щитъ онъ государства!
Емелька съ Катилиной змѣй,
Разбойникъ, распреникъ, грабитель,
И царь невинныхъ утѣснитель
Равно вселенной всей злодѣй.

(*) Да не возьметъ фамилія Шемякиныхъ сіе на свой
счетъ; судъ Шемякинъ извѣстенъ въ простонародіи.

Въ триумфѣ, въ славѣ, подъ вѣнцемъ,
Герой, Помпея побѣдитель,
Юлій, жаждущимъ мечемъ
Не сталъ ли Рима обогритель?
Славнѣй Екатериной быть:
Преставъ быть чуждымъ страхъ грани-
цамъ,
Велѣла слезы стерть вдовицамъ,
Блаженство наше возвратить.

О, вы, верховныя главы,
Сыны отъ крови свѣтлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душею благородной,
Талантомъ, знаньемъ и умомъ
Примѣры обществу даете,
И пользу оному ведете
Перомъ, мечемъ, трудомъ, жезломъ.

Дворянства взводитъ на степень
Заслуга, честь и добродѣтель;
Не гербы предковъ, блеску тѣнь,
Дворянства истинна содѣтель:
Я князь, коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю;
Боляринъ, коль за всѣхъ болѣю,
И всѣмъ усерденъ для услугъ.

Предъ нами древностью своей
О, князи міра! не гордитесь:
Каковъ Евгений, Тюрень, мужей
Представьте, ими возноситеъ,
Но въ роскошѣ множествѣ дворянъ

Герои славнѣ бывали,
И нынѣ царство подпирали,
Межъ прочихъ сей примѣръ вамъ дамъ:

Отечеству Румянцовъ другъ,
И прямо свѣта хвалъ достоинъ.
Великъ, что въ немъ геройскій духъ,
Но болѣ, что Востокъ спокоенъ
И Сѣверъ сталъ его рукой.
Когда уста не прославляютъ,
На то лишь только умолкаютъ,
Чтобъ мирной чтить его душой.

CLVII.

ОДА

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА,

СОЧИНЕННАЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И БУНТА

1774 ГОДА.

Се красный день, твой новый годъ,
А Ты еще не утружденна,
Еще ни въ чемъ не упражненна,
Кромѣ побѣдъ, добротъ, щедротъ,
Кромѣ, чтобъ милость намъ являти
И часъ потеряннымъ считати
Безъ милосердіевъ твоихъ.
Любовь и удивленье свѣта,

Что дѣлалъ Петръ, Елисавета:
Твой вѣкъ, Екатерина, ихъ!

Се новый путь блистать лучамъ,
Тебѣ въ безсмертіе стремиться,
Еще превыше возноситься
Съ тобою восходить и намъ.
Но въ яры дни теперь вздыхая,
Дней прошлыхъ кротость вспоминая,
Ужель не ждаты ихъ вспять съ небесѣ?
Эхъ! можно ль въ ономъ сомнѣваться
И лъзя ли Россу удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ чудесъ!

Младая Муза, вспрянь, бодрись
И Евръ какъ, крыла простирая,
Полеты стрѣлъ предускоряя,
Дерзай, теки, стремись, несись
И въ быстромъ вихрѣ скоропарномъ,
Въ теченьи соляца свѣтозарномъ
Приблѣжь къ нему свой орлій взоръ,
Сдержи его крутизнѣ въ вершинѣ,
На самой выпренней стремнинѣ
Пловущихъ, синихъ, свѣтлыхъ горъ!

Сдержи и рцы: о! князь планетъ,
Веществъ чувствительныхъ живитель,
Цвѣтовъ, весны, зарей родитель,
Свѣтило, льюще въ душу свѣтъ!
Со лучезарной колесницы
Весь день низводишь ты зѣницы
На Росскій, небу равный край,
Не въ гнѣвъ тебѣ, царю золотому,

Равенъ ли солнцу ты другому,
Кѣмъ свѣтелъ нордъ? Скажи, вѣщай!

Ражженный, какъ въ горну Халкидъ,
Таковъ тутъ сынъ Латонинъ зрится,
Въ лицѣ багрянымъ цвѣтомъ рдится
И свой желаетъ скрыти стыдъ.
Трясетъ горящими кудрями
И жаркихъ бьетъ коней вожжами,
Претечь ихъ нудить горизонтъ.
Пустившись съ висока юга,
Всего емпиря чрезъ полкруга,
Въ единый мигъ онъ скрылся въ понтъ.

Когда бъ средь варварства ночей
Еще, Монархиня, мы жили,
Мы въ солнца чинъ Тебя бъ вмѣстили,
Поставя правдой вымыслъ сей.
Но днесъ ужъ Ольгой освященны,
Тобою паче просвѣщенны,
Мы баснями Тебя не чтимъ,
А если къ онымъ прибѣгаемъ,
Живѣй лишь мысль представить часмъ,
Въ Тебѣ его что образъ зримъ.

Отъ вѣкъ горящій океанъ
Возвѣшенъ въ тверди сей надъ нами,
Дабы свѣтящими рѣками
Земныхъ онъ былъ лампада странъ.
Такъ Ты во блещущей коронѣ,
На боголѣпномъ предковъ тронѣ,
Екатерина, Росскій свѣтъ:
Ты намъ премудростью сіяешь

И ею тамъ Ты озаряешь,
Гдѣ съ мракомъ ледъ борьбу ведетъ.

Любезный зракъ какъ свѣтитъ сей,
Какъ зримъ его передъ глазами,
Безвредными тогда стезями
Мы ходимъ средь своихъ путей:
Такъ ясный день Твое владѣнье,
Твои доброты охраненье
Отъ всѣхъ намъ зомъ въ странѣ Твоей:
Законы, казни всей вселенной,
Не могутъ жизни дать блаженной,
Какъ благъ одинъ примѣръ царей.

Полезной всюду теплотой
Оно плоды произращаетъ,
Богатыхъ съ скудными питаетъ
И всяку плоть живить собой.
Такъ Ты героевъ награждаешь
И купно бѣднымъ помогаешь
Въ воспитанья оныхъ чадъ.
Торги, художества, науки,
За милости, воздѣвши руки,
Тебя одну благодарятъ.

Оно обиліемъ лучей
Ползущихъ тварей оживляетъ:
Твоя рука намъ поднимаетъ
Изъ пыли верженныхъ дѣтей,
На зданья зданья всѣ мемфиски
Тебѣ поставимъ въobeliski,
Благодаренья малъ то знакъ:
Носили горы исполнены,

А чловѣка, взявъ изъ глины,
Одинъ лишь Богъ содѣлалъ такъ.

Когда угрюмыхъ облакъ сонмъ
Хотятъ лице его покрыти,
Оно, дни ясны продолжити,
Зажегши паръ, бросаетъ громъ.
Въ завидшихъ нашему покою
Побѣдоносною войною
Перунъ и Ты пустила свой.
Уже пламеноносны стрѣлы
Низпали въ вражески предѣлы,
Стѣснившись какъ туманъ густой.

Уже, какъ зыкъ въ лѣсахъ ловцевъ
Еленецъ робкихъ ужасаетъ,
Срацынъ такъ слухъ одинъ сражаетъ,
Монархиня, твоихъ полковъ.
Доколь въ нихъ молніи летаютъ,
Они ужъ то въ тріумфъ считаютъ,
Гдѣ если бѣгъ имъ жизнь спасетъ.
Господь Твоей помощникъ во лѣ,
Не будетъ несть земля ихъ болѣ
И память съ шумомъ ихъ минетъ.

Но скопы жирныхъ, черныхъ тучъ
Какъ солнце жаромъ разрываетъ,
Желанный дождь всѣмъ проливаетъ,
Журчащихъ водъ сугубитъ ключъ,
Такъ Ты всѣмъ мать равна буди!
Враги, Монархиня, тѣ жъ люди!
Ударь еще и разжени,
Но съ тѣмъ, чтобъ милостькъ намъ пролити.

Въ Свое владѣнье покорити,
Какъ насъ, покоить ихъ въ сѣни.

Какъ насъ всегда храня съ Собой,
Покроя орлими крылами,
Златыми осчастливя днями,
Весь міръ возвесели Тобой.
Тобой Борей Зефиромъ будетъ,
Злодѣйство злоствовать забудетъ,
Сокроетъ зависть ядъ въ себѣ.
Придутъ царіе вселенны,
Твоею славой восхищенны,
Учиться царствовать къ Тебѣ.

Тогда ни вранъ на трупѣ жить,
Ни волки течъ къ тѣламъ стадами
Не будутъ, насыщаясь нами,
За снѣдь царей благодарить.
Не будутъ жатвы поплѣненны,
Не будутъ села поपालенны,
Не пролетѣтъ Пугачевъ кровей.
Твоя кротчайшая природа
Утѣшитъ всѣ страны народа,
Коль будетъ въ власти все Твоей.

Ужель на сей одинъ конецъ
Всѣ твари только и созданны,
Вели чтобъ брани непрестанны?
О, Боже благъ, щедротъ отецъ!
Нельзя ль изъ хаоса злосчастьевъ
Намъ свѣтъ тебѣ содѣлать счастье
И слезы наши отереть?
Подай, да царствуетъ едина

Надъ свѣтомъ всѣмъ, Екатерина:
Имъ долженъ тотъ, кто благъ, владѣть.

Ея и благъ, и кротокъ духъ
Пришельцевъ сѣнью Та покрыла,
Отъ казни винныхъ свободила,
Она намъ щитъ отъ сильныхъ рукъ.
Кого жъ, кромѣ Ея, Содѣтель,
Твою прославить добродѣтель
Пошлешь къ исправѣ ты людей?
Удвой Ей громъ, спасай вселенну,
Вездѣ отъ злобы утѣсенну,
И воцари Ее надъ ней!

CLVIII.

ОДА НА СМЕРТЬ

ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ СМОЛЕНСКАГО,

АПРѢЛЯ ВЪ 16 ДЕНЬ 1813 ГОДА.

Отколѣ палъ внезапно громъ
И молнія покрылась паромъ?
Грохочетъ всюду гулъ кругомъ!
Какимъ гордится смерть ударомъ,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль, страна преславна,
Въ блаженствѣ царствовала ты!
Гдѣ жъ красота твоя державна?

Не тотъ и взоръ, не тѣ черты!

Отколь тамъ грусть, гдѣ духъ великій?

Военный геній твой въ слезахъ.

Въ густомъ туманѣ ратна сила,
Всеобща скорбь слышна въ рѣчахъ,
По лаврамъ ты идешь унымо!

Гдѣ сынъ твой, гдѣ бессмертный вождь?

О, рокъ! гдѣ вождь нашъ сильный?

Гдѣ воевода грозныхъ стрѣлъ?

Онъ въ родинѣ своей обильной
На гладь и морь враговъ навелъ

И ихъ заставлялъ жрать другъ друга!

Гдѣ онъ со пламеннымъ мечемъ

Женящій князя тмы и злобы,

Глотавшаго въ пути своемъ

Болѣзни, муки, смрадъ и гробы,

Бѣгущаго, какъ хищный волкъ?

Откликнись, вождь нашъ несравненный!

Осиротѣлъ твой мечъ въ ножнахъ!

На твой лежащій шлемъ священный

Уже валятся ржа и прахъ!

Не спишь ли ты въ сіяньи славы?

Злодѣй земли изъ безднъ встаетъ

И страшны рветъ съ себя оковы!

Въ лицѣ луны кровавый цвѣтъ

Огнестый мечетъ взоръ суровый

И змѣи дыбомъ на главѣ!

Проснись.... Но что?... Желанья тщетны!

Молчитъ весь міръ на голосъ мой!

Ссѣченый дубъ нашъ кратколѣтній
Не тмитъ уже лучей собой
И шумъ вокругъ лишь въ листьяхъ мер-
твыхъ.

Вотъ генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ,
Когда вся цѣль его — могила,
А сущность — горсть одна земли!

И свѣтъ, и прахъ онъ здѣсь мгновенно,
Но скрытый сей небесный громъ
Единымъ мигомъ въ жизни тлѣнной,
Быть можетъ вѣчности лучемъ.

О, призракъ свѣта непостижный!

Ты рабъ, — и рабъ благій, иль злой,
Съ закатомъ солнца тѣнь растуша!
Единый Богъ свѣтильникъ твой.
Струя, въ пути тебя несуща,
Несетъ и червя за тобой!

Отечества сыны прямые!
Не унывайте въ скорбный часъ:
Все Богъ! — Его лучи святыя
Съ рожденіемъ въ сердцахъ у васъ.

Орлу что пропасти бездонны?

Предшественница вѣра вамъ.
Царь Сѣвера, Отецъ народный,
Повергнувъ зло къ Своимъ стопамъ,
Откроетъ къ счастью путь свободный
И землю отъ оковъ спасетъ.

Ступай, о, Россѣ! воитель ада,
Горою бей и вихремъ рви,
Ударь дождемъ въ подобьи града,
Усѣй враговъ костями рвы.
Заря блаженства за тобою!

CLIX.

ДЕЖУРСТВО.

Солнце красно закатилось,
Сумракъ скучный наступилъ;
Стужа съ вечеромъ явилась,
Сторожъ печи затопилъ.

Мнѣ въ то время показалось,
Что природа спать легла;
Здѣсь спокойство водворялось;
Мысль моя судить могла.

Сѣвъ на стулѣ, я у печи
Пристально въ нее глядѣлъ;
Не съ кѣмъ мнѣ промолвить рѣчи:
Голову склоня сидѣлъ.

Я смотрѣлъ, какъ угольками
Тамъ огонь перебиралъ;
Гдѣ потухнетъ, гдѣ мѣстами
Лучъ златой еще игралъ.

Между тѣмъ вѣтръ заключенный
Пѣснь плачевну воспѣвалъ;

Теноръ томный, сокрушенный
Мысль со страхомъ мнѣ вливалъ:

Точно такъ мы потемнѣемъ,
Какъ сей черный уголекъ;
Нынѣ — блескъ въ себѣ имѣемъ,
Тамъ — затмить насъ страшный рокъ.

Быстро уголь истлѣваетъ,
Быстро блескъ его пройдетъ:
Такъ и съ смертнымъ здѣсь бываетъ:
Онъ живетъ — и пропадетъ.

Такъ почто здѣсь суетиться?
Счастьемъ почто блистать?
Здѣсь намъ вѣчно не нажитья,
А какъ уголь истлѣвать.

Но мы счастьемъ ослѣпленны
И не помнимъ жребій свой, —
Взоры къ злату обращенны,
Когда смерть ужъ за спиной!

Что намъ въ золотѣ съ чинами?
Многого на что желать? —
И покрытаго крестами
Будетъ въ гробѣ червь терзать!

Все увянетъ, все истлѣетъ.
Слава, блескъ — во мракъ сойдетъ,
Въ мірѣ все конецъ имѣетъ
И исчезнетъ въ свой чередъ.

Я считалъ дежурство вѣкомъ,
Но вотъ скоро и пройдетъ;

Такъ и въ свѣтѣ съ человѣкомъ:
Отдежурить — и уйдетъ!

CLX.

О, какъ великъ На-полѣ-онъ,
И хитръ, и быстръ, и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Бог-рати-онъ.

CLXI.

слѣпой случай. (*)

1.

Ужель я тварь слѣпаго рока?...
Ужели случая я сынъ?
Такъ нѣтъ святыни, нѣтъ порока
И разумъ мой лишь дымъ одинъ.
А вѣчность, добрыхъ дѣлъ награда,
Пустая слабыхъ душъ отрада.
Все слѣпо, глухо подь луной

(*) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ, томъ II, подь именемъ сочиненія Державина, но намъ извѣстно, что это стихотвореніе сочиненія не Державина, а Николая Сергіевича Арцыбашева, написанное въ 1805 году. Здѣсь же помѣщается для того, что уже было напечатано подь именемъ Державина.

И бытіе мое свершилось
Затѣмъ, что только такъ случилось?
Вина лишь случай — звукъ пустой!

II.

Машина міра, цѣпь природы,
Свѣтилъ блестящихъ милліонъ,
Разнообразныхъ тварей роды,
Движенія вѣчнаго законъ,
Парящій умъ, воображенія,
Къ познанью истины стремленье,
Любовь, связь общая людей,
Отъ Лейбница до паутины,
Все дѣло глупыя причины:
И добродѣтельный, и злой!

III.

Душа моя затрепетала
Отъ мысли бѣдственной сея!
На части грудь мою терзала
Сомнѣнья лютая змѣя.
И такъ, я автоматъ презрѣнный,
Слѣпымъ лишь случаемъ рожденный.
Что жъ добродѣтель, кою чту?
Что разумъ, память и свобода?
Что связь, порядокъ и природа? —
Вездѣ я вижу лишь мечту.

IV.

Вдругъ небо вскрылось надо мною:
Я слышу бурныхъ вихрей ломъ,
Земля трепещетъ подъ ногою,
Сверкнулъ перунъ, ударилъ громъ.

Въ превыспреннихъ предѣлахъ дальныхъ,
Средь звѣздъ и солнцевъ лучезарныхъ,
Богиню вижу я тотъ часъ:
Она трясеть свѣточъ возжженный,
Проникла умъ мой потемненный.
Внутри себя я слышу гласъ:

v.

«Въ пространствѣ атомовъ безмѣрномъ —
Полкапля! въ страшныхъ безднахъ водъ —
Когда въ безумствѣ дерзновенномъ
Ты буйныхъ мыслей правишь ходъ!
Ты червь, а быть желаешь Богомъ!
И въ изступленіи жестокомъ
Стремишься въ тму низвергнуть міръ;
И даже не изъ тучъ гремящихъ,
Не изъ огней свѣтилъ блестящихъ, —
Изъ глупости творишь кумирь!

vi.

Зри, какъ лучи въ волнахъ играютъ,
Одѣлись зеленью лѣса,
Какъ нивы землю покрываютъ,
Звѣздами блещутъ небеса;
Какъ плодъ поспѣвшій предъ тобою
Ты рвешь завистливой рукою,
Какъ все имѣетъ свой предѣлъ:
И отягченная трудомъ
Земля почіетъ подъ снѣгами, —
Ужель то случай повелѣлъ?

vii.

Когда картиной Тиціана
Прельщается твой умъ пустой

И вѣришь, что не начертанна
Была своею она рукой;
Что даже трудъ сей несравненный
Не кисти плодъ обыкновенный, —
То какъ же міръ собой быть могъ?
Онъ тма картинъ въ изящномъ родѣ.
Коль случай сдѣлалъ все въ природѣ,
То случай — разумъ, случай — Богъ!

viii.

Ты уважаешь духъ Невтоновъ
И чтишь первѣйшимъ въ естествѣ
За то, что изъ судьбы законовъ
Онъ истины открылъ намъ двѣ:
Лучей чрезъ призму раздробленье,
Всѣхъ къ центру въ міръ тѣль стремленье,
Его безсмертію вѣнецъ.
Коль разумъ нуженъ былъ отмѣнный
Найти звено въ цѣпи вселенной,
То случай ли ея творецъ?

ix.

Въ пустыняхъ воздуха безмѣрныхъ
Кружится сонмъ тяжелыхъ тѣль,
Къ своимъ орбитамъ пригвожденныхъ.
Кто имъ вращаться повелѣлъ?
Закрой же взоръ и съ быстротою
Бѣги назначенной чертою:
Къ своей придешь ли цѣли ты?
Когда жъ и умъ тебѣ измѣнитъ,
То какъ душа твоя повѣритъ,
Что бѣгъ ихъ — дѣло слѣпоты?

х.

Всѣмъ дѣйствіямъ здѣсь есть причина,
Собой не можетъ быть ничто:
Конецъ, начало, есть середина,
Доказываетъ опытъ то.
Какой же случай прежде вѣка
Всему далъ жизнь и человѣка
Душей разумной одарилъ?
Ужели свѣтъ былъ созданъ тмою?
Ты глупость чтишь ума виною,
Безсиліе — причиной силъ.

xi.

Умъ человѣческой огромный
Не можетъ атомовъ создать:
То какъ же случай глупый, темный
Возмогъ вселенну основать?
Украстить сводъ небесъ звѣздами,
Разлить моря между берегами?
Пустить по тверди трескъ громовъ?
Природѣ дать движенья душу?
Пролить дожди и слѣлать сушу?
Лучи составить изъ цвѣтовъ?

xii.

Порядокъ, стройность всей природы,
Связь общая во всѣхъ вещахъ
И поддержанья тварей роды,
Всегда имъ въ свойственныхъ чертахъ —
Слѣпой ли дѣйствіе причины?
Коль слонъ родилъ бы апельсины
И бытіе дубъ галкѣ далъ,
Когда бъ огонь знобилъ намъ члены,

То бѣ въ слѣдствіе такой премѣны
Льзя мыслить: случай тутъ игралъ!

хш.

Но мы рожденные одними
И производимъ въ свѣтъ другихъ;
Природа узами святыми
Сковала чадъ съ отцами ихъ;
Она жъ велѣла наслажденью
Дать поводъ къ нашему рожденью;
А безъ того что бѣ быть могло?
Бѣда въ потомствѣ, а не радость:
Ужли жъ союзовъ иѣжныхъ сладость
Пустое въ мірѣ сопрягло?

хiv.

Когда ничто — міровъ Создатель,
То призракъ жизни, сонъ пустой:
И совѣсть, честь и добродѣтель —
Дѣла причины все слѣпой.
Что жъ было бѣ свято намъ въ природѣ:
Равно бы славились въ народѣ
Отрепьевъ, Мининъ, Анкерштремъ.
И къ пользѣ частной устремленны,
Злодѣйства были бы почтенны,
Пороки были бѣ милы всѣмъ.

хv.

Въ хаосъ бы міръ сей обратился,
Порядка умъ нашъ былъ бы чуждъ,
Вездѣ бѣ духъ буйства воцарился, —
Расторглась связь взаимныхъ нуждъ.
Морозы спорили бѣ съ жарамн,

Міры столкнулись бы съ мірами,
Расшибли бь твердь небесныхъ тѣлъ,
Вездѣ бь былъ ужасъ разрушенья,
Разстройство, смерть, опустошенье,
Огонь бы въ нѣдрахъ водъ горѣлъ.

xvi.

Но что вѣковъ прошло ужь въ мірѣ,
А все своей идетъ чредой;
Коль царства пали, рабъ въ порфирѣ —
То глупость наша въ томъ виной:
Монада, волей одаренный,
Помыслилъ человекъ надменный,
Чтобъ было все въ его рукахъ,
Чтобъ въ страхѣ всѣ предъ нимъ тряслися:
И рѣки крови пролилися —
И человекство въ цѣпяхъ!

xvii.

Вотъ сколько глупость твари тлѣнной
Наводитъ міру страшныхъ бѣдъ!
Такъ что жь бы было въ той вселенной,
Въ Творцѣ которой смысла нѣтъ?
Хоть зло является межъ нами,
Но мы тому причиной сами,
Всегда одинъ Творца законъ:
Онъ служитъ твари къ соблюденью;
Не къ ужасу и разрушенью, —
Къ добру навѣки устремленъ.

xviii.

Виновенъ ли Создатель свѣта,
Что гордость здѣсь, корысть, обманъ?

Что чтуть пророкомъ Магомета?
На тронѣ царствуетъ тиранъ?
Что ханжества костры пылаютъ?
Что міръ войны опустошаютъ? —
Онъ далъ намъ жизнь и бытіе,
Онъ далъ намъ часть ума и воли,
Зачѣмъ же къ точкѣ лучшей доли
Не правимъ сами мы ее?

хix.

Гласъ правды разума священной,
Твердись всегда въ душѣ моей!
Какъ громъ раздайся во вселенной
И врѣжься ты въ сердца людей:
Отъ грубыхъ трудниковъ Потозы
До Мирабо и до Спинозы!
Не знать тебѣ Творца всего
Гораздо меньше преступленья,
Чѣмъ въ ложномъ случаѣ сужденье,
Доказывать, что нѣтъ Его.

хх.

Зиждитель вѣчный, Всемогущій!
Всего что есть — душа, вина,
Святой, Всесильный, Вездѣсущій,
Кѣмъ вся природа создана!
Хоть я Тебя не постигаю,
Но что Ты есть, то твердо знаю
И слабымъ докажу умомъ:
Что Ты великъ, коль всѣмъ владѣешь!
Ты благъ — коль все хранить умѣешь!
Премудръ — коль правишь естествомъ!

СЛII.

ПИСЬМО ДЕРЖАВИНА

КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ЕВГЕНІЮ.

Ваше Преосвященство,
Милостивый мой Архипастырь!

Извиняюсь, мой милостивый отецъ, что по напечатаніи 3-й части моихъ сочиненіевъ, не присылалъ я къ вамъ долго оныя, — хотѣлось мнѣ вмѣстѣ отправить къ вамъ съ нѣкоторыми произведеніями званскими, но къ прїѣзду моему туда всѣ не успѣли, а только часть, и для того препровождаю теперь: 1) Наслѣдіе прапращура Багрима, китайскіе теплые сапоги для ношенія вамъ во время холодной службы. 2) Моей промышленности стихи, а 3) Дарьи Алексѣевны рукодѣліе, пике для домашняго спальнаго полукафтання, которая къ осени еще кое-что и для наряду уже вамъ приготовить. Прошу принять съ добрымъ сердцемъ, съ каковымъ посланы сіи бездѣлки. Впрочемъ скажу вамъ, что я по замѣчаніямъ вашимъ переправляю теперь мое Разсужденіе о лирической поэзіи. Хочется издать цѣлою книжкой. Но скажу по правдѣ, что инья замѣтки мнѣ не очень нравятся, ибо, кажется, вы не такъ-то справедливо судили. Напримѣръ: извѣстно, что Тредіаковскій былъ мужъ ученый и зналъ правила піитики и риторики (этого у него оспорить нельзя. Но то бѣда,

что не имѣлъ только вкуса), — то какъ ему не знать было правильныхъ ямбовъ, хореевъ, дактилей и анапестовъ, какъ вы о томъ сказали? то и препровождаю къ вамъ копию съ того списка, который я вамъ посылалъ. Прошу покорно потрудиться переправить, какъ имъ быть должно, и возвратить ко мнѣ. Также педантскіе раздѣлы лирическихъ стихотвореній я не очень уважаю, но чтобъ не поднять всю араву школь на себя, перемѣняю, нѣсколько только касаясь. Впрочемъ внесу вашу монахиню, г-жу Розвейду, съ прочими въ породъ авторами, какъ и Пиндарову древнюю музыку, которая по лексикону, не помню чьему-то, давно мнѣ извѣстна была, даже пѣваема и играна; какъ то недавно и въ прошлыхъ годахъ Бортнянскій въ хоръ для бесѣды взялъ нѣчто изъ оной. Наконецъ, ежели что еще встрѣтится, то не оставляю отослать къ вамъ для совѣта и благословенія, каковаго испрашивая съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію, пребываю

Вашего Преосвященства,

Милостиваго моего Архипастыря,

покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Іюня 20 дня 1816 года.

С. Званка.

ХОРЕЙ.

Отста | в а л а | лебедь | б ѣ л а | я
 Какъ отъ | ста да | ле бя | ди но | ва.

ХОРЕЙ СЪ ДАКТИЛЕМЪ.

У ко | ло де з я | у ст у | де но ва
 Д об р ы й | мо ло де цъ | самъ ко | ня по и лъ,
 К ра с на | д ѣ ви ца | во д у | чер па ла.

ДАКТИЛЬ.

Ярка не | ярка ба | ранъ не ба | ранъ,
 Стара о | вечка не | я р и н о | чка.

ЯМБЪ.

Дале | че охъ | да ле | че во | чистомъ | полъ
 Не трав | ка не | мурав | ка за | ша та | лася.

ЯМБЪ СЪ АНАПЕСТОМЪ.

Не шуми | ма ти | зе ле | на дубро | ва,
 Не мѣшай | цвѣсти | ла зо | реву цвѣ | ту.

АНАПЕСТЪ.

Ой ты по | люшко по | люшко чи | сто е,
 Ни че во | мнѣ ты по | ле не ро | ди ло,
 Охъ, ты ро | дило толь | ко раки | товъ кустъ.

CLXIII.

ОТВѢТЪ ДЕРЖАВИНА М. ЕВГЕНІЮ.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь и Благодѣтель,

Лишь только отправилъ я 4 Іюля мое благодарственное письмо за дары Ваши, какъ въ тотъ же вечеръ получилъ и письмо Ваше, бывшее при посылкѣ, но задержавшееся какъ-то на почтѣ. И такъ пишу въ другой разъ съ повтореніемъ моей благодарности Вамъ и Ея Высокопревосходительству Дарьѣ Алексѣевнѣ. Сапоги я называлъ было киргизкайсацкими, а теперь, по объявленному отъ Васъ ихъ родословію, будутъ они у меня подъ именемъ *Багриловыхъ*. Но останется только для домашняго употребленія, ибо въ публикѣ дѣйствительно я показался бы въ нихъ мурзою или муллою.

Сверхъ извѣстія о посылкахъ письмо Ваше заключаетъ еще вопросы и требуетъ отъ меня поясненія прежнихъ моихъ замѣчаній на нѣкоторыя мѣста Вашего *Разсужденія о Лирической Поэзій*. Охотно готовъ я изъясниться подробнѣе и откровеннѣе, но не въ споръ, а на рѣшеніе Вамъ самимъ, ибо готовъ и уступить вамъ, какъ учителю въ семь искусствѣ.

И во-первыхъ замѣчаю, что правила родовъ поэзій суть общія для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но правила родовъ просодіи или стопосложенія

должно производить изъ свойства языковъ. Нѣкоторые народы вовсе не имѣютъ стопосложенія, какъ напр. Французы, Испанцы, Италианцы и Англичане, и потому у нихъ только поэзія, а не просодія, развѣ просодією назовутъ они только свой счетъ слоговъ. Но другіе народы, какъ напр. Греки, Римляне, Нѣмцы, Русскіе и многіе Азіятцы, имѣютъ не только поэзію, но и просодію.

Я сказалъ уже, что просодію или стопосложеніе должно производить изъ свойства языковъ. Ибо не всѣмъ языкамъ свойственно одинакое стопосложеніе. Я это объясню сравненіемъ русскаго языка съ греческимъ и римскимъ.

CLXIV.

ПИСЬМО ДЕРЖАВИНА

КЪ А. Я. НЕСТЕРОВУ.

Милостивый Государь мой

Аполлонъ Яковлевичъ, (*)

Стихи ваши на постановленіе статуи въ залѣ Московскаго Дворянскаго Собранія Екатерины Великой имѣлъ удовольствіе получить. Они столь прекрасны, и можно сказать мастерскіе, что напрасно ищите пѣвца на возобновленіе памяти Богоподобной Фелицѣ. Не подумайте, что я приписываю имъ сіе достоинство по пристрастію, за превосходную похвалу вашу, мнѣ въ нихъ изъявленную, которой я не стою. Нѣтъ, — замысль, обороты, легкой и естественный слогъ, — сіе поистинѣ заслуживаетъ. Вы бы написали сами гимнъ сей обожаемой Государыни, и я увѣренъ что общество приняло бы оный съ рукоплесканіемъ; но ежели бы надобны были мои пѣсни, хотя уже теперь по старости лѣтъ не думаю, чтобы были восхитительны, — и когда бы кто изъ старшинъ общества отнесся ко мнѣ о томъ: то я бы послѣднія истощилъ силы сдѣлать благородному сословію

(*) Я наугадъ отечество ваше написалъ, предполагая, что вы сынъ Якова Никитича Нестерова, бывшаго напослѣдокъ губернскимъ землемѣромъ въ Тамбовской Губерніи, который былъ мнѣ пріятель. *Прим. Держ.*

угодное, съ тѣмъ однако, чтобъ музыка была на оныя сдѣлана русскимъ художникомъ и чтобъ по всякій годъ въ Екатерининъ день онѣ были пѣты въ Собраніи. Впрочемъ, дабы не отнесено было это къ моему излишнему самолюбію, то я не напрашиваюсь, зная, что Московская Столица, яко центръ Имперіи, обильна патріотическимъ духомъ и превосходными поэтами. — Пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ къ дарованію вашему,

Вашъ

Милостиваго Государя моего

покорнѣйшій слуга

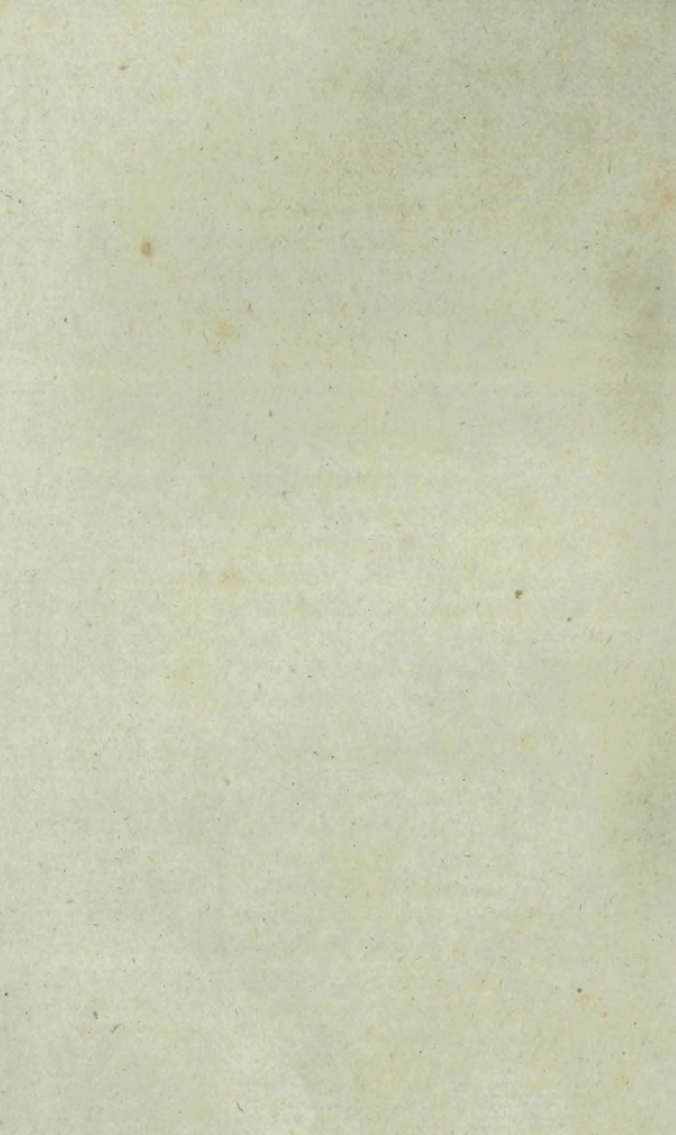
Гавріилъ Державинъ.

Мая 6 дня 1812 года.

С.-Петербургъ.

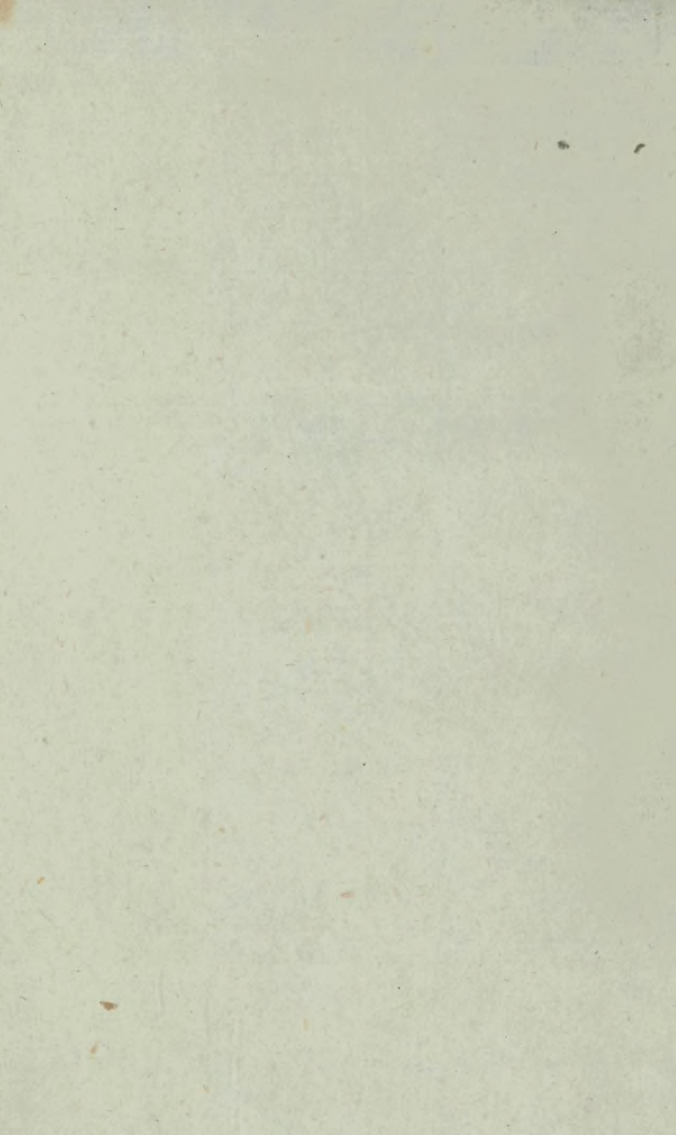
К О Н Е Ц Ъ .

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
B I B L I O T E K A

162063

Biblioteka WSP Kielce

0126774